

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

**СОЦИАЛЬНЫЕ,
КУЛЬТУРНЫЕ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ДИНАМИКЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник
научных статей

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2021

УДК 316
ББК 60
С69

Рекомендовано Редакционно-издательским советом
ГрГУ им. Янки Купалы

Редакционная коллегия:

В. А. Белозорович (гл. ред.), *Н. Л. Улейчик*, *С. В. Адамович*,
О. Н. Гаврилик, *А. К. Гецевич*, *И. И. Минчук*,
С. А. Пивоварчик, *А. Н. Нечухрин*

Рецензенты:

Стецкевич П. Т., кандидат исторических наук, доцент (ГГАУ);
Змитрович И. О., кандидат философских наук, доцент
(ГрГУ им. Янки Купалы)

С69 **Социальные**, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. А. Белозорович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – 346 с.

ISBN 978-985-582-467-2

Научные статьи, вошедшие в сборник, отражают актуальные проблемы широкого спектра социогуманитарных дисциплин: истории, социологии, культурологии, прикладной лингвистики, теории коммуникации, журналистики. Издание подготовлено по результатам II международной научно-практической конференции «Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития», состоявшейся на факультете истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Янки Купалы 20–21 мая 2021 года. Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям гуманитарных специальностей, а также практикующим специалистам.

УДК 316
ББК 60

ISBN 978-985-582-467-2

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2021

Раздел 1.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

УДК 94(47)

И. Б. Белова

РОССИЯ В 1990-е гг.: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ КАЛУЖСКОГО РЕГИОНА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ)

Приводятся результаты анализа записанных устных воспоминаний жителей Калужского региона, являвшихся очевидцами событий 1990-х гг. в России. Выделены насущные проблемы повседневной жизни людей в то время, в частности, такие как потеря работы, снижение уровня жизни, расслоение населения, продовольственные и денежные затруднения, исчезновение товаров первой необходимости, неконтролируемая инфляция, а также основные способы преодоления людьми обрушившихся на них тягот повседневной жизни: смена профессии, освоение новых земельных участков, обращение к вере, забота о детях, близких людях и др. Сделан вывод, что устные воспоминания очевидцев – это богатейший многоаспектный исторический источник, работу по созданию которого необходимо планомерно продолжать.

Ключевые слова: 1990-е годы, переломный период, Калужский регион, исторический источник, устные воспоминания, интервью, повседневная жизнь.

Для того чтобы написать свои воспоминания,
вовсе не нужно быть великим человеком...
вполне достаточно быть просто человеком,
у которого есть, что рассказать,
и который может и хочет это сделать.
А. И. Герцен

Актуальность представленного исследования обусловлена крайне слабой изученностью повседневной жизни населения России в 1990-е гг. Архивохранилища располагают скудными и преимущественно официальными источниками об этом неоднозначном историческом периоде.

Известно, что ценным историческим источником и важным инструментом изучения повседневной жизни людей в конкретный исторический период являются воспоминания очевидцев. В советское время была распространена так называемая «литературная запись» воспоминаний, когда, наряду с очевидцем события, в ее создании принимал участие автор записи. Это было массовым явлением при осуществлении записи воспоминаний участников Революции 1917 г., Гражданской и Великой Отечественной войн, посредством этих источников предполагалось доводить до населения идеологические и

политические установки власти. Автор записи в определенной степени давал свою интерпретацию фактам, во многом определял тематическую направленность воспоминаний «рассказчика». Однако, несомненно, большую ценность представляют записанные устные и письменные воспоминания очевидцев, не подвергнутые художественной и иной обработке, в которых сохранена индивидуальная манера изложения рассказчика, что позволяет максимально полно передать его непосредственные ощущения происходившего, как например, воспоминания-интервью беженцев Первой мировой войны из западных губерний Российской империи, собираемые на протяжении второй половины прошлого века белорусскими исследователями и представленные в сборнике «Беженство 1915 года» [1].

С целью воссоздания «истории людей» в Калужском регионе в 1900-е гг. автором статьи было решено начать работу по записи устных воспоминаний жителей области – очевидцев событий об их повседневной жизни в то время. Однако запись устных воспоминаний оказалась не таким несложным делом, как представлялось поначалу. Даже если люди и соглашались рассказать о своей жизни в 1990-е гг., то указывать свои, как сейчас говорят, «персональные данные» отказывались наотрез, настороженно спрашивая: «А в чьи руки это всё попадёт?» или отказывались вообще что-либо рассказывать, говоря, что «ничего не помнят уже», «да и что плохое вспоминать». Людей приходилось подолгу убеждать. Довольно убедительно действовал аргумент, что рассказ непосредственного участника событий никаким образом не будет видоизменён автором записи и станет историческим источником, который позволит избежать искажения и мифологизации истории 1990-х гг., что, в свою очередь, крайне важно для потомков, сегодня это молодое поколение – студенты и школьники.

На сегодняшний день проведена запись 30 воспоминаний жителей Калуги и области. Самому возрастному интервьюируемому в 1990 г. было 63, а младшему – 8 лет; жители областного центра составляют 52 % опрошенных, остальные (48 %) – жители районных центров и сельских поселений. Запись осуществлялась автором статьи и студентами Института истории и права КГУ им. К. Э. Циолковского: Андреем Минаковым, Егором Прокоповым и Екатериной Коровёнковой на диктофон с последующим идентичным её переносом на бумажный и электронный носитель. Временная дистанция между описываемыми событиями и моментом их записи колеблется от 27 до 17 лет (с 1990 по 2000 г.). Вначале фиксировались: ФИО, возраст, образование, профессия интервьюируемого. Обязательным условием являлось его проживание в 1990-е гг. на территории Калужской области (место рождения значения

не имело). Каждому записанному воспоминанию присваивался порядковый номер, в конце воспоминаний указано, кто произвел запись и дата записи.

Интервьюируемым предлагалось ответить на вопрос: «Чем вам запомнились 1990-е годы? Изложите, пожалуйста, свои мысли и ощущения о тогдашних событиях с упором на социальную сферу (повседневная жизнь, быт)». Запись устных воспоминаний и последующая расшифровка не сопровождалась литературной обработкой. От самого рассказчика зависел «отбор» материала, последовательность изложения, стиль, композиционное построение рассказа. В связи с этим записанные устные воспоминания в полной мере сохраняют индивидуальную манеру изложения рассказчиков.

В 32 % воспоминаний отмечается, что прежний привычный уклад жизни в Советском Союзе изменился ещё в 1980-е гг.: «Наш совхоз-миллионер губить начали в перестройку, а добились уже в 90-е»; «Символическая отправная точка этих слов – “перестройка”» и т. д. Авторы 16 % воспоминаний считают, что 1990-е продолжаются и в настоящее время: «Мы ещё находимся в мутном потоке тех же 90-х»; «Я вижу эти 90-е и сейчас», «И сейчас такой же беспредел и цинизм, с которыми власть выжимает из народа последние соки»; «Поймал себя на мысли, что не хочу вспоминать 90-е годы. Детство, школьные годы, студенчество вспоминаются с удовольствием и с душевной теплотой. И не только потому, что это годы молодости. При мысли же о 1990-х наплывает, что-то тёмное, мрачное. Недаром уже сложился литературный штамп – “лихие 90-е”».

Треть очевидцев событий упоминает о приватизации общенародной собственности, оценивая этот процесс исключительно как антинародный и негативный»: «Несправедливое распределение общего достояния», «Богатейшие предприятия, приносящие огромную прибыль государству, т. е. нам с вами, за бесценок оказались в частных руках. Предприятия оборонного владения оказались в иностранном владении. Это можно было бы принять, если бы предприятия развивались и приносили доход стране и работающим на них».

Все авторы воспоминаний говорят о продовольственных и денежных затруднениях, отмечая пустые полки магазинов, очереди и невыплаты по полгода зарплат, сумасшедшую инфляцию (гиперинфляция), появившийся бартер. «В магазинах купить было нечего»; «В это время в Калуге моя бабушка ходила занимать очередь за хлебом часа в 2–3 дня, чтобы успеть купить хлеб к приходу родителей с работы»; «Мы с вечера занимали очередь, записывались в листок, ночью ездили отмечаться, а уже утром шли покупать...»; «С 90-х я знаю очень много способов

вкусно съесть хлеб»; «Деньги обесценивались на глазах: бывало, едешь на работу в ночную смену – билет по одной цене, а утром цена увеличивается вдвое, а то и больше»; «Зарплату стали задерживать, потом выдавать частями, но, когда её выдавали, то деньги эти уже обесценивались, и купить на них уже было ничего нельзя. Выдавали зарплату тем, что производили – мотоблоками!»; «Совсем уж мы не голодали, с одеждой было похуже».

Все авторы воспоминаний говорят об ухудшении жизни и о социальных контрастах 90-х гг.: «Голова была занята: как и на что прожить ещё один месяц»; «В 96-м поступила в МГПИ в аспирантуру. Мой профессор жил беднее моей семьи»; «Доступными для некоторых граждан стала покупка не только телевизора, холодильника..., но и автомобиля, постройка дома. Но пенсионеры, безработные, инвалиды, малоимущие, т. е. почти все, не имели возможности приобрести даже товары первой необходимости».

Морально-этические аспекты жизни социума и поведение властьюмущих подняты в половине воспоминаний: «Тут все стали стремиться выжить за счет другого, не разбирая средств... от масштабов этого остервенелого рвачества было страшно», «Великий обман, произведенный очень умело и скрыто»; «Тут недавно Наина Ельцина назвала девяностые “святым временем”, а по мне, так окаянные дни...», «До девяностых я не задумывалась над тем, как это больно – увидеть гибель того, что создавалось у меня на глазах»; «Помню, как мэр города (*Козельска. – И. Б.*) В. С. Канунников ругал продавцов за то, что они продали 3 буханки хлеба кому-то вместо одной, потому что в руки можно было дать одну буханку и один батон, а они продали три».

Среди невесёлых «достопримечательностей» 1990-х современники (30 %) отмечают появление бомжей и рост криминала. Гнетущее впечатление производили люди, которые рылись на помойках: «Никакая кисть никаких передвижников не может передать эту картину воплощенной униженности человеческого достоинства и беспомощности»; «Жизнь человека могла оборваться от случайного контакта со шпаной на улице»; «...стала четко видна та категория населения, которую мы теперь нежно зовем “топота”. Наверное, они и раньше были, но теперь они начали сбиваться в стаи и в итоге сформировали отдельную социальную группу».

В 20 % воспоминаний отмечено, что именно в 1990-е возникает новая социально-духовная ниша для народа – Русская православная церковь (РПЦ): «Она стала спасительной для многих, в том числе для меня и моей семьи»; «Они для меня поставили вопрос смысла жизни очень остро, такое серьёзное столкновение с реальностью подтолкнуло

меня к религиозному мировоззрению. Эти испытания помогают мне сейчас лучше понимать проблемы других людей и уже им какую-то поддержку оказывать».

Помимо обращения к РПЦ путями «спасения», духовного или материального, являлось освоение новой профессии, создание семьи, общение с друзьями и книгами: «Изучил гражданское право и с большим успехом занялся адвокатской практикой, выступая в суде в качестве доверенного лица, я добился результата в 95 % выигранных дел и решил свои финансовые проблемы» и др.

Однако удачная смена работы была скорее исключением, чем правилом. В 37 % воспоминаний содержатся данные о безуспешных поисках работы, порой закончившихся трагически: «Коллега вынуждена была бросить работу и пытаться прокормить себя, торгуя на рынке, в любую погоду, с утра до вечера пыталась хоть что-то продать. Но при отсутствии денег у населения это было не так просто». Итог оказался трагическим: женщина бросилась под поезд, ей было 27 лет. Ещё примеры из воспоминаний: «Именно в это время очень часто слышались новости о том, кто, где смог подработать. Запомнилось, как папа рассказывал о коллеге, кандидате наук, который смог устроиться в Москве дворником. Кстати, дворникам вот платили. И так этому человеку было неловко, что он попытался оправдаться перед своим соратником, мол, да я вовсе не маргинал никакой, я научный сотрудник. На что получил ответ: «да чего ты стесняешься? Успокойся, я вообще – академик». Второй дворник оказался, действительно, академиком»; «Денег не было. Муж в связи с отсутствием работы (был сокращен с завода) призвался в Российскую армию по контракту, но и там задерживали денежное довольствие, мне задерживали пособие по уходу за ребёнком. Мы выживали только благодаря помощи родителей».

Непосредственно слово «выживание» содержится в более чем половине воспоминаний. Основными путями выживания стали два:

1. Жить на пенсии родителей/бабушек/дедушек: «Родителям не платили зарплату (не им одним, ведь город состоял преимущественно из НИИ и обслуживающей их социальной сферы), а вот пенсии выплачивались худо-бедно, так что жили мы на пенсии двух моих бабушек»; «В нашей семье было 2 учителя, зарплаты нам задерживали месяцев по 6, выживали мы только благодаря пенсиям родителей мужа»; «...вначале зарплату задержали на месяц, следующую – на два. Дошло до задержки на полгода. Вначале пришлось потратить все сбережения, затем – экономить, затем, к своему стыду, жить на пенсию матери. И это при том, что я и жена продолжали работать, причём я вынужден был подрабатывать вечерами и в выходные на другой работе».

2. Самостоятельно выращивать овощи и фрукты в подсобных, приусадебных, дачных хозяйствах, а то и просто на участках земли, раскопанных вдоль дорог, на лесных опушках: «Турбинный завод выделял землю рабочим вдоль железнодорожного пути от станции Калуга-1. Помню полные вагоны людей с лопатами, граблями, вёдрами, огромными рюкзаками. Рабочие и пенсионеры ездили для посадки картофеля»; «Спасибо нашим огородам, что дали нам возможность выжить»; «Объявили конверсию, танки стали не нужны... Потом на заводе и вовсе остановили производство. Распустили в бессрочные неоплачиваемые отпуска. Время от времени приходили, отмечались и опять живи, как хочешь. Спасал дачный участок»; «Тогда в нашем городе Боровске были распаханы все поля, которые сейчас бурьяном заросли, всё было обработано под картофель, люди распахивали целину, надеялись только на себя. Огурцы, помидоры, картофель»; «Питались очень скудно, само собой, ели чаще всего пшеничную крупу. Был небольшой огородик в Сухиничах, немного за его счёт кормились».

Можно констатировать высокий уровень социальной тревожности, боязни за детей из-за социально-экономической нестабильности в тот период. «Огромное количество безработицы – это не просто бедность, это намного хуже. Этот страх заставлял работать столько, сколько было сил»; «Наступали дни, когда денег совсем не оставалось, и мы с женой решали, как раздобыть продукты на следующий день. ...Так и продолжалась жизнь в постоянном стрессовом состоянии. ...Уже в 2000-е годы дочка, которая в 90-е годы была подростком, созналась: “Я долго боялась, что денег не хватит”» (из воспоминаний программиста НИИ); «Моей дочке было 5 лет, была проблема ее накормить. Как сделать так, чтобы она смогла получить хотя бы минимум продуктов питания» (из воспоминаний директора районной школы).

Если студентам-очникам удавалось найти работу, то они переводились на заочные отделения, чтобы помогать своей семье: «В 1994 г. моего отца, ведущего инженера Моторостроительного завода, сократили... Я работала в 1994–2004 гг. без выходных, чтобы выжить»; «Мне пришлось перевестись на заочное отделение и пойти работать. Маме было тяжело “тянуть” нас с братом...». Отметим, что во времена Советского Союза спецификой Калужской области являлась концентрация на ее территории промышленных и научно-производственных предприятий, ориентированных на выпуск продукции оборонного значения, они находилась главным образом в Калуге и Обнинске. На калужских заводах трудились десятки тысяч жителей области. В 1990-е большинство работников заводов были сокращены,

либо были вынуждены уйти сами из-за остановки производства и невыплат заработной платы.

Военным выдавали продуктовый паёк, но этого не хватало, и, чтобы прокормить свои семьи, офицеры космических войск сдавали кровь за деньги, тайно ездили в столицу на своих машинах и подрабатывали таксистами. Часть людей обратилась к занятию «палаточным», «челночным» бизнесом: «Мои подруги торговали на улице в палатках одеждой, продуктами»; «Дикий рынок, который заполнил ширпотреб из-за границы, привозимый “челноками”, ряды которых пополнялись безработными и теми, кто хоть как-то хотел заработать на жизнь».

Против выживания, отмечают очевидцы событий, «работали» некачественные спиртные напитки: «Печально знаменитый спирт Royal литровыми бутылками продавался на каждом углу... Народ покупал его по несколько литров. Во что это вылилось – достаточно смотреть статистику уменьшения населения за 90-е годы».

Из социально-бытовых трудностей современники отмечают (помимо исчезновения в магазинах продуктов в принципе) перебои в работе транспорта, отсутствие отопления на работе и в школах, невозможность купить одежду, лекарства: «Поезда стали ходить не по расписанию, а когда придут»; «Нечем было оплатить проезд в транспорте»; «Завод, который на автобусе возил детей и рабочих, закрылся. Ходили пешком по 3–5 км по льду»; «Купить детское питание, одежду и лекарства было практически невозможно»; «Одежда и обувь тогда у меня почти все были не по размеру, кто что отдавал, то я и носил».

10 % современников отмечают резкое изменение медийного пространства: «Сплошные потоки криминала, маньяки и “600 секунд”, сериалы, Кашпировский... Не могу вспомнить ни одного приличного фильма».

В 1990-е гг. резко возросла мобильность населения (как внутренняя, так и связанная с выездом за рубеж), существенно возросшая по сравнению с советским временем. Эти процессы были связаны не только с ростом социально-экономических проблем, но и с началом новой политики в отношении русского населения в союзных республиках: «В 1992 г. нашу часть решено было расформировать. К тому времени мой муж отслужил уже 30 лет, и поэтому он мог получить увольнение. Нам была предложена квартира в Белоруссии, но мы отказались, боясь притеснений, о которых нам было известно не понаслышке. Моя сестра, тоже педагог по профессии, с семьёй жила в Прибалтике и работала в школе. Когда начался выход прибалтийских республик из состава СССР, в школах было принято решение преподавать только на родном языке. Перед моей сестрой, директором школы, был поставлен выбор: либо за

каникулы выучить язык, что было невозможно, либо покинуть занимаемую должность. Они с супругом переехали в Белоруссию, но и там перед ней встала та же проблема»; «В городе Фергана тогда русскоговорящих людей очень много было, многие улицы имели русские названия, да и на узбекском я практически не разговаривал в те годы. И вот в 90-е в русскоязычных школах начали преподавать арабский язык. В 5–7 классах начали его преподавать».

В воспоминаниях поднимаются также вопросы международного положения России в результате распада Советского Союза, президентских и парламентских выборов, обострения национальных отношений, войны в Чечне. «Были введены наши войска в Чечню с целью восстановления там порядка. Началась затяжная чеченская война. Война, где погибло много молодых мальчиков. И в наше село пришла похоронка, и мы хоронили нашего выпускника. Как страшно было смотреть на мать!» (из воспоминаний жительницы Дзержинского района Калужской области).

26 % отмечают, что новым и положительным было то, что в 1990-е начал бурно развиваться книжный рынок, появилось огромное количество литературы, ранее запрещенной: «Стали печатать произведения Аксёнова, Войновича, Солженицына, Пильняка».

И в 1990-е жизнь продолжалась: заключались браки, рождались дети. Приведем отрывок из воспоминаний педагога районной школы: «Мы поженились в 1992 г. Жених не имел возможности даже букет цветов невесте купить. Цветы моя мама в Калуге доставала, потому что она работала в библиотеке заведующей отделом сельскохозяйственной литературы и была знакома с тем, кто работал в “Галантусе” (*цветочный магазин в Калуге. – И. Б.*). Вот она через эту знакомую в “Галантусе” заказала мне 5 шикарных кремовых огромных роз. Но это было только по благу, иначе бы невеста была с кактусом, наверное. Платье я покупала с рук. Туфли в Москве искали, колготки ездили покупали в Обнинск... Другая наша родственница работала на заводе напитков, и она достала нам целый ящик “Пепси Колы”... Это было счастье невиданное! Доставали всё: колбасу, мясо, конфеты»; «Мы с подругой рожали одновременно в августе, так вот она не гуляла с ребенком, так как не приобрели вовремя одеяло и не в чем было вынести ребенка. Деньги были, а купить позже стало нечего»; «Появились памперсы, но купить 1 или 2 можно было в месяц по нашим зарплатам. Так мы пачку никогда не могли позволить себе купить. Покупали два, например, для того, чтобы сходить раз-два в месяц в поликлинику с ребёнком».

Таким образом, продолжение записи и последующее издание воспоминаний очевидцев и участников событий 1990-х гг. являются

крайне важным и своевременным, ведь, как ни печально, но современников тех лет с каждым годом становится все меньше. Многие из потенциальных авторов никогда не стали бы самостоятельно письменно излагать свои воспоминания о 1990-х гг., считая их неинтересными и малозначащими. Только благодаря записи устных воспоминаний появится уникальная возможность, с одной стороны, запечатлеть воспоминания «маленького» человека, независимо от его творческих способностей, профессии, а, с другой стороны, воссоздать на основе этого исторического источника широкий спектр повседневной, социально-экономической и общественно-политической жизни граждан России в переломный период 1990-х гг., понять, какие изменения происходили, как они воспринимались и преодолевались людьми на уровне семей, предприятий, учебных заведений.

Представляется, что подобную работу стоило бы вести не только в Калужской области, но и в других регионах России, а также в государствах постсоветского пространства, для которых эти годы также стали непростыми и переломными.

Список литературы

1. Бежанства 1915 года / ред. Віталь Луба. – Выд. 2-е, папоўн. – Беласток, 2015. – 576 с.

Белова Ирина Борисовна, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация.

Irina Belova,

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski

e-mail: irina-25.01@mail.ru

RUSSIA IN THE 1990s: EVERYDAY LIFE OF RESIDENTS OF THE KALUGA REGION (ACCORDING TO THE MEMOIRS OF EYEWITNESSES)

The article presents the results of the recorded oral memories of residents of the Kaluga region analysis who witnessed the events of the 1990s in Russia. The author highlights the pressing problems of people's daily life at that time, such as, job loss, a decline in living standards, stratification of the population, food and money difficulties, the disappearance of essential goods, uncontrolled inflation, as well as the main strategies for overcoming the hardships of everyday life by people: changing professions, developing new land plots, turning to faith, caring for children, close people, and others. The author concludes that the oral recollections of eyewitnesses are the richest multidimensional historical resource, and the work on its creation is to be continued systematically.

Keywords: the 1990s, critical period, Kaluga region, historical resource, oral memoirs, interviews, everyday life.

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ СТРУКТУРЫ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ Ў БЕЛАСТОЦКІМ ВАЯВОДСТВЕ (1921–1939 гг.)

На основе архивных источников и достижений историографии проводится анализ региональных структур белорусского национального движения в межвоенной Польше на примере Белостокского воеводства. Отображена роль города Гродно как значимого локального городского центра белорусского движения, который влиял на белорусскую активность в сельской местности. Белорусское движение в Белостокском воеводстве представляло значительную политическую силу в восточных частях этой территориальной единицы и, в основном, было представлено леворадикальными силами.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Польша, межвоенный период, белорусское национальное движение, Белостокское воеводство¹.

Беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Заходняй Беларусі з’яўляўся цэласнай узаемазалежнай сістэмай, у межах якой існавалі розныя палітычныя плыні са сваімі арганізацыямі і правінцыйнымі структурамі. Леварадыкальная плынь беларускага руху з’яўлялася найбольш масавай і добра арганізаванай плыню, якая імкнулася змяніць грамадскі і эканамічны лад міжваеннай Заходняй Беларусі рэвалюцыйнымі сродкамі. Да яе адносіліся такія арганізацыі, як Беларуска-сялянска-рабочніцкая грамада (БСРГ), Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), Таварыства беларускай школы (ТБШ), Беларускі сялянска-рабочніцкі пасольскі клуб “Змаганне” і інш. Да нацыянальна-дэмакратычнай плыні можна аднесці тыя арганізацыі, якія не прызнавалі рэвалюцыйных метадаў барацьбы і выступалі за стварэнне незалежнай беларускай дзяржавы. Сярод асноўных арганізацый гэтай плыні вылучаюцца наступныя: Беларуска-хрысціянская дэмакратыя (БХД), Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры (БІГіК), Беларускі сялянскі саюз (БСС) і інш. Часовая беларуская рада (ЧБР), таварыства “Прасвета”, Беларуска-радыкальная народная партыя, Таварыства беларускай асветы прадстаўлялі паланафільскую плыню беларускага руху, якая прапагандавала ідэю супрацоўніцтва беларусаў з інстытутамі польскай дзяржавы на розных узроўнях [1, с. 3–8]. Кожная з гэтых арганізацый імкнулася стварыць свае лакальныя структуры ў гарадах і вёсках Заходняй Беларусі. Не было выключэннем з гэтага і Беластоцкае ваяводства міжваеннай Польшчы, дзе беларуская актыўнасць адпярывала не апошняю ролю ў агульнай карціне палітычнага жыцця.

Беластоцкае ваяводства было ўтворана ў жніўні 1919 г. Праз два гады, у 1921 г. у склад ваяводства былі далучаны тэрыторыі са значным

¹ Аннотации и ключевые слова в статьях на белорусском языке приведены на русском языке для расширения читательской аудитории.

працэнтам беларускага этнічнага насельніцтва, з якіх былі сфарміраваны Гродзенскі, Ваўкавыскі і частка Бельскага павеатаў. Таму гэтую тэрытарыяльную адзінку міжваеннай Польшчы можна ўмоўна падзяліць на “польскую” і “беларускую” часткі. Структуры беларускага руху ўтвараліся пераважна ва ўсходніх павеатах ваяводства, што ў пэўнай ступені адпавядала польска-беларускай этнічнай мяжы, акрэсленай этнолагамі ў пачатку ХХ ст.

На тэрыторыі ваяводства існаваў значны гарадскі лакальны цэнтр беларускага руху – горад Гродна, які меў сталыя кантакты, з аднаго боку, з віленскім цэнтрам, а з другога – аказваў кіраўнічы ўплыў на многія правінцыйныя структуры руху. У міжваенны перыяд у горадзе існавалі Беларускае дабрачыннае таварыства, беларускі прытулак, беларуская сямігадовая школа, якая была зачынена толькі ў 1928 г. і з’яўлялася адной з узорных беларускіх пачатковых школ у міжваеннай Польшчы. З лютага 1923 г. у горадзе дзейнічаў сакратарыят Беларускага пасольскага клуба (БПК), існавалі таксама гродзенскія структуры БІГіК, ТБШ, БСРГ, КПЗБ. У розныя гады ў міжваенны перыяд у Гродна выдаваліся газеты “Беларускі шлях”, “Сялянская гутарка”, “Беларуская доля”, “Беларуская думка” і некалькі аднаднёвак [2, с. 13–14]. Акрамя гэтага, пэўны асяродак беларускага руху прысутнічаў у Беластоку. У горадзе на мяжы 1920–1930-х гг. дастаткова паспяхова дзейнічаў мясцовы гурток і акружная ўправа ТБШ, а ў 1930-я гг. беларускі рух захоўваўся тут у рамках дзейнасці выдавецкіх і тэатральных кааператываў “Рунь”, “Сяўба” і “Польмя” [3, с. 268–269].

Правінцыйныя структуры беларускага руху ў Беластоцкім ваяводстве вылучаліся неаднароднасцю ў ідэалагічным плане. Дзеля больш падрабязнага адлюстравання структур беларускага руху намі была складзена табліца, у якой прадстаўлена колькасць гурткоў ці сакратарыятаў розных беларускіх арганізацый у Беластоцкім ваяводстве. Як бачна, у гэтым рэгіёне былі прадстаўлены ўсе плыні беларускага нацыянальнага руху: леварадыкальная, нацыянальна-дэмакратычная і, у нязначнай ступені, паланафільская. Прадстаўнікі апошняй плыні дзейнічалі толькі ў Гродна і ваколіцах, не стварыўшы значных правінцыйных гурткоў сваіх арганізацый. Нацыянальна-дэмакратычныя арганізацыі былі прадстаўлены, у асноўным, гурткамі БІГіК. Дадзеныя структуры дзейнічалі ў ваяводстве, між іншым, у павеатах са значнай доляй праваслаўных жыхароў (напрыклад, Бельскі ці Ваўкавыскі павеаты), што сведчыць аб падтрымцы хрысціянска-дэмакратычных ідэй не толькі ў асяроддзі каталіцкага насельніцтва [4, с. 231]. Гурткі БІГіК выступалі значным фактарам пашырэння нацыянальнай свядомасці беларусаў, якія фактычна жылі ў адноснай аддаленасці ад асноўных

ачагоў беларускай актыўнасці. У прыватнасці, у гуртку БГіК у в. Нараўка Бельскага павета існавала вялікая бібліятэка беларускіх выданняў, якой карысталіся каля 30 мясцовых жыхароў, хоць у гуртку афіцыйна лічылася 16 сябраў [5, арк. 11].

Беластоцкае ваяводства не было выключэннем у дзейнасці леварадыкальнага беларускага руху, які, па некаторых паказчыках, лідыраваў тут адносна іншых ваяводстваў міжваеннай Польшчы. КПЗБ дзейнічала ў ваяводстве з пачатку свайго існавання, а найбольш арганізаваныя структуры партыі былі арганізаваны ў Беластоку, Гродна, Скідзелі, Індуры, Вялікай Бераставіцы, Крынках і іх ваколіцах. У межах Беластоцкага ваяводства на 1933 г. дзейнічала тры акружных камітэта КПЗБ (Гродзенскі, Беластоцкі, Ваўкавыскі), якія аб'ядноўвалі больш за 900 актывістаў, альбо 36,4 % ад усяго актыву КПЗБ у Заходняй Беларусі. Нездарма, па прызнанню кіраўніцтва партыі, у 1930-я гг. беластоцкі акружны камітэт КПЗБ лічыўся адным з лепшых па ўзроўню арганізаванасці і практычнай дзейнасці [6, арк. 43]. У 1926 г. у Гродзенскім павеце Беластоцкага ваяводства была зафіксавана найбольшая колькасць гурткоў БСРГ сярод усіх павеатаў Заходняй Беларусі [7, с. 88]. Таксама сваёй колькасцю на Гродзеншчыне вылучаліся структуры ТБШ, у прыватнасці, скідзельскі і свіслацкі гурткі, якія мелі моцны ўплыў на насельніцтва і праводзілі добра арганізаваную асветніцкую дзейнасць. На нашу думку, папулярнасць КПЗБ, БСРГ і ТБШ на гэтых тэрыторыях была звязана з некалькімі фактарамі: існаваннем тут падчас нямецкай акупацыі перыяду Першай сусветнай вайны разгалінаванай сеткі беларускага школьніцтва, моцнымі ўплывамі прыхільнікаў партыі беларускіх эсэраў, актыўнай дзейнасцю ў 1919–1921 гг. структур Гродзенскай павятовай сялянскай рады і Грамады беларускай моладзі. Беларускі нацыянальны рух, у цэлым, на гэтых землях меў значную традыцыю свайго існавання яшчэ з пачатку XX ст. [8, с. 63].

Такім чынам, беларускі нацыянальна-вызваленчы рух у міжваенны перыяд развіваўся ў Заходняй Беларусі нераўнамерна, але паспяхова пранікаў у розныя рэгіянальныя асяродкі, не звужаючы арэал сваёй дзейнасці да нейкай адзінай прасторы. У прыватнасці, ва ўсходняй частцы Беластоцкага ваяводства сфарміраваліся моцныя асяродкі беларускага руху, пераважна яго леварадыкальнай плыні. Вялікае значэнне для арганізацыйнага развіцця беларускай актыўнасці ў гэтым рэгіёне мела наяўнасць лакальнага гарадскога цэнтра беларускага руху, якім з'яўляўся Гродна. Менавіта з гэтага горада адыходзілі імпульсы для правінцыйных актывістаў з мэтай пашырэння беларускага дыскурсу ў вёсках і мястэчках. Таму Беластоцкае ваяводства з'яўляецца добрым

прыкладам таго, што беларускі рух у Заходняй Беларусі быў цэласнай сістэмай з вертыкальнымі сувязямі ад лідарскага цэнтра да правінцыйных структур, якую стваралі тысячы мясцовых актывістаў (табл. 1).

Табліца 1 – Структура беларускага нацыянальнага руху ў Беластоцкім ваяводстве ў 1921–1939 гг.

Арганізацыі Паветы ²	БСРГ	БГГК, БСС, БХД	ТБШ	Прас- вета	ЧБР	Бела- рускі пасоль- скі клуб	БСРПК “Змаган- не”	Інш.
Аўгустоўскі		1						
Беластоцкі	29	3	13				1	
Бельскі	26	3	6			2	1	
Сакольскі	17		4			1		
Гродзенскі	198	1	48	3	1	2	1	5 ³
Ваўкавыскі	93	4	10			1	1	

Спіс літаратуры

1. Горны, А. Да пытання аб класіфікацыі беларускіх палітычных арганізацый у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд / А. Горны // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 9. – С. 3–8.
2. Горны, А. С. Гарады як лакальныя цэнтры беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі / А. С. Горны // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2020. – № 5. – С. 11–15.
3. Historia białorusinów Podlasia / opracowanie redakcyjne: S. Iwaniuk, O. Łatyszonek. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2016. – 538 s.
4. Разуванана, К. С. Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.) / К. С. Разуванана. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 247 с.
5. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 361. Ap. 2. B. 7.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 266.
7. Палуян, У. А. Беларуская сялянска-рабочая грамада / У. А. Палуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 222 с.
8. Чарнякевіч, А. М. Нараджэнне беларускай Гародні: з гісторыі нацыянальнага руху 1909–1939 гг. / А. М. Чарнякевіч. – Мінск : Янушкевіч, 2015. – 172 с.
9. Сэкрэтарыята Беларускага Пасольскага Клубу // Новае жыццё. – 1923. – № 10. – С. 4.
10. Мятла, П. Аб Таварыстве беларускай школы і яго барацьбе / П. Мятла. – Мінск, 1932. – 33 с.

² У табліцу не ўключаны Ломжынскі, Астралэнцкі, Астроўскі, Сувальскі, Высокамазавецкі паветы Беластоцкага ваяводства, дзе пражывала нязначная колькасць беларускага насельніцтва.

³ У дадзеную лічбу ўваходзяць структуры Арганізацыі беларускіх беспартыйных актывістаў, Цэнтральнага камітэта па беларускіх справах, Беларускай радыкальнай народнай партыі, Беларускага дабрачыннага таварыства, беларускага таварыства “Еднасць”, якія дзейнічалі ў Гродна ў 1920-я гг.

11. Даніловіч, В. В. Дзейнасць арганізацыі “Змаганне” ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.) / В. В. Даніловіч. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 155 с.

Горны Аляксандр Сяргеевіч, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь.

Aliaksandr Gorny,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: litvin.gorny@gmail.com

REGIONAL STRUCTURES OF THE BELARUSIAN NATIONAL MOVEMENT IN THE BIALYSTOK VOIVODESHIP (1921–1939)

The article analyzes the regional structures of the Belarusian national movement in interwar Poland on the example of the Bielostok Voivodeship based on archival sources and achievements of historiography. The role of the city of Grodno as a significant local urban center of the Belarusian movement, which influenced the Belarusian activity in the countryside, is displayed. The Belarusian movement in the Bielostok Voivodeship represented a significant political force in the eastern parts of this territorial unit and was mainly represented by left-wing radical forces.

Keywords: Western Belarus, Poland, interwar period, Belarusian national movement, Bielostok voivodeship.

УДК 638.1(091)(476)

А. М. Загідулін

ПЧАЛА І МЁД: АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ ПАНЯЦІЙНАГА ЎСПРЫЯЦЦА Ў ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ⁴

Рассматриваются некоторые аспекты восприятия бортничества, пчеловодства и продуктов их производства в белорусской духовной культуре со времён Киевской Руси до современности. Важность данных занятий для человека определила характерность образов пчелы и мёда в художественной культуре. Сегодня восстановление традиций бортничества необходимо для сохранения культурного наследия белорусов.

Ключевые слова: пчела, мёд, бортничество, пчеловодство, культурное наследие.

Бортніцтва, нароўні са збіральніцтвам, паляваннем і рыбалоўствам, з’яўляецца найстаражытнейшым промыслам чалавека. Пчальярства, што вырасла з бортніцтва, не зведала такую глыбокую тэхналагічную мадэрнізацыю, як земляробства і жывёлагадоўля, і да цяперашняга часу з’яўляецца шмат у чым ілюстрацыяй традыцыйнага ўкладу жыцця чалавека. На тэрыторыі Беларусі першыя прылады працы бортнікаў – медарэзныя нажы, знойдзеныя археолагамі, датуюцца жалезным векам.

⁴ Дадзенае даследаванне выканана ў рамках рэалізацыі праекта міжнароднай тэхнічнай дапамогі ENI-LLB-2-359 «Захаванне этнакультурнай спадчыны і развіццё турызму ў гістарычным рэгіёне, вядомым борцевым пчальярствам».

Са старажытных часоў насельніцтва Зямлі разводзіць меданосных пчол для атрымання прадуктаў пчалярства: воску, мёду, яду, пропалісу, пяргі, дзякуючы пчолам апяляюцца расліны, якія выкарыстоўваюцца для жыцця людзей. Генетыкі высветлілі, што меданосная пчала родам з Азіі, і прыкладна 300 тыс. гадоў назад яна распаўсюдзілася па Афрыцы і Еўропе, у тым ліку і Беларусі.

Такім чынам, гэтыя насякомыя на працягу стагоддзяў суіснавалі з чалавекам, прыносячы відавочную карысць. У адпаведнасці з прымітыўнымі рэлігійнымі ўяўленнямі старажытныя людзі па-свойму тлумачылі недаступныя для разумення чалавека з’явы жыццёвай асяроддзя. Яны імкнуліся засцерагчы сябе, аказваючы ўплыў на навакольны свет з дапамогай звязаных са старажытнымі культурамі асаблівых магічных дзеянняў, часцяком персаніфікуючы ў рамках культураў і міфалогіі жывёл, расліны, іншыя з’явы прыроды, надаючы ім чалавечыя якасці. Таксама і наадварот, людзі надзяляліся ўласцівасцямі жывёл. Выкарыстоўваючы звесткі пра сутнасць пчалы, яе вобразе жыхарства і паводзін, розныя народы стваралі міфы і легенды, узводзячы гэта насякомае ў шматзначны сімвал, што сведчыла пра ўплыў пчол на культуру чалавека. Бортніцтва і пчалярства як традыцыйныя заняткі ўсходніх славян добра вывучаны этнографамі, археолагамі, гісторыкамі матэрыяльнай культуры. Сёння, калі бортніцтва ўнесена ў Спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны ЮНЕСКА, абуджаецца інтарэс да адлюстравання гэтага занятку, а таксама вобразаў пчалы і мёду ў беларускай культуры [1].

У эпоху Кіеўскай Русі мёд ва ўсходніх славян з’яўляўся найважнейшым прадуктам, які складаў адну з важных састаўляючых экспарту. Мёдам плацілі даніну вялікаму князю. У «Аповесці мінулых гадоў» захавалася згадка аб «мёдзе і скурах», якімі хацелі адкупіцца драўляне, якія забілі князя Ігара, ад справядлівай кары яго жонкі княгіні Вольгі. У Кіеўскай Русі фармуецца «бортнае права» – нормы звычайнага права, якія рэгламентуюць развядзенне пчол і збор іх мёду. Нормы бортнага права адлюстраваны ў «Рускай праўдзе» – першым кодэксе ўсходнеславянскіх законаў. У эпоху ранняга сярэднявечча ствараецца і ўдасканалваецца ў часы Вялікага Княства Літоўскага сістэма «бортны знакаў» – піктаграм, якія пазначалі ў лесе тэрыторыю тых ці іншых бортнікаў-гаспадароў. Бортнае права развіваецца ў Статутах ВКЛ. Для «медадзёраў» – злодзеяў мёду з борцей – прадугледжана было жорсткае пакаранне – аж да смяротнай кары. Бортнікі ў ВКЛ аб’ядноўваліся ў цэці са сваім статутам, пячаткай, самакіраваннем. Нават падчас ваенных дзеянняў бортнікі выступалі ў складзе апалчэння асобнай вайскавай адзінкай са сваёй харугвай. Бортныя знакі – сымбалі на дрэвах, якія

пазначалі прыналежнасць борцей, былі своеасаблівымі гербамі простых саслоўяў. Мёд у Сярэднія вякі і Новы час фактычна быў адзінай крыніцай глюкозы. З яго выкарыстаннем рыхтаваліся розныя стравы і напоі. Аднак, акрамя задавальнення аматараў салодкага, бортніцтва з’яўлялася пастаўшчыком важнай тэхналагічнай сыравіны – воску для свечак.

Пчала ў нашых продкаў была ў вялікай пашане. Гэта адлюстравана ў духоўнай культуры беларусаў. Апявалі не толькі працавітасць пчолы, але і вернасць свайму рою, узаемадапамогу. Арганізацыя і размеркаванне абавязкаў у пчаліным рою былі прыкладам для чалавечага калектыву.

У беларускай культуры цікавыя вобразы пчалы ў выяўленчай і літаратурнай форме былі прадстаўлены ў кнігах Францыска Скарыны (1490–1552), выбітным прадстаўніком рэнесанснай духоўнай культуры Беларусі, айчынным і ўсходнеславянскім першадрукаром, пісьменнікам, перакладчыкам і каментатарам Бібліі. У пражскай друкарні пад кіраўніцтвам і пры выршальным удзеле самога Ф. Скарыны быў упершыню выдадзены кірылічнымі шрыфтамі на старабеларускай мове комплекс біблейскіх кніг у суправаджэнні аўтарскіх каментароў і тлумачэнняў. Было падрыхтавана і надрукавана 23 кнігі Старога Запавету. Скарына адным з першых вывёў беларускую мову на ўзровень літаратурнай нормы: «Немногим учителям бывати, но более умети язык свой справовати». Памеры выданняў сведчаць аб тым, што яго Біблія прызначалася больш для штодзённага чытання, а не для літургічных мэтаў.

У сваім знакамітым выказванні ў прадмове да кнігі «Юдзіф» Францыск Скарына звяртаецца да пчол «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чувють виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имають».

Упершыню ў кірылічным кнігадрукаванні Скарына ўвёў тытульны ліст, фаліяцыю старонак, прамежкі паміж словамі, абзацы. У гэст выдавец уключыў гравюры: 51 ілюстрацыю, каля 30 мастацкіх заставак і каля 1000 ініцыялаў.

Глыбокім мастацка-філасофскім зместам вылучаецца падпісаны партрэт Францыска Скарыны, апублікаваны двойчы – у Кнізе Прамудрасці Ісуса, сына Сірахава і ў Чацвёртай Кнізе Царстваў. Размяшчэнне ўласнага партрэта ў рэлігійным выданні стала магчыма дзякуючы сфармаванай у асвечаных людзей светапогляду Рэнесансу з яго прынцыпова новай карцінай Сусвету, гуманістычнай смагай

самапазнання, увагай да ўнутранага свету чалавечай індывідуальнасці. У кантэксце рознабаковай характарыстыкі духоўнага свету чалавека эпохі Адраджэння, якім і з'яўляецца беларускі першадрукар, на партрэце ў рост сядзіць Скарына-вучоны ў сваім кабінце з выявай цэлага шэрагу сімвалічных надпісаў і прадметаў, што было характэрна для партрэтнага мастацтва таго часу. Гэта так званы герб-сыгнет, загадкавыя літарныя «знакі», а таксама больш рэальныя прадметы: арка з калонамі, столік з покрывам з беларускім арнамантам, кнігі рознага фармату, армілярная сфера, пясочны гадзіннік, збан, кошык, лаўкі. Над іх расшыфроўкай працуюць цэлыя пакаленні людзей.

Малюнак пчалы, дадзены ўнізе справа, трактуецца даследчыкамі неадназначна, у прамым і пераносным значэнні, дзе сіметрычна суадносяцца зямное і нябеснае, матэрыяльнае і духоўнае. Так, у першую чаргу, пчала ўспрымаецца як знак асаблівай стараннасці, што найпрост суадносіцца з велізарнай працаздольнасцю самога Скарыны [2, с. 303]. Гэта трактоўка сугучна выказванню біблейскага цара Саламона: «Пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и престолоудины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростию почтена» (Прит. 6:8).

Сімвал пчалы можна разглядаць шырэй, у кантэксце развіцця цэлай эпохі, калі «пчаліная» працавітасць, уменне будаваць свае васковыя ячэйкі і арганізоўваць жыццядзейнасць маглі суадносіцца з дзейнасцю людзей па ўзвядзенню новых святынь, стварэнню шэдэўраў мастацтва і архітэктуры. Цэласнае паняцце «пчала» належала элітнага калектыўнаму тыпу новага мыслення і паводзінаў у межах грамадскага яднання індывіда з агульнасцю людзей, патрыёта з родным краем [3].

Выява пчалы дадзена на партрэце побач з падсвечнікам каля круглага рэфлектара, што адбівае святло: магчыма, звычайны аtryбут асвятлення ў цемры пры працы, а магчыма, больш глыбокі сімвал святла як крыніцы праўды, агульнага добра, ведаў. На жаль, свечка намаляваная патухлай, з мясістым воскам, што можа асацыявацца з хуткаплыннасцю жыцця або марнасцю чалавечых намаганняў. Гэтая думка пацвярджаецца і наяўнасцю пясочнага гадзінніка ў верхняй частцы гравюры. Але магчыма, жыццёвая сіла прысутнай побач пчалы выклікае надзею на аптымістычны зыход працы, бо насякомае непарыўна звязана з квітнеючай зямлёй, высокім небам, суадносіцца з чысцінёй і урадлівасцю. Можна таксама дапусціць, што гэта напамін аб цыклічнасці развіцця свету, бо паняцце пчалы ўтрымлівае і сутнасць неўміручасці і ўваскрашэння: часта зімовая спячка пчол тлумачыцца як іх часовая смерць.

Яшчэ адзін пясняр беларускага Рэнэсансу Мікола Гусоўскі ў сваёй знакамітай «Песні пра зубра», апяваючы грамадскі лад і гаспадарку Вялікага княства Літоўскага, не абыходзіць увагай і такі важны працэс як бортніцтва. Прычым, цікава, што ў «Песні...» падкрэслены мірны характар працэсу, які названы «прыручэннем пчалы»:

Бортнікі нашы на стаўках – разлапістых соснах –
Ставяць вуллі, а часамі і ў дрэве пад верхам
Выдзеўбуць долатам борці і лётвы прыладзяць –
Вось і стаяк-каранёк для залётнага рою.

Так прыручаем пчалу і частуемся мёдам [4, с. 23–24.]

Згадванне мёда, пчол, вулляў арганічна ўспрымаецца ў агульным кантэксце стварэння карцін існавання людзей у акаляючым асяроддзі, дзе рэальнасць узвышаецца, паэтызуецца, дэманструючы гуманныя адносіны прадстаўніка эстэтыкі Рэнэсансу да свету.

Паняцці пчалы і мёда ў якасці мастацкіх параўнанняў і алегорыі выкарыстоўваюцца ў вершаваных творах Сіямона Полацкага (1629–1680). Аўтар зборнікаў «Вертоград многоцветный» «Рифмологион», распрацоўваючы ў літаратуры барочныя формы ускладненых метафар, выкарыстоўваў вобразы пчалы і больш часта – мёду.

У XIX стагоддзі ва ўсім свеце ў разглядаемым старажытным промысле адбываюцца кардынальныя змены. У вырабе свечак замест воску пачынае выкарыстоўвацца стэарын і парафін. Вынаходства рамачнага вулля спрашчае вытворчасць мёду і догляд за пчоламі. Больш танная вытворчасць цукру, а пасля і іншых падсалоджвальнікаў робіць вытворчасць мёду ўсё меней запатрабаванай. З дадзенай праблемай пчаларства сутыкаецца ў найноўшы час. Розныя грамадскія катаклізмы першай паловы XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі істотна падрывалі пчаларства, аднаўленне якога патрабуе вызначаных часавых выдаткаў. Паступова развядзенне пчол і вытворчасць мёду становіцца шмат у чым сімвалічным заняткам, звязаным з захаваннем традыцый. Ужо ў XIX стагоддзі лясныя промыслы становяцца аб'ектам пільнай увагі этнографу і вывучаюцца як традыцыйныя заняткі сельскага насельніцтва, чым больш адсталы рэгіён, тым больш архаічная тэхналогія. Таксама ўпамінанні пра бортніцтва, пчол і мёд пастаянна сустракаюцца ў беларускай літаратуры XIX–XX стст. Да згаданых вобразаў звяртаюцца аўтары «Энеіды навыварат», А. Міцкевіч, В. Каратынскі, В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч, А. Гурыновіч, Я. Лучына, М. Багдановіч, Я. Купала і інш. Я. Колас у паэме «Новая зямля» старажытнаму занятку прысвячае цэлы раздзел «Падгляд пчол» [5, с. 8, 10, 120, 138, 232, 250].

У 20–30-я гады ХХ ст. у Заходняй Беларусі зварот да традыцыйнага занятку беларусаў – бортніцтва – выкарыстоўваўся для аб’яднання, для ўзняцця самасвядомасці беларусаў, якія апынуліся ў складзе Польшчы. З 1934 па 1938 год у Вільні Беларускаім кааператыўным таварыствам «Пчала» выдавалася газета на беларускай мове «Беларуская борць», рэдактарам якой была вядомая беларуская паэтка, грамадскі дзеяч, асветніца Зоська Верас. Газета, акрамя гаспадарчых парадаў, змяшчала асветніцкія матэрыялы для беларускіх сялянаў [6; 7].

У беларускай духоўнай культуры пчала займала асобнае пачэснае месца. Бортніцтва і пазней пчалярства лічылася складаным і высакародным заняткам, асновай якога была павага да пчалы. Вобраз пчалы асацыяваўся з працавітасцю, уменнем арганізоўваць работу ў калектыве. Вернасць пчалы свайму рою, сям’і для чалавека служыла прыкладам аддансці свайму краю, радзіме. Мёд, як салодкае і каштоўнае рэчыва, атаясамліваўся з максімальна пазітыўнымі эмоцыямі, выражанымі як вербальна, так і пачуццёва. Сёння атрыбуты бортніцтва актыўна выкарыстоўваюцца ў выхаваўчым працэсе і турызме. Бортніцтва як архаічная традыцыйная тэхналогія ўжо ў пачатку ХХ ст. пачала трактавацца як фактар і сродак захавання нацыянальнай і духоўнай ідэнтычнасці беларусаў. У пачатку ХХІ ст. бортніцтва ўваходзіць у жыццё сучаснага беларуса як важная і цікавая этнаграфічная стронка беларускага побыту, на афіцыйным дзяржаўным і міжнародным узроўні яно прызнана адным з важнейшых элементаў нацыянальнай культурнай спадчыны.

Спіс літаратуры

1. Ненадавец, Я. А. «Жужнела пчолка, жужнела...» / Я. А. Ненадавец, А. М. Ненадавец. – Мінск : Беларус. навука, 2020. – 254 с.
2. Шматов, В. Ф. Гравюрный портрет Франциска Скорины / В. Ф. Шматов // Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. – Минск : БелСЭ, 1990. – С. 330.
3. Калеснік, У. Ключы да партрэта / У. Калеснік // Мастацтва Беларусі. – 1987. – № 1. – С. 19–24.
4. Гусоўскі, М. Песня пра зубра : пер. з лац. Язэпа Семяжона / М. Гусоўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1973. – 108 с.
5. Беларуская літаратура XIX стагоддзя : хрэстаматыя : для філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў / складзі: С. Х. Александровіч, А. А. Лойка, В. П. Рагойша. – Мінск : Вышэйшая школа, 1971. – 373 с.
6. Дзятчэня, А. А. Часопіс «Беларуская борць» як крыніца па вывучэнні развіцця пчалярства ў Заходняй Беларусі ў 1934–1938 гг. / А. А. Дзятчэня // *Навука-2018* : сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ ім. Янкі Купалы ; редкол.: А. С. Горный (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 160–163.
7. Ігнатовіч, Ф. І. Зоська Верас і народная медыцына [Электронны рэсурс] / Ф. І. Ігнатовіч. – Grodno.by. – Рэжым доступу: http://www.grodno.by/grodno/history/biblio/zoska_veras.html. – Дата доступу: 21.03.2021.

Загідулін Аляксей Мікалаевіч, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь.

Aliaksei Zahidulin,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: azagidulin@tut.by

BEE AND HONEY: SOME ASPECTS OF THE CONCEPT PERCEPTION IN SPIRITUAL CULTURE OF BELARUSIANS

The article examines some aspects of the beekeeping perception, beekeeping and their products in the Belarusian spiritual culture during the times of the Kievan Rus to the present time. The importance of these activities for humans determined the nature of the bee and honey images in artistic culture. Today, the restoration of the beekeeping traditions is necessary to preserve the cultural heritage of the Belarusians.

Keywords: bee, honey, bee-keeping, apiculture, cultural heritage.

УДК 94(476):271.2«1858/1867»

Ю. В. Кейко

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1858–1867 гг.)

Раскрывается процесс православного храмового строительства в государственных имениях на территории Беларуси, осуществляемый Министерством государственных имуществ с 1858 г. по 1867 г. Показана структура системы управления церковным строительством и её взаимодействие с другими учреждениями и приходскими обществами. Выделены и охарактеризованы этапы строительства храмов. Сделан вывод о роли и значении православного храмового строительства в отечественной истории.

Ключевые слова: православие, строительство храмов, государственные имения, Беларусь.

Министерство государственных имуществ России строительство православных храмов в государственных имениях осуществляло с 1845 г. согласно указу императора [1, с. 42]. На местах это направление деятельности курировали губернские палаты государственных имуществ, контролируемые генерал-губернатором. Для этой цели из министерства были направлены архитекторы и инженеры [2, с. 37]. Надзор за возведением церковных объектов выполняли отдельно назначенные гражданские инженеры, в обязанности которых также входило планирование церковно-строительных работ и составление смет [3, л. 50 об.]. В то время в министерстве этим занимался инспектор по строительству храмов действительный статский советник Половцев [4, с. 1228–1232]. Однако представленная система управления церковным строительством оказалась неэффективной: храмы строили медленно и некачественно. По этой причине министр госимуществ М. Н. Муравьев в 1858 г. приказал все церковно-строительные работы изъять из ведения

палат государственных имуществ и передать под личный контроль управляющих палатами. В их подчинении оставались техники и право осуществления строительных работ хозяйственным способом. Изменений коснулась и проектно-сметная документация, которая была значительно упрощена. С этого момента возводить православные храмы допускалось исключительно деревянные, небольших размеров и без излишеств в архитектурном плане по изданным в Министерстве государственных имуществ четырем планам (чертежам) [3, л. 51]. Также М. Н. Муравьевым в этой сфере была проработана законодательная база. Основой для неё стали его циркулярные предписания за 1858 г., регламентирующие выполнение строительных работ на подготовительном (составление проектов и смет, поиск и приобретение стройматериалов, поиск мастеров) и заключительном (передача церковных зданий в духовное ведомство) этапах, ведение отчетной документации [5, л. 7]. Значительным недостатком являлось отсутствие инструкций об исполнении церковно-строительных работ.

В 1863 г. это упущение было исправлено министром госимуществ А. А. Зеленым, поскольку вступила в силу новая инструкция «Об устройстве православных церквей в казенных имениях западных губерний». Документ комплексно раскрывал процесс строительства православных храмов на всех его этапах. Разрешалось возводить не только деревянные, но и каменные церковные здания и обязательно с колокольнями по составленным и утвержденным в министерстве в этом же году планам [3, л. 52].

Контролировал деятельность губернских палат госимуществ виленский генерал-губернатор, а следили за выполнением его распоряжений губернаторы [6, л. 15]. Также палаты государственных имуществ активно взаимодействовали с учрежденными в 1864 г. временными губернскими и уездными комитетами по строительству и ремонту православных церквей Министерства внутренних дел, что помогало оперативно решать проблемы, возникавшие при строительстве объектов [6, л. 33].

Объём предстоящих церковно-строительных работ был определен в 1858 г. по результатам осмотра церковных зданий инспектором по строительству православных храмов из министерства, местными архитекторами и инженерами. Из 850 церковных зданий 230 находилось в надлежащем состоянии (на это министерство выделило 1 247 029 руб. 79 коп., в среднем на один храм выходило по 5421 руб. 79 коп.), 331 нуждалось в ремонте и 289 требовалось построить [3, л. 51]. На основе этих данных была составлена общая ведомость планируемых церковно-

строительных работ, расписанная по годам. Затем она ежегодно корректировалась за счет представляемых в ведомство сведений о ходе строительства и ремонта православных храмов из палат госимуществ [7, лл. 24–27 об.]. Денежные средства по финансовой смете (на постройку церквей и причетнических помещений в казенных селениях Западных губерний) 1-го департамента государственных имуществ распределялись по казенным палатам на предназначенные в конкретном году постройки [6, л. 196]. Далее деньги выдавались казначею палаты госимуществ под расписку в местном казначействе [8, л. 104]. В иных случаях для получения ассигнований от государства управляющий палаты госимуществ или губернатор этот вопрос доводил до сведения виленского генерал-губернатора, а тот его согласовывал с министром государственных имуществ [9, л. 21].

Основанием для получения денег являлась составленная в губернских палатах госимуществ [10, л. 145] или специалистами из строительного отделения губернского правления проектно-сметная документация [9, лл. 10–11], отсылаемая на утверждение в техническую комиссию Министерства государственных имуществ [8, л. 104]. После поступления денежных средств в казенную палату начиналась подготовка стройматериалов по распоряжению палаты госимуществ. Этим занимались сельские общества или крестьяне под руководством членов церковных советов – органов приходского самоуправления под руководством местного священника (от 4 до 8 человек из числа прихожан) [6, л. 17 а; 8, л. 107]. На сельском сходе крестьяне в присутствии уездного исправника и приходского священника определяли степень принятия своего участия в строительстве храма, что фиксировалось в приговоре – письменном документе, где указывалось окончательное их решение [11, л. 61]. Преимущественно крестьяне соглашались на вывоз и доставку древесины, булыжного камня и производство кирпича. Сосновые бревна приобретали или получали бесплатно в государственных дачах по предписанию палаты госимуществ при предъявлении билета, выписанного лесничим, который выдавался члену сельского правления или церковного совета [8, л. 107]. Булыжный камень собирали по окрестностям или вывозили из конфискованных дач с разрешения палаты госимуществ [12, л. 27]. Кирпич покупали на заводах помещиков или выжигали из заранее заготовленной глины в специально построенном сарае, где была обустроена печь [6, л. 84]. Это делалось за счет собственных средств (пожертвований) или суммы, выделенной на строительство церковного здания. Также для кладки стен крестьяне покупали известковый раствор,

подвозили воду и песок. Качество стройматериалов на месте проверяли члены сельских обществ или церковного совета. По итогам осмотра составлялся акт [8, л. 115].

Помощь крестьян заключалась и в выделении свободных рабочих рук (чернорабочих): в ходе возведения объекта с каждого крестьянского двора отводилось определенное количество рабочих дней. Например, при строительстве деревянного храма в деревне Гутово Кобринского уезда Гродненской губернии крестьяне выделили по три дня с крестьянского двора для «подтаскивания и поднимания бревен» [11, л. 61].

Выбор места под строительство храма выполнялся при участии членов сельского общества, священника и лица, назначенного палатой госимуществ для надзора за осуществлением церковно-строительных работ. Им мог быть архитектор, инженер или ведомственный чиновник по особым поручениям [8, л. 168]. Нередко по приказу губернатора (председателя губернского комитета по строительству и ремонту православных церквей) для решения этого вопроса привлекались члены уездного комитета по строительству и ремонту православных храмов (благочинный и архитектор). В результате составлялся акт о выборе места и местность наносилась на план [9, л. 21].

Способ строительства определялся управляющим палаты госимуществ в зависимости от возможностей и средств прихожан. При подрядном способе контракт с подрядчиком заключала палата госимуществ [6, л. 36] или церковный совет с разрешения губернатора [9, л. 42]. Подрядчиками являлись лица разных сословий, имевшие недвижимость в пределах Северо-Западного края, которая выступала гарантом качественного выполнения строительных работ, указанных в контракте. Работы велись строго по проектно-сметной документации, полученной в палате госимуществ. Оплату за свою работу подрядчик получал частями и по квитанции, выписанной архитектором [8, л. 155]. При хозяйственном способе строительства члены церковного совета нанимали рабочих или осуществляли церковно-строительные работы собственными силами под контролем архитектора, ориентируясь на проект и смету [13, с. 66]. В случае появления непредвиденных расходов, в т. ч. для приобретения стройматериалов, церковный совет получал деньги по талону в уездном казначействе, который выписывался в палате госимуществ и передавался в уездный комитет по строительству и ремонту православных храмов [6, л. 117].

После завершения строительных работ для осмотра объекта и передачи его в духовное ведомство собиралась комиссия из членов

церковного совета и(или) прихожан, архитектора, благочинного и приходского священника. По результатам осмотра составлялся акт за подписью всех присутствующих [14, л. 49]. Дальнейшая забота о состоянии церковного здания входила в обязанности прихожан.

В декабре 1867 г. были приняты новые правила «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края», которые упорядочили структуру государственного управления церковным строительством. Согласно документу, строительство и ремонт православных храмов во всех видах землевладений курировало одно ведомство – Министерство внутренних дел, а на губернском уровне – губернские церковно-строительные присутствия [15, л. 341]. Соответственно церковное строительство из ведения Министерства государственных имуществ было изъято и передано в Министерство внутренних дел.

Таким образом, строительством храмов в государственных имениях с 1858 г. по 1867 г. на территории Беларуси занималось Министерство государственных имуществ, а в губернских центрах – палаты государственных имуществ, подчинявшиеся по этому вопросу виленскому генерал-губернатору. С 1864 г. данные учреждения активно взаимодействовали с губернскими и уездными комитетами по строительству и ремонту православных храмов Министерства внутренних дел. После вступления в силу в 1867 г. новых правил о порядке выполнения церковно-строительных работ это направление деятельности из Министерства государственных имуществ было передано в Министерство внутренних дел.

Порядок осуществления церковно-строительных работ делился на два этапа. На подготовительном этапе в палатах госимуществ архитекторами и инженерами составлялась проектно-сметная документация, отсылаемая на утверждение в техническую комиссию профильного министерства. Далее члены сельских обществ и церковных советов подготавливали стройматериалы (древесину, булыжный камень, кирпич). Затем выбирали место под строительство храма. Основной этап включал два способа строительства: подрядный – возведение объекта отдавалось подрядчику по контракту; хозяйственный предполагал наем рабочих или совершение строительных работ собственными силами. Качество выполненных работ периодически проверял архитектор или инженер.

По окончании всех строительных работ церковное здание осматривала специальная комиссия, и оно передавалось в духовное ведомство.

Список литературы

1. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. В 5 ч. Ч. 2. Попечительство. Поземельное устройство. – СПб. : Тип. Я. И. Либермана, 1888. – 547 с.
2. Крапивин, В. С. Деятельность Министерства государственных имуществ по поддержке духовенства и образования в Беларуси (1839–1863 гг.) / В. С. Крапивин // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 16 / сост. С. В. Анцух ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск : Четыре четверти, 2016. – С. 36–38.
3. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 73. Д. 1650.
4. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3 т. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883. – Т. 3. – 1402 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 8. Оп. 1. Д. 1265.
6. НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 20.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31813.
8. НИАБ. – Ф. 27. Оп. 1. Д. 506.
9. НИАБ в Гродно. – Ф. 849. Оп. 1. Д. 21.
10. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. Оп. 1. Д. 3.
11. НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 16.
12. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 7.
13. Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. – 3-е изд. – СПб. : Тип. К. К. Ретгера, 1881. – 428 с.
14. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 4.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 225. Д. 94.

Кейко Юлия Владимировна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Julia Kejko,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: jv.kejko@gmail.com

CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES IN STATE ESTATES ON THE TERRITORY OF BELARUS (1858–1867)

The article reveals the process of Orthodox churches construction in state estates on the territory of Belarus, carried out by the Ministry of State Property from 1858 to 1867. The structure of the church construction management system and its interaction with other institutions and parish societies is shown. The stages of the temples construction are identified and characterized. The conclusion is drawn about the role and significance of Orthodox church building in Belarusian history.

Keywords: orthodoxy, construction of churches, state estates, Belarus.

М. В. Мартён

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Рассмотрены основные тенденции в формировании и развитии гендерной политики западноевропейских политических партий. Показано, как учитывается гендерный фактор при разработке предвыборных политических программ, при выдвижении кандидатов от партий в представительские органы власти. Отражены присутствие и роль женщин в высших эшелонах исполнительной власти западноевропейских стран.

Ключевые слова: политические партии, гендерная политика, избирательные кампании, «позитивная дискриминация», гендерный состав парламентов и правительств западноевропейских стран.

Понятие «гендер» в последнее время широко употребляется в разных гуманитарных науках и общественных сферах. Зачастую его трактовки в исторической науке, феминистской теории, гендерной социологии и гендерной психологии различаются. Однако везде подчеркивается необходимость разграничения понятий «гендер» и «пол», так как пол подразумевает только физические характеристики, а гендер предполагает культурные, психические и социальные различия. В современных гендерных исследованиях считается устаревшим, критикуется понимание гендера как реализации пола в социуме, поскольку такая трактовка является производной от биологического пола. Гендер рассматривают как одну из базовых категорий социального деления и неравенства.

Сторонники социального конструктивизма утверждают, что гендерные роли конструируются обществом, что женщинами и мужчинами не рождаются, а становятся. В такой трактовке понятие «гендер» приобретает политическое содержание, включает в себя критику существующих гендерных отношений неравенства и предназначено для построения нового социального порядка, основанного на гендерном равенстве. Если мы обратимся к политической практике, то сможем убедиться, что в деятельности политических партий обращение к гендерной проблеме, прежде всего, означает обеспечение равноправия мужчин и женщин, более того, преодоление неравноправного положения женщин.

Политика как важная общественная сфера веками считалась делом мужчин, а женщины оставались в сфере частного, повседневного. Даже теоретики либерализма, провозглашая индивидуалистские ценности и равенство граждан, умалчивали о необходимости распространения эгалитарных прав и на женщин. С появлением политических партий ситуация менялась очень медленно: женщины до конца XIX века, а в

ряде крупных европейских государств до середины XX века, не имели избирательных прав.

Одна из первых стран, где сложилась парламентская система, – Великобритания. Здесь уже в период формирования массовых партий (последняя треть XIX – начало XX века) использовалась женская общественная активность для распространения влияния партии консерваторов. Так, сотни тысяч женщин участвовали в деятельности массовой организации «Лига подснежника», созданной консерваторами в 1886 году. Женщины занимались организационной работой, сбором финансов для партии. В Лиге было много жён членов консервативной партии, преимущественно неработающих женщин из среднего класса, которые могли посвящать партии свое свободное время и материальные средства [1].

С обретением женщинами избирательных прав интерес к ним как к значительной части электората усилился. Завоевание женских голосов – первая задача политических партий, которые должны были при выработке своих предвыборных платформ учитывать интересы женщин, их мнения. Однако борьба за женскую часть электората была неразрывно связана с присутствием женщин в партии, их выдвижением в руководящие внутрипартийные структуры и в представительные политические органы. Так сформировалась вторая задача – обеспечить более значительную роль женщин внутри партии и их участие в ее представительстве в органах государственной власти.

Тем не менее, достаточно долго сохранялся более низкий по сравнению с мужчинами статус женщин в политических партиях. Система выдвижения внутри партии кандидатов в члены парламента также давала преимущества мужчинам. Только после Второй мировой войны в партии консерваторов были проведены некоторые реформы в пользу женщин. Так, был отменен денежный взнос, который ранее делали кандидаты в члены парламента от консерваторов. Это расширяло возможности выдвижения женщин, которые имели в среднем более низкий уровень дохода, чем мужчины.

Первой женщиной, ставшей депутатом палаты общин британского парламента еще в 1920-е годы, стала Нэнси Астор, представлявшая консервативную партию. Она взяла на себя защиту интересов женщин и детей, считая особенно важными проблемы, связанные со злоупотреблением алкоголем. В 1924 году она предложила законопроект, в котором предлагалось запретить продажу спиртных напитков молодым людям, не достигшим 18 лет. Он был принят большинством голосов [1].

Консервативная партия Великобритании имела имидж «женской» благодаря тому, что ее электорат в значительной мере представляли

женщины, они же по сей день устойчиво составляют половину членов этой партии. Лейбористы же традиционно представлялись «мужской партией», так как они были тесно связаны с профсоюзами работников тяжелой промышленности, почти полностью мужскими и по своему составу, и по составу руководящих органов, и по взглядам. Увеличение численности женщин в составе наемной рабочей силы, натиск на профсоюзы в 1980-е годы способствовали тому, что взгляды профсоюзного руководства на роль женщин изменились. Это сказалось и на позиции партии лейбористов.

В первые послевоенные десятилетия политика в отношении женщин двух ведущих партий Великобритании – консервативной и лейбористской – по существу не отличалась. Обе партии ставили целью построение в Великобритании «государства благосостояния», которое должно обеспечивать государственными пособиями женщин с несовершеннолетними детьми. Одинаковый курс проводился и в отношении принципа равной оплаты за равный труд. Принятый в 1970 г., но вступивший в силу в 1975 году, Закон о равной оплате, как и Закон о запрете дискриминации по признаку пола 1975 года, фактически поддерживались обеими партиями.

В 1980-е годы отношение к женскому электорату становится предметом острой межпартийной конкуренции. И хотя первая женщина на посту премьер-министра – Маргарет Тэтчер – не проводила в отношении женщин целенаправленную политику, она не раз выступала как сторонница женского равноправия. Тэтчер утверждала, что необходимо расширение присутствия женщин на высших должностях. В 1986 году при министерстве внутренних дел была создана специальная группа по проблемам женщин. Однако в целом традиционный подход консерваторов к женщинам оказался устойчивым. Тэтчер гордилась тем, что выиграла в равноправной борьбе с мужчинами за премьерский пост. На всеобщих парламентских выборах 1979 года, которые привели М. Тэтчер к власти, вместе с нею в палату общин прошли только 8 консервативных женщин. В 1983 году их число достигло 13, в 1987 году – 17 [1]. В этот период все партии, и особенно консерваторы, выдвигали женщин на выборах в парламент в тех округах, где позиции партии были слабы, и шансов победить было очень мало. Такая «уловка» сужала возможности женщин попасть в парламент.

Сменивший Маргарет Тэтчер на посту премьер-министра Джон Мейджор не включил ни одной женщины в свой первый кабинет. Однако это вызвало негодование женщин из Консервативной партии, и в следующем составе кабинета уже было две женщины. При Мейджоре была объявлена задача по преодолению дискриминации по признаку

пола на рабочих местах – кампания «Возможность 2000». Ее целью было продвижение женщин на верхние ступени профессиональной лестницы, на ранее малодоступные для них места. Однако осуществление этой цели было полностью возложено на организации бизнеса, а правительство в этом активно не участвовало.

Подъем феминистского движения и необходимость бороться за голоса женщин-избирательниц потребовали от политических партий обновления гендерной политики. Первым официальным документом Лейбористской партии Великобритании, в котором серьезно анализировались проблемы женщин, была «Лейбористская программа 1982». В ней содержались такие предложения, как значительное расширение сети детских учреждений, политика позитивных действий в пользу женщин на рабочих местах, усиление законодательства о равенстве полов.

Уже в апреле 1983 г. национальный исполком лейбористской партии опубликовал «Хартию об установлении равенства для женщин внутри партии», поставив целью увеличить участие женщин на всех уровнях партийной жизни. В предвыборном манифесте 1987 г. партия дала обещание в случае прихода к власти создать в стране министерство по вопросам женщин. И хотя выборы лейбористы проиграли, тем не менее действительно учредили в своем «теневом» кабинете пост министра по вопросам женщин, не имевший аналога в правительстве Тэтчер. Его заняла левая лейбористка Д. Ричардсон.

В этом же году на ежегодной партийной конференции было принято решение об обязательном включении женщин в короткие списки (в них значились пять претендентов на место кандидата от партии в конкретном округе), которое было реализовано через два года. А уже в 1990 г. очередная партийная конференция одобрила целевую установку о том, что в 2000 г. женщины должны составить 40 % всех лейбористских членов парламента. Чтобы приблизиться к этой цели, конференция 1993 г. приняла решение ввести в некоторых округах короткие списки, состоящие из одних женских имен. Их было решено ввести в половине «переходящих по наследству» округов (где ранее избранные лейбористские депутаты по тем или иным причинам не переизбираются) и в половине «наиболее надежных» округов. На протяжении последующих двух лет политика женских коротких списков была реализована в 35 избирательных округах [2].

В 1993 г. была принята новая программа Лейбористской партии. Ее часть, посвященная гендерной проблеме, провозглашала необходимость равенства в обществе, что должно было способствовать устойчивому демократическому развитию. Свое внимание лейбористы сосредоточили

на проблеме женской занятости и проблеме гендерного неравенства на рынке труда, которое наиболее проявляется в разрыве в заработной плате между мужским и женским населением (на 1997 г. почасовые заработки женщин составляли 80,2 % почасовых заработков мужчин, а в 2004 г. они поднялись до 82 %).

В политической платформе «новых лейбористов» во главе с Энтони Блэром были разделы о резервировании доли «выигрышных» мест для женщин-кандидатов. В 1997 году Лейбористская партия приняла временную специальную меру в виде «Списка, состоящего исключительно из женщин» для отбора кандидатов на парламентские выборы и выборы в местные советы. После принятия этой политики доля женщин-депутатов, избираемых в Палату общин в 1997 году, возросла с 10 % до 18 % и с тех пор продолжает расти. После выборов 2017 года 45 % депутатов от лейбористской партии были женщинами [3].

Важным достижением в борьбе за равенство становилось также присутствие женщин в высших органах управления. На выборах 1997 г. в Великобритании был побит рекорд не только по количеству женщин, избранных в парламент, но и получивших министерские посты (21 %) и вошедших в состав кабинета министров (23 %). В Палату общин в 1997 г. была избрана 101 женщина от Лейбористской партии, 13 – от Консервативной партии, 3 – от Партии либеральных демократов, 3 – от других политических сил. В результате женское представительство в Палате общин возросло в два раза: с 60 до 120 человек [4, с. 179].

Если до 1997 г. в общей сложности только 40 женщин-депутатов когда-либо занимали какую-то министерскую должность, то к началу третьего срока Блэра в 2005 г. этот показатель удвоился. Причём женщины, как правило, занимали около трети всех правительственных должностей на протяжении всех трёх с половиной сроков премьерства Э. Блэра [4, с. 179].

В декабре 2018 года британским парламентом был выпущен доклад, из которого следовало: с 1997 года процент женщин-парламентариев вырос с 18,2 % до 32 % (в том числе в Палате лордов – с 7,1 % до 26,1 %) [5].

Не сразу сформировалась и целенаправленная гендерная политика политических партий ФРГ. Несмотря на то, что равноправие между мужчинами и женщинами было изначально закреплено в Конституции страны 1949 года, в реальной жизни все выглядело иначе. Мужчина, согласно закону о семье, считался главой семейства. Если женщина хотела устроиться на работу, то вплоть до 1970-х годов прошлого века ей требовалось для этого письменное разрешение супруга. Как правило, женщинам приходилось выполнять менее квалифицированную работу, соглашаться на неполный рабочий день. Их доход считался

«дополнительным», основным же источником денег была работа мужчин [6]. Законы об уравнивании в правах женщин и мужчин были приняты в ГДР в 1950 г., а в ФРГ в 1957 г. [7].

В 1960–1970-е годы получила распространение «позитивная дискриминация» в форме гендерных квот – количественных норм присутствия каждого пола в руководящих органах партий и среди парламентских кандидатов. Она была взята на вооружение политическими партиями в ряде европейских стран.

В целом к началу 1980-х гг. количество женщин, занятых в политической сфере ФРГ, заметно увеличилось по сравнению с 1960–1970-ми годами. Это связано с тем, что находившаяся у власти в 1969–1982 гг. левоцентристская коалиция во главе с Вилли Брандтом и Гельмутом Шмидтом стремилась получить поддержку наиболее социально активных слоев населения, в том числе и многочисленных женских организаций.

В 1980-е годы возросло количество женщин – депутатов нижней палаты немецкого парламента (бундестага). И если в 1972 г. в его составе было лишь 5,8 % женщин (это даже меньше, чем во времена Веймарской Республики), то уже после выборов 1976 г. эта цифра выросла до 7,3 %, в 1980 г. составила 8,5 %, а в 1983 г. – уже 9,8 %. Этот количественный рост прежде всего обеспечил увеличение числа женщин-депутатов в левых фракциях. Тем самым перешедшие в 1982 г. в оппозицию социал-демократы пытались сохранить имидж партии, выступающей за полное равноправие женщин во всех сферах общественной жизни страны, в том числе и в политике [8].

В Федеративной Республике Германии наиболее последовательными сторонниками активного вовлечения женщин в политическую сферу выступили левые политические силы ФРГ (социал-демократы и зеленые). После 1990 г. к ним также примкнули восточногерманские левые социалисты – члены Партии демократического социализма. Присутствие женщин на высших политических постах Германии должно было, по их мнению, придать германской политике более взвешенный и миролюбивый характер. Таких же позиций придерживается и созданная в 2007 году Левая партия, объединившая членов Партии демократического социализма и представителей левого крыла социал-демократов.

По результатам выборов 2017 года женщины составили треть депутатов в бундестаге ФРГ. В составе фракции Левой партии был наибольший удельный вес женщин – 53,6 % [9].

Франция является одной из немногих стран в мире, которая ввела в действие постоянно действующие правила равного представительства женщин и мужчин на всех уровнях национального и местного управления. В соответствии с принятыми в 2000 году законами при выборах в нижнюю палату парламента разница между числом кандидатов каждого пола в партийном списке не может превышать 2 %, а кандидатуры женщин и мужчин должны чередоваться. С 2013 года на местных выборах избиратели в каждом кантоне какого-либо округа избирают двух членов противоположного пола тайным голосованием [3, с. 36].

В 2000 году был принят соответствующий закон о паритете. Однако в генеральных ассамблеях и мэриях, где не действует закон о равенстве, женщины составляли менее 11 % депутатов, и только одна-единственная женщина (Сеголен Руаяль от Социалистической партии) баллотировалась на пост президента Франции [10, с. 18].

Тем не менее, ситуация меняется. Если в 2012 году женщины получили 155 места в парламенте страны, то по результатам выборов 2017 года женщины заняли 223 места из 577 в Национальной ассамблее, нижней палате парламента. Это почти 40 %. Такой исход голосования позволил стране взлететь на 17 место в мире по показателю представительства женщин в парламенте (раньше Франция занимала 64 строчку). В Европе ее результат по этому показателю и того лучше – 6-е место. При этом доля женщин в Национальной ассамблее стабильно росла с 12,3 % по результатам выборов 2002 года до 38,6 % в 2017 году [11].

В июле 2020 г. был объявлен новый состав правительства Франции. При этом гендерный паритет в правительстве, как и обещал президент Эммануэль Макрон, был сохранен. Пост министра вооруженных сил в кабинете сохранила Флоранс Парли, возглавлявшая военное ведомство с 2017 года.

В Испании закон, принятый в 2007 году (Органический закон № 3 от 22 марта 2007 года), обязывает политические партии обеспечивать, чтобы в их избирательных списках было не менее 40 % и не более 60 % кандидатов каждого пола (в пределах избирательной системы пропорционального представительства). Эффективность этого закона гарантируют жесткие санкции: избирательные органы аннулируют избирательные списки, которые не соответствуют требованию о квоте. Кроме этого, соотношение 40/60 должно соблюдаться не только в избирательных списках в целом, но также и для каждых пяти позиций в каждом списке – политические партии не могут выдвигать кандидатов-женщин на места в нижней части избирательных списков, которые считаются проигрышными [3, с. 35]. На начало 2019 г. Испания была

лидером по доле женщин в правительстве – 11 из 17 членов правительства (64,7 %) [5].

В ряде стран изменения в представленности женщин в законодательных органах сопровождаются созданием женских парламентских сетей. Эти сети вносят ощутимый вклад в продвижение женщин, отстаивая равное представительство женщин и мужчин на выборных должностях с помощью временных специальных мер, участвуя в информационно-просветительской работе по вопросам политики, содействуя налаживанию межпартийного сотрудничества и согласованию законодательных приоритетов, а также поощряя законодательные реформы, учитывающие гендерную проблематику. Например, в Финляндии сеть женщин-парламентариев действует как форум, на котором могут обсуждаться политические вопросы, затрагивающие женщин, в частности независимо от партийной линии. Эта сеть, деятельность которой координирует Комитет по трудоустройству и равенству, добивается реализации равенства между мужчинами и женщинами и поощрения прав женщин, а также внедряет гендерный подход в законодательную работу [12].

В деятельности пяти государств Северной Европы (Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, Швеции) по обеспечению политики гендерного равенства можно отметить как общие, так и отличительные черты. Лидерами реализации политики гендерного равенства в странах Северной Европы являются Швеция, Норвегия, Финляндия. Гендерное равенство в странах Северной Европы связано с моделью государства всеобщего благосостояния. Швеция заметно лидирует в этом процессе. Прогресс Швеции в разделении и распределении власти между женщинами и мужчинами обусловлен несколькими условиями: с одной стороны, инициаторами гендерного квотирования в политических процедурах выступили социал-демократы Швеции в конце 1960-х гг.; с другой стороны, важную роль в принятии и осуществлении соответствующих партийных решений сыграли нажим и контроль со стороны самих женщин. Развитие второй волны феминизма в 1970–1980-е гг. подняло вопрос о необходимости полноправного участия женщин в партийных руководящих органах и во властных структурах [13].

В современной политике важную роль играет финансирование. В Италии политические партии должны выделять 5 % государственного финансирования, которое они получают, на деятельность, способствующую активности женщин, и на их политическую деятельность. С 2009 года государственные средства, полученные политическими партиями в Ирландии, должны быть направлены на определенные цели,

включая содействие участию женщин и молодежи в политической деятельности [3, с. 40].

Увеличивается представительство женщин на высших государственных должностях (уровень принятия решений). По состоянию на август 2019 года в 14 из 56 стран региона Евразийской экономической комиссии женщины являлись главами государств или правительств. К их числу относились: Австрия (глава правительства), Германия (глава правительства), Грузия (глава государства), Дания (глава государства и глава правительства), Исландия (глава правительства), Канада (глава государства), Норвегия (глава правительства), Республика Молдова (глава правительства), Румыния (глава правительства), Сербия (глава правительства), Словакия (глава государства), Соединенное Королевство (глава государства), Хорватия (глава государства) и Эстония (глава государства). В 2019 году женщины возглавляли более 30 % министерств всего в 14 странах ЕЭК и более 50 % – всего в 5 в диапазоне лишь от 0 % в Литве и Азербайджане до 64,7 % в Испании [12].

Тем не менее, имеются значительные гендерные различия в отношении министерских должностей: женщины чаще получают назначения в сферы здравоохранения, образования или социальных вопросов, а мужчины – в сферы иностранных и внутренних дел, обороны и правосудия. Например, по состоянию на июль 2019 года женщины возглавляли министерства обороны всего в восьми государствах: Албании, Германии, Дании, Испании, Италии, Нидерландах, Северной Македонии и Франции.

Доля женщин в национальных парламентах за период 2013–2019 годов возросла минимум в 42 странах региона ЕЭК. Всего 20 стран достигли или превысили 30-процентную долю женщин – установленный в 1990 году международно согласованный минимальный целевой показатель [12].

Таким образом, стремление к реальному равноправию женщин и обеспечению их активного присутствия в политике является общей тенденцией для западноевропейских партий.

Это стало неотъемлемой частью либеральной доктрины и характерной чертой современного состояния общества.

Список литературы

1. Степанова, Н. М. Культура гендерных отношений в политических партиях и в парламенте Великобритании [Электронный ресурс] / Н. М. Степанова. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova1.htm>. – Дата доступа: 26.04.2021.

2. Вершинина, Д. Б. Парламентская элита современной Великобритании и проблемы представительства меньшинств населения [Электронный ресурс] / Д. Б. Вершинина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskaya-elita-sovremennoy-velikobritanii-i-problemy-predstavitelstva-minoritarnykh-grupp-naseleniya>. – Дата доступа: 20.04.2021.
3. Достижение сбалансированного участия женщин и мужчин в принятии политических и общественных решений в Российской Федерации. Отчет о лучших европейских практиках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tm.coe.int/report-balanced-participation-of-women-and-men-in-decision-making-in-t/16809e3c24>. – Дата доступа: 14.05.2021.
4. Хахалкина, Е. В. Гендерный фактор в формировании правящих элит в Великобритании [Электронный ресурс] / Е. В. Хахалкина // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С. 176–187. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-faktor-v-formirovaniipravuyaschih-elit-v-velikobritanii>. – Дата доступа: 14.05.2021.
5. Как женщины занимают парламентские скамейки [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 04.05.2019. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3960694#id855632>. – Дата доступа: 28.04.2021.
6. О причинах женской дискриминации в ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/B3/a-5331930>. – Дата доступа: 14.05.2021.
7. Иудин, А. А. Германия: Гендерная политика как основа гендерной культуры [Электронный ресурс] / А. А. Иудин, Д. А. Шпилев. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/34913758-Germaniya-gendernaya-politika-kak-osnova-gendernoy-kultury.html>. – Дата доступа: 27.04.2021.
8. Фрольцов, В. В. Гендерный фактор в формировании внутренней и внешней политики ФРГ в 1980–1990-е годы [Электронный ресурс] / В. В. Фрольцов. – Режим доступа: https://fir.bsu.by/images/departments/ir/ir-materials/ir-studyprocess/Froltsov/3.4_2001_froltsov_Gendernyy_faktor.pdf. – Дата доступа: 17.04.2021.
9. Кто есть кто в бундестаге нового созыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru>. – Дата доступа: 29.04.2021.
10. Жукова, О. И. Гендерная интерпретация политики: теоретические подходы и политические практики: примеры России и Франции [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / О. И. Жукова. – 2010. – Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/RCM_Website/ECE_AC.28_2019_12-r.pdf. – Дата доступа: 26.04.2021.
11. Вперед, Республика: во французский парламент прошло рекордное число женщин-депутатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/346589-vpered-respublika-vo-francuzskiy-parlament-proshlo-rekordnoe-chislo-zhensnh-chi>. – Дата доступа: 18.05.2021.
12. Руководящая роль женщин в процессе принятия решений в регионе ЕЭК Записка, подготовленная ПРООН (2019 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/RCM_Website/ECE_AC.28_2019_12-r.pdf. – Дата доступа: 22.04.2021.
13. Шпылева, М. В. Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы [Электронный ресурс] / М. В. Шпылева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-gendernogo-ravenstva-v-stranah-severnoy-evropy>. – Дата доступа: 23.04.2021.

Мартён Майя Владимировна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Maiya Martson,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: m.martyon@grsu.by

GENDER FACTOR IN THE ACTIVITIES OF WESTERN EUROPEAN POLITICAL PARTIES

The article examines the main trends in the formation and development of gender policy in Western European political parties. It is shown how the gender factor is taken into account when developing pre-election political programs, when nominating candidates from parties to representative bodies of power. The presence and role of women in the highest echelons of the executive power of Western European countries is reflected.

Keywords: political parties, gender politics, election campaigns, «positive discrimination», gender composition of parliaments and governments of Western European countries.

УДК 94(46):322

В. И. Настусевич

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА НА КАТОЛИЧЕСКУЮ ЦЕРКОВЬ ИСПАНИИ

Рассматривается влияние решений Второго Ватиканского Собора на Католическую Церковь Испании. Рассматривается роль *Opus Dei* в принятии некоторых решений Собора, изменение взаимоотношений между Ватиканом и режимом Франсиско Франко, а также влияние решений Собора на литургическую жизнь в Испании.

Ключевые слова: Католическая Церковь, Второй Ватиканский Собор, *Opus Dei*, Испания, франкизм, Франсиско Франко.

Второй Ватиканский Собор (1962–1965) занимает особое место в истории Католической Церкви. На нем был принят ряд документов, реализация которых привела к глубоким преобразованиям в церковной практике и политике, положив начало реформированию Католической Церкви. Для Испании, где столетиями общество жило по традиционному сложившемуся христианскому укладу, а Католическая Церковь являлась одним из самых влиятельных религиозных институтов, Собор имел важное значение. «Испания была, есть и будет католической. Она по своей природе идентична католицизму» [1, с. 84], – на такой основе держалось франкистское государство. Конкордат 1953 г. подтверждал конфессиональный характер нации и государства, где Церковь хоть и имела привилегии, но во многом должна была напрямую подчиняться Франсиско Франко и его режиму.

25 декабря 1961 г. по инициативе папы Иоанна XXIII (1958–1963) Апостольским Постановлением было объявлено о созыве Второго Ватиканского Собора. Причины, которые подтолкнули Папу к такому решению, заключались в следующем: 1) к XX в. мир претерпел

значительные изменения, вследствие технического прогресса и социальных преобразований; 2) церковной жизни требовалось обновление, называемое папой Иоанном XXIII «аджорнаменто»; 3) Папа выразил необходимость объединения усилий с другими христианскими церквями. В качестве основных целей Собора выступили: 1) необходимость изучения указанных изменений; 2) расширение возможностей для развития Церкви и выполнения ее миссии в сложившихся условиях; 3) развитие экуменистических процессов в рамках христианского мира. Однако папа Иоанн XXIII так и не смог увидеть плоды работы созванного им Собора, поскольку умер после первой его сессии – 3 июня 1963 г.

19 июня 1963 г. в Ватикане собрался конклав Коллегии кардиналов для избрания нового Папы. Весь католический мир ожидал этого решения. 21 июня 1963 г. Папой был избран Джованни Баттиста Монтини, принявший имя Павла VI (1963–1978). После избрания нового Папы возник вопрос: будет ли продолжена деятельность Собора после смерти Иоанна XXIII? Однако вскоре после своего избрания Павел VI рассеял эти сомнения: 14 сентября, декретом *Humanae temporis signa* («Эти времена знамений»), он созвал Собор в Риме и чуть позже открыл вторую сессию Ватиканского Собора. На этом этапе, с 29 сентября по 4 декабря 1963 г., были обнародованы первые одобренные Собором документы: конституция о священной литургии *Sacrosanctum Concilium* («Святейший Собор») и декрет о средствах массовой коммуникации *Inter mirifica* («Из числа поразительных»).

На третьей сессии Собора было начато изучение вопросов, связанных с мирянами и вселенским призывом к святости. Позже выработанные идеи получили отражение в догматической конституции *Lumen Gentium* («Свет народам»), на которую большое влияние оказало учение испанской католической организации *Opus Dei* («Дело Божие»). В основе этой организации лежит идея достижения святости в повседневной жизни, в частности, через добросовестное исполнение семейных, профессиональных и общественных обязанностей. Основателем организации является католический святой, испанский священник Хосе-Мария Эскрива де Беллагер (1902–1975). Прежде чем занять свое место в иерархии Католической Церкви и получить признание испанского общества, *Opus Dei* пришлось пройти длинный путь становления: от малочисленной и гонимой группы единомышленников до официального признания Святым Престолом. В 1950 г. данная организация получила от папы Пия XII (1939–1958) статус светского института папского права, который позволил «Делу Божиему» оказывать влияние на решения Ватикана, а также на государственные и общественные отношения в Испании. К середине 1950-х гг. влияние

Opus Dei отмечалось сразу во многих сферах: в государственном аппарате, в промышленных и банковских кругах. Его члены фактически контролировали «Народный банк» [2, с. 31]. Тем самым, по словам Хосемарии Эскрива, «в Испании Opus Dei приобрел экономическое и политическое могущество, соответствующее тому месту, которое заняли его члены в мире политики и экономики» [2, с. 27]. В период «второго франкизма» (1957–1975) выходцы из данной организации заняли ведущие посты в правительстве [3, л. 3], достигнув своего наибольшего влияния к 1969 г. [3, л. 201].

Хосемарию Эскрива часто называют «предвестником Второго Ватиканского Собора» [4, с. 172]. Отчасти это связано с тем, что его идеи о достоинстве и роли мирян в Церкви заняли важное место на соборных сессиях и в последующем получили отражение в заключительных документах Собора. Некоторые из членов Opus Dei и Священнического Общества Святого Креста (ассоциация священнослужителей входящая в Opus Dei) принимали непосредственное участие в их подготовке. Кроме того, Альваро дель Портильо, являвшийся Генеральным Секретарем Opus Dei, изначально был избран председателем комиссии по вопросам католиков-мирян (*De laicatu catholico*) и секретарем предсоборной комиссии по вопросам духовенства и христианского народа (*De disciplina cleri et populi christiani*), а также экспертом (*peritus*) и консультантом Второго Ватиканского Собора [5, с. 21]. В это же время Иоанн XXIII образовал Папскую комиссию по пересмотру Кодекса канонического права, где монсеньор Альваро дель Портильо также был назначен консультантом. Отец Эскрива предполагал, что и сам будет участником Собора и даже рассматривал роли, которые смог бы там сыграть. По воспоминаниям Альваро дель Портильо, Эскрива предполагал, что его могут пригласить в качестве Генерального президента Opus Dei. Однако он решил отказаться от своего участия, посчитав его неправильным и даже неудобным, поскольку оно могло толковаться как целенаправленная попытка повлиять на соборный процесс ради пересмотра и изменения юридического статуса Opus Dei. Чуть позже по просьбе Иоанна XXIII Хосемария Эскрива был приглашен на Собор в качестве эксперта. Но он постарался аргументированно отказаться от этого предложения, сославшись на обилие работы и возраст [4, с. 172–173]. Не принимая непосредственного участия в сессиях Собора, Хосемария Эскрива, тем не менее, смог оказать влияние на его ход и решения. Большое количество епископов приходило к нему за советом в штаб-квартиру Opus Dei в Риме. Среди них были архиепископы Дублина, Филадельфии, Детройта и др. [6].

В 1962 г. отец Эскрива предложил превратить Opus Dei в прелатуру, аналогичную *Prelaturas nullius* Кодекса канонического права 1917 г.

Однако, оказалось, что *Prelaturas nullius* согласно нормам Кодекса относилась к прелатурам территориального характера. В то же время *Opus Dei*, организационная структура которого вышла далеко за пределы Испании, требовала иного подхода. Тогда Хосемария Эскрива, последовав совету кардинала Джузеппе Сири, предложил широкую трактовку вышеупомянутого канона вплоть до создания персональной прелатуры – совершенно новой организации в иерархии Католической Церкви, подчиняющейся напрямую Папе [6]. В ответ папа Иоанн XXIII посчитал невозможным воплощение в жизнь данного предложения без изменения норм канонического права. В результате, на Втором Ватиканском Соборе, посредством декрета *Presbyterorum Ordinis* («Чин пресвитеров») 1965 г., вступившего в силу в 1966 г., в церковное право были введены правила организации персональных прелатур. Павел VI, благосклонно откликнувшийся на просьбу Хосемарии Эскрива, позволил ему создать в 1969 г. в Риме Чрезвычайный генеральный съезд *Opus Dei* на котором рассматривался вопрос о преобразовании организации в персональную прелатуру [7]. По итогам Съезда в «*Codex Iuris Particularis*» *Opus Dei* были внесены соответствующие изменения [8]. Однако статус персональной прелатуры был присвоен организации лишь в 1982 г. папой Иоанном Павлом II (1978–2005).

Наибольшее значение для испанской Католической Церкви получили принятые на Соборе догматическая конституция *Lumen Gentium* и декрет об апостольстве мирян *Apostolicam actuositatem* («Апостольская деятельность»). *Lumen Gentium* постулировала понятия народа Божия, объединяющего собой священнослужителей, монашество и верующих-мирян [9, с. 25]. Согласно этой конституции, была признана возможность достижения мирянами святости [10]. А в соответствии с декретом *Apostolicam actuositatem* утверждалось право мирян на апостольскую деятельность [11].

После Второго Ватиканского Собора изменились отношения Католической Церкви и испанского государства. Принятая на Соборе конституция *Gaudium et Spes* («Радость и надежда») включала в себя положение, согласно которому политическое сообщество и церковь объявлялись независимыми и автономными [12, с. 251]. Оно сопровождалось пояснением, что церковь «не возлагает надежд на привилегии, полученные от государственной власти; но даже откажется от использования тех или иных законно приобретенных прав, как только уяснит, что их сохранение может омрачить чистоту ее апостолата или новые условия жизни требуют другого установления» [12, с. 251]. Тем самым испанская Церковь получила прямую поддержку Ватикана и стимул к обособлению от авторитарного режима Франко. Согласно мнению Л. В. Пономаревой, данное решение «объяснялось не простыми

расчетами церкви по обеспечению своего будущего, а ее новым пониманием своего присутствия в мире» [12, с. 221].

Ухудшению взаимоотношений режима Франко и испанской Церкви поспособствовало принятие 28 октября 1965 г. Декрета о пастырской должности епископов в Церкви. Согласно нему запрещались все формы вмешательства гражданских властей в назначение епископов [12, с. 252]. Однако Конкордатом 1953 г. было закреплено право Ф. Франко назначать и низлагать епископов в Испании. В связи с этим Собор обратился к каудильо с просьбой отказаться от этой привилегии. Данная просьба не была услышана политическим руководством Испании поскольку, как указывалось в ответной ноте, «указания Ватикана меняют отношения между церковью и испанским государством и <...> нарушается принцип конфессиональности, соответствующий убеждениям подавляющего большинства испанцев» [13, с. 70]. В апреле 1968 г. папа Павел VI был вынужден повторно обратиться к главе испанского государства с просьбой отказаться от его привилегии в назначении епископов. Однако Ф. Франко и во второй раз не принял этого предложения. Он сослался на то, что «юридически любые изменения соглашений между обоими институтами, в частности изменения в назначении епископов – этого главного пункта соглашений между святым престолом и испанским государством, требуют одобрения их правительством и кортесами» [13, с. 70].

Также на Соборе был провозглашен принцип свободы совести в декларации *Dignitatis humanae* («Достоинство человеческой личности»), резюмировавший, что «все люди должны быть свободны от принуждения как со стороны отдельных лиц, так и общественных группировок, либо какой бы то ни было человеческой власти», поскольку «право на религиозную свободу зиждется в самом достоинстве человеческой личности» [1, с. 85]. По словам российского исследователя Т. Б. Коваль, франкистской политической элитой и церковной иерархией данный аспект был принят «в штыки» [1, с. 85]. Она отмечает, что «намекая на франкистский режим», Собор выразил «глубокую скорбь о дискриминации между верующими и неверующими, которую несправедливо вводят некоторые гражданские власти, не признавая основных прав человеческой личности» [1, с. 85]. Данное заявление в свою очередь вызвало негодование многих испанских епископов, принимавших участие в Соборе, поскольку согласно господствующей в Испании идеологии национал-католицизма любая критика франкизма воспринималась не только как оскорбление власти, но и самой Испании и ее традиций. Испанские епископы написали личное письмо папе Павлу VI, в котором заявили, что данная декларация ограничивает как

церковную, так и государственную власть [1, с. 85–86]. Несмотря на призывы Папы не бояться и принять декларацию о свободе совести, они проголосовали против нее. Впоследствии испанские епископы хоть внешне и подчинились решениям Собора, но при этом составили свою собственную редакцию декларации о свободе совести, принятую в 1967 г., которая искажала ее первоначальный смысл.

Помимо этого, Собор предоставил национальным церквям больше полномочий в принятии решений по организации религиозной жизни в своих странах. Данное решение усилило роль Конференции епископов, которая приобретала статус канонического юридического лица и законодательную власть по широчайшему кругу вопросов [1, с. 86]. Статьей 36 конституции *Sacrosanctum Concilium*, устанавливались новые правила использования языков в литургии [12, с. 240]. По решению испанских епископов с 1 января 1965 г. вводилось применение национального языка «на всех службах с присутствием народа» для чтения евангельских текстов и апостольских посланий без предварительного чтения на латыни. С 7 марта 1965 г. в Испании объявлялись действующими все разработанные епископатом постановления о языковой реформе литургии. «Что же касается других местных языков нашей родины, то переводы на них доверяются ведению епископов заинтересованных районов», – говорилось в решении пленума испанского епископата [12, с. 242]. Важным являлся тот факт, что епископат разрешил использовать старые молитвенники, изданные на разных наречиях.

Таким образом, влияние Второго Ватиканского Собора на церковную жизнь в Испании неоспоримо. Многие идеи, декларировавшиеся на Соборе, соответствовали основным духовным принципам *Opus Dei*. Были разработаны новые нормы канонического права, благодаря которым данная организация смогла укрепить свое положение как внутри Церкви, так и внутри испанского государства. Ватикан попытался пересмотреть условия Конкордата 1953 г. и значительно уменьшить влияние Ф. Франко на внутрицерковные дела. В то же время увеличилась самостоятельность испанской Церкви в отношении литургической жизни. Церковные обряды и ритуалы упрощались, резко возросло значение национальных языков в проведении служб, изменилось их литургическое содержание. Все это заложило фундамент для дальнейшего «развода» испанской Церкви с франкистским режимом.

Список литературы

1. Коваль, Т. Б. Католицизм в современной Испании: «количество» и «качество» ве-
ры / Т. Б. Коваль // Латинская Америка. – 2009. – № 5. – С. 82–93.

2. Пономарева, Л. В. «Опус Деи» в Испании 50–60-х годов / Л. В. Пономарева // Проблемы испанской истории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1975. – С. 26–38.
3. Филатов, Г. А. Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Г. А. Филатов. – М., 2016. – 230 л.
4. Пазухин, Е. Святой Хосемария Эскрива, основатель Opus Dei / Е. Пазухин. – СПб. : Белый камень, 2009. – 232 с.
5. Бернал, С. Альваро дель Портильо : биографический очерк / С. Бернал. – Мадрид, 2014. – 32 с.
6. Gondrand, F. Al paso de Dios (Josemaría Escrivá de Balaguer) [Recurso electrónico] / F. Gondrand // Opus Dei. – Modo de acceso: <https://opusdei.org/es-es/article/al-paso-de-dios-de-francois-gondrand/>. – Fecha de acceso: 03.04.2021.
7. Эскрива, Х. Беседы с отцом Хосемария Эскрива [Электронный ресурс] / Х. Эскрива // Большая онлайн библиотека e-Reading. – Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/91279/Eskriva_-_Besedy_s_otcom_Hosemariya_Eskriva.html. – Дата доступа: 05.04.2021.
8. Fuenmayor, A. El itinerario jurídico del Opus Dei. Historia y defensa de un carisma [Recurso electrónico] / A. Fuenmayor, V. Gómez-Iglesias, J. Illanes // Opus Dei. – Modo de acceso: <https://opusdei.org/es-es/article/el-itinerario-juridico-del-opus-dei-historia-y-defensa-de-un-carisma/>. – Fecha de acceso: 03.04.2021.
9. Пономарева, Л. В. «Опус Деи»: концепция труда / Л. В. Пономарева // Проблемы испанской истории : сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1992. – С. 23–31.
10. Dogmatic Constitution on the Church Lumen Gentium [Electronic resource] // La Santa Sede. – Mode of access: http://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_const_19641121_lumen-gentium_en.html. – Date of access: 18.04.2021.
11. Decree on the apostolate of the laity Apostolicam Actuositatem [Electronic resource] // La Santa Sede. – Mode of access: http://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_decree_19651118_apostolicam-actuositatem_en.html. – Date of access: 18.04.2021.
12. Пономарева, Л. В. Испанский католицизм XX века / Л. В. Пономарева ; отв. ред. Л. Ю. Слезкин. – М. : Наука, 1989. – 284 с.
13. Бунина, З. Б. Католическая церковь современной Испании (60-е – первая половина 70-х годов) / З. Б. Бунина // Проблемы испанской истории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1979. – С. 48–77.

Настусевич Валерия Игоревна, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Valeria Nastusevich,
Belarusian State University
e-mail: valeria.nastusevich@gmail.com

INFLUENCE OF THE SECOND VATICAN COUNCIL DECISIONS ON THE CATHOLIC CHURCH IN SPAIN

The article examines the impact of the Second Vatican Council decisions on the Catholic Church in Spain. The author reveals the role of Opus Dei in some decisions taken by the Council, changes in the relationship between the Vatican and the regime of Francisco Franco, as well as the impact of the Council's decisions on liturgical life in Spain.

Keywords: Catholic Church, the Second Vatican Council, Opus Dei, Spain, Francoism, Francisco Franco.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МАССОВОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГРОДНЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Рассматриваются этапы становления массовой физической культуры в Гродненском регионе. Анализируются проблемы, возникающие на каждом из этапов, и пути их решения. Освещается система управления сферой физической культуры и спорта на этапах развития суверенной Беларуси. Представлены достижения в процессе реализации государственных и региональных программ. Отражаются функциональные показатели по спортивным объектам Гродненского региона, их наполняемость и востребованность населением.

Ключевые слова: государственные программы, Гродненский регион, спорт, спортивные объекты, физическая культура, этапы.

Развитие физической культуры и спорта является важным аспектом в региональной политике города Гродно и Гродненской области. Эффективная работа управления в сфере спорта и туризма является главной целью по удовлетворению запросов населения в социокультурной сфере. Улучшить качество жизни жителей города Гродно и Гродненской области является системообразующим фактором в условиях современной информационной культуры рубежа XX–XXI веков. Целостность и корректное проведение региональной политики в области физической культуры и спорта являются структурным компонентом национальной программы по развитию региона.

Система подготовки спортсменов и спортивных кадров обуславливается уровнем квалификации всех объектов консорциума [1].

В становлении массовой физической культуры в Гродненском регионе можно выделить 3 этапа: 1991–2000 гг., 2000–2010 гг., 2010–2020 гг.

В каждую десятилетку в стране проходили свои значимые события, которые имели свое отражение на сфере физической культуры и спорта. Всегда политика государства была направлена на повышение ресурсного обеспечения и показателей развития физической культуры и спорта, уровень здоровья населения, прежде всего детей и молодежи [2].

В процессе всех этапов развития Гродненского региона руководством области отмечался тот факт, что физическая культура и спорт являются мощным оздоровительным фактором, средством повышения физических возможностей человека, стимулирующим к отказу от вредных привычек и пристрастий. А так же, что общество нуждается в проведении широкомасштабных мероприятий по совершенствованию системы физического воспитания, широкому внедрению современных оздоровительных технологий [3].

В 1990-е годы в Гродненской области наблюдалась тенденция снижения уровня здоровья населения: сократилась продолжительность жизни, увеличилась заболеваемость, рост травматизма, увеличилось число инвалидов, что вело в свою очередь к снижению активности населения к занятиям спортом и массовой физической культурой [4].

В начале 2000-х годов имелись серьезные проблемы в организации физкультурно-оздоровительной работы в организациях и по месту жительства населения. Под предлогом экономической нецелесообразности организации отказывались от содержания спортивных и оздоровительных объектов, сокращались специалисты физической культуры и спорта. Наблюдалось повышение стоимости физкультурно-оздоровительных услуг из-за высоких тарифов на энергоносители и налогов и др. [3].

Во втором десятилетии 2000-х годов также существовали проблемы в сфере физической культуры: беспокойство вызывал уровень здоровья учащихся, снижающийся за годы их обучения в учреждениях образования; не соответствует современным требованиям уровень материально-технической базы организаций физической культуры и спорта в большинстве районных центров; была утеряна популярность спортивно-оздоровительного туризма; без учета современных подходов велась работа по повышению квалификации работников физической культуры и спорта [2].

Однако для решения проблем, которые имелись в каждый из периодов, разрабатывались программы по развитию физической культуры и спорта в Гродненской области. В каждой программе оговаривались проблемы по физической культуре и спорту в Гродненском регионе и пути их решения. Таким образом, в каждый из периодов наблюдался рост показателей по тем направлениям, которым уделялось внимание в каждом из периодов.

Одним из важнейших аспектов ведения региональной политики управления спорта и туризма Гродненского облисполкома являлось: создание клубов по виду (видам) спорта, строительство спортивных объектов как в областном центре, так и в районных городах и агрогородках (таблица 1) [4; 5].

Таблица 1 – Плановые показатели по оборудованию и организации функционирования спортивных объектов

Наименование направления / год	2011	2012	2013	2014	2015
1	2	3	4	5	6
Организация работы сезонных физкультурно-спортивных сооружений (общегородских и районных катков) – всего	17	17	18	18	18

1	2	3	4	5	6
Оборудование в районных центрах тренажерных залов с пропускной способностью не менее 20 посетителей в час – всего	–	4	4	–	–

В Гродно и Гродненской области в рамках различных программ строятся физкультурно-оздоровительные, спортивные центры [6]:

1. Физкультурно-оздоровительные, спортивные центры (комбинаты, комплексы, центры физкультурно-оздоровительной работы), физкультурно-спортивные клубы – организации, имеющие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении физкультурно-спортивные сооружения и предоставляющие эти сооружения физическим и (или) юридическим лицам для проведения физкультурно-оздоровительных, спортивно-массовых и спортивных мероприятий либо оказывающие на их базе физкультурно-оздоровительные услуги, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

2. Физкультурно-оздоровительные, спортивные центры (комбинаты, комплексы, центры физкультурно-оздоровительной работы), физкультурно-спортивные клубы могут создаваться в любой организационно-правовой форме в соответствии с законодательством.

3. В целях обеспечения физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы с населением на территории города, района, района в городе по решению местных исполнительных и распорядительных органов создаются городские, районные физкультурно-оздоровительные, спортивные центры (комбинаты, комплексы, центры физкультурно-оздоровительной работы), физкультурно-спортивные клубы, которые действуют в соответствии с законодательством и своими уставами.

Положение о городском, районном физкультурно-оздоровительном, спортивном центре (комбинате, комплексе, центре физкультурно-оздоровительной работы), физкультурно-спортивном клубе утверждается Министерством спорта и туризма Республики Беларусь.

Результаты работы управления спорта и туризма Гродненского облисполкома продемонстрированы в таблице 2 [7].

Таблица 2 – Плановые показатели функционирования зимних спортивных сооружений

Наименование района	План количества пунктов проката на 2015 год	Факт	План количества пунктов проката на 2016 год	План работы катков для массового катания на 2015 год	Факт	План работы катков для массового катания на 2016 год
Берестовицкий	1	1	1	1	7	7
Волковысский	6	4	6	2	3	10
Вороновский	1	1	1	1	4	8
Гродненский	5	4	5	1	4	8
Дятловский	11	1	11	1	4	8
Зельвенский	2	6	2	1	5	8
Ивьевский	1	1	1	1	3	8
Кореличский	1	2	1	1	4	8
Лидский	5	5	5	2	18	18
Мостовский	1	1	1	1	1	8
Новогрудский	7	8	7	1	1	8
Островецкий	1	2	1	1	9	8
Ошмянский	3	3	3	1	3	8
Свислочский	1	1	1	1	9	8
Слонимский	1	1	1	2	4	8
Сморгонский	3	2	3	1	8	8
Щучинский	2	1	21	1	6	8
г. Гродно	10	8	10	3	9	12
ИТОГО	62	52	62	23	102	159

Путем решения данной проблемы может быть реклама спортивных сооружений в сети Интернет и СМИ, агитация в школах и других учреждениях образования, анализ потребностей населения в определённых видах спорта, залах, анкетирование населения о качестве услуг в спортивных сооружениях, о качестве спортивного инвентаря и других потребностях населения [5].

В Гродненском регионе наблюдается недостаточная загруженность спортивных сооружений. Был создан план, который предполагал не

менее 90 % загрузки спортивных сооружений вне зависимости от формы собственности (таблица 3) [6; 7].

Таблица 3 – Плановые показатели по загрузке спортивных сооружений (вне зависимости от формы собственности)

Регион	Физическая загрузка, %	План загрузки, %
	2015	2016
Дятловский район	59	не менее 90
Берестовицкий район	62	не менее 90
Вороновский район	65	не менее 90
Ошмянский район	65,7	не менее 90
Свислочский район	65,7	не менее 90
Волковысский район	69	не менее 90
Зельвенский район	69,5	не менее 90
Кореличский район	71	не менее 90
Островецкий район	72,8	не менее 90
Сморгонский район	74,5	не менее 90
Ивьевский район	78	не менее 90
Слонимский район	86,4	не менее 90
Гродненски район	87,2	не менее 90
Лидский район	88,1	не менее 90
Щучинский район	89	не менее 90
Мостовский район	89,7	не менее 90
г. Гродно	92	не менее 90
Новогрудский район	93	не менее 90
Областные организации	86	
Итого по области	77,5	90

В Гродненской области проходят мероприятия по реализации Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной Гродненским областным Советом депутатов 22 декабря 2016 г., также согласно программе в Гродненской области формируются и выполняются республиканские, местные календарные планы проведения физкультурно-оздоровительных, спортивно-массовых мероприятий и участие в них, поддержка клубов по виду (видам) спорта и других организаций физической культуры и спорта, участие в их финансировании [8].

В Гродненской области в 2018 году в результате строительства введены в строй 10 новых объектов: физкультурно-оздоровительный комплекс и стадион в г. Островце, 2 площадки для пляжных видов спорта в гг. Щучин и Островец, 5 комплексов уличных тренажеров

(в д. Обухово, г. Скиделе и в районе шлюза «Домбровка» на Августовском канале Гродненского района, в г. п. Зельва, г. Ивье), хоккейная коробка в г. Ивье. Проведена реконструкция стадиона ГУО «Ивьевская средняя школа» (оборудовано новое покрытие, трибуны, сектор для метаний, прыжков в длину, площадки для игры в баскетбол 3×3), модернизирован спортивно-биатлонный комплекс «Селец» Новогрудского района (оборудована система искусственного оснежения, расширено стрельбище до 20 установок).

В 2019–2020 г. шла работа по развитию материально-технической базы. Завершено строительство многофункционального спортивного комплекса в г. Островце и бассейна в г. Мосты, начаты работы по строительству физкультурно-оздоровительных комплексов в городах Новогрудок и Слоним, проведены работы по реконструкции стадионов в гг. Щучин и Сморгонь [9].

Средства массовой информации проводили целенаправленную работу по пропаганде физической культуры, спорта и здорового образа жизни, информировали о возможностях спортивных объектов, предоставляемых ими услугах населению [6].

В 2019 г. в Гродненской области проведено 957 спортивных и спортивно-массовых мероприятий, в которых приняли участие 169,9 тыс. человек.

Всего в Гродненской области оборудованы 98 велодорожек, 3 из которых оборудовали в 2019 году в районе Августовского канала Гродненского района.

Для предоставления услуг населению в населенных пунктах Гродненской области работают 47 пунктов проката велосипедов, общее количество велосипедов в них составляет 470 штук. Значительное внимание уделяется формированию в молодежной среде моды на здоровый образ жизни.

В Гродненской области установлены 25 воркаут-площадок (с учетом комплексов уличных тренажеров), в том числе по 3 в Гродненском районе и г. Гродно, по 2 – в Лидском, Новогрудском и Слонимском районах, по 1 – в остальных районах области. В 2018 году были установлены 9 воркаут-площадок. В 2019 году установили еще 3 воркаут-площадки в Новогрудском, Островецком районах и г. Гродно [6; 7].

Таким образом, результаты исследования показали, что управлением спорта и туризма Гродненского облисполкома успешно разрабатываются и реализуются программы развития физической культуры, спорта и туризма. Успешная работа управления отражается в статистических

данных. Существенную финансовую помощь оказывали предприятия и организации области. В результате обеспеченность спортивной инфраструктурой Гродненской области достигла высоких цифр. Это один из лучших показателей в республике.

Местные органы власти на протяжении всех этапов пытаются создавать условия, которые позволят качественно решить задачи привлечения населения к массовым занятиям физической культурой, спорта и здоровому образу жизни. Как результат, это приведет к повышению качества жизни, улучшению уровня здоровья населения и социально-экономическому развитию региона.

Список литературы

1. Главное управление образования Гродненского областного исполнительного комитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu-grodno.by/fizicheskaya-kultura-i-sporta-prioritetnye-napravleniya-v-rabote-s-detmi-i-molodezhyu/>. – Дата доступа 29.04.2021.
2. Государственная программа развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] / Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Совета_Министров_РБ/2011/59911. – Дата доступа: 29.04.2021.
3. Программа развития физической культуры и спорта в Гродненской области на 2007–2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakonrb.com/npa/ob-utverzhdenii-programmy-razvitiya-fizicheskoy-13-Apr-2007>. – Дата доступа 29.04.2021.
4. Иванова, Е. М. Некоторые аспекты развития массовой физической культуры и спорта в Республике Беларусь / Е. М. Иванова, Р. Н. Белакова // Адукацыя і выхаванне. – 1997. – № 11. – С. 33–37.
5. Жолдак, В. И. Управление в сфере физической культуры и спорта / В. И. Жолдак, В. Н. Зуев. – М. : МГУ, 2014. – 348 с.
6. Государственная программа развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] / Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mst.by/ru/razvitie-sporta-ru>. – Дата доступа: 29.04.2021.
7. Приложение 1 к Государственной программе развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы (Комплекс мероприятий Государственной программы) [Электронный ресурс] / Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mst.by/ru/razvitie-sporta-ru>. – Дата доступа: 29.04.2021.
8. Управление спорта и туризма Гродненского облисполкома : решение Гродненского областного Совета депутатов от 22.12.2016, № 188 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblspport.grodno.by/ru/documents/programs>. – Дата доступа: 29.04.2021.
9. Гродненский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grodnorik.gov.by/ru/physical_education_and_sports. – Дата доступа: 29.04.2021.

Обелевский Алексей Аркадьевич, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Кривицкая Наталья Александровна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Alexey Obelevskij,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: cucher2003@mail.ru

Nataliya Krivickaya,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: karpyk_n@mail.ru

DEVELOPMENT STAGES OF MASS PHYSICAL CULTURE IN GRODNO REGION

The article considers the development stages of mass physical culture in Grodno region. The problems of each stage and the ways to solve them have been analyzed. The physical culture and sport management system of sovereign Belarus has been highlighted. The achievement of state and regional program implementation has been presented. Functional indices of Grodno region sport facilities, their fill rates, and its demand for the population have been shown.

Keywords: state programs, Grodno region, sports, sport facilities, physical culture, stages.

УДК 930(476)

Е. Н. Обухова

ЭПОХА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В БЕЛОРУССКОЙ ФИЛАТЕЛИИ (1991–2021 гг.)

Рассмотрены особенности мемориализации истории Великого Княжества Литовского в белорусской филателии в 1991–2021 годах. Проведена типологизация почтовой продукции Республики Беларусь по тематическому принципу, выявлено, что наиболее активно изображались на объектах филателии памятники архитектуры XVI–XVIII стет., преимущественно оборонительные или сакральные сооружения, также приоритет делался на популяризации православной культуры Беларуси того же периода. Проведенная периодизация выявила неравномерность частоты появления сюжетов из истории ВКЛ на филателистической продукции: периоды повышенного интереса к данной теме (1992–1997 гг. и 2008–2015 гг.) чередовались с временами, когда сюжеты из эпохи ВКЛ на почтовой продукции изображались относительно редко.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Беларусь, мемориализация, «места памяти», коммеморации, история, архитектура

Коммеморационная политика государства находит своё отражение не только в возведении памятников и проведении коммеморационных мероприятий в знаменательные даты, но и в филателии, нумизматике, бонистике. Существует такое понятие, как «коммеморативная» марка – почтовая марка, выпущенная в ознаменование памятной даты какого-то исторического события, деятеля, памятника историко-культурного наследия.

После вхождения Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) в Союз Советских Социалистических Республик (СССР) право издания знаков почтовой оплаты было делегировано в

центральные органы в Москву, и на территории Беларуси получили хождение почтовые марки СССР. В 1990–1991 гг. почтовая продукция также выпускалась в Москве. Однако в этот период уже были выпущены художественные маркированные конверты с марками XIII стандартного выпуска, на которых были изображены сюжеты из белорусской истории. 08.06.1990 года к 500-летию со дня рождения Франциска Скорины был выпущен конверт с портретом первопечатника. 21.06.1990 вышел конверт с изображением Софийского собора XVIII в., а 04.03.1991 был напечатан конверт с портретом Василя Тяпинского, белорусского писателя, деятеля Реформации, книгопечатника XVI в. [1].

С 1992 года в Республике Беларусь начинается выпуск собственной почтовой продукции. В рамках серии «Архитектурные памятники Беларуси» вышли марки с изображениями Мирского и Несвижского замков, кальвинского собора в Заславье (1992 г.), костёла кармелитов в г. Могилеве XVII в. (1993 г., 1995 г.), церкви-крепости в деревни Сынковичи (1994 г.), костела Иоанна Крестителя в д. Камаи XVII в. (1995 г.), костела францисканцев в г. Пинске XVI–XVII вв. (1996 г.), Николаевской церкви в г. Могилеве XVII в. (1996 г.) [2; 3; 4; 5; 6].

В дальнейшем изображения памятников эпохи Великого Княжества Литовского печатались на марках стандартных выпусков (церковь-крепость в Сынковичах (1998, 2000, 2002 годы), Ишкольдский Троицкий костел, XV в. (1999 г.), Софийский собор в Полоцке (2002 г.) [7; 8; 9; 10]. К 900-летию Пинска в 1997 году была выпущена марка с изображением здания иезуитского коллегиума XVII в. и древнего герба г. Пинска, к 775-летию Несвижа в 1998 году была введена в оборот марка с изображением центрального входа в Несвижский дворцово-замковый ансамбль, XVI–XVII веков [7; 11]. К 2000-летию христианства была выпущена марка с изображением собора во имя Святого Архистратига Михаила. XVIII–XIX вв. в г. Слуцке (2000 г.) [9].

В 2001 году на марках была напечатана серия изображений городских ратуш Беларуси: Витебской (XVIII в.), Минской, Несвижской и Чечерской [12].

Памятники архитектуры Беларуси периода Великого Княжества Литовского вновь появились на марочной продукции только в 2005 году: в серии «Архитектура древней Беларуси» вышли две марки: с изображением Гродненского старого замка на основе гравюры XVI в. и Лидского замка (реконструкции его вида в XIV–XV вв.) [13]. В день выхода марок в обращение в отделении связи № 11 г. Лида проводилось специальное гашение штемпелем «Первый день» с фиксированной датой на конверте «Первый день». Художником был штемпель и конверта В. Марковец [13].

В 2008–2011 годах на почтовых марках изображались памятники архитектуры Несвижа (дворец и Слуцкие ворота) и Мира (замок) [14; 15; 16].

В 2012 и 2014 годах Белпочта выпустила в рамках четырнадцатого стандартного выпуска две серии марок «Памятники архитектуры», где были представлены, в том числе, сооружения, построенные в период Великого Княжества Литовского: три замка (Мирский, Несвижский и Лидский) (2012, 2014 гг.), четыре культовых постройки (Софийский собор в Полоцке, церковь-крепость в деревне Мурованка (обе только в 2012 году), Богоявленская церковь в Полоцке и Будславский монастырь бернардинцев (2012, 2014 гг.); одно здание гражданского назначения: Могилёвская ратуша (2012, 2014 гг.) [17; 18].

В 2017 году в серии «Европа» вышла марка с изображением входных ворот в дворцовый комплекс Сапег в Ружанах [19], и на момент подготовки статьи (апрель 2021 года) больше марок с изображениями архитектурных памятников периода ВКЛ не выходило.

Что касается увековечивания на почтовой продукции Республики Беларусь общественных деятелей эпохи Великого Княжества Литовского, то первая подобная марка вышла в 1993 году и была приурочена к 400-летию годовщины смерти просветителя и гуманиста С. Будного [3]. На марке был изображён памятник этому деятелю Реформации ВКЛ, установленный в 1982 году в городе Несвиже. В 1995 году вышел набор марок с изображением Т. Костюшки, Я. Ясинского, М. Клеофаса Огинского и Т. Вовжецкого. Выпуск данного набора был приурочен к 200-летию освободительного восстания 1794 года. В 1995 году в серии «Выдающиеся исторические личности Беларуси» были напечатаны марки с портретами Льва Сапегы, Казимира Семеновича и Симеона Полоцкого [5]. В 1996 году в этой же серии вышли марки с портретами Николая Гусовского и Николая Радзивилла Чёрного [6]. Следующий деятель эпохи ВКЛ появился на марке лишь в 2020 году, когда в серии «Выдающиеся личности Беларуси» вышел блок № 147, включавший марку с изображением Афанасия Брестского [20], противника Брестской церковной унии и автора «Диариуша» – полемической автобиографии, начальная страница которой была напечатана на блоке.

В Республике Беларусь выходили коммеморативные марки, приуроченные к юбилейным датам выхода из печати книг, выпущенных кирилличным шрифтом на территории Великого Княжества Литовского или выходцами из него, а также самих авторов или фундаторов типографий, где издавались данные издания. В 1996 году вышла марка с изображением титульного листа «Грамматики» Лаврентия Зизания,

таким образом было отмечено 400-летие выхода из печати данного учебного пособия, впервые напечатанного в 1596 году [6]. В 1997 году, к 480-летию белорусского книгопечатания, вышли четыре марки, посвящённые четырём периодам деятельности Ф. Скорины: полоцкому, краковскому, пражскому и виленскому, на которых были изображены как портретные изображения первопечатника, так и страницы из его изданий [22]. В пятом почтовом выпуске в 2001 году было напечатано изображение личного герба Ф. Скорины [12]. В 2008 году в обращение вышел блок, посвящённый 400-летию со дня смерти Константина Василия Острожского – сына великого гетмана литовского Константина Острожского, основателя Острожской академии и типографии, опекуна православия в ВКЛ. На марке было помещено портретное изображение князя, на блоке была размещена его краткая биография и изображение титульного листа Острожской Библии, напечатанной в Остроге в 1581 году [23].

В 2015 году к 525-летию со дня рождения Франциска Скорины была выпущена марка с портретом книгопечатника и цитатой из его предисловия к книге «Юдифь» [21]. В 2017 году, к 500-летию издания первой из опубликованных Ф. Скориной книг Библии «Псалтырь» вышла марка с изображением первой страницы данного издания, а на блоке был изображён сам первопечатник [19]. В 2018 году вышла марка «400 лет первому в мире “Букварю”», на которой была изображена первая страница «Букваря языка славенска», подготовленного монахами Виленского православного монастыря и изданного в Евье в братской типографии в 1618 году [26].

Если говорить об увековечивании событий эпохи ВКЛ, не относящихся к сфере книгопечатания, то в 2010 году была выпущена в оборот марка «600-летие победы под Грюнвальдом», приуроченная к юбилею знаменитого сражения [15]. Кроме того, в 2009 году вышла марка № 794 «350-летие Борколабовской иконы Божьей Матери» [24], в 2013 и 2020 годах соответственно вышли марки, приуроченные к 400-летию обретения Будславской иконы Божией Матери и 550-летию явления Жировичской Божией Матери [20; 25].

В Республике Беларусь с 1996 года выпускались художественные конверты с оригинальной маркой. Первый подобный конверт с изображением, касающимся эпохи Великого Княжества Литовского на белорусских землях, был выпущен в 2000 году. На нём был изображён герб города Браслава, а сам выход конверта был приурочен к 500-летию получения Браславом Магдебургского права [27]. В 2003 году вышел художественный конверт, приуроченный к 500-летию получения

Волковыском Магдебургского права, а в 2011 году – конверт подобной тематики, посвящённый Новогрудку [28; 29].

Также на художественных конвертах размещались портреты политических и общественных деятелей Великого Княжества Литовского. В 2002 году вышел конверт с изображением портрета Михаила Клеофаса Огинского (на марке) и его имения в Залесье, в 2015 году к 250-летию со дня рождения композитора выпуск конверта подобной тематики был повторён, однако портрет Огинского на конверте 2015 года был гораздо более реалистичным, а сам конверт – более высокохудожественным [30; 31]. В 2003 вышел конверт с изображением Ф. Скорины и Софийского собора Полоцка, приуроченный к проведению Десятого праздника «День белорусской письменности» в г. Полоцке [28]. В 2009 году был выпущен конверт к 375-летию со дня рождения мыслителя Казимира Лыщинского, в 2015 году – к 500-летию со дня рождения Николая Радзивилла Чёрного [31; 32]. На таких конвертах помещались не только репродукции портретов выдающихся личностей (обычно на марке), но и связанные с ними явления: разворот Брестской Библии и герб у Николая Радзивилла Чёрного, сцена сожжения на костре Казимира Лыщинского.

Выход художественных конвертов с изображениями эпохи ВКЛ приурочивался к юбилейным датам, в том числе со дня постройки архитектурных памятников (500-летию Мирского замка (2006 год), 500-летию постройки монастыря францисканцев в Пинске (2010 год)) [33; 34]. В 2011 году вышел конверт с изображением дворца Радзивиллов в Несвиже, в 2013 году Свято-Петро-Павловского собора в Минске [29; 35]. Кафедральный костел Святого Франтишка Ксаверия. XVII–XVIII вв. был изображён на конверте «Гродно. Культурная столица Беларуси 2014 года», выпущенном в обращение 14 февраля 2014 г. [36].

В 2006 году был выпущен художественный конверт, посвящённый 375-летию со дня издания букваря Спиридоном Соболев, на марке которого был изображён Оршанский Куцейнский Свято-Богоявленский мужской монастырь, в типографии которого и была издана книга [33]. В 2012 году вышел художественный конверт, приуроченный к 450-летию издания С. Будным в Несвижской типографии «Катехизиса». На марке была изображена первая страница издания, а на самом конверте – фрагмент памятника С. Будному в Несвиже [37].

На почтовых карточках изображения, касающиеся эпохи ВКЛ, стали появляться относительно поздно – с 2006 года. Акцент делался на изображении памятников культового зодчества той эпохи, в основном – католических (на 5 из 8 почтовых карточек). В 2008 году вышла почтовая

карточка, приуроченная к 485-летию выхода в свет поэмы Н. Гусовского «Песня о зубре» [38].

Следует также упомянуть про специальные штемпели, которые отличались от обычных календарных штемплей изображением рисунка, соответствующего тематике изображения на марке, конверте или почтовой карточке, указанием даты гашения и названия и номера отделения связи, где проводилось гашение. У таких штемпелей обычно нет встроенного нумератора для ежедневной смены даты гашения, так как срок действия специальных штемпелей ограничивается обычно одним днём. После гашения специальным штемпелем марки и конверты становились филателистическими объектами, представляющим интерес для коллекционеров. Так, коммеморативная марка, выпущенная к 425-летию со дня постройки Несвижского замка в 2008 году, была погашена специальным штемпелем «Первый день» в отделении связи № 3 г. Несвижа, там же был погашен конверт к 500-летию со дня рождения Николая Радзивилла Чёрного 04.02.2015 [14; 31]. Всего с 1992 по 2021 годы было разработано 27 специальных штемпелей для почтовой продукции с изображениями истории эпохи Великого Княжества Литовского. Из них только один был с переводной календарной датой и постоянным сроком действия – это был штемпель, введённый в обращение 28.04.2014 и используемый в отделении почтовой связи № 25 г. Гродно, с изображением Кафедрального костела Святого Франциска Ксаверия, XVII–XVIII вв. [39].

Таким образом, на почтовой продукции, выпускаемой в Республике Беларусь, были запечатлены в 1992–2021 годах 58 изображений памятников, деятелей или иных объектов, относящихся к истории Великого Княжества Литовского. Можно выделить несколько периодов в мемориализации в филателии Республики Беларусь истории Великого Княжества Литовского:

1) 1992–1997 годы – период, когда на марках изображались не только памятники архитектуры, но и политические и культурные деятели ВКЛ (23 марки);

2) 1998–2007 годы – в этот период на почтовой продукции (марках, конвертах, почтовых карточках) увековечивались преимущественно памятники архитектуры ВКЛ (17 изображений из 23 сюжетов, относящихся к эпохе ВКЛ);

3) 2008–2015 годы – активизация мемориализации эпохи ВКЛ на почтовой продукции Республики Беларусь: 32 изображения было помещено на марках, конвертах и почтовых карточках, из них 28 рисунков архитектурных памятников Беларуси эпохи ВКЛ (10 изображений замков);

4) 2016–2020 годы – резкое снижение выпуска почтовой продукции с исторических сюжетами из истории ВКЛ (всего 5 наименований).

Если рассматривать мемориализацию эпохи ВКЛ на почтовой продукции Республики Беларусь в тематическом разрезе, то наибольшей популярностью пользовались изображения культовых сооружений (22 памятника) и замков (16 изображений). Мирский и Несвижский замки появлялись на почтовой продукции по шесть раз каждый. На марках Беларуси редко изображали политических и культурных деятелей эпохи ВКЛ: с 1992 по 2003 год они появились на почтовой продукции 13 раз, а с 2004 по 2020 год – 7. Из политических деятелей в белорусской филателии были показаны Лев Сапега, Николай Радзивилл Чёрный и Констатин Василий Острожский, великие князья литовские – ни разу. Среди изображений просветителей и издателей первенствовал Ф. Скорина и/или страницы из его книг.

Следует отметить, что за 1992–2021 годы на марках, конвертах и почтовых карточках Беларуси изображения памятников архитектуры и деятелей, принадлежавших к православной культуре ВКЛ, были напечатаны 24 раза, а явления католической культуры ВКЛ всего 12 раз. Чаще других печатались на почтовой продукции Софийский собор (3 раза), церковь-крепость в Сынковичах (4 раза), Богоявленская церковь в Полоцке (3 раза). Среди католических святых большее внимание уделялось Будславскому монастырю (вышли 3 марки и один конверт с оригинальной маркой).

Коммеморативная почтовая продукция часто выпускалась к юбилейным датам: годовщинам смерти или рождения определенного исторического деятеля, основания монастырского комплекса или обретения иконы (вышло три таких марки). Что касается увековечивания определённых событий по истории ВКЛ на почтовой продукции, то тут следует назвать юбилейные годовщины выхода книг, напечатанных кириллическим шрифтом в XVI–XVII вв. (5 наименований), юбилей получения городами Магдебургского права (3 наименования) и 600-летие битвы под Грюнвальдом в 2010 году.

Список литературы

1. Тематический каталог художественных маркированных конвертов СССР с художественными сюжетами о Беларуси (с марками XIII стандартного выпуска СССР, 1989–1991 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philately.by/>. – Дата доступа: 15.04.2021.

2. Хронологический каталог (1992 г.) почтовых марок Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philately.by/>. – Дата доступа: 17.04.2021.

3. Почтовые марки Беларуси 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1993.html>. – Дата доступа: 15.04.2021.

4. Почтовые марки Беларуси 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1994.html>. – Дата доступа: 19.04.2021.
5. Почтовые марки Беларуси 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1995.html>. – Дата доступа: 12.04.2021.
6. Почтовые марки Беларуси 1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1996.html>. – Дата доступа: 12.04.2021.
7. Почтовые марки Беларуси 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1998.html>. – Дата доступа: 13.04.2021.
8. Почтовые марки Беларуси 1999 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1999.html>. – Дата доступа: 20.04.2021.
9. Почтовые марки Беларуси 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2000.html>. – Дата доступа: 18.04.2021.
10. Почтовые марки Беларуси 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2002.html>. – Дата доступа: 30.03.2021.
11. Беларусь 1997 «900-летие Пинска» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cosh.com.ua/index.php?qi=4631>. – Дата доступа: 30.03.2021.
12. Почтовые марки Беларуси 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2001.html>. – Дата доступа: 30.03.2021.
13. Архитектура древней Беларуси. 15 ноября 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philately.by/index.html?stamp/s-by0629_r.html. – Дата доступа: 31.03.2021.
14. Почтовые марки Беларуси 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2008.html>. – Дата доступа: 29.03.2021.
15. Почтовые марки Беларуси 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2010.html>. – Дата доступа: 23.03.2021.
16. Почтовые марки Беларуси 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2011.html>. – Дата доступа: 26.03.2021.
17. Почтовые марки Беларуси 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2012.html>. – Дата доступа: 26.03.2021.
18. Почтовые марки Беларуси 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2014.html>. – Дата доступа: 26.03.2021.
19. Почтовые марки Беларуси 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2017.html>. – Дата доступа: 20.03.2021.
20. Почтовые марки Беларуси 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2020.html>. – Дата доступа: 18.03.2021.
21. Почтовые марки Беларуси 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2015.html>. – Дата доступа: 10.03.2021.
22. Почтовые марки Беларуси 1997 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/1997.html>. – Дата доступа: 11.03.2021.
23. 400-летие памяти Константина Острожского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philately.by/index.html?stamp/s-by0720_r.html. – Дата доступа: 04.04.2021.
24. Почтовые марки Беларуси 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2009.html>. – Дата доступа: 14.04.2021.
25. Почтовые марки Беларуси 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2013.html>. – Дата доступа: 18.04.2021.
26. Почтовые марки Беларуси 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/stamps/2018.html>. – Дата доступа: 21.04.2021.
27. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2000 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2000.html. – Дата доступа: 04.04.2021.

28. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2003 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2003.html. – Дата доступа: 13.04.2021.

29. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2011 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2011.html. – Дата доступа: 20.04.2021.

30. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2002 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2002.html. – Дата доступа: 04.04.2021.

31. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2015.html. – Дата доступа: 18.04.2021.

32. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2009 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2009.html. – Дата доступа: 20.04.2021.

33. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2006 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2006.html. – Дата доступа: 20.04.2021.

34. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2010 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2010.html. – Дата доступа: 20.04.2021.

35. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2013 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2013.html. – Дата доступа: 21.04.2021.

36. Список художественных маркированных конвертов Беларуси с оригинальной маркой, изданных в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarussiancollection.com/envelopes/hmk_om/2014.html. – Дата доступа: 21.04.2021.

37. 450-летие издания С. Будным в Несвижской типографии «Катехизиса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philately.by/index.html?envelope/eos-by0104_r.html. – Дата доступа: 16.04.2021.

38. Односторонние маркированные почтовые карточки с оригинальной маркой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarussiancollection.com/postcards/oo/oo.html>. – Дата доступа: 16.04.2021.

39. Специальные почтовые штемпеля Республики Беларусь. Кафедральный костел Святого Франциска Ксаверия, XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philately.by/index.html?postmark/m-by0778_r.html. – Дата доступа: 18.04.2021.

Обухова Елена Николаевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Elena Obukhova,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: obuhova_en@grsu.by

THE EPOCH OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE BELARUSIAN PHILATELIUM (1991–2021)

The article examines the features of the history of the Grand Duchy of Lithuania memorialization in the Belarusian philatelic production in 1991–2021. The typologization of the postal products of the Republic of Belarus was carried out according to the thematic principle; it was revealed that the monuments of architecture of the XVI–XVIII centuries, mainly defensive or sacral structures, were most actively depicted on the objects of philately, the priority being given to the popularization of the Orthodox culture of Belarus of this period. The unevenness of the frequency of occurrence of plots from the history of the Grand Duchy of Lithuania on philatelic products was revealed. It was proved that periods of increased interest to this topic (1992–1997 and 2008–2015) alternated with times when plots from the era of the Grand Duchy of Lithuania were depicted on postage products relatively rarely.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Belarus, memorialization, «places of memory», commemorations, history.

УДК 37.014.5(476):328.181(570+471)

В. М. Острога

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (НАЧАЛО XX в.)

Рассматривается проблема включенности учительства Беларуси в общественно-политическое движение в период деятельности Государственной Думы (начало XX вв.). Уделяется внимание рассмотрению численности и партийной принадлежности депутатов-педагогов, их законодательным инициативам, а также законопроектам, которые были внесены для обсуждения в сфере развития народного образования. Выводы основаны на анализе материалов дореволюционной историографии, публикаций в педагогической прессе и архивных источников.

Ключевые слова: учительская интеллигенция, Государственная Дума, депутаты, народное образование, всеобщее обучение, общественно-политическое движение.

Мощным катализатором революционной активности интеллигенции Беларуси послужили события 1905–1907 гг. Наиболее распространенными формами протеста стало участие в антиправительственных митингах и забастовках, изготовление и распространение нелегальной литературы, пропагандистская работа среди местного населения, организация нелегальных собраний и съездов и др.

Созыв в 1906 г. Государственной Думы, которая являлась первым в Российской империи представительным и законодательным органом, изменил политическую ситуацию: парламент становится уникальным учреждением в системе органов государственной власти, а его

деятельность – публичной в решении важнейших вопросов общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Нормативно-правовыми актами 1905 г. («Учреждение Государственной Думы», «Положение о выборах в Государственную Думу», царский указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу») вводилась сложная многоступенчатая процедура выборов. Перед непосредственным избранием депутатов в Думу на губернском избирательном съезде проводились предварительные выборы уполномоченных съездами землевладельцев по уездам, съездами городских избирателей и волостными крестьянскими собраниями. Составлялись списки избирателей по сословному и имущественному цензам. По профессиональному признаку в качестве представителей от крестьянского сословия и мещан в списках значились и учителя как «лица интеллигентных профессий» [1, с. 220–201]. В Национальном историческом архиве сохранилась переписка о составлении списков лиц, штатных сдужащих учебных заведений, имевших право участвовать в выборах в Государственную Думу. Сама процедура подготовки списков оговаривалась в министерских положениях и циркулярах [2, л. 2]. Например, учителя Бабиничского двухклассного училища Витебского уезда Фома Лаппо и Бирис Шелепин, имевшие стаж педагогической деятельности 6 и 7 лет, подали заявления в Витебскую городскую управу о желании стать участниками выборов в I Государственную Думу [3, л. 54, 55].

«Наша Нива» писала, что на выборах в I Государственную Думу «большое значение имел народный учитель» – «один на всю волость ученый человек». Он, как правило, выходец из крестьянской среды, имел огромный авторитет среди местного населения, в его советах нуждались и в повседневной жизни, и на народных сходах. В газете подчеркивалось: «Народ показал, что верит учителям и много посылал их в Государственную Думу, чтобы отвоевать землю и свободу, защитить мужицкое право и сбросить ярмо тяжелого чиновничьего управления». Но «правительство испугалось, и перед новой Думой написала такой закон, что учителя очень мало имели возможности быть избранными, им даже запретили ходить на мужицкие сходки» [4, с. 7].

Из 487 членов I Государственной Думы 46 лиц имели педагогическую профессию. Состав II Думы увеличился до 520 человек, возросла и численность педагогов-депутатов до 69, что позволило им создать особую «учительскую фракцию». Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в первой Думе педагогов было 9,5 % от общей численности депутатов, во второй – 13 %, в третьей – 12 %. В первую Государственную Думу из представителей педагогической

интеллигенции были избраны в основном профессора и приват-доценты, во вторую главным образом сельские и городские учителя, в третью Думу – преподаватели средних учебных заведений и законоучителя. По своим политическим взглядам преподаватели средних учебных заведений (гимназий, прогимназий и реальных училищ) распределялись между центром и левым флангом Думы. Заслуживает внимание то обстоятельство, что среди октябристов и беспартийных во II Думе и октябристов в III Думе очень мало педагогов, которыми была «богата» конституционно-демократическая партия во всех трех Думах [5, с. 112]. Учителя начальной школы, принадлежали в основном к народническим и социалистическим партиям. Среди них наибольшей популярностью пользовалась партия трудовиков, что объяснялось во многом близостью интересов сельского учительства и крестьянства.

В период революции 1905–1907 гг. Государственная Дума являлась «естественным местом, где учителя могли относительно спокойно рассматривать и решать вопросы, связанные с развитием и реформой школы» [6, с. 74]. Любые другие проявления самостоятельности и активности педагогов в их профессиональной и общественной деятельности царскими властями немедленно пресекались. С одной стороны, нельзя преувеличивать революционную активность учительства, со второй, нельзя также считать ее «надуманной». Так, революционность и «бунтарство» были характерны в первую очередь для «учащих» начальной школы, преподаватели же средних учебных заведений, которые являлись выходцами из обеспеченных слоев общества, в основной своей массе были аполитичными или примыкали к консервативному лагерю, некоторые имели «неопределенно либеральный спектр общественного мнения».

Прогрессивная общественность выступала против применения карательных мер в отношении учителей за активное участие в общественно-политической жизни. В связи с этим депутатами I Думы были сделаны официальные запросы по поводу отстранения от должности учителей Светлова и Загурского, о расстреле казаками и полицией инспектора Тифлисской мужской гимназии Шио-Читадзе, о заключении в тюрьму учителя Батву в Полтавской губернии, инспектора торговой школы в г. Вильно, о произволе по отношению к делегатам Всероссийского съезда учителей и др. [7, с. 195–196]. В архивах сохранились материалы о революционной антиправительственной деятельности народного учительства Беларуси. Так, Витебским губернским жандармским управлением было открыто дело в отношении учителя Новодворского училища В. А. Козлова, который «принимал участие в подстрекательстве крестьян к аграрным беспорядкам на

устроиваемых митингах» в 1906 г. Он проводил беседы на политические темы, «составил наказ в Государственную Думу и убеждал крестьян подписать его». В нем говорилось о необходимости безвозмездного отчуждения земли в пользу крестьян, упразднении полиции и института земских начальников, отмены косвенных налогов и др. При обыске у учителя была обнаружена нелегальная литература (брошюры, журнал «Земля и воля», резолюции Всероссийского съезда учителей и др.). Его, как «человека опасного для государственного порядка и общественного спокойствия», выслали в одну из отдаленных местностей России под гласный надзор полиции» [8, л. 28, 32].

Репрессии и усиление контроля за политической и нравственной благонадежностью учительства было частью общей политической реакции в стране. Попечитель Виленского учебного округа требовал «незамедлительно» увольнять учителей и учащихся за принадлежность к оппозиционным политическим партиям и участие в революционных выступлениях. За «противоправительственные действия» были брошены в тюрьмы в Гродненской губернии 13, а в Минской 27 учителей [9, с. 328]. Данные о репрессиях в Польше над 702 учителями и об увольнении около 300 учителей за преподавание на родном языке были представлены Лигой образования, которые представили известный педагог и общественный деятель Г. А. Фальборк и академик А. А. Шахматов. Значительно позже, в 1911 г., при обсуждении законопроекта о начальной школе черносотенцы III Думы и Государственного совета «с целью доказать зараженность начальной школы революционными идеями приводили явно тенденциозные цифры: якобы 20–23 тыс. учителей понесли кару в период так называемого освободительного движения. Такой размах борьбы против демократического учительства представлялся им, очевидно, вполне правомерным» [10, с. 72].

После поражения революции 1905–1907 гг. в условиях реакции царизма политическая активность учительства, как и других представителей интеллигенции, претерпела изменения: значительная ее часть переключается на легальные методы борьбы и сосредотачивает основное внимание на участие в выборах в III и IV Государственные Думы.

В состав комиссии по народному образованию III Государственной Думы входило 7 депутатов от белорусских губерний: М. В. Блажевич (Витебская губерния), А. С. Вераксин (Могилевская), С. Г. Мацеевич (Виленская), епископ Митрофан (Могилевская), И. Я. Павлович (Минская), В. К. Тычинин (Гродненская), А. Д. Юрашкевич (Минская). Среди них – учитель И. Я. Павлович, который окончил филологический

факультет Лейпцигского университета и преподавал языки в мужской и женской гимназиях Минска [11, с. 45]. В. К. Тычинин после окончания Киевской духовной академии преподавал в Витебской духовной семинарии, а в 1898–1907 гг., до избрания в члены Думы, работал инспектором народных училищ Гродненской дирекции. Он принимал активное участие в разработке проекта по введению всеобщего обучения в Гродненской губернии, при его содействии было открыто много новых благоустроенных народных училищ. В местной печати отмечалась его «работоспособность, настойчивость и популярность среди учителей» [5, с. 124]. Депутаты принимали активное участие в обсуждении законопроектов, которые касались развития народного образования (ведение всеобщего народного образования, открытие новых школ и их материально-техническое обеспечение, решение проблемы профессиональной подготовки педагогических кадров, пенсионное обеспечение учителей и др.). Эту Думу октябристы называли «Думой народного образования» и считали, что она справедливо заслужила это название, так как «значительно увеличила ассигнования из государственного казначейства на нужды народного образования» [12, с. 195].

Членом III Государственной Думы являлся также А. П. Сапунов – известный педагог, историк, краевед и археолог. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он преподавал греческий и латинский языки в Витебской Александровской гимназии, одновременно публикуя свои труды по истории и краеведению («Витебская старина», «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии», «Река Западная Двина: Историко-географический обзор» и др.). С 1911 г. он преподавал в Витебском отделении Московского археологического института. В 1907 г. А. П. Сапунов был избран в члены Думы от Витебской губернии съездом землевладельцев и входил во фракцию «Союза 17 октября». Во время своих выступлений на заседаниях подчеркивал, что он, как «белорус, вышедший из самых недр народа», считает «лучшим показателем степени культурности страны... положение в ней дела народного образования» [13, с. 42–43]. Он выступил также в защиту законопроекта о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской; об урегулировании арендного вопроса (17 января 1908 г.); о необходимости изменения порядка выборов членов Государственного Совета от 9 губерний Западного края (30 мая 1909 г.).

Неравнодушными к происходящим в стране событиям оставались учащиеся, которые принимали самое непосредственное участие в

обсуждении революционных событий, пропагандистской работе, распространении прокламаций и др. Определенные надежды модернизации всех сфер жизнедеятельности общества возлагались на созданный представительный и законодательный орган – парламент. Так, в 1907 г. в парламентской группе социалистов-революционеров была получена телеграмма на имя М. С. Фокева. Воспитанники Молодечненской учительской семинарии писали: «Приветствуем вас, г. Фокев, представителей народа. Вполне верим, что Государственная Дума поднимет народное образование и вообще улучшит жизнь народа» [14. с. 36].

Таким образом, Государственная Дума Российской империи, законодательный и представительный орган власти, с 1906 г. становится своеобразной публичной площадкой для открытой дискуссии по наиболее острым вопросам внутренней и внешней политики. Несмотря на слабость и ограниченность полномочий в управлении страной, она пробудила интерес и новые надежды на будущие перемены у широких слоев населения империи. Учителя, как наиболее массовый отряд интеллигенции, включались в широкое общественно-политическое движение. Депутаты Думы, среди которых были и представители «педагогического мира» Беларуси, активно поддерживали идеи введение всеобщего обучения и демократизации народного образования.

Список литературы

1. Долотова, О. В. Интеллигенция в Витебском губернском избирательном собрании по выборам в Государственную Думу I–IV созывов / О. В. Долотова // Архіварыус. Сер. «Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства». – Мінск : НГАБ, 2015. – С. 200–217.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2261. Оп. 1. Д. 284. «О составлении списков присяжных заседателей, а также и лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу».
3. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1801. «Заявления учителей Бабиничского училища Витебского уезда Фомы Лаппо и Бирис Шелепина в Витебскую губернскую управу по делам земского хозяйства о желании быть участниками выборов в Государственную Думу». 30 января 1906 г.
4. Дума и народные вучыцели // Наша Нива. – 1907. – 25 янв. – С. 7.
5. Представители педагогического мира в третьей Государственной Думе // Русская школа. – 1908. – № 11. – С. 110–131.
6. Сучков, И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И. В. Сучков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–67.
7. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России / Ф. Г. Паначин. – М. : Педагогика, 1979. – 215 с.
8. НИАБ. – Ф. 2499. Оп. 1. Д. 99. «Дело о производстве дознания по обвинению учителя училища в имении Новый Двор Двинского уезда Козлова Василия Алексеевича в антиприветельственной агитации среди крестьян».
9. Тебиев, Б. К. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР / Б. К. Тебиев, Ф. Ф. Шахматов, Р. Ф. Усачева ; отв. ред. Э. Д. Днепров. – М. : Педагогика, 1991. – 445 с.

10. Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах / В. Р. Лейкина-Свирская. – М. : Мысль, 1981. – 285 с.

11. Забаўскі, М. М. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай Думе Расіі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ, 1998. – 157 с.

12. Малиновский Н. П. Итоги деятельности 3-й Государственной Думы в области народного образования / Н. П. Малиновский // Русская школа. – 1912. – № 7. – С. 169–196.

13. Сапунов А. П. Речи в Государственной Думе 3-го созыва / А. П. Сапунов. – СПб. : Тип. «Сельский вестник», 1912. – 48 с.

14. Хроника учительской жизни // Для народного учителя / под ред. Н. В. Тулупова. – 1907. – №. 6. – С. 36–37.

Острога Валентина Михайловна, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Valentina Ostroga,
Belarusian State Technological University
e-mail: ostroga.v@mail.ru

SOCIAL AND POLITICAL MOVEMENT OF TEACHING PEOPLE IN BELARUS AND STATE DUMA ACTIVITIES (BEGINNING OF THE XXth CENTURY)

The article examines the problem of the Belarusian teachers involvement in the social and political movement during the period of the State Duma (early XXth century). Attention is paid to the consideration of the number and party affiliation of the deputies among the teachers, their legislative initiatives, as well as bills that were submitted for discussion in the field of public education development. The conclusions are based on the analysis of materials from pre-revolutionary historiography, as well as publications in the pedagogical press and archival sources.

Keywords: teachers' intelligentsia, State Duma, deputies, public education, general education, social and political movement

УДК 327.8:321(436.7+47.07:497.1)

М. Г. Скорб

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИЗАЦИИ СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ (1873–1878 гг.)

Рассматривается эволюция отношения России и Австро-Венгрии к процессу превращения автономного Сербского княжества в независимое государство. Значительное внимание уделено факторам, оказавшим влияние на политику держав по этому вопросу. Обращено внимание на влияние европейских событий на сербский вектор внешней политики России и Австро-Венгрии.

Ключевые слова: Россия, Австро-Венгрия, Сербское княжество, суверенитет, Рейштадское соглашение.

Осенью 1872 г. в Белграде произошло долгожданное событие: отмечалось совершеннолетие князя Милана Обреновича IV и начало его

самостоятельного правления, о чем в уведомительном письме сообщалось правительствам ведущих европейских государств. Европейские правительства по-разному реагировали на это сообщение. Например, российский император не только письменно поздравил князя, но и направил на торжества в качестве своего специального представителя известного славянофила И. С. Аксакова. Австро-Венгерский монарх, после непродолжительных раздумий, направил поздравительное письмо. Британское правительство не ответило, полагая, что суверенный правитель не должен вести прямую переписку с князем, находящимся под верховной властью султана. Таким образом, сами по себе рядовые торжества ярко продемонстрировали отношение держав к Сербии и статусу князя.

Еще одним важным вопросом взаимоотношения Сербии с европейскими государствами стало принятие князем прокламации о начале его самостоятельного правления. Несмотря на то, что текст прокламации не содержал в себе каких-либо существенных внешнеполитических заявлений, в нем князь именовал себя сербским князем, а не князем Сербии, как того требовали международные договоры. Именно такое расширительное толкование титула раздражало Порту и вызвало ее протесты. Однако отсутствие какой-либо реакции со стороны великих держав, за исключением Великобритании, привело к тому, что османское правительство вынуждено было отказаться от своих претензий [7, с. 310].

Австро-Венгерская монархия во второй половине 1860 – начале 1870-х гг. стремилась проводить на Балканах свою собственную политику, сделав это направление самостоятельным после провала в Европе в 1866 г. С момента назначения на должность министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши, целью внешней политики империи Габсбургов стала полная ликвидация российского влияния на Балканах. Это было вызвано тем, что, по мнению Д. Андраши, после франко-прусской войны и создания Германской империи О. Бисмарк может предложить России разделить Дунайскую монархию. Опасаясь этого, он искал союзников против России. Таким союзником для империи Габсбургов могла стать только Великобритания. Однако подчеркнутое безразличие со стороны Форин-офиса к событиям на Балканах, выраженное, в том числе, и в игнорировании торжеств по случаю совершеннолетия сербского князя, вынудили австро-венгерское правительство искать соглашения с Россией и Германией. Это сближение положило начало Союзу трех императоров.

Встреча в Берлине глав дипломатических ведомств трех империй: Д. Андраши, О. Бисмарка и А. М. Горчакова, положившая начало союзу

трех императоров, во многом определила политику России и Австро-Венгрии в отношении Сербии. На этой встрече была достигнута принципиальная договорённость о судьбе Балкан: и Австро-Венгрия, и Россия соглашались с принципом невмешательства во внутренние дела балканских государств и отказывались от всяческих территориальных приращений на Балканах. Кроме того, Д. Андраши и А. М. Горчаков договорились о взаимных консультациях по сербскому вопросу [10, с. 147].

Российская дипломатия рассматривала отказ Австро-Венгрии от территориальных претензий на Боснию и Герцеговину как согласие на объединение под властью Сербии всех югославянских земель Османской империи. Россия справедливо полагала, что любое территориальное приращение Сербского княжества, осуществленное при ее поддержке, приведет к увеличению российского влияния в княжестве, сведенное к минимуму после убийства князя Михаила в 1868 г. Империя Габсбургов отказывалась от претензий на Боснию. Правительство Австро-Венгрии требовало российско-австрийских консультаций по сербскому вопросу, рассчитывая на то, что Россия согласится на преимущественное австрийское влияние в Сербии. В свою очередь сербское правительство, по словам российского посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева, считало, что обе державы договорились, жертвую интересами Сербии [6, с. 47–49]. В действительности ни Россия, ни Австро-Венгрия не смогли добиться поставленных целей, поскольку стремление расширить территорию Сербии встретило протесты со стороны Порты. В тоже время неожиданная смерть, М. Блазнавца, главы сербского правительства и главного проводника австрийских интересов в Сербии, значительно сузили возможности венского правительства в княжестве.

После смерти М. Блазнавца сербское правительство возглавил Й. Ристич. Этим назначением были недовольны как в Вене, так и в Санкт-Петербурге, но открыто своих возражений не высказывали. Венский двор считал нового главу правительства сторонником России, а А. М. Горчаков называл его интриганом и полагал, что «сумасшедшие и азартные идеи» Й. Ристича вредят не только российским, но и сербским интересам [7, с. 319].

Практически сразу после формирования правительства Й. Ристич отправился с визитом в Вену, чем вызвал чрезвычайное неудовольствие российского канцлера. Большинство вопросов, обсуждаемых в Вене, касались строительства железной дороги в Константинополь и взаимной торговли, но сам Й. Ристич придавал наибольшее значение открытию сербского консульства в Вене. В беседах с Д. Андраши Й. Ристич говорил, что открытие сербского представительства в Вене поможет

значительно улучшить австро-сербские взаимоотношения и разрешит многие противоречия. При этом Й. Ристич указывал, что такое консульство в Вене уже имела Румыния, также как и Сербия, находившаяся под верховной властью султана [2, с. 7]. В свою очередь в частной переписке с Ф. Христичем он утверждал, что открытие консульства в Вене приведёт к значительному росту международного престижа Сербского княжества [4, с. 143–144]. Результатом этой встречи стало то, что с весны 1874 г. в Вене свою работу начало постоянное сербское дипломатическое представительство, явившееся первым постоянным дипломатическим представительством Сербии за пределами Османской империи.

В действительности же создание консульского представительства было важнейшим шагом к суверенизации сербского княжества, поскольку предоставляло сербским властям возможность самостоятельно и по собственной инициативе вступать в политические взаимоотношения с иностранным государством. Более того факт открытия сербского консульства в Вене при наличии австро-венгерского консульства в Белграде говорил о формальном паритете в межгосударственных отношениях этих двух стран.

Если Австро-Венгрия в силу целого ряда причин ряда причин уменьшала уровень своего вмешательства в сербские дела, то Россия наоборот стремилась увеличить не только собственное влияние в регионе, но и еще более укрепить русско-сербские связи. Для этого планировалось реализовать договорённости, заключенные еще в 1871 г. во время визита регентов малолетнего князя в Ливадию и их переговоров с Александром II. Основным итогом этих переговоров было соглашение о женитьбе Милана на одной из великих княжон [7, с. 331]. Одновременно с этим в начале 70-х годов XIX в. и еще более после формирования Й. Ристичем правительства, сербы все чаще и чаще при возникновении не только конфликтных ситуаций с Портой, но и при общении с ней, прибегали к посредничеству российского посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева. Тем самым, в период регентства и сразу после него Сербия не только пошла на более тесное сотрудничество с Россией, но и де-факто передала ей ряд своих внешнеполитических полномочий, гарантированных ей международными договорами.

Такой рост влияния России в Сербии объясняется рядом факторов. С одной стороны, к 70-м годам XIX в. наблюдается рост международного престижа России, связанный с отказом выполнять некоторые условия Парижского мирного договора. В то же время внутри самой Сербии после смерти М. Блазнавца фактически не осталось открытых

сторонников Австрии, а Й. Ристич, несмотря на негативные оценки А. М. Горчакова, был сторонником взвешенной внешней политики, полагая, что Сербия может добиться самостоятельности, лишь балансируя между Россией и Австро-Венгрией.

Последнее весьма показательно в свете того, что одновременно со своей поездкой в Вену Й. Ристич добился от князя согласия на дипломатическую миссию в Санкт-Петербург. Возглавлять эту миссию должен был М. Протич, учившийся в России и имевший контакты среди высшего российского чиновничества.

Во время беседы с князем Й. Ристич указывал, что от итогов этой миссии зависят отношения Сербии со всеми европейскими государствами. Перед М. Протичем стояла задача изменить отношение России к главной внешнеполитической цели Сербии – обретение независимости [4, с. 132]. Во время беседы М. Протича и А. М. Горчакова российская сторона отказалась даже рассматривать вопрос о браке между Миланом Обреновичем и одной из великих княжон. Российский канцлер указывал, что великая княжна не может сочетаться браком с вассальным правителем.

В ответ на замечание М. Протича о том, что брак с великой княжной принесет Сербии независимость, А. М. Горчаков заявил, что это тем более не приемлемо, поскольку противоречит духу и букве всех российско-турецких договоренностей [7, с. 340]. Такие изменения наглядно демонстрируют цель российской политики в Сербии: то, что подходило для увеличения влияния России в 1871 г. становилось категорически неприемлемым в 1873 г., поскольку могло привести к полной независимости Сербии.

Разность подходов Австро-Венгрии и России к судьбе Сербского княжества объясняется не столько разностью целей держав, сколько разными возможностями. Цели обеих держав были схожими: максимальное уменьшение влияния оппонента в регионе. Однако если Австро-Венгрия после поражения в австро-прусской войне теряла свой политический вес не только на Балканах, но и в Европе, то Россия наоборот увеличивала свое влияние. Даже австро-российские договоренности по сербскому вопросу, призванные закрепить сложившийся статус-кво не могли остановить этот процесс.

Отношение России и Австро-Венгрии к превращению Сербии в независимое государство начало постепенно меняться с началом восстания в Боснии и Герцеговине. Сербские элиты в ходе восстания вернулись к идее, возникшей еще в 60-е годы XIX в., о передаче ей всей территории Боснии. И Россия, и Австро-Венгрия в равной степени

выступали против этого. Российская дипломатия полагала, что двукратное увеличение территории Сербии неизбежно приведёт к ее независимости и как следствие к уменьшению влияния России не столько в Сербии, сколько в Османской империи. Австро-Венгрия в первую очередь опасалась распространения восстания на собственные провинции, населенные преимущественно славянами, потому с самого начала стянула войска к южным границам [8, с. 258].

В то же время присоединение Боснии к Сербии создавало сильное славянское государство у границ империи Габсбургов, претендовавшее на югославянские земли в составе Австро-Венгрии. Все это привело к тому, что и Австрия, и Россия были готовы ввести войска в Боснию и создать там автономию на основе самых умеренных требований повстанцев и тем самым не допустить объединения Сербии и Боснии. Реализацию этих планов сорвала лишь позиция Великобритании, которая стремилась сохранить территориальную целостность Османской империи.

С самого начала восстания российское общественное мнение было на стороне восставших славян: в России был организован сбор средств и формирование добровольческих отрядов. Именно под давлением общественного мнения российская дипломатия несколько смягчила свое отношение к восставшим и Сербии. Австро-Венгрия также пошла на некоторые уступки. Д. Андраши, делая доклад императору, пришел к выводу, что для империи наиболее приемлемым является мирный исход начавшегося кризиса. В случае войны Сербии и Черногории для империи Габсбургов наиболее выгодным является поражение союзников, так как в этом случае Австро-Венгрия сможет встать на защиту Сербии и Черногории, тем самым поднять свой международный престиж. В случае же победы славян, Д. Андраши настаивал на том, что Австро-Венгрия должна занять лишь часть Турецкой Хорватии до р. Вырбас, тогда как основная часть Боснии должна была перейти под контроль Сербии. При этом австро-венгерский министр иностранных дел особо оговаривал, что статус Сербии и Черногории должен остаться без изменений [1 с. 92–93].

С такими позициями Австро-Венгрия и Россия подошли к лету 1876 г., когда в замке Рейхштад состоялась встреча Александра II и Франца Иосифа. Кроме двух императоров на этой встрече присутствовали А. Н. Горчаков и Д. Андраши. Несмотря на то, что достигнутое соглашение не было закреплено подписанием какого-либо документа, по поручению обоих глав дипломатических ведомств велась запись переговоров. Таким образом, итог Рейхштадских соглашений известен в двух вариантах: австрийском и российском, которые, несмотря на общую схожесть, в некоторых моментах разнятся.

Оба варианта предусматривали план действий на случай войны Сербии и Черногории с Османской империей. Обе империи приняли решение придерживаться принципа невмешательства в назревающий конфликт, однако рассматривали различные варианты ее завершения. В случае поражения славянских государств державы планировали требовать от Порты возвращения к *status quo ante bellum* и проведения административной реформы в Боснии. Планы держав на случай победы сербо-черногорского союза рознятся. Согласно российскому варианту Черногория должна была получить Герцеговину и порт на побережье Адриатического моря, а Сербия Боснию и часть Старой Сербии. Австрийский вариант предусматривал присоединение к Сербии лишь части Боснии до р. Дрина, а остальная часть пашалыка отходила к Австро-Венгрии. При этом территорию Новипазарского санджака разделялась между Сербией и Черногорией по р. Лим. И российский, и австро-венгерский варианты не допускали создания единого славянского государства [8, с. 145–146]. При этом следует отметить, что державы не предусматривали внутреннего переустройства Сербского княжества, что говорит о высокой степени самостоятельности при решении внутренних проблем.

Принцип невмешательства, которым руководствовались державы, предоставил Сербии полную свободу в своих взаимоотношениях с Портой. Последнее привело к тому летом 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи. Последнее означало, что Сербия в принятии своих внешнеполитических решений становилось полностью независимой, как от Османской империи, так и от Австро-Венгрии, и России.

Если позиции Австро-Венгрии в целом осталась неизменной, то позиция России под давлением общественного мнения претерпела значительные изменения. К началу 1877 г. стало очевидным, что Абдул Хамид II не пойдет на уступки. Это толкало Россию к проведению самостоятельной и более радикальной политики. Однако односторонний отказ России от нейтралитета развязывал руки Австро-Венгрии, поэтому прежде чем приступить к активным действиям российская дипломатия стремилась заручиться нейтралитетом Дунайской монархии.

С этой целью в Будапеште российским послом в Австро-Венгрии Е. П. Новиковым и министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши была подписана специальная конвенция. Согласно этой конвенция Габсбургская монархия обещала придерживаться «благожелательного нейтралитета», а взамен получала возможность самостоятельно выбрать время и способ аннексии всей территории

Боснии за исключением Новипазарского санджака. Это исключало какое-либо территориальное расширение Сербии в западном направлении. Также стороны сошлись в том, что Сербия, как и другие славянские страны, может получить независимость в случае распада Османской империи, при этом исключалось создание «единого и сильного славянского государства», под которым понималось объединение Сербии и Черногории [9, с. 58].

Таким образом, к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Россия, и Австро-Венгрия придерживались консенсуса о предоставлении независимости Сербскому княжеству. Однако такая позиция держав была не результатом проводимой ими политики, а итогом независящих от их обстоятельств. В действительности политика, как России, так и Австро-Венгрии не предусматривала создание независимого сербского государства до того, как это, по сути, стало свершившимся фактом. Важным фактором, оказавшим влияние на изменение позиций великих держав по сербскому вопросу, стало начавшееся в 1875 г. восстание в Боснии и Герцеговине, послужившее прологом к Великому Восточному кризису и создавшее угрозу распада Османской империи. Именно перед угрозой не контролируемого распада Османской империи, Россия и Австро-Венгрия согласились на предоставление национальной и государственной независимости не только Сербии и ряду других государств, но и народам Балканского полуострова. Тем самым они сохранили свое влияние и политический вес на Балканах, а также породили ряд политических проблем, ставших частью общеевропейских противоречий, приведших к началу Первой мировой войны.

Список литературы

1. Вукчевић, М. Црна Гора и Херцеговина очи рата, 1874–1876 / М. Вукчевић. – Цетиње : Народна књига, 1950. – 292 с.
2. Дипломатско представништво Србије у Бечу. Т. I : 1874–1878 : зб. докумената приредио М. Перишић. – Београд : Архив Србије, 2018. – 594 с.
3. Золотухин, М. Ю. Русско-австрийские переговоры по политическим и территориальным изменениям на балканском полуострове на начальном этапе восточного кризиса 1870-х годов / М. Ю. Золотухин // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1. – С. 253–261.
4. Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. – Београд : Српска краљевска академија, 1931. – 287 с.
5. Писма Јована Ристића Филипу Христићу од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880.
6. Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880) / сакуп. и средио Г. Јакшић. – Београд : Српска академија наука, 1953. – 393 с.
7. Рајић, С. Спољна политика Србије између очекивања и реалности 1868–1878 / С. Рајић. – Београд : Српска књижевна задруга, 2015. – 562 с.
8. Рейхсгадтское соглашение между Россией и Австро-Венгрией // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М. : Госполитиздат, 1952. – С. 144–148.

9. Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией // Русско-германские отношения. Секретные документы 1873–1914. – М. : Изд-во Центрархива, 1922. – С. 51–61.

10. Сироткина Е. В. На пути к союзу трех императоров: австрийско-российские отношения после окончания Франко-прусской войны / Е. В. Сироткина // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMУ. – 2014. – № 2. – С. 145–150.

Скорб Максим Геннадьевич, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Maksim Skorb,
Belarusian State University
e-mail: max.skorb@yandex.ru

SOVEREIGNIZATION PROBLEM OF SERBIAN PRINCIPALITY IN POLITICS OF RUSSIA AND AUSTRIA-HUNGARY (1873–1878)

The article examines the evolution of Russia and Austria-Hungary's attitude to the process of transformation of an autonomous Serbian principality into an independent state. Considerable attention is paid to the factors that influenced the policy of these powers on this issue. Attention is drawn to the influence of European events on the Serbian vector of the foreign policy of Russia and Austria-Hungary.

Keywords: Russia, Austria-Hungary, Serbian principality, sovereignty, Reishtad agreement.

Раздел 2. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 930(476)«19»

В. А. Белозорович

РОЛЬ «ТЕЗИСОВ ОБ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БССР» В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

После выхода в 1946 г. первого выпуска «Истории БССР» партийное руководство республики поставило перед научными работниками задачу подготовки квинтэссенции белорусской истории. Ее концепция должна была базироваться на принципах марксистско-ленинской методологии и отвечать научным подходам марксистско-ленинской методологии. В статье рассматривается процесс разработки «Тезисов» ведущими историками БССР. Обсуждение документа свидетельствует о влиянии политической ситуации на формируемую концепцию истории Беларуси. Автор опирался на ранее неопубликованные источники, хранящиеся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси и Национальном архиве Республики Беларусь.

Ключевые слова: историография истории Беларуси, историческая наука Беларуси, история Беларуси, историческая концепция.

XV Пленум ЦК КП(б)Б в конце 1947 г. рассмотрел вопрос «О политической и идеологической работе КП(б)Б среди интеллигенции». Перед партийными организациями республики была поставлена задача развернуть борьбу «против низкопоклонства перед заграницей, перед реакционной буржуазной культурой», ликвидировать «всякого рода искажения и ошибки националистического характера в области истории БССР». Упоминание о подъеме экономики и культуры в XV–XVI вв. воспринималось как возрождение националистической теории «золотого века», идеализация патриархального и феодального прошлого Беларуси. Считались националистическими положения о добровольном объединении Беларуси и Литвы в ВКЛ, об автономии белорусских земель в составе Княжества, о государственном статусе белорусского языка [1, с. 167].

В это время Институт истории Академии наук Белорусской ССР отказался от издания подготовленных выпусков «Истории БССР» (первый выпуск состоялся в 1946 г.), поскольку партийный пленум принял решение о подготовке «Тезисов об основных вопросах истории БССР». Предполагалось, что разработанные материалы станут официальным «взглядом» на историю Беларуси, своего рода правильной трактовкой прошлого белорусского народа, чтобы избежать теоретических и методологических ошибок.

На заседании Бюро ЦК КП(б)Б 20 января 1948 г. заслушали вопрос «О разработке «Тезисов об основных вопросах истории БССР». Члены Бюро постановили поручить комиссии в составе П. В. Саевича (председатель), С. Н. Малинина, Е. И. Бугаёва, А. Д. Молочко, В. Н. Перцева, Н. М. Никольского, А. П. Пьянкова, Н. В. Каменской, Е. И. Корнейчика, А. И. Вороновой, К. И. Шабуни, до 1 марта 1948 г. разработать тезисы. Управлению пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б поручалось их рассмотреть и представить на утверждение Бюро до 20 марта 1948 г. [2, л. 22]. Результаты работы комиссии опубликовали в журнале «Большавік Беларусі» [3]. В НАРБ хранится машинописный вариант тезисов, на титульном листе которого скорописью дописано «История белорусского народа до Великой Октябрьской социалистической революции» [4, л. 1–125].

«Тезисы» представляли собой систематизированное изложение истории Беларуси с древнейших времен до образования БССР и являлись программным документом для историков, позволяющим избежать «антинаучных и вредных концепций» в преподавании истории. К ним относились следующие положения: 1) периодизация, основанная на внешнеполитическом критерии; 2) концепция бесклассовости белорусского народа; 3) идея «золотого века» в истории белорусского народа в XIV–XVI вв.; 4) отрицание единства исторической судьбы русского, украинского и белорусского народов [3, с. 89–90].

Текст о первобытнообщинном строе на территории Беларуси в «Тезисах» был продублирован из первого выпуска «Истории БССР». Лишь акцентировали внимание на особенности этногенеза белорусов: «создание новых племен (как и новых стадий культуры) происходило не под влиянием переселения откуда-то со стороны других племен (и привнесение ими извне новой культуры), а на основе развития производительных сил, экономики и общественных отношений местного населения этой территории» [3, с. 94].

Феодалную формацию члены комиссии разделили на несколько периодов: дофеодалный, Киевская держава, феодальная раздробленность, Беларусь под властью Литвы и Польши, вхождение Беларуси в состав Русской державы, разложение феодально-крепостнических отношений в первой половине XIX в. Дофеодалный период на белорусских землях обозначили VII – серединой XI в. Процесс классовобразования в обществе, как результат развития производительных сил у восточнославянских племен, привел к образованию Киевской Руси. Отрицалась обособленность кривичей, дреговичей, радимичей в этом государстве и участие варягов в его формировании. Киевская Русь представлялась единой державой

восточных славян с общими экономическими, политическими и культурными процессами [3, с. 95–96].

В «Тезисах» были четко обозначены т. н. «ошибочные положения» предшествующей историографии. К ним отнесли трактовку войн XI–XIII вв. как борьбу белорусских племен за независимость против Киева. Также считалось «националистическим» положение о добровольном вхождении белорусских земель в состав ВКЛ. Литовские феодалы не только захватили западные области Руси, но и пошли на сотрудничество с польскими панамы [3, с. 98]. Рост феодальной эксплуатации и оформление крепостного права исключали возможность участия народных масс в управлении государством. Поэтому признали безосновательными утверждения об автономии белорусских земель в составе ВКЛ, государственном статусе белорусского языка, подъеме экономики и культуры Беларуси в XIV–XVI вв. [3, с. 100–101].

Белорусский народ исторически тяготел к русскому и украинскому народам. Поэтому Московское государство, а затем Россия, являлось оплотом в борьбе против чужеземного влияния. Ведь «Люблинской унией феодальная Польша преследовала цель предотвратить намечаемое воссоединение Беларуси и Украины с Московским государством», – отмечено в «Тезисах» [3, с. 103]. В отечественной историографии закрепилось неисторическое отражение взаимоотношений Русского государства с ВКЛ и Речью Посполитой. Войны между ними, наблюдавшиеся в XIV–XVII вв., следовало считать освободительными для белорусского народа.

Вхождение белорусских земель в состав России являлось прогрессивным явлением, вызвавшим их экономический подъем. Внутренний кризис Речи Посполитой был обусловлен ее внутривнутриполитическим состоянием, причем шляхта, магнаты и даже т. н. «реформаторы» опасались аграрной революции в стране. Общий вывод гласил: «Присоединение белорусских земель к России отвечало извечному стремлению белорусского народа к воссоединению со своим старшим братом – русским народом и ликвидировало владычество шляхетской Польши над трудовыми массами Белоруссии» [3, с. 109]. Прогрессивной признавалась взаимосвязь с русской культурой, которая своим идейным влиянием на передовые слои белорусского народа стянула его в русло общероссийского революционного движения.

На общем фоне развития капиталистических отношений Беларусь в первой половине XIX в. обладала рядом особенностей: польское и литовское дворянство являлось социальной опорой русского царизма; в угоду крупным помещикам царское правительство отдало от дворянского самоуправления мелкую шляхту путем ее «разборов»;

царские чиновники проводили политику русификации; размер налогов в белорусских губерниях был выше, чем в губерниях Центральной России; активное участие крестьян в партизанском движении в период войны 1812 г.; декабристы содействовали распространению революционных взглядов среди местной интеллигенции (ученической молодежи); восстание 1830–1831 гг. имело польский характер; царское правительство стремилось найти себе опору в белорусском крестьянстве [3, с. 109–114].

Капиталистическую формацию члены комиссии разделили на два периода: отмена крепостного права в России и развитие капитализма в Беларуси во второй половине XIX в.; Беларусь в период империализма. Главное внимание в «Тезисах» уделялось восстанию 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Характер восстания был определен как крестьянский, что соответствовало историографической традиции 1930-х гг. Руководителя восстания К. Калиновского назвали выразителем интересов крестьянства, но его требование о национальной независимости Литвы и Беларуси считалось ошибочным. Только с победой социалистической революции в России при братской помощи русского народа белорусы смогли обрести независимость и государственность [3, с. 115].

Следовало акцентировать внимание на широком развитии капитализма во второй половине XIX в., так как буржуазные историки отрицали наличие капиталистической формации в Беларуси и пропагандировали теорию «бесклассовости белорусского народа» [3, с. 117]. Развитие народнического и рабочего движения проходило в условиях великодержавной шовинистической политики, проводимой царским правительством в белорусских губерниях. К представителям прогрессивной общественной мысли были отнесены К. Калиновский, Ф. Богушевич, И. Неслуховский. В то же время Ф. Богушевич идеализировал положение белорусского народа под властью Литвы, а В. Дунин-Мартинкевич утверждал в своих произведениях идею примирения помещиков с крепостными крестьянами [3, с. 120].

Характеристика империализма в «Тезисах» соответствовала ленинской оценке. Рабочее движение в Беларуси развивалось по нарастающей линии под руководством РСДРП. Бунд, БСГ, эсеры относились не к левому социалистическому лагерю, а к мелкобуржуазным партиям. Газета «Наша нива» была объявлена либерально-националистическим изданием. Активную работу вели только подпольные большевистские организации [3, с. 132]. Благодаря им на неоккупированной территории Беларуси в 1917 г. победила Октябрьская социалистическая революция. Особо была выделена

деятельность Полесского комитета РСДРП(б) во главе с Л. М. Кагановичем [3, с. 138].

Белорусские националисты стремились задержать нарастание революции в Беларуси и изолировать белорусский народ от революционной России, сформировав «Белорусскую Радугу». Однако большевистская партия под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина обеспечила победу социалистической революции на Западном фронте. В Минске был ликвидирован мятеж «Комитета спасения родины и революции», а в Могилеве уничтожена контрреволюционная Ставка. Белорусские националисты выступили с требованием создать БНР, что означало передачу власти буржуазии и помещикам [3, с. 140]. Только советское правительство и большевистская партия содействовали национально-государственному самоопределению Беларуси [3, с. 143].

Обсуждали «Тезисы» на собрании Отделения общественных наук АН БССР с привлечением преподавателей вузов, учителей истории, партийных и советских работников. Декан исторического факультета БГУ Ф. М. Нечай выявил расхождение в периодизации, предложенной К. М. Поликарповичем, с работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», не согласился с трактовкой понятия «городище». Ф. А. Новикова и Л. С. Абецдарский не нашли в тексте ответ на вопрос, почему война Русского государства 1654–1667 гг. против Польши за освобождение Украины и белорусских земель не привела к освобождению Беларуси? Многие историки (Ф. А. Новикова, М. Я. Гринблат и др.) обратили внимание на неразработанность в науке вопроса о формировании белорусского народа. Также выступавшие в дискуссии заметили, что в «Тезисах» слабо представлена классовая сущность религиозной борьбы народных масс Беларуси в XVII в. И. С. Кравченко обозначил проблему генезиса капитализма на белорусских землях и определил начало феномена в XVIII в., допуская возможность его зарождения и в XVII столетии. А. Ф. Смирнов указал на отсутствие в тексте информации о революционной ситуации перед отменой крепостного права и восстанием 1863–1864 гг. [5, с. 60–63]. Академик К. К. Крапива заметил, что Я. Чечот и А. Рыпинский необоснованно соотнесены с деятелями белорусского национального движения. Академик-секретарь В. Н. Перцев не нашел ответа на вопрос, почему не сложилась рабовладельческая формация в Беларуси. Ректор БГУ И. С. Чимбург заявил о нечеткой оценке восстания 1794 г. [6, л. 276–278].

В. Н. Перцев в отдельной рецензии указал разработчикам «Тезисов» на семь недостаточно раскрытых аспектов концепции истории БССР: периодизация отечественной истории; предпосылки и время формиро-

вания белорусской народности; совместная борьба белорусского, русского и украинского народов против иноземных захватчиков и внутренних угнетателей; развитие белорусской общественной мысли в XVI – начале XX в.; характер восстания 1863–1864 гг.; время зарождения капитализма в Беларуси и формирования белорусской нации; рабочее движение и социал-демократические организации во второй половине XIX – начале XX в. [7, л. 60–61].

Недостатком дискуссии следует назвать полное отсутствие замечаний по разделу «Великая Октябрьская социалистическая революция и образование БССР», единичные выступления по периоду капитализма. Основное внимание участников собрания было сконцентрировано на проблемах эпохи феодализма.

«Тезисы об основных вопросах истории БССР» послужили основой для концепции истории Беларуси, представленной в академических изданиях 1950-х – 1970-х гг. Только во второй половине 1980-х гг. наметился переход на новые методологические позиции, основанные на национально-государственном подходе к отечественной истории.

Список литературы

1. Храпко, Л. П. Развитие исторической науки в БССР, 1945 – конец 50-х годов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. П. Храпко. – Минск, 1989. – 364 л.
2. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 81. Д. 6 «Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 20 января 1948 г.». – 60 л.
3. Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР (матэрыял для выкладчыкаў, лектараў і дакладчыкаў) // Бальшавік Беларусі. – 1948. – № 3. – С. 89–144.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 245 «Тезисы об основных вопросах истории БССР и сведения об аспирантах вузов БССР». 1 декабря – 30 декабря 1948 г. – 367 л.
5. За стварэнне марксісцка-ленінскай гісторыі Беларусі // Бальшавік Беларусі. – 1949. – № 1. – С. 59–65.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 244 «Проект тезисов об основных вопросах истории БССР и характеристики на преподавателей вузов». 8 сентября 1948 г. – 17 января 1949 г. – 415 л.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 3а. Оп. 1 Д. 15 «Методы и принципы работы над кратким курсом «Истории БССР». – 127 л.

Белозорович Виктор Александрович, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Viktar Belazarovich,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: v.belozorovich@grsu.by

ROLE OF «THESES ON BASIC ISSUES OF HISTORY OF THE BSSR» IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

After the first issue of the History of the BSSR publication in 1946, the party leadership of the Republic set the task of preparing the quintessence of Belarusian history for the scientists. Its

concept was to be based on the principles of Marxist-Leninist methodology and correspond to the scientific approaches of Marxist-Leninist methodology. The article examines the process of the «Theses» development by the leading historians of the BSSR. The discussion of the document testifies to the influence of the political situation on the formed concept of the history of Belarus. The author relied on previously unpublished sources stored in the Central Scientific Archives of the National Academy of Sciences of Belarus and the National Archives of the Republic of Belarus.

Keywords: historiography of the history of Belarus, historical science of Belarus, history of Belarus, historical concept.

УДК 930(476):39

Г. В. Васюк, Е. М. Ирха

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Проанализированы труды современных белорусских исследователей по истории материальной культуры этнических общностей Беларуси. Основная проблематика рассмотренных работ заключается в изучении народного костюма, традиций питания и жилья этнических общностей Беларуси. Определена степень исследованности данной темы. Установлено, что материальная культура оказывает значительное влияние на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: материальная культура, национальная кухня, национальный костюм, национальная идентичность, этнические общности.

С обретением Республикой Беларусь независимости актуальной стала проблема формирования национальной идентичности. В республике проживают различные этнические группы (белорусы, поляки, литовцы, евреи, русские, украинцы и др.), чья культура, в том числе и материальная, является частью белорусской национальной культуры. Взаимопроникновение и переплетение культур белорусов и других этнических групп является одной из особенностей страны, соответственно одной из приоритетных задач белорусской науки является сохранение культурного наследия и сложившихся этнокультурных традиций белорусского народа.

Информацию о материальной культуре Беларуси, которая накапливалась несколько столетий можно найти в летописях, записках путешественников, художественной и мемуарной литературе, юридических актах и т. д. В советский период была проведена фундаментальная работа в архивах, музеях, организованы полевые этнографические исследования, дающие представление об особенностях материальной культуры республики. Ведущая роль в изучении белорусской культуры со второй половины XX века принадлежала

Институту искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР. Результатами работы ученых Академии стали такие издания, как «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў» (1974), «Беларускае народнае жылле» (1975) и др. Отличия в материальной культуре ярко продемонстрированы в исследовании «Беларуская народнае адзенне» (1975) [1]. Коллектив авторов этой книги (Л. А. Молчанова, Г. М. Курилович, В. М. Белявина и др.) картографировал неоднородность белорусского костюма, выделил территории (на юго-западе – Полесье, Поднепровье с восточной Витебщиной, северную часть Гродненщины и запад Витебщины), где прослеживаются особенности в колористке и крое одежды.

Исследование В. С. Титова «Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX – начала XX в.» (1983) [2] комплексно прослеживает особенности культурно-исторического характера шести историко-этнографических регионов: Поозерье, Поднепровье, Центральный регион, Понеманье, Восточное и Западное Полесье. В своей работе автор проанализировал такие материальные аспекты культуры, как пища, ремесленная деятельность, транспортные средства, организация жилой среды. Позже В. С. Титов более углубленно рассмотрел традиционную материальную культуру белорусов в работах «Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай рэчаіснасці» (1994) [3], «Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі: Вучэбна-метадычны дапаможнік» (1996) [4], «Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Традыцыйна-бытавая культура: вучэбна-метадычны дапаможнік» (1997) [5]. Исследователь, помимо упомянутых аспектов, проанализировал историческую этнографию пограничных регионов, белорусское зарубежье, этнический состав населения Беларуси, уделяя особое внимание русским, полякам, украинцам, литовцам, евреям, татарам, цыганам.

В современной Беларуси изучение белорусской культуры вышло на новый уровень: опубликованы ряд фундаментальных многотомных обобщающих работ, посвященных этническим традициям в становлении современной белорусской культуры. Одним из примеров таких трудов является серия «Беларусы». Проблеме происхождения и этнического развития белорусского народа, его этнических особенностей и связи с другими народами посвящен четвертый том «Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё» (2001) [6]. В труде исследователи уделили внимание вопросам семейного быта, общественной жизни, материальной и духовной культуре, этнокультурным процессам и их изменениям, этническому самосознанию. Авторы отмечают, что изменениям в

национальной культуре и национальной идентичности способствовала политика белорусизации в 20-е гг. XX в., борьба с фашистскими захватчиками (1941–1945 гг.), создание белорусского государства, а термин *белорусы* расширил свое значение, вобрав в себя не только понятие этнической общности, но и политической общности, в которую вошли как белорусский этнос, так и другие этнические общности Беларуси» [6, с. 429]. В пятом томе данной серии «Беларусы. Сям'я» (2001) [7] были проанализированы особенности семейного уклада, быта детей, их питания и одежды. Исследователи пришли к выводам, что в последние два столетия статус мужчины и женщины в семье изменился, роль женщины возросла, она стала более самостоятельной; сохраняется важность семейного воспитания детей, но при этом часть функций перешла к государственным учреждениям, сократилось число семейных обрядов вследствие перехода к промышленному производству (ранее обряды «способствовали» успеху в производственной деятельности) [7, с. 370–372]. В шестом томе «Беларусы. Грамадскія традыцыі» [8] были освящены традиционные общественные объединения (сельская община, цехи, городское самоуправление), традиции календарных, христианских, профессиональных праздников с точки зрения современной этнологии. Исследователи пришли к выводу, что традиции общественной жизни остаются существенной частью социокультурной жизни и играют важную роль в обществе [8, с. 602]. Восьмой том «Беларусы. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва» (2005) [9] посвящен одному из самых широких видов национальной культуры – декоративно-прикладному искусству (керамика, обработка металла и дерева, стекла, плетение из различных материалов, художественные ткани и роспись). Ученые подробно проанализировали технологии, выделили отличительные черты, в том числе региональные. Авторы обратили внимание на то, что сегодня традиционные ремесла и народное искусство по разным причинам находится в упадке, и основная задача государства заключается в сохранении традиций и технологий [9].

«Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси» [10–14] – монографическая серия, посвященная изучению этнокультурных процессов в Беларуси, подготовлена учеными Национальной академии наук Беларуси, Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. Данная работа является фундаментальным трудом о материальной и духовной культуре, этнических традициях, этноконфессиональных процессах и их особенностях, отражая динамику этнокультурных процессов историко-этнографических регионов: Гродненское Полесье, Восточное Полесье,

Западное Полесье (Брестчина), Центральный регион, Подвинье (Витебщина). Авторы исследования впервые в этнологической науке дают целостное представление о важнейших аспектах культуры, в том числе и материальной, в различных регионах страны, выделяя региональные отличия и вариативности [10–14].

Монография из вышеназванной серии, опубликованная в 2014 г., «Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем» [11] посвящена Понеманскому региону (р. Неман), который соотносится с современной Гродненской областью. Авторы показали своеобразие Гродненщины, «которое является следствием ее географического положения как пограничного региона (белорусско-литовского-польского пограничья), на стыке западной и восточной цивилизации и на пересечении торговых путей» [11, с. 157]. В исследовании отмечается, что в культуре региона прослеживается влияние нескольких общностей. В данной монографии рассмотрены три стороны материальной культуры: традиция питания, традиция костюма населения региона и особенности историко-культурного ландшафта Гродненской области. Авторы монографии отмечают, что Гродненская область является самым полиэтническим и поликультурным регионом Беларуси. Работа основывается на разнообразных источниках и оригинальном материале, в том числе и на литовском, польском языках.

Научно-популярное издание «Кто живет в Беларуси» [15] коллектива исследователей (Г. И. Касперович, О. В. Изотова, А. В. Гурко, А. К. Бондарчик), вышедшее в 2012 г., дает полное представление о материальной и духовной культуре этнических общностей, проживающих в Беларуси (жилище, традиции питания, одежды), и формирует представление о наиболее распространенных конфессиях в Республике.

Особенностям белорусской «народной кулинарии» посвящены исследования доктора исторических наук, заведующего кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств Т. А. Новогродского. Например, в работе «Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX ст.» (2015 г.) [16], на основе разнообразных источников, в том числе собранных автором в этнографических экспедициях 1992–2014 гг. во всех регионах Беларуси, показаны изменения в культуре питания, которые произошли в XX в. Т. А. Новогродский отмечал, что традиции питания «наиболее прочно сохраняют этническую специфику и в меньшей степени подвергаются изменениям, являясь важным источником при исследовании вопросов истории материальной культуры и многих спорных проблем этнической истории» [16, с. 5]. Ученый обратил внимание, что традиция культуры питания белорусов,

использование экологически чистых продуктов, сформированная столетиями, сегодня претерпевает изменения. Кроме того, в исследовании описываются технологии приготовления традиционных блюд, определяется их место в системе питания белорусского этноса, характеризуется трансформация традиционного питания во второй половине XX – начале XXI в. Вопросы культуры питания белорусов представлены также в таких работах Т. А. Новогородского, как «Традиционные блюда и напитки белорусов» (2018) [17], «Традыцый народнага харчавання беларусаў у Заходнім Палессі (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў)» (2008) [18], «Традыцый харчавання беларусаў і іх выкарыстанне на сучасным этапе» (2016) [19] и др.

В 1993 г. впервые был издан на белорусском языке, а в 2017 г. был переиздан один из ценных источников, посвященный ведению хозяйства в XIX в. белорусскими женщинами «Літоўская гаспадыня: першая беларуская гаспадарча-кулінарная энцыклапедыя» [20]. Данная книга является своеобразной уникальной энциклопедией, в которой аккумулирован хозяйственно-кулинарный опыт белорусских предков. В ней содержатся советы и рекомендации по содержанию дома и хозяйства, гигиене, описаны технологии приготовления, сохранения пищи и др.

Одной из важных составляющих, которая характеризует материальную культуру жителей Беларуси, является одежда. В своем исследовании «Беларускі народны касцюм» [21] Л. И. Маленко проследила эволюцию белорусского костюма и выделила его региональные особенности. Процессу развития женской и мужской одежды в Беларуси посвящены исследования «Жаночы касцюм на Беларусі» (2007) [22] и «Мужчынскі касцюм на Беларусі» (2007 г.) [23], подготовленные В. М. Белявиной и Л. В. Раковой. В данных работах впервые показана эволюция женской и мужской одежды различных слоев населения Беларуси, начиная со средних веков до современности. Авторы рассматривают одежду, головные уборы, обувь и аксессуары привилегированного сословия, горожан и сельских жителей. В отношении современной женской одежды исследователи отмечают, что «под воздействием средств массовой информации и активных межнациональных контактов одежда потеряла свои национальные отличия и стала подчиняться законам развития мировой моды» [22, с. 50]. Авторы отмечают, что народные традиции в одежде сохраняются в сельской местности, где основным головным убором сельских жительниц является платок [22, с. 109]. Особенности

традиционного кроя, украшению народного костюма вышивкой посвящена работа О. А. Лобачевской, З. И. Зиминой «Белорусский народный костюм: крой, вышивка и декоративные швы» [24]. Исследователи проанализировали технологию пошива, узоры вышитого орнамента, разнообразие швов белорусского народного костюма на фотографиях и музейных образцах различных регионов Беларуси. Авторы разместили в вышеназванной работе большое количество схем вышивки и орнамента.

В труде коллектива исследователей Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы «Беларусы: Сучасныя этнакультурныя працэсы» (2009) [25] отмечена роль государства в формировании современных этнокультурных процессах, определены факторы этнокультурной динамики, а также описаны праздники христиан, иудеев, татар, проживающих на территории республики, и выделены основные направления декоративно-прикладного искусства.

Проблемам национальной идентичности в условиях глобализации посвящены сборники научных статей и трудов «Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе» (2012, 2017) [26; 27]. В научных статьях исследуются социокультурные преобразования и раскрываются актуальные аспекты этнокультурных процессов в современном обществе Беларуси.

Обобщающее многотомное издание коллектива авторов под научной редакцией А. И. Локотко «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» в 4 томах рассматривает эволюцию белорусской культуры. Третий том «Культура сяла XIV – пачатку XX ст. Книга 1» [28] посвящен материальной культуре и содержит разделы о сельском хозяйстве, аграрном образовании, художественных ремеслах, строительстве, одежде и питании, что составляет богатый и разнообразный мир традиционной материальной культуры. Анализируя современность, исследователь отмечает, что «многие традиционные элементы сельской материальной культуры востребованы как источники инновационного развития современной среды обитания (экологически чистые дома из сруба, льняные ткани с белорусским орнаментом и др.). Традиционная материальная культура становится предметом дизайна, образцы народно-традиционного искусства носят брэндовый и символический смысл, что формирует современный облик белорусской культуры» [28, с. 564–565]. В четвертом томе «Нарысаў» «Культура XX – пачатку XXI ст.» (2017) [29] анализируется архитектура Беларуси, изобразительное и прикладное творчество, традиция народных ремесел, белорусский кинематограф, музыка, театр и др. Особое внимание уделено сохранению историко-

культурного наследия и перспективам культурного развития и сохранения культурной идентичности в глобализирующемся мире.

Проблеме формирования литовской этнической общности в Беларуси посвящено этнологическое исследование Ю. И. Внуковича «Літоўцы Беларусі» [30]. Автор монографии большое внимание уделяет этнической истории литовского этноса, особенностям традиционной духовной и материальной культуры, сохранению литовского языка, а также межэтническим связям литовцев и белорусов. Исследователь отмечает, что отличительные черты литовцев Беларуси относятся преимущественно к духовной культуре (традиционным верованиям, фольклору, языку), но общие черты литовского и белорусского этноса, по мнению Ю. И. Внуковича, прослеживаются в традициях питания, ведении хозяйства, схожести традиционного костюма, размещении и планировке жилища [30, с. 141], что говорит об активной этнокультурной интеграции (проживание среди белорусов, схожие природно-географические, социально-экономические и исторические условия).

Эволюции материальной культуры местечек Беларуси посвящена монография А. И. Тяпковой «Местечки Беларуси. Этнологическое исследование» (2018 г.) [31]. На основании разнообразных этнографических, архивных и опубликованных источников исследована этнокультурная специфика развития белорусских местечек. Автор проводит типологизацию местечек, описывает их национальный, социальный и конфессиональный состав, занятия жителей: «белорусы, русские старообрядцы занимались земледелием, евреи – животноводством и птицеводством, татары – овощеводством» [31, с. 93]. А. И. Тяпкина отмечает четкие различия в планировке западных и восточных местечек Беларуси, выделяя урбанистическую направленность западно-белорусских населенных пунктов [31, с. 166].

В статье И. С. Маховской «Белорусское местечко как социокультурный феномен» [32] рассматриваются факторы развития местечек Западной Беларуси, их определяющие черты, типичная планировка и застройка «белорусский треугольник», сложившиеся культурные среды. Автор показывает особенности местечка как социокультурного феномена на примере г. п. Мир. В работе особое внимание уделено еврейской общине и ее роли в развитии местечка.

В исследовании «Традиционная культура этнических меньшинств Беларуси: поляки и татары» [33] Т. А. Новгородский рассматривает культуру, в том числе и материальную, белорусских поляков и татар, выделяя этническое своеобразие в их питании, одежде, семейных отношениях.

В статье М. А. Михайлец «Источники по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в.» [34] отмечается, что в начале прошлого столетия изучение польской культуры носило однобокий характер, затрагивало только проблему самоидентификации этого народа, оставляя вне поля зрения материальную культуру. Автор обращает внимание на то, что информация о культуре вышеназванного периода содержится в мемуарной и художественной литературе и повествует в большей степени о культуре высших и средних слоев общества.

В качестве источников о состоянии современной материальной культуры этнических общностей Беларуси выступают материалы периодической печати и интернет-ресурсы, материалы переписи населения и другие статистические источники. Данные источники помогают выполнить качественно анализ проблемы, изучить и определить особенности материальной культуры этнических общностей современной Беларуси, их влияние на формирование национальной идентичности.

Вопросами сохранения культуры этнических общностей Гродненского региона занимаются и сотрудники Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, которые с 2011 г. тесно сотрудничают с Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, в рамках государственной программы научных исследований. Коллектив факультета истории, коммуникации и туризма под руководством доцента кафедры всеобщей и славянской истории Н. Л. Улейчик занимается изучением этнокультурных процессов в Гродненском регионе Беларуси. Результатом научной работы ученых являются многочисленные публикации и участие в международных конференциях по вышеназванной проблематике.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы также участвует в реализации совместных трансграничных проектов. Результатом совместной работы исследователей университета и Европейского союза в рамках Программы трансграничного сотрудничества Польша – Беларусь – Украина 2007–2013 «Вандроўка ў этнаказку» стала разработка сайта этнотуристических ресурсов трансграничного региона (Гродненской области и Сувальского региона), где размещена информация о памятниках этнической культуры, национальной кухне, ремеслах и народных промыслах Гродненщины [35], а также был издан энциклопедический справочник «Этнакультурныя і прыродныя рэсурсы Гродзеншчыны і Сувальшчыны» [36], где впервые были собраны материалы о знаменитых мастерах, фольклорных

коллективах, памятниках культового строительства белорусско-польского пограничья.

В результате успешного сотрудничества ученых Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Центра «Брама Гродска – Театр NN» (Люблин, Польша), Центра социально-экономических инициатив (Яремча, Украина) и Ровенского центра маркетинговых исследований (Ровно, Украина) в рамках Программы трансграничного сотрудничества Польша – Беларусь – Украина 2007–2013 опубликован путеводитель «Маршруты по штетлам. Путешествия по забытым континентам» [37], где содержится информация о штетлах (еврейских местечках) – уникальном феномене польско-украино-белорусского пограничья, их истории, развитии и упадке, о сохранившихся памятниках материальной культуры, в том числе и на территории Беларуси. Как отмечает координатор программы доктор исторических наук С. А. Пивоварчик, «результаты проектов будут способствовать формированию у местных сообществ исторической памяти, интереса и уважения к историко-культурному наследию народов пограничья...» [38, с. 41].

Таким образом, белорусские исследователи внесли ценный вклад в изучение материальной культуры этнических общностей Беларуси, выделив их региональные особенности, и определили дальнейшие векторы данной проблемы. Ученые подчеркнули важную роль традиций народного костюма, народной кухни и жилья в формировании и сохранении национальной идентичности различных этнических общностей нашей страны. Белорусскими учеными научных центров проведено историко-этнографическое районирование материальной культуры, написаны отдельные монографические и обобщающие работы по её различным аспектам.

Список литературы

1. Беларускае народнае адзенне / Л. А. Малчанова [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 96 с.
2. Титов, В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. / В. С. Титов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 152 с.
3. Цітоў, В. С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай рэчаіснасці / В. С. Цітоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.
4. Цітоў, В. С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі : вучэб.-метадычны дапаможнік / В. С. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 1996. – 208 с.
5. Цітоў, В. С. Этнаграфічная спадчына: Беларусь. Традыцыйна-бытавая культура : вучэб.-метадычны дапаможнік / В. С. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 1997. – 207 с.
6. Беларусы / В. С. Бандарчык, В. М. Бялявіна, Г. І. Каспяровіч [і інш.] ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т. 4 : Вытокі і этнічнае развіццё. – 433 с.

7. Беларусы / В. К. Бандарчык, Г. М. Курьловіч, Т. І. Кухаронак [і інш.]. – Мінск. : Беларус. навука, 2001. – Т. 5 : Сям’я. – 375 с.
8. Беларусы / В. Ф. Бацяеў, В. М. Бялявіна, А. У. Гурко [і інш.]. – Мінск. : Беларус. навука, 2002. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі. – 605 с.
9. Беларусы / Я. М. Сахута [і інш.] ; рэдкал.: А. І. Лакотка [і інш.] ; Нац. акад. Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – Т. 8 : Дэкаратыўна-пракладное мастацтва. – 351 с.
10. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; редкол. : А. Вл. Гурко, И. В. Чаквин, Г. И. Касперович ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 466 с.
11. Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; редколл. : А. Викт. Гурко, Л. В. Ракова, А. Вл. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 447 с.
12. Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., филиал «Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы». – Минск : Беларус. навука, 2016. – 539 с.
13. Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 628 с.
14. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 621 с.
15. Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 799 с.
16. Наваградскі, Т. А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. / Т. А. Наваградскі. – Мінск : БДУ, 2015. – 243 с.
17. Новгородский, Т. А. Традиционные блюда и напитки белорусов / Т. А. Новгородский // Традиции и культура. – 2018. – № 2. – С. 100–107.
18. Новгородский, Т. А. Традыцыі народнага харчавання беларусаў у Заходнім Палессі (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў) / Т. А. Наваградскі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклору імя Кандрата Крапівы / рэдкал.: А. Г. Алфёрава ; Ін-т мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклору імя Кандрата Крапівы. – Мінск, 2008. – С. 425–431.
19. Новгородский, Т. А. Традыцыі харчавання беларусаў і іх выкарыстанне на сучасным этапе / Т. А. Наваградскі // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры : зб. матэрыялаў, Мінск, 5–6 мая 2016 г. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2016. – С. 550–554.
20. Літоўская гаспадыня: першая беларуская гаспадарча-кулінарная энцыклапедыя / пераклад з польскай мовы П. Р. Казлоўскага, В. В. Нядзвецкай ; прадмова А. Ш. Мальдзіса. – Мінск : Беларус, 2017. – 383 с.
21. Маленка, Л. І. Беларускі народны касцюм / Л. І. Маленка. – Мінск : Ураджай, 2001. – 160 с.
22. Бялявіна, В. М. Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларус, 2007. – 350 с.

23. Бялявіна, В. М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларусь, 2007. – 302 с.

24. Лобачевская, О. А. Белорусский народный костюм: крой, вышивка и декоративные швы / О. А. Лобачевская, З. И. Зимимна. – Изд. 2-е. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 279 с.

25. Беларусы: Сучасныя этнакультурныя працэсы / Г. І. Каспяровіч [і інш.] ; рэдкал.: А. І. Лакотка [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 607 с.

26. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол. : М. А. Можейко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 426 с.

27. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол. : М. А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017. – 414 с.

28. Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – Т. 3 : Культура сяла XIV – пачатку XX ст. Кн. 1 : Матэрыяльная культура. – 567 с.

29. Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – Т. 4 : Культура XX – пачатку XXI ст. – 807 с.

30. Внуковіч, Ю. І. Літоўцы Беларусі: этналагічнае даследаванне / Ю. І. Внуковіч. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 170 с.

31. Тяпкова, А. И. Местечки Беларуси. Этнологическое исследование / А. И. Тяпкова. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 189 с.

32. Маховская, И. С. Белорусское местечко как социокультурный феномен / И. С. Маховская // История повседневности. – 2020. – № 4 (16). – С. 33–51.

33. Новгородский, Т. А. Традиционная культура этнических меньшинств Беларуси: поляки и татары / Т. А. Новгородский // История повседневности. – 2020, – № 4 (16). – С. 6–21.

34. Михайлец, М. А. Источники по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в. / М. А. Михайлец // История повседневности. – 2020, – № 4 (16). – С. 22–34.

35. Сайт этнатурыстычных рэсурсаў трангранічнага рэгіёна (Гродзенская вобласць і Сувалскі рэгіён) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://ethno-tour.grsu.by/by/>. – Дата доступу: 15.05.2021.

36. Этнакультурныя і прародныя рэсурсы Гродзеншчыны і Суваальшчыны : энцыкл. давед. / рэд. В. Р. Карыялюк, І. І. Трацяк. – Гродна – Мінск : Беларускі дом друку, 2014. – 304 с.

37. Маршруты по штетлам. Путешествия забытым континентом : туристический путеводитель. – Люблин : Центр «Брама Гродска – Театр NN», 2015. – 538 с.

38. Пивоварчик, С. А. Историческое наследие как фактор культурной безопасности приграничного региона (по материалам проектов трансграничного сотрудничества) / С. А. Пивоварчик, Н. А. Ивашенко // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 36–43.

Васюк Геннадий Владимирович, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Ирха Екатерина Михайловна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Gennady Vasyuk,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: gen-vasyuk@yandex.by

Katsaryna Irkha,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: Irxa_EM@grsu.by

INFLUENCE OF MATERIAL CULTURE ON NATIONAL IDENTITY FORMATION IN WORKS OF MODERN BELARUSIAN RESEARCHERS

The article analyzes the works of modern Belarusian researchers on the history of material culture of ethnic communities in Belarus. The main problem of the works considered is the study of folk costume, food traditions and housing of ethnic communities in Belarus. The degree of research on this topic has been determined. It is established that material culture has a significant impact on national identity formation.

Keywords: material culture, national cuisine, national costume, national identity, ethnic communities.

УДК 902/904

А. Д. Гаршкоў

ЗАСЯЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ЧАСТКІ БАСЕЙНА РАКІ НЁМАН У ПОЗНЕЛЕДАВІКОВЫ ЧАС: НОВЫЯ ДАНЫЯ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ

Рассматриваются основные этапы заселения части бассейна реки Неман в позднеледниковое время. Новые данные позволяют выделить, как минимум, четыре археологические культуры, материалы которых были зафиксированы в данном регионе. Однако в некоторых коллекциях встречаются артефакты, характерные для других культурных единиц. Автору представляются перспективными такие направления исследования, как получение данных естественных наук на памятниках археологии; технологический анализ кремневых материалов, которые находятся в научных и музейных учреждениях Беларуси; проведение раскопок на высоком методическом уровне с применением информационных технологий.

Ключевые слова: Неман, финальный палеолит, археология, позднеледниковье.

Амаль 20 гадоў таму ў зборніку матэрыялаў канферэнцыі, прысвечанай праблемам развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа культуры гродзенскага рэгіёну быў апублікаваны артыкул выбітнага беларускага археолага В. С. Абухоўскага. У ім разглядалася праблема засялення Беларускага Панямоння ў Х–V стст. да н. э. [1]. Гэта была першая навуковая праца, дзе паслядоўна разглядаліся археалагічныя культуры, носбіты якіх засялялі гэтую тэрыторыю і крыніцы, якія дазваляюць рэканструяваць гістарычны працэс у першабытную эпоху. Але час ідзе і нягледзячы на тое, што Віктара Сцяпанавіча няма ўжо з намі, працы па вывучэнню познеледавіковага перыяду вядуцца і маюць

пэўныя поспехі. Адкрыццё новых помнікаў і матэрыялаў, змяненне метадкі раскопак, з'яўленне даных, атрыманых шляхам прыродазнаўчых навук, гаворыць пра патрэбу ў актуалізацыі інфармацыі аб засяленні гарадзенскага рэгіёна.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне асноўных этапаў засялення тэрыторыі беларускай часткі басейна ракі Нёман у познеледавіковы перыяд (14–10 тыс. гадоў таму).

Тэрыторыя басейна р. Нёман размяшчаецца на Усходне-Еўрапейскай раўніне ў фізіка-геаграфічным рэгіёне Заходне-Беларуская правінцыя. Асноўнымі воднымі рэсурсамі з'яўляюцца Нёман, Шчара, Заходняя Бярэзіна, Рось, Дзітва, Котра і іншыя рэкі. Рэльеф рэгіёна разнародны: у цэнтральнай і паўночнай частцы басейна дамінуюць узвышшы, а ў паўднёвай – раўніны. Канчаткова рэльеф разглядаемага рэгіёна сфармаваўся пасля сыходу з тэрыторыі сучаснай Беларусі паазерскага ледавіка – 15–14 тыс. гадоў таму. Менавіта ў гэты перыяд пачынаецца актыўнае засяленне гэтых абшараў, перш за ўсё, з тэрыторыі Заходняй Еўропы.

Першымі насельнікамі разглядаемага рэгіёна, на дадзены момант, мы можам лічыць носьбітаў гамбургскай культуры, якая існавала ў прамажак часу 15500–12300 гадоў таму. Матэрыялы, характэрныя для гэтай культурнай адзінкі (фрагмент наканечніка з выдзеленым плечуком, перфаратары тыпу Цынкен), былі знойдзены на помніку Кавальцы 1 (Гродзенскі раён) [2, с. 24–25]. Верагодна, што да гамбургскай культуры адносяцца і матэрыялы з ніжняга пласта стаянкі Кавальцы 4 (Гродзенскі раён), якія маюць радыёвугляродную дату па костцы каня (12 420 +/- 50 uncal BP) [15, с. 118; 20, р. 30]. Аднак, пасля заўчаснай смерці В. С. Абухоўскага, працы на помніку фактычна прыпыніліся, і атрыманая калекцыя крамянёвых артэфактаў так і не прааналізавана да сённяшняга часу. Таксама, аўтарам артыкула зафіксаваны перфаратар тыпу Цынкен ў матэрыялах помніка Панямунь (Графімавы кусты) (Наваградскі раён), якія знаходзяцца у фондах навуковых устаноў Беларусі [12, с. 75].

Уласна новым пунктам у праблеме засялення беларускай часткі басейна р. Нёман з'яўляецца пастаноўка пытання аб наяўнасці носьбітаў культуры федэрмесер (14000–12800 гадоў таму) на гэтай тэрыторыі. На тэрыторыі г. Бярозаўка (Лідскі раён) у пачатку 2000-х гг. быў знойдзены крамянёвы артэфакт, які нядаўна быў інтэпрэтаваны аўтарам артыкула як фрагмент вастрыя тыпу федэрмесер. Характэрна яно не толькі для познеледавіковага часу, аднак нарыхтоўка, на якой зроблены гэты артэфакт, паходзіць з двухпляцовачнага нуклеуса, што, на наш пункт гледжання, дазваляе тэрэтычна звязваць яго якраз з фінальна-палеалітычнай культурай.

Першыя найбольш масавыя матэрыялы на разглядаемай тэрыторыі адносяцца да культуры бrome-лінгбі (13 600–11 800 гадоў таму). Характэрныя для носьбітаў гэтай культурнай адзінкі матэрыялы (адна-двухпляцовачныя нуклеусы ад пласцін і адшчэпаў, якія эксплуатаваліся з дапамогай цвёрдага каменнага адбойніка; масіўныя чаранковыя наканечнікі; канцавыя скрабкі; бакавыя рэтушныя, двухгранныя сярэдзінныя разцы і інш.) былі зафіксаваныя на помніках Кавальцы 1, 2; Краснасельскі 5, 7; Бершты 2 і г. д. [3; 6, с. 62; 16, с. 61; 7]. Пры гэтым, на некаторых помніках зафіксаваны вытворчыя ўчасткі (майстэрні(?)), на якіх адбывалася першасная апрацоўка крэменю для далейшага вырабу і выкарыстання прыладаў, у тым ліку, на месцы стаянак [16, с. 61–67]. На жаль, праз агрэсіўнае асяроддзе адкладаў на сучаснай тэрыторыі Беларусі, у якіх знаходзяцца матэрыялы культуры бrome-лінгбі (як увогуле і іншых познеледавіковых культур), вырабы з арганічных матэрыялаў не захоўваюцца. Аднак, такія прылады і прадметы мастацтва прысутнічаюць на помніках з тэрыторыі Заходняй Еўропы [18].

Наступным, важным пытаннем для познеледавіковага часу ў беларускай частцы басейна р. Нёман, з’яўляецца наяўнасць носьбітаў арэнсбургскай культуры (12 900–11 100 гадоў таму). Пэўны час, да старажытнасцяў гэтай культурнай адзінкі адносяцца матэрыялы некаторых помнікаў з даследуемай тэрыторыі (напрыклад, Краснасельскі 6) [16, с. 64; 11, с. 339–340]. Аднак з выдзяленнем валкушанскай ці краснасельскай культуры (10 800 – 10 300 гадоў таму), гэтыя матэрыялы пачалі “прыпісвацца” ім. Галоўным крытэрыямі адмаўлення прыналежнасці артэфактаў да арэнсбурга былі: наяўнасць адносна вялікай колькасці двухпляцовачных нуклеусаў свідэрскага тыпу, папярочных разцоў, дробных пласцінак і адшчэпаў са скошаным мікрарэтушшу канцом, адсутнасць вастрыёў тыпу Цонхофен [1, с. 184]. Новыя даследаванні помнікаў і матэрыялаў з тэрыторыі Гродзенскага ўзвышша паказваюць, што дадзены падзел, верагодна, не зусім правільны. Справа ў тым, што на помніку Кавальцы 1 вядомы ўжо два вастрыі тыпу Цонхофен, а разнароднасць двухпляцовачных нуклеусаў, якія звычайна адносяцца да валкушанскай культуры, наводзіць на думку, што яны звязаныя з рознымі культурнымі адзінакамі [4, іл. 127: 6; 5, іл. 37: 2; 21, tabl. LXIX–LXXI]. Пры гэтым трэба ўлічваць, што калекцыі, якія знаходзяцца ў фондах, у большасці выпадкаў паходзяць са стаянак з розначасовымі матэрыяламі і толькі адзінкавыя помнікі капаліся са складаннем планіграфіі.

У той жа момант, безумоўна, помнікі валкушанскай культуры з характэрнымі для яе матэрыяламі (адна-, двухпляцовачныя нуклеусы ад пласцін, часам са скругленай пляцоўкай, эксплуатацыя якіх вялася з

дапамогай мяккага, каменнага(?) адбойніка; чаранковыя (з выдаленнем ударнага бугарка нарыхтоўкі шляхам фарміравання двух выемак збоку і адламаннем) і вербалістыя наканечнікі стрэлаў без плоскай рэтушы на брушку; канцавыя скрабкі; бакавыя рэтушныя разцы, двухгранныя сярэдзінныя і двухгранныя бакавыя разцы) прысутнічаюць на беларускай частцы басейна р. Нёман. Зафіксаваныя яны на помніках Баля Сольная III, Беліца 1, Збляны, Кавальцы 1, Краснасельскі 5 і іншыя [8; 21, s. 27].

Паралельна з валкушанскай культурай, на разглядаемых тэрыторыях пачынаюць з’яўляцца носьбіты свідэрскай культуры (10 800–9 700 гадоў таму). Большая частка вядомых археалагічных помнікаў познеледавіковага часу адносіцца менавіта да гэтай культурнай адзінкі. Асабліва іх шмат на тэрыторыі Паўночна-Заходняй Беларусі [1, с. 184]. Для свідэрскай культуры характэрны наступны крамянёвы інвентар: адна ці двухплячовачныя монафронтальныя нуклеусы са скошанымі плячоўкамі і апрацаванымі бакамі і контрфронтам, якія эксплуатаваліся з дапамогай мяккага каменнага адбойніка; рэтушныя, двухгранныя сярэдзінныя і бакавыя разцы; канцавыя скрабкі; камбінаваныя прылады (скрабок+разец); чаранковыя і вербалістыя наканечнікі стрэлаў з плоскай рэтушшу на брушку. Такі набор артэфактаў быў зафіксаваны навукоўцамі на помніках Беліца II (Лідскі раён), Гожа, Азёры, Гродна 14 (Гродзенскі раён) і іншых [5, с. 25–29; 6, с. 67–68; 21, tabl. VI, LIII].

Таксама пры даследаванні праблемы засялення басейна р. Нёман, нельга абмінуць пытанне прысутнасці на гэтых прасторах носьбітаў грэнскай культуры (10 800–8 000 гадоў таму). Беларускі археолаг А. У. Коласаў, на падставе знаходак наканечнікаў з выдзеленым плечуком на помніках Збляны і Кавальцы 4, Краснасельскі 6, Морына 2 і артыкула В. С. Абухоўскага аб “грэнскім следзе” у міжрэччы Нёмана, Віслы і Прыпяці, пашырае арэал гэтай культурнай адзінкі на захад Беларусі [14; 17, fig. 1]. Аднак, у гэтым артыкуле няма сцвярджэння аб тым, што грэнская культура прысутнічала на Нёмане, проста канстатуецца наяўнасць падобных наканечнікаў і аналізуюцца “фонавыя” матэрыялы [14, с. 161]. Акрамя таго, наканечнікі з такімі характарыстыкамі маюць аналогіі і сярод матэрыялаў іншых фінальнапалеалітычных культурных адзінкаў. Зыходзячы з гэтага, на наш пункт гледжання, сцвярджаць аб грэнскіх старажытнасцях у басейне р. Нёман нельга.

Лічыцца, што асноўным заняткам носьбітаў усіх гэтых познеледавіковых культур з’яўляецца паляванне на паўночнага аленя. Аднак, як вышэй ужо гаварылася, арганічныя парэшткі на пячаных помніках не захоўваюцца, пагэтану дакладна мы сцвярджаць гэта не можам. Праўда, у Смаргонскім кар’еры былі знойдзены рогі гэтай жывёлы, якія па сваёй радыёвугляроднай датыроўцы ўваходзяць у разглядаемы ў дадзеным артыкуле прамежак часу [9].

Некаторыя даследчыкі, зыходзячы з такой гаспадарчай пазіцыі тагачасных людзей, таксама лічаць, што менавіта дзякуючы міграцыям паўночных аленяў, большасць фінальнапалеалітычных археалагічных культур “рассяліліся” па ўсёй Еўропе. Напрыклад, матэрыялы культуры бrome-лінгбі вядомыя ад паўночнай Еўропы да Волгі [10, с. 34–41; 13]. Аднак, усё больш навукоўцаў лічаць, што гэта звязана з неправильнай інтэрпрэтацыяй матэрыялаў, асабліва, у якіх адсутнічае кантэкст [19]. Пры гэтым, даюцца новыя варыянты “сістэмы” рассялення людзей у познедавіковы перыяд. Так, шведскі археолаг Ф. Райдэ лічыць, што культура бrome-лінгбі сфармавалася ў выніку міграцыі носьбітаў культуры федэрмесер на поўнач і паўночны ўсход. Гэта адбылося праз выбух вулкана Лаахер Зэе (Германія) прыкладна 13 тыс. гадоў таму. Аргументы даследчыка базуюцца, перш за ўсё, на комплексным аналізе інвентару знойдзенага на помніках гэтых культур. Ён з калегамі прышоў да высновы, што дэ-факта, па тэхніка-марфалагічных характарыстыках, артэфекты падобныя паміж сабой з некаторымі адрозненнямі [18].

Перспектывы даследавання. Нягледзячы на вялікую колькасць назапашаных артэфектаў і калекцый з помнікаў познепалеалітычнага перыяду, мы не можам на дадзены момант адказаць на большасць пытанняў аб жыццядзейнасці чалавека ў той перыяд. Галоўным чынам, гэта звязана з адсутнасцю кантэксту (стратыграфічнага, прасторавага) ў матэрыялаў. Большасць калекцый з помнікаў не маюць простаі планіграфіі, што, безумоўна, змяняе яе іх вартасць. Пры гэтым, пачынаючы з пачатку 2000-х гадоў, фактычна не вядуцца разведкі з мэтай пошуку новых, добра стратыфікаваных помнікаў. Пасля смерці В. С. Абухоўскага таксама перасталі праводзіцца сістэматычныя раскопкі на помніках познедавіковага перыяду. Аднак, як паказвае практыка, узнаўленне такіх формаў даследавання прыносіць свае вынікі [4–5].

Другім момантам з’яўляецца прыцягванне даных прыродазнаўчых навук і праца са спецыялістамі сумежных дысцыплін (палеакарпалогія, паліналогія, палеагеаграфія і г. д.). На тэрыторыі беларускай часткі басейна р. Нёман дэ-факта існуе адзін прыклад комплекснага вывучэння помніка. У экспедыцыі, якая даследавала Кавальцы 4, працавалі геологі, геамарфологі, палінолагі і іншыя. Данія даследаванняў дазваляюць сказаць, у які час жылі людзі на гэтым месцы, якая была флора і фаўна, як сфармаваліся гэтыя адклады. Усё гэта разам нам дазваляе распавесці, у якіх умовах чалавек пражываў, якая была яго гаспадарчая дзейнасць, што здарылася пасля з гэтымі матэрыяламі. Адсутнасць комплексных экспедыцый зніжае вартасць такіх даследаванняў для навукі ўвогуле.

Такім чынам, на тэрыторыі беларускай часткі р. Нёман у познедавіковы час фіксуецца прысутнасць носьбітаў як мінімум чатырох археалагічных культур (гамбургская, бrome-лінгбі, валкушанская,

свідэрская). Пры гэтым падымаецца пытанне аб існаванні ў рэгіёне і іншых культурных адзінак, характэрных для даследуемага перыяду на тэрыторы Заходняй Еўропы (федэзмесер, арэнсбургская). Акрамя таго, некаторыя даследчыкі лічаць, што ў басейне р. Нёман сустракаюцца і матэрыялы, характэрныя для грэнскай культуры. Аднак, на наш пункт гледжання, такія сцверджанні з'яўляюцца беспадстаўнымі.

Для вырашэння гэтых праблем патрэбна актывізаваць працу з фондавымі калекцыямі з навуковых устаноў і музеяў Беларусі, працягнуць працу па пошуку і даследаванню добра стратыфікаваных помнікаў познедавіковага часу, прыцягваць да іх даследавання спецыялістаў прыродазнаўчага профілю.

Спіс літаратуры

1. Абухоўскі, В. С. Засяленне тэрыторыі Беларускага Панямоння ў X–V тыс. да н. э. / В. С. Абухоўскі // *Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтночнага сумежжа* : зб. навук. прац / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ; ГрДУ імя Янкі Купалы ; адк. рэд. А. М. Пяткевіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 399 с. – С. 182–188.
2. Вашанов, А. Н. Да пытання аб кананечніках з выдзеленым плечуком з тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі / А. Н. Вашанов // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. III. – Мінск, 2010. – С. 22–28.
3. Гаршкоў, А. Д. Крамянёвы інвентар са стаянкі Кавальцы-2 Гродзенскага раёна Гродзенскай вобласці (па матэрыялах даследаванняў 1982 г.) / А. Д. Гаршкоў // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі* : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 30 : Даследаванне беларускіх старажытнасцей. – С. 182–190.
4. Гаршкоў, А. Д. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Брэскай, Гродзенскай, Гомельскай і Мінскай абласцей у 2019 г. / А. Д. Гаршкоў // *ЦНА НАН Беларусі*. – ФАНД. – Воп. 1.
5. Гаршкоў, А. Д. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Ваўкавыскага і Гродзенскага раёнаў Гродзенскай вобласці ў 2020 г. / А. Д. Гаршкоў // *ЦНА НАН Беларусі*. – ФАНД. – Воп. 1.
6. Горшков, А. Д. Кремневые комплексы памятников финального палеолита на территории Озёрской низменности // А. Д. Горшков, А. А. Добрян / *Вестн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыі і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 61–70.
7. Горшков, А. Д. Памятники с материалами культуры бrome-лингби на территории белорусской части бассейна реки Неман / А. Д. Горшков // *Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез* : материалы Междунар. конф. – М. : ИА РАН, 2020. – С. 36–37.
8. Гаршкоў, А. Д. Нуклеўсы са стаянкі Кавальцы-1 у фондах Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея / А. Д. Гаршкоў // *ARS LONGA*: навуковыя дасягненні і перспектывы : тэз. дакл. III канф. маладых даследчыкаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 21 мая 2020 г.). – Мінск, 2020. – С. 41–42.
9. Каліноўскі, П. Ф. Узрост палеатэрыяфаўны са Смаргонскага месцазнаходжання / П. Ф. Каліноўскі, М. М. Кавалюх // *Літасфера*. – Мінск, 1997. – № 7. – С. 167–169.
10. Кольцов, Л. В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация) / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – М., 2008. – 313 с. ; 191 ил.
11. Кудрашоў, В. Я. Краснасельскі археалагічны комплекс / В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцкая // *Археалогія і нумізматыка Беларусі* : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 338–341.

12. Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии / В. Ф. Исаенко // Белорус. добровольное об-во охраны памятников истории и культуры, Сектор археол. Ин-та истории АН БССР. Вып. 1 : Памятники каменного века / под ред. В. Д. Будько, Ф. В. Борисевича. – Минск : Польша, 1968. – 125 с.

13. Синицына, Г. В. О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы) / Г. В. Синицына // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2015. – Т. 1, вып. 5. – С. 11–23.

14. Обуховский, В. С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения–3 : сб. тр. Междунар. науч. конф., 23–24 нояб. 2006 г., Могилев / редсовет: М. И. Вишневецкий (предс.) [и др.]. – Могилев : МГУ, 2007.

15. Обуховский, В. С. Исследования стоянки Ковальцы-4 Гродненского района (2004–2007 гг.) / В. С. Обуховский, Т. Остраускас, В. М. Сидорович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 17. – Мінск, 2009. – С. 112–118.

16. Чарняўскі, М. М. Старажытныя шахцёры на Росі / М. М. Чарняўскі, В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцкая ; пад рэд. У. Ф. Ісаенкі ; АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – 144 с.

17. Kolasau, A. Grensk culture in Eastern Belarus: the current state of research / A. Kolasau // *Archeologia Baltica*. Vol. 25. – Vilnius, 2018. – P. 22–34.

18. Riede, F. Eruptions and ruptures – a social network perspective on vulnerability and impact of the Laacher See eruption (c. 13,000 BP) on Late Glacial hunter-gatherers in northern Europe / F. Riede // *Archaeological Review from Cambridge*. Vol. 29. – Cambridge, 2014. – P. 67–102.

19. Riede, F. Reconciling material cultures in archaeology with genetic data requires robust cultural evolutionary taxonomies / F. Riede, C. Hoggard, S. Shennan // *Palgrave communications*. Humanities. Social sciences. – Business, 2019. – P. 1–9.

20. Stančikaitė, M. The Late Glacial history of Gornitsa foreland and Kovaltsy Palaeolithic site, W. Belarus / M. Stančikaitė [et al.] // *Baltica*. – Vilnius, 2011. – № 24 (1). – P. 25–36.

21. Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z Zachodniej Białorusi / W. Obuchowski. – Warszawa : Uniwersytet Warszawski, 2009. – 296 s.

Гаршкоў Аляксандр Дзмітрыевіч, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь.

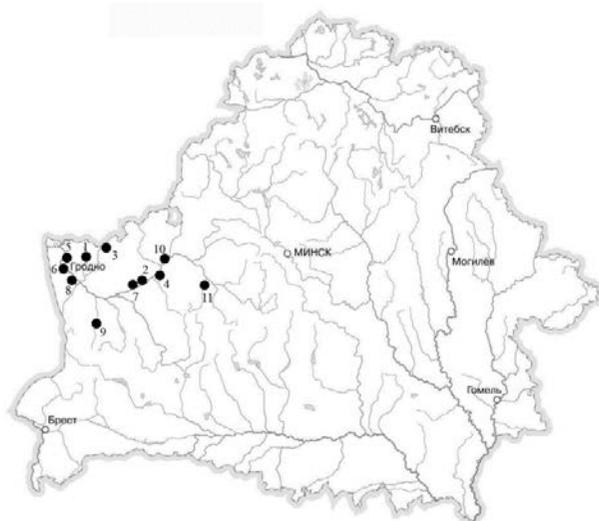
Aliaksandr Harshkou,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: ales.harshkou.arch@gmail.com

SETTLEMENT OF THE BELARUSIAN PART OF THE NIEMAN BASIN IN THE LATE GLACIAL AGE: NEW DATA AND PROSPECTS OF RESEARCH

The article examines the main stages of settlement of a part of the river Nieman basin in the late glacial period. New data make it possible to identify at least four archaeological cultures, the materials of which were recorded in this region. However, in some collections there are artifacts characteristic of other cultural units. The author considers promising areas of research, such as: obtaining data from natural sciences at archaeological sites; technological analysis of flint materials that are in scientific and museum institutions of Belarus; carrying out excavations at a high methodological level using information technologies.

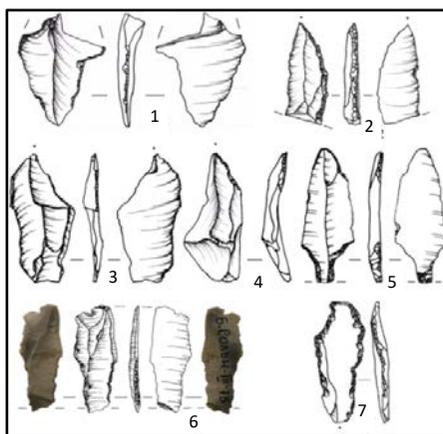
Keywords: the Nieman, final Paleolithic age, archeology, late glacial period.

ДАДАТАК

1 – Азёры; 2 – Беліца I, II; 3 – Бершты 2; 4 – Бярозаўка; 5 – Гожа; 6 – Гродна 14, Баля Сольная III; 7 – Збляны; 8 – Кавальцы 1–2, 4; 9 – Краснасельскі 5–7; 10 – Морына 2; 11 – Пацямунь “Трахімавы кусты”

Малюнак 1 – Карта помнікаў, якія ўзгадваюцца ў тэксце

1, 5–7 – наканечнікі; 2–4 – вастры. 1, 3–4 – Кавальцы 1; 2 – Бярозаўка; 5 – Карозічы; 6 – Баля Сольная III; 7 – Кавальцы 2. Малюнкi А. Д. Гаршкова (1–5, 7), В. С. Абухоўскага (6)

Малюнак 2 – Крамянёвыя матэрыялы познедавіковага часу з тэрыторыі беларускай часткі басейна ракі Нёман

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ П. Н. ЖУКОВИЧА

Одним из представителей западнорусизма в историографии является российский дореволюционный историк П. Н. Жукович. Анализ избранных работ ученого показал, что основными направлениями его научных исследований стали конфессиональная, социально-экономическая история, история образования.

Ключевые слова: П. Н. Жукович, российская историография, западнорусизм, конфессиональная история, дворянство, церковная уния, сеймовая борьба.

В ряду российских дореволюционных историков особое место занимает Платон Николаевич Жукович (1857–1919), историк, ученый, педагог, уроженец белорусских земель (г. Пружаны, Гродненская губерния, Российская империя).

В современной историографии отмечается возросший интерес к конфессиональным проблемам. П. Н. Жукович был одним из историков, которые анализировали данные проблемы в своих трудах, что и обусловило значительный интерес к его творческому наследию, осмыслению вклада в развитие историографии истории Беларуси конца XVIII – начала XX вв.

П. Н. Жукович родился в семье соборного священника Николая Жуковича, что и повлияло на выбор направлений его научных исследований. Особое влияние на его научные интересы и формирование как историка и ученого также оказала учеба в Кобринском духовном училище, Литовской духовной семинарии, в Санкт-Петербургской духовной академии (1881), одном из ведущих высших духовных учебных заведений Российской империи по церковно-историческому отделению. Значительное влияние на Жуковича-исследователя оказали такие учёные-историки, как М. О. Коялович, И. Е. Троицкий, В. И. Ламанский, числившиеся преподавателями академии. В 1893 г. П. Н. Жукович успешно защитил магистерскую диссертацию по теме «Кардинал Гозий и Польская церковь его времени». Работал в Полоцком духовном училище (учителем арифметики, географии), Виленском духовном училище (смотрителем), Литовской духовной семинарии (преподавателем русской истории). После смерти М. О. Кояловича П. Н. Жукович возглавил кафедру гражданской истории в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1901 г. защитил докторскую диссертацию «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г.». В 1918 г. ученый был избран членом-

корреспондентом Российской академии наук (отделение русского языка и словесности).

Принято считать, что научное наследие П. Н. Жуковича (его статьи, монографии) опубликовано, поскольку не сохранилось рукописей и неопубликованных работ, а личный фонд Н. П. Жуковича до настоящего момента не выявлен ни в одной архивной коллекции. Информация о деятельности ученого – обрывочная, сведения хранятся в фондах разных архивов, либо в фондах других исследователей и исторических деятелей. Например, в фонде Полоцкого духовного училища (ф. 2612) Национального исторического архива Беларуси хранятся журналы заседаний педагогического совета, по которым можно восстановить начальный период преподавательской деятельности ученого, в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (ф. 277) – формулярные списки, в которых содержится информация о карьерном продвижении исследователя, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки находится переписка личного характера: переписка относительно публикаций статей историка с редактором «Исторического вестника» С. И. Шубинским, профессором И. С. Пальмовым, переписка П. Н. Жуковича с Советом и канцелярией СПбДА по вопросам приобретения библиотеки профессора М. О. Кояловича и др. (ф. 1189, ф. 585, ф. 558).

Современные историки относят П. Н. Жуковича к представителям «умеренного» крыла западнорусизма (направление в историко-идеологической мысли России, основой которого была концепция о единстве русского народа с белорусским и малоросами и объединяющей их православной вере). Творчество П. Н. Жуковича носит разноплановый характер. Следует отметить, что доминирующим направлением в исторических изысканиях учёного занимает конфессиональная история. В своих работах он обращался к проблемам Реформации и контрреформации в Речи Посполитой, взаимодействию католиков, протестантов, униатов, православных в Речи Посполитой в XVI–XVII вв.

П. Н. Жукович показал масштабные процессы Реформации, происходящие в Речи Посполитой в XVI в., через биографию кардинала С. Гозия, «истинного вождя польского католичества» [1, с. 534] – одного из активных и важных деятелей контрреформации того периода. В данной основательной работе, в которой ученый провел подробный анализ национального вопроса причин реформации, отметив, что в силу ряда особенностей в Речи Посполитой реформация имела исключительно шляхетский характер: «Сфера распространения реформационных идей ограничивалась в Польше высшим и отчасти средним сословием»

[1, с. 93]. Историк отмечал, что движение реформации не затронуло крестьянство, объясняя это исключительно бесправным положением крестьян, чья вера определялась верой господ [1, с. 88, 90]. Начало периода контрреформации ученый связывал с появлением иезуитов и смертью Сигизмунда Августа. Деятельность иезуитов, по мнению П. Н. Жуковича, способствовала победе контрреформации и упадку национально-направленного развития общества, начавшегося в эпоху Реформации [1, с. 510, 532]. Время правления С. Батория, который «бросился в объятия иезуитов», историк характеризовал как «счастливые дни для католичества» [1, с. 492].

Большой интерес ученый проявлял к истории Брестской церковной унии, конфессионально-политической борьбе, связанной с ее введением, отношению шляхты и магнатории Великого княжества Литовского (в его интерпретации – западнорусского дворянства) к унии. Данная проблема была проанализирована в докторской диссертации П. Н. Жуковича «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г.» [2]. Кроме того ученый написал цикл работ, в которых проблема сеймовой борьбы прослеживается до 1632 г. [3]. Интерес исследователя к данному вопросу был обусловлен следующими факторами: актуальность темы в российской церковно-исторической науке второй половины XIX – начала XX в., проблема интеграции западнорусских территорий в состав Российской империи, необходимость найти аргументацию, обосновывающую их тесную связь между собой на базе православия, сложная общественно-политическая ситуация на бывших территориях Речи Посполитой, связанная с восстаниями 30-х, 60-х годов XIX в., противостояние влиянию католической церкви на западнорусских территориях. Фундаментальное исследование было проведено на основании анализа широкого круга письменных источников, в том числе, неопубликованных (сеймовых дневниках, переписке, полемических литературных произведениях конца XVI – первой трети XVII в.). Историк стремился дать объективную оценку унии, уделяя внимание изучению легальных способов борьбы православного дворянства против Брестской унии в рамках сейма. П. Н. Жукович придавал большое значение светскому элементу (православной шляхте, православным братствам, в меньшей степени – духовенству). Кроме того, П. Н. Жукович проанализировал взаимодействие православной и протестантской шляхты и возможность их потенциального союза против католической церкви. Историк отмечал, что протестанты были заинтересованы в православных как союзниках против католической экспансии, но огромные догматические и церковно-

канонические различия между данными конфессиями сделали союз невозможным [2, с. 156, 364], а наиболее важной причиной в конверсии протестантов и православных в католичество П. Н. Жукович называет отстранение некатоликов «от чести и хлеба в государстве, от сенаторских мест, чинов, должностей и т. д.» [2, с. 367]. Также, историк показал борьбу против унии на фоне широкого внешнеполитического контекста. П. Н. Жукович уделил большое внимание политике правящих кругов Речи Посполитой в области межконфессиональных отношений, возлагая ответственность за обострение межрелигиозных противоречий на правительство, униатское и католическое духовенство. Успешность борьбы против унии, по мнению историка, находилась в зависимости от позиций представителей крупных магнатских фамилий, прежде всего от Острожских и Радзивиллов. П. Н. Жукович критикует унию, считая ее одной из главных побед католической контрреформации. В цикле выпусков продолжения работы «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.)» ученый уделил большое внимание как парламентским, так и различным внесеймовым (обсуждения православного вопроса на последовавших после 1609 г. сеймах и сеймиках, вступление в борьбу казачества, восстановление православной иерархии, убийство И. Кунцевича и др.) формам антиуниинного сопротивления [3].

Значительное внимание в научных изысканиях учёного занимала социально-экономическая история, а именно история землевладения и землепользования дворянством западных губерний Российской империи, нашедшее отражение в ряде работ, в том числе «О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России» (1895) [4; 5]. Рассматривая дворянское землевладение в Беларуси в конце XVIII – середине XIX в., ученый анализировал политику русского правительства по отношению к местным дворянам в Северо-Западном крае. Он отмечал, что раздача земель «польским панам» осуществлялась по принципу их лояльности к новой власти: «польские помещики Белоруссии поспешили принять присягу и остались фактически хозяевами земли» [4, с. 313]. При этом за участие в восстании 1794 г. у местных дворян конфисковывались их владения по прежним законам (Литовскому статуту 1588 г.) [4, с. 316]. Конфискованные имения, королевские экономии, староства были «как нельзя кстати» для раздачи, вследствие дефицита государственных имений на территории собственно России. П. Н. Жукович проанализировал политику в данном вопросе Екатерины II и Павла I, отметив, что получателями имений при императрице были, в основном, военные и

лишь 1/5 людей, состоявших на гражданской службе, а при императоре в равной степени земли получали и те, и другие [6, с. 77]. Историк обратил внимание, что «жаловались имения за усердную и ревностную службу, ...правительство не ставило политической цели – обрусение края» [4, с. 315, 320]. Раздача земель и крестьян при Павле I имела большой масштаб. Это было мотивированно убеждением императора о лучшем положении помещичьих крестьян нежели казенных, а раздачей крестьян можно предотвратить народные волнения [4, с. 318]. Жукович отметил, что Павел I ежегодно раздавал в пять с половиной раз больше имений, чем Екатерина II. Ученый пришел к выводу, что отсутствие в поземельной политике «твердого руководящего принципа» выразилось в увеличении и усилении «польского землевладельческого класса» [4, с. 322]. Успехом «русского дела» историк называет прекращение раздачи населенных имений Александром I, т. к. это сокращало возможность перехода государственных земель в «польские руки» [4, с. 323, 325]. Самым важным и великим событием 30-х г. XIX в. в Западных губерниях Российской империи историк называет разрешение униатского вопроса и воссоединение униатов в 1839 г. с православной церковью. Политику Николая I в отношении землевладения исследователь считал нерешительной [4, с. 336]. Вторым по важности великим событием в социально-политической и национально-государственной П. Н. Жукович считал отмену крепостного права (19 февраля 1861 г.), что означало «в Западной России падение польской материальной силы, столько веков давившей русское крестьянство» [5, с. 530].

П. Н. Жукович был одним из первых, кто обратился к проблемам социальной истории эпохи Екатерины II и Павла I на присоединенных землях бывшей Речи Посполитой [6].

Направление научных изысканий П. Н. Жуковича, посвященное становлению и функционированию губернского правления на присоединенных землях, отражено в работах «Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II» [7], «Западная Россия в царствование императора Павла» [8]. Историк подробно проанализировал структуру и функции судебных органов на территориях, присоединенных к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, а также попытки российского правительства реформировать местную судебную систему. В вопросе вхождения белорусских земель в состав России, историк отмечает отсутствие серьезных затруднений, «вся народная масса, русская ...православная или близкая к православию была равнодушна к судьбам польского политического владычества

...даже тяготела своими политическими симпатиями к Русскому царству» [7, с. 275]. В работе «Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II» [7] историк отразил деятельность местных генерал-губернаторов, преобразования в области местного управления и суда. Своим «добрым, порядочным, снисходительным и человеколюбивым управлением» Екатерина II стремилась расположить местное население к новому правительству [7, с. 293]. В результате, чего сохранила «до времени» местные судебные инстанции и действие местных законов (Литовского статута 1588 г.) в гражданском судопроизводстве, за исключением рассмотрения апелляций, которые должны были «теперь идти в губернскую канцелярию», а так же польский язык в судопроизводстве [7, с. 275, 309]. По мнению ученого, это был первый опыт полного отделения суда от администрации в Российской империи [7, с. 303]. П. Н. Жукович называет существенным недостатком русского областного управления смешение администрации и суда. По мнению П. Н. Жуковича, широкая область частно-правовых отношений сохраняла «сильный польский колорит», а некоторые города и местечки продолжали пользоваться самоуправлением (магдебургским правом), при этом они легко подчинялись русской административной власти [7, с. 310, 312]. Историк позитивно оценивал введение Екатериной II «Учреждения управления губерниями Всероссийской империи» (1775) на территории присоединенных белорусских земель, отмечая, что «Восточная Белоруссия получила стройную систему местного суда, совершенно отдельного от администрации, суда близкого ко всем классам населения, с преобладанием выборного начала» [7, с. 110]. В отношении местной шляхты П. Н. Жукович отмечал ее «энергичное отстаивание своих сословных прав» в отношении судебно-административного злоупотребления губернатором [7, с. 352]. Оценивая политику Павла I в области судебно-административного устройства, ученый отмечал, что вводимые изменения сочетались с «выраженным уважением к местным окраинным отличиям» [8, с. 191]. Тем не менее, сравнивая деятельность Павла I и деятельность Екатерины II, историк отмечал, что в отношении сохранения литовско-польской юридической традиции в судебной области на присоединенных Западных землях императрица сделала больше, чем Павел I [8, с. 225].

История образования, оценка роли и его влияния системы образования на духовную жизнь западных губерний – еще одно направление исследований П. Н. Жуковича. Данной теме был посвящен ряд статей: «Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832)» [10], «О профессорах

богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии» [11], «Первый русский попечитель Виленского учебного округа» [12] и др. Историк обращал внимание на то, что образование на территории западного региона находилось в руках католиков и униатов, что отрицательно, по его мнению, сказывалось на образовательном процессе в регионе. П. Н. Жукович пришел к выводу о необходимости исключить влияние католиков на систему образования и развивать ее на основах православия.

В творчестве историка присутствуют работы, затрагивающие историю казачества в контексте религиозной истории и политических процессов, связанных с распространением униатства на украинских землях. О выступлениях казачества П. Н. Жукович писал в шести выпусках продолжения «Сеймовой борьбы...» [3], отмечая влияние казачества на конфессиональную ситуацию в Речи Посполитой. Он положительно оценивал деятельность казаков, рассматривая их как защитников православия.

Кроме того, П. Н. Жукович исследовал историю военных конфликтов, международные отношения Речи Посполитой и Московского государства в XVII в. [3–4; 13], династическую историю российских правителей (воцарение династии Романовых и ее заслуги перед государством) [13]. Проблематика отдельных статей посвящена краеведению [14].

Таким образом, представленный выше историографический обзор творческого наследия П. Н. Жуковича позволяет сделать вывод о многоплановости научных интересов исследователя.

В центре его внимания – история Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой XVI–XVIII вв., проблемные вопросы вхождения белорусских земель в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой и др. Научные работы ученого основаны на принципах и методах исторической науки второй половины XIX – начала XX в. и отличаются академизмом и глубоким вниманием к фактам в духе позитивизма.

Список литературы

1. Жукович, П. Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Ф. Элеонского и К, 1882. – VIII, 542, IV с.
2. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г. / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1901. – XXI, 608 с.
3. Жукович, П. Н. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Вып. 1–6 / П. Н. Жукович. – СПб., 1901–1912.

4. Жукович, П. Н. О русском землевладении в Северозападном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 3–4. – С. 312–336.
5. Жукович, П. Н. О русском землевладении в Северозападном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 5–6. – С. 527–552.
6. Историография Беларуси (XII–XX вв.): социально-экономический аспект : отчет о НИР (заключ.) : А58-16 / ГрГУ им. Янки Купалы : рук. А. Н. Нечухрин ; исполн.: В. А. Белозорович [и др.]. – Гродно, 2020. – 260 с. – Инв. № 20162032.
7. Жукович, П. Н. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 1. – С. 76–109; № 2. – С. 257–321.
8. Жукович, П. Н. Западная Россия в царствование Павла / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 6. – С. 183–226; № 5. – С. 207–263; № 10. – С. 186–275.
9. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 2. – С. 264–315; № 3. – С. 88–120; № 4. – С. 314–355; № 5. – С. 1–60.
10. Жукович, П. Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Ф. Елеонского и К°, 1887. – 50 с.
11. Жукович, П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 556–595.
12. Жукович, П. Н. Первый русский попечитель Виленского учебного округа / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1892. – № 5–6. – С. 362–398.
13. Жукович, П. Н. Смутное время и воцарение Романовых / П. Н. Жукович. – М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1913. – 110 с.
14. Жукович, П. Н. Незданное русское сказание о Жировицкой иконе божией матери (в связи с историей русского дворянского рода Солтанов Жировицких) / П. Н. Жукович // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – 1912. – Т. XVII, кн. 2. – С. 175–249.

Ирха Екатерина Михайловна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Katsaryna Irkha,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: Irxa_EM@grsu.by

MAIN AREAS OF SCIENTIFIC RESEARCH OF P. N. ZHUKOVICH

The article describes the main directions of scientific research of P. N. Zhukovich, a Russian pre-revolutionary historian, one of Western Russianism direction representatives in historiography. According to selected works of the author analysis, the central subjects in the research works of N. P. Zhukovich are confessional, socio-economic history, the history of education.

Keywords: P. N. Zhukovich, Russian historiography, Western Russianism, confessional history, nobility, church union, Sejm struggle.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Проводится сравнительный анализ оценок к трактовке сущности термина, периодизации процесса, причинно-следственным связям и формам проявления. Промышленная революция (переворот) стала ключевым элементом перехода европейской цивилизации к модернизационному этапу развития. Специфика прохождения промышленной революции на территории белорусских земель обуславливает необходимость дальнейшего изучения явления вне устоявшихся концепций прошлых периодов историографии. Актуальность исследования обусловлена разнообразными подходами к пониманию феномена промышленной революции, ее роли и значения в историческом развитии белорусских земель.

Ключевые слова: промышленная революция, историография, капитализм, марксистская историография, постнеклассическая наука.

Третье десятилетие отечественная историография активно накапливает фактический и теоретический материал с целью реконструкции объективного исторического прошлого белорусского народа. Ряд проблем – истоки формирования белорусской государственности, этапы развития национального самосознания, этногенез белорусов, политическое развитие белорусских земель в пределах Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи – по количеству опубликованных исследований приобрели явный перевес. Интерес закономерный в виду «закрытости» тематики в период господства коммунистической идеологии и марксистской методологии науки.

В тоже время ряд научных проблем остается вне прицелов научных дискуссий. К интересной и важной теме, еще ожидающей объективного и детального рассмотрения отечественной историографией, относится генезис капиталистических отношений на белорусских землях, и, в частности, история промышленной революции. Советская историография в отношении капиталистического периода развития белорусских земель раскрывала главным образом борьбу классов за власть [1], постсоветская – борьбу национального движения за политическое признание [2]. Сравнительный анализ концептуальных подходов на рубеже двух эпох – советской и постсоветской – позволит выявить основные достижения и недостатки отечественной науки в изучении истории промышленной революции на белорусских землях и определить задачи ее дальнейшего развития.

В классической марксистской литературе промышленная революция (переворот) рассматривается как «переход от ручного труда к машинному», «от мануфактуры к фабрично-заводскому производству»

[3, с. 51]. Однако в западноевропейской традиции данному явлению придается более широкое, глобальное значение: «впервые в человеческой истории были сорваны оковы с производительных сил общества, что явилось наиболее важным событием мировой истории, по крайней мере, со времен появления сельскохозяйственного производства и городов», – писал британский исследователь Э. Хобсбаум [4, с. 46]. Известнейший французский историк Ф. Бродель подчеркивал глубинный и глобальный характер промышленной революции, которая «перевернула Англию, а затем весь мир, ни в какой момент своего пути не была четко ограниченным сюжетом, пучком заданных проблем в заданном пространстве и времени» [5, с. 9]. Подобная оценка предполагает объективность и закономерность развития процесса во всех регионах, попавших в орбиту капиталистических отношений.

До сих пор остается проблемным вопрос хронологии промышленной революции в различных странах и регионах мира. Страной «идеального типа» (М. Вебер) развития промышленной революции является Англия, в которой после завершения буржуазной революции сложились условия для капиталистического уклада в экономике [6, с. 262]. Активная механизация мануфактурного производства в 60-е годы XVIII века свидетельствовала о начале революционных изменений производительных сил. Эволюционное развитие промышленного переворота в Англии позволило периодизировать его развитие на логические этапы: период модернизации легкой (текстильной) промышленности; период создания тяжелой (индустриальной) отрасли; этап развития транспортной (железнодорожной) инфраструктуры, связывающей внутренний рынок в единое целое. 20-е годы XIX века стали началом вывоза машинной продукции за рубеж, что ознаменовало символическое завершение промышленной революции в Англии: страна «насытила» внутренний рынок станками и начала «экспортировать» промышленную революцию в континентальную Европу [5, с. 9–28].

В силу нереализованности исторических предпосылок – свободных рабочих рук, ликвидации цеховых и меркантилистских ограничений, наличия свободных капиталов для технической модернизации – история промышленной революции в других европейских странах началась в 30-е годы (Франция) – 50-е годы XIX в. (Германия). Очевидно, что на территории Российской империи, куда входили белорусские земли в XIX веке, условия для полномасштабного промышленного переворота не могли сформироваться в дореформенный период [7, с. 109]. В так называемых странах «старого капитализма» (Англия, Франция) темпы промышленного переворота развивались эволюционно поступательно, затрагивая по мере необходимости все регионы и отрасли экономики.

Страны «молодого капитализма» (Германия, США) стремились в конкурентной борьбе захватить ниши отраслевой специализации, поэтому сразу же вкладывали инвестиции в инновационные производства – энергетическую, химическую, автомобилестроительную промышленность. Темпы прохождения промышленной революции в них оказались сжатыми [5, с. 34–56].

Многоаспектность и проблемность предмета исследования определяют ряд задач в исследовании истории промышленной революции на белорусских землях. Прежде всего, это сроки и формы реализации процесса. С ними связаны вопросы отраслевой и региональной специализации, особенности синергии капиталистических элементов с экономической спецификой белорусских территорий. Кроме того, важное значение приобретают вопросы формирования объективных предпосылок, а также экономических и социальных последствий данного процесса на историческую судьбу белорусского народа.

На закате социалистической эпохи, в 80-е годы XX века история капиталистических отношений на белорусских землях представлялась весьма актуальной. С точки зрения марксистской науки этот период отражал кризис капиталистической формации [8] и, значит, в его глубинных процессах следовало искать исторические закономерности политической победы пролетариата [9].

Оценка явлений промышленной революции на белорусских землях была сформирована еще в 30-е годы XX века и фактически не видоизменялась за прошедшие полстолетия. Марксистская концепция экономической истории белорусских земель определяла их статус как отсталых, аграрно-сырьевых провинций Российской империи [10, с. 30–41]. Капиталистический уклад в полной мере не развился и существовал наравне с наличием феодальных пережитков [11, с. 3]. Консервативная политика царизма, закабаление крестьянства в сфере помещичьего землевладения, жесткая эксплуатация рабочего класса формулировались как основные препятствия в сфере рентабельности капиталистического производства [12, с. 185–186]. В результате явление промышленного переворота не получило должного рассмотрения на страницах исторических публикаций БССР [13].

Во второй половине 80-х годов XX века ослабление партийно-государственного контроля в связи с реализацией политики перестройки начало сказываться и на сфере исторической науки. Распад СССР, приостановление деятельности КПСС и создание Республики Беларусь значительно повлияли на содержание и направления исторических исследований [2, с. 49]. Методология исторической науки констатировала кризис как следствие перехода от марксистских подходов к основам постнеклассической науки [14, с. 81].

Несмотря на кризис, отечественная историография быстро пополнилась целым рядом научных и учебных изданий, купировавших «марксистско-ленинское наследие» и концептуализировавших национальную историю. Основой для формирования новых теоретических подходов стали достижения «нацдэмовской» историографии первой трети XX века. Под влиянием национального ренессанса тиражируются произведения М. В. Довнар-Запольского, В. Ю. Ластовского, В. М. Игнатовского, активизируется дискуссионная форма развития исторической науки в виде конференций, конгрессов, периодической печати, выходят в свет академические и энциклопедические издания, проливающие свет на «белые пятна» истории [15].

Темы, ранее обосновывавшие «материальный базис политической настройки», потеряли свою актуальность. Промышленная революция получила отражение главным образом в таких символических проявлениях как урбанизация, рост количества фабрик и мануфактур, развитие железнодорожного транспорта.

В сжатые сроки формирования новых теоретических подходов исследователи зачастую ограничивались имеющейся калькой советской и российской историографии, в которой проблема промышленного переворота также не была в полной мере актуализирована. Его историческую роль в отечественной историографии сыграли буржуазные реформы 60-х – 90-х годов XIX века [16, с. 60]. Впрочем, было признано, что они остались незавершенными и в полной мере не привели к формированию капиталистического рынка [17, с. 66]. Е. Л. Абецдарская и П. И. Бригадин прямо отмечали, что «развитие прогрессивных явлений в экономике сдерживалось господством феодальной системы» [18, с. 126].

В рамках изучения данного предмета исследования было отмечено развитие капиталистических отношений на белорусских землях во второй половине XIX века в условиях аграрного и производственного кризисов [7, с. 109–110]. Не смотря на активизацию процесса (увеличение количества мастерских, мануфактур, фабрик и заводов), промышленное производство белорусских губерний сконцентрировалось в мелкотоварной и мануфактурной формах развития [19, с. 247]. А. Г. Кохановский отмечал попытки развития новых отраслей – химической, металлургической, но лишь на стадии ремесленного производства [19, с. 248].

В качестве особенности промышленного переворота на белорусских землях авторы отметили аграрно-сырьевую экономическую специализацию, что объяснялось отсутствием необходимого сырья для развития

тяжелой промышленности [20, с. 74]. Также исследователи констатировали зависимость экономики белорусских губерний от потребностей российского рынка [10, с. 30]

Важной вехой в становлении национальной историографии стала публикация в 1994 году коллективом Института истории Академии наук Беларуси двухтомника «Нарысы гісторыі Беларусі». В издании впервые апробирована попытка изложения истории промышленной революции на белорусских землях [86]. «Нарысы» начинают изложение промышленного переворота на белорусских землях с конкретной даты – 1825 года [15, с. 317], выбор которой, впрочем, остался не поясненным. Нижним рубежом процесса понимается 1900 год, с которым авторы связывают наибольшее количество фабрик и заводов в белорусских провинциях [15, с. 318]. Отмечалось, что белорусская промышленность специализировалась, главным образом, на переработке сельскохозяйственной продукции, лесного и минерального сырья. Отставание индустриальной отрасли объяснялось отсутствием разведанных полезных ископаемых и слабым энергообеспечением [15, с. 316–318].

Исследователь В. А. Карпиевич указывал, что Беларусь во второй половине XIX века все еще оставалась аграрной страной [21, с. 114]. Даже строительство относительно густой сетки железных дорог не свидетельствовало в пользу промышленного переворота. Петербурго-Варшавская, Либаво-Роменская и Риго-Орловская ветки служили интересам соседних промышленных регионов [21, с. 115]. Фабрики и заводы белорусских городов и местечек, с точки зрения автора, работали не на внутренний рынок, поставляя свою продукцию в Петербург, Варшаву, Киев и Одессу. Основным товаром, который импортировался с белорусских губерний, являлось зерно, лес, лен [21, с. 116], что не способствовало интенсивному развитию промышленного переворота и сдерживало белорусскую экономику в рамках аграрно-сырьевого «придатка» Российской империи.

Доктор исторических наук, профессор М. О. Бич датировал начало промышленной революции на белорусских землях 20-ми годами XIX века и связывал это с появлением первых машин (станков) на суконных фабриках графа Пусловского в Кобринском и Слонимском поветах [22, с. 38]. На основании новых данных автор подчеркивал сохранение феодального уклада в промышленном производстве белорусской экономики: 55 % предприятий принадлежало помещикам и использовало принудительный труд зависимых крестьян, 70 % промышленной продукции вырабатывал феодальный сектор [22, с. 38]. Впрочем, современная историография не отменяет наличие

промышленного переворота при сохранении феодальных пережитков. Так, например, рабовладельческие штаты Северной Америки были в полной мере вовлечены в капиталистические отношения: вырабатывали продукцию на внешний рынок, строили мануфактуры и модернизировали их машинными технологиями, хотя по-прежнему использовали рабский труд.

Завершить анализ историографии проблемы следует наиболее полным и специализированным исследованием. В 1996 году коллектив кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета подготовил учебное пособие для студентов «Эканамічная гісторыя Беларусі» [23]. Авторы обусловили хронологические рамки промышленной революции на белорусских землях XIX столетием, объяснив это тем, что «начало связано с применением машин, а конец – с широким использованием» [23, с. 129]. Противоречивость концепции просматривается и в фактологической реконструкции указанного периода. Так, в разделе 6.2 издания, посвященном промышленному перевороту на белорусских землях, рассматриваются крестьянские промыслы, ремесленное и мелкотоварное производство [23, с. 129–136]. Несмотря на констатацию завершенности промышленного переворота, утверждается, что в конце XIX века лишь 31 % промышленного производства был сконцентрирован в городах [23, с. 170].

Таким образом, обращает на себя внимание недостаточная разработанность истории промышленной революции на белорусских землях в отечественной историографии 80-х – 90-х годов XX века. Это вовсе не доказывает отсутствие самого явления в историческом процессе региона, однако подтверждает необходимость проявить пристальное внимание к таким вопросам, как формирование социальных страт буржуазного общества, развитие технологической составляющей промышленного переворота, включение белорусских предприятий в единый мировой капиталистический рынок.

Все исследования признают отсталость экономики белорусских земель второй половины XIX – начала XX веков от стран-лидеров капиталистического производства и даже от промышленно-развитых регионов Российской империи. По различным показателям – количеству крупных предприятий, количеству рабочих, занятых на капиталистических мануфактурах, объему производимой продукции, показателям доходности производства, уровню технической оснащенности белорусские земли приравниваются к аграрным державам с сырьевой экономикой [24, с. 42]. Таким образом, в историографии

отсутствует доказательная база завершенности промышленного переворота в истории отечественной экономики.

Можно было бы экстраполировать изучаемые процессы – механизацию производства, быстрый рост рабочего класса, создание тяжелой промышленности на белорусских землях – на этапы индустриализации советской эпохи – довоенный (20-е – 30-е годы XX века) и послевоенный (50-е – 60-е годы XX века). Однако в СССР они проводились командно-административными методами с привлечением принудительных ресурсов (плановая экономика, принудительные займы, труд заключенных, «самоотверженный труд и героические усилия», «бескорыстная помощь народов СССР», повышение норм выработки и уменьшение затрат труда), что исключает трактовку данных этапов в качестве капиталистических процессов свободного экономического рынка.

Исследуемый период развития отечественной исторической науки был во многом революционным: заимствовались новейшие подходы, открывались забытые источники, изучались новые темы, иную оценку получили темы традиционные. Промышленная революция как предмет исследования отечественной историографии приобрела актуальное значение и концептуальную основу для дальнейшего научного развития.

Список литературы

1. Михнюк, В. Н. Историческая наука Белорусской ССР в 80-е годы / В. Н. Михнюк, П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1987. – 120 с.
2. Касцюк, М. П. Развіццё гістарычнай навукі ў Беларусі з канца 80-х гг. XX ст. / М. П. Касцюк // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэсп. навук. канф., Гродна, 3–4 мая 2002 г. : у 4 ч. – Гродна, 2003. – Ч. 1. – С. 49–58.
3. Новая история : учеб. для педагогических институтов / под ред. А. Л. Нарочницкого. – М. : Просвещение, 1972. – Ч. 1 : 1640–1870 гг. – 719 с.
4. Хобсбаум, Э. Век революции. Европа 1789–1848 / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Л. Д. Якуниной. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 480 с.
5. Орлова, Н. Е. Социально-экономическое развитие стран Западной Европы и США в XIX – начале XX в. : пособие для студентов исторического факультета / Н. Е. Орлова. – Минск : БГУ, 2009. – 111 с.
6. Кёнигсбергер, Г. Европа раннего нового времени. 1500–1789 / Г. Кёнигсбергер. – М. : Весь мир, 2006. – 320 с.
7. Гісторыя Беларусі : даведачна-інфармацыйны дапаможнік / Э. С. Дубянецкі [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1994. – 240 с.
8. Трудовой вклад крестьянства в победу и упрочение социализма (на материалах БССР) / науч. ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 240 с.
9. Прамысловасць дарэвалюцыйнай Беларусі / аўт.-склад. М. Ф. Болбас. – Мінск : Беларус. савецкая энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 1988. – 322 с.
10. Бейлькин, Х. Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии. 1861–1914 гг. / Х. Ю. Бейлькин ; науч. ред. М. О. Бич. – Минск : Наука и техника, 1989. – 288 с.

11. Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М. О. Бич ; ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1983. – 280 с.
12. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / гл. редкол.: П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1985. – Т. 2 : Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937). – 488 с.
13. Лютий, А. М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А. М. Лютий ; под ред. В. В. Чепко. – Минск : Наука и техника, 1987. – 181 с.
14. Ермолицкий, М. А. Методологические аспекты изучения истории модерна в современной исторической науке / М. А. Ермолицкий // Актуальные проблемы истории Беларуси: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэсп. навуц. канф., Гродна, 3–4 мая 2002 г. : у 4 ч. – Гродна, 2003. – Ч. 1. – С. 81–87.
15. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 т. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Інстытут гісторыі Акадэміі навук Беларусі. – Мінск : Беларусь, 1994. – Т. 1. – 527 с.
16. Гісторыя Беларусі. Кароткі нарыс : вучэб. дапам. : у 5 ч. / пад рэд. М. П. Касцюка. – Мінск : Народная асвета, 1993. – 145 с.
17. История Беларуси. Вопросы и ответы / сост.: Г. Я. Голенченко, В. В. Осмоловский. – Минск : Беларусь, 1993. – 208 с.
18. История Беларуси : учеб. пособие / Е. Л. Абецедарская, П. И. Бригадин, Л. А. Жилунович [и др.] ; под ред. А. Г. Кохановского. – Минск : Экоперспектива, 1997. – 319 с.
19. Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. для ліцэяў, гімназій і школ з паглыбленым вывучэннем гуманітарных дысцыплін / А. Л. Абецедарская, П. І. Брыгадзін, Л. А. Жылуновіч [і інш.] ; пад рэд. А. Г. Кахановскага [і інш.]. – Мінск : Экаперспекыва, 1996. – 496 с.
20. Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. / А. Л. Абецедарская, Л. А. Жылуновіч, А. П. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск : Экаперспекыва, 1994. – 496 с.
21. Карпівевіч, В. А. Беларусь у сістэме рынку Расійскай імперыі (другая палова XIX ст.) / В. А. Карпівевіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэсп. навуц. канф., Гродна, 3–4 мая 2002 г. : у 4 ч. – Гродна, 2003. – Ч. 1. – С. 114–117.
22. Біч, М. В. Гісторыя Беларусі. Канец XVIII – 1917 г. : вучэб. дапам. для 8 класа агульнаадукацыйнай школы / М. В. Біч. – Мінск : Народная асвета, 1998. – 288 с.
23. Эканамічная гісторыя Беларусі / пад агул. рэд. В. І. Галубовіча. – Мінск : Экаперспекыва, 1996. – 430 с.
24. Бич, М. О. История Беларуси. XX век : учеб. пособие для 10–11 классов средней школы / М. О. Бич, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин. – Минск : Народная асвета, 1992. – 352 с.

Мелешко Елена Ивановна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Alena Meleshko,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: meleshko_ei@grsu.by

HISTORIOGRAPHICAL COMPREHENSION OF INDUSTRIAL REVOLUTION PHENOMENON IN BELARUSIAN LANDS

The relevance of the research is due to various approaches to the phenomenon of the industrial revolution comprehension, its role and significance in the historical development of Belarusian lands. The author conducts a comparative analysis of the assessments to the interpretation of the essence of the term, the periodization of the process, cause-and-effect relationships and forms of manifestation. Industrial revolution (revolution) has become a key

element of European civilization transition to the modernization stage of development. The specifics of the passage of the industrial revolution on the territory of the Belarusian lands necessitates further study the phenomenon outside the established concepts of the past periods of historiography.

Keywords: industrial revolution, historiography, capitalism, marxist historiography, post-non-classical science.

УДК 930.1(476)

Е. И. Мелешко

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1920-х ГОДОВ О РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В БССР

В первые годы советской власти на белорусских землях шел активный процесс поиска будущих форм и методов политического и экономического развития страны. Сохранившаяся в исторической литературе дискуссия свидетельствует о жесткой политической борьбе и активной экономической конкуренции, в рамках которых осуществлялся выбор. Среди наиболее интересных и перспективных проектов развития сельского хозяйства выделяется концепция «Беларусь – Красная Дания», негативно оцененная в марксистской литературе под названием «прищеповщина».

Ключевые слова: БССР, историография, нэп, сельское хозяйство, «прищеповщина».

1920-е годы характеризовались управлением экономики Белорусской Советской Социалистической Республики на базе сочетания командно-административных и рыночных методов. Одной из наиболее сложных и актуальных проблем белорусской экономической мысли того периода являлся выбор дальнейшего пути развития народного хозяйства республики.

Новая экономическая политика (нэп) была вызвана к жизни крахом надежд на «мировую революцию» и необходимостью учета интересов большинства населения БССР – сельских жителей. Поэтому ее проведение началось с мероприятий в области сельского хозяйства – замены продразверстки продналогом (март 1921 г.) [1, с. 246].

С начала 1920-х годов осуществлялся переход к рыночным отношениям в деревне. С 1922 года был разрешен свободный выбор форм землепользования, результатом чего стал стремительный рост хуторов. Одновременно крестьяне получили право свободно продавать ту часть продукции, которая оставалась после выплаты продналога. С 1923 года натуральный налог заменяется денежным. Аграрии сеяли выгодные культуры, например, резко возросли посевы картофеля, и продавали свою продукцию на рынке, что способствовало развитию товарно-денежных отношений.

В соответствии с новым Земельным кодексом БССР 1925 года, разработанным под руководством наркома земледелия БССР Д. Прищепова, крестьяне получили возможность арендовать землю или недостающий инвентарь, продавать свою рабочую силу. Это позволяло экономическими методами уменьшить вероятность столкновений между различными по уровню социально-экономического развития хозяйствами [2, с. 214].

Расширение экономической свободы способствовало развитию демократических принципов политической жизни. В 1927 году на VIII Всебелорусском съезде нарком земледелия Д. Прищепов высказался за то, чтобы союзное правительство разрабатывало только общие принципы сельхозналога, а конкретизация их осуществлялась бы в Белоруссии [3].

Сглаживанию социальных конфликтов способствовала кооперация. Заинтересованность крестьян в кредитах и в средствах производства для развития собственного хозяйства, найти которые каждому в отдельности было очень сложно, вынуждала искать рынки сбыта для своей продукции. Это предопределило быстрый рост кредитных кооперативов, а также таких видов сельскохозяйственной кооперации, как молочно-животноводческая, садово-огородная, семеноводческая и мелиоративная.

Процент охвата различными формами кооперации крестьянских хозяйств увеличился с 7,4 % в 1924 году до 27 % в 1926 году. Благодаря этому количество бедняцких хозяйств в Беларуси неуклонно снижалось, в 1925–1926 годах на долю середняков приходилось до 70 % пахотной земли. Тогда же размеры посевной площади превзошли довоенный уровень [4, с. 352].

В руководящих верхах Беларуси появилась концепция «Превратим Беларусь в Красную Данию!». После Первой мировой войны Дания показывала выдающиеся успехи в сельском хозяйстве. Причиной являлась децентрализация крестьянских хозяйств и внедрение хуторской системы [5]. Д. Прищепов внес соответствующие предложения в пятилетний план развития сельского хозяйства БССР на 1925–1929 годы. Государство дало крестьянам свободу выбора форм землепользования и поощряло переселение на хутора. Эта политика кардинальным образом отличалась от общесоюзной, в которой делался акцент на коллективизации крестьянских хозяйств [6].

«Наши почва и климат такие, что нам чрезвычайно трудно и дорого производить продукты зерноводства, которыми мы могли бы конкурировать с южным зерном. Поэтому нам нужно строить систему полеводства таким образом, чтобы она являлась фундаментом для животноводства; то есть нам нужно развивать травосеяние, – писал

Д. Прищепов, – ...в нынешних условиях крестьянское хозяйство носит товарный характер, и, чем больше оно будет продавать продуктов своего производства на рынок, тем оно будет мощнее и доходнее» [5].

В плане развития сельского и лесного хозяйства БССР, к которому нарком земледелия имел непосредственное отношение, отмечалось, что именно поселковое землепользование с общим многопольным севооборотом «отвечает основной цели – обобщению сельского хозяйства путем кооперирования земледельческого населения». Согласно плану, на хутора и поселки в беспринудительном порядке предполагалось переселить 130 000 крестьянских хозяйств [6]. Уже в 1925 году четверть белорусских крестьян была хуторянами.

Однако дать крестьянам выбор оказалось недостаточным, нужно было научить их хозяйничать так, чтобы и сами богатели, и для республики хватало продукции. Д. Прищепов отправился в Данию за опытом, так как «Дания бедная по природе, как и наша Беларусь, и так разбогатела от крестьянской промышленности, поэтому она нас так и интересуется» [7, с. 198].

С восточных соседей с их исконным общинным укладом жизни, считал Прищепов, пример брать не стоит: «Когда мы у нас проведем общинный порядок землепользования, мы сразу придушим хозяйственную инициативу крестьянства, – писал он в «Звезде» в 1927 году, – Пример некоторых губерний РСФСР свидетельствует о том, что они долгое время просидели на общине и кроме переделов земли ничему новому не научились. Мелкобуржуазную деревню и надлежащее настроение крестьянства мы ликвидируем не общинным переделом земель, а сильным развитием сельского хозяйства, его поголовным производственным кооперированием и индустриализацией» [7, с. 199].

Все это, по Д. Прищепову, наличествовало в Дании, и повторить в Белоруссии было вполне возможным. Осенью 1927 года в нескольких номерах газеты «Советская Беларусь» он опубликовал статью «Сельское хозяйство Дании и Восточной Пруссии по сравнению с белорусским». Статья была похожа на научное исследование – со сравнительными таблицами и цифровыми выкладками, но за научными сравнениями просматривался жизненный опыт автора: «Наш крестьянин привык к лугу, потому что там, как говорят, «сама погода травку растит». А если посмотрим мы на наши крестьянские луга, аж шорох берет, что там творится: кустов, кочек, мха, кислых трав, от которых даже верблюд поперхнетя. ...У нас некоторые крестьяне стараются завести такого большого коня, чтобы он один за зиму все сено поел; с таким конем коровам и овцам хоть с голоду дохни, но зато – лошадь большая. ...У нас при экстенсивном свиноводстве крестьянин вместо 8 месяцев растит

свинью в среднем 2–4 года, а вырастит величиной не больше кошки, у которой одно рыло весит больше самой свиньи». В качестве вывода автор привел горькое сожаление: «Написаны груды книг, набиты ими полны библиотеки, а о них ничего не известно миллионам тех крестьян, которые практически работают в сельском хозяйстве. В результате этого – полные государственные библиотеки книг о научных достижениях по сельскому хозяйству и пустые крестьянские клетки после урожая» [5].

Белорусские земли, исторически свободные от тяжкого наследия российского крепостничества, представлялись перспективной экономической площадкой. Концепция базировалась с учетом исторических, природных, политических и экономических факторов белорусской экономики в условиях сочетания административных и рыночных методов управления.

Одним из первых обосновал дальнейшее экономическое развитие Беларуси в начале 1920-х годов народник и эсер, директор одного из первых белорусских совхозов А. Бонч-Осмоловский. Ссылаясь на опыт становления рыночных отношений до 1917 года, начало специализации белорусского народного хозяйства в системе российского и европейского разделения труда, а также имеющиеся природно-сырьевые и финансовые возможности, он считал необходимым определить приоритеты в развитии белорусской экономики [8].

Речь шла о подъеме сельского и лесного хозяйства, о восстановлении промышленности, тесно связанной с этими отраслями. Причем наибольшее значение для экономического роста А. Бонч-Осмоловский придавал спросу и организации сбыта, рассматривая их основными побудительными мотивами развития конкретных отраслей. «Переработка леса, развитие молочного скотоводства и переработка картофеля, – писал он, – вот три кита, на которых надо строить экономику» [8].

Анализ, проведенный А. Бонч-Осмоловским, показал отсутствие значительных денежных средств у белорусского населения. В связи с этим он предлагал привлекать иностранный капитал путем создания акционерных, смешанных обществ из заинтересованных в белорусской продукции сторон, особенно по сбыту в Германию и Украину леса, картофеля, молочной продукции. Одновременно предусматривалось формирование надлежащих путей сообщения. Особо следует подчеркнуть выдвинутое им предложение о необходимости предоставления субъектам хозяйствования с участием иностранного капитала различных льгот. Таким образом, предполагалось заинтересовать иностранцев вкладывать свои средства в белорусские приоритетные отрасли народного хозяйства [9].

Введение нэпа в СССР поставило на повестку дня важный вопрос: каким образом следует начинать внедрение рыночных отношений? В Беларуси, по мнению профессора А. Смолича, создание рыночной среды было целесообразным, прежде всего, в сельском хозяйстве. Он аргументировал, что чем больше крестьянин будет иметь продуктов в результате высокой заинтересованности в производительном труде, тем больше он сможет их продать на рынке, а затем на вырученные деньги приобрести промышленные товары [10].

Предполагалось, что рост сельского хозяйства может послужить развитию отечественной промышленности, и наоборот – упадок сельского хозяйства приведет к кризису сбыта промышленных товаров и сужению внутреннего рынка, поскольку крестьянин не сможет покупать фабричные изделия, вынужденно ведя свое хозяйство натуральным образом. Таким образом, А. Смолич связывал общий экономический рост с внедрением рыночных отношений в белорусской деревне [11].

В литературе тех лет существовало две точки зрения на перспективы развития сельского хозяйства Беларуси. Приверженцы первой отстаивали необходимость сохранения зернового уклона в белорусском сельском хозяйстве. Исходя из экономической слабости белорусской деревни, они полагали, что сокращение площади под зерновые культуры нарушит продовольственный баланс крестьянской семьи, толкнет ее на рынок за приобретением хлеба, тогда как денег на эти цели у крестьян нет. К аргументам идеологи также относили отсутствие у крестьян средств на дополнительные затраты, связанные с переходом на животноводческий уклон [12].

Они считали перевод белорусского сельского хозяйства на интенсивное животноводство нежизнеспособным ввиду отсутствия развитого сельскохозяйственного рынка в республике и трудностей сбыта продуктов животноводства, обусловленных малой платежеспособностью белорусского крестьянства [13].

Позицию сторонников второго подхода определял анализ эволюции дореволюционного белорусского сельского хозяйства, изучение опыта близких по географическим признакам стран Европы, прежде всего Дании, а также результатов исследования динамики белорусской деревни в первые годы нэпа. Эти данные были представлены в фундаментальных трудах академика Г. Горецкого, профессоров И. Кислякова и А. Смолича, заведующего сельскохозяйственной секцией Госплана БССР Р. Бонч-Осмоловского.

По мнению академика Г. Горецкого, Беларусь являлась краем интенсивного сельского хозяйства с относительным преобладанием животноводства и заметной ролью картофеля и технических культур.

Что касается промышленности, то расчеты Г. Горецкого свидетельствовали о быстром росте отраслей, базирующихся на местном сырье и имеющих преимущественно ремесленно-кустарный тип производства [14].

Целесообразность перехода с зернового на животноводческое направление И. Кисляков связал с результатами анализа конъюнктуры сельскохозяйственного рынка России и Белоруссии. Анализ бюджета крестьянских хозяйств, выполненный И. Кисляковым, показал постепенную переориентацию направления прибыли на развитие животноводства и технических культур, а не на производство зерна. Указанный подход был положен в основу разработанного белорусскими специалистами первого в истории пятилетнего плана восстановления и развития сельского и лесного хозяйства республики на 1925–1930 годы [15].

Научный интерес представляет сделанное белорусскими учеными обоснование причин, сдерживавших расширение рыночных отношений. Прежде всего, это налоговая политика. Так, по мнению И. Кислякова, бесприбыльность крестьянских хозяйств была связана с высокими налогами [16]. Наиболее рьяно за снижение налогов выступал в середине 1920-х годов нарком земледелия республики Д. Прищепов, который сформулировал основные принципы налогообложения: «Наша главная задача – сделать так, чтобы сельскохозяйственный налог не только давал деньги, но и стимулировал развитие в зависимости от направления сельского хозяйства» [17, с. 115].

Он дал отрицательную оценку сельхозналогу в 1926–1927 годах, поскольку в нем отсутствовала связь с перспективами развития сельского хозяйства. По его мнению, в условиях БССР овцеводство необходимо облагать налогом из-за его экономической невыгодности, тогда как на скотоводство налог следует снизить, чтобы стимулировать животноводческий уклон. Касаясь общего размера сельхозналога, нарком земледелия доказывал невозможность увеличения обложения крестьянских хозяйств. В правительственном проекте, по его оценке, преобладал налог административно-фискального характера, что было весьма опасным для дальнейшего развития сельского хозяйства республики [17, с. 116].

Анализируя причины снижения товарности белорусского сельского хозяйства в конце 1920-х годов, представитель Белорусской академии сельского и лесного хозяйства в горках В. Бойко связал их с ухудшающимися рыночными условиями. Среди них он выделил: недостаточный завоз товаров в деревню, «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные продукты, разрыв цен на зерно

и продукты животноводства. Главный стимулирующий фактор роста сельскохозяйственного производства он видел в разнице между рыночной ценой и себестоимостью. Данные его исследования отразили постоянный рост цен на промышленные товары при одновременном административном сдерживании розничных цен на белорусскую сельхозпродукцию. В результате низких, не рыночных цен на эту продукцию, доказывал ученый, белорусские крестьяне не заинтересованы в наращивании своего производства, их усилия все больше направляются на удовлетворение личных, а не рыночных потребностей [18].

В том же 1927 году Беларусь выполнила всесоюзный план зернозаготовок, как считал Д. Прищепов, очень завышенный, только на 70 %. Не справились с планом и другие республики, что стало поводом для начала всеобщей коллективизации. В марте 1929 года Д. Прищепова лишили поста наркома земледелия. Сначала его сослали в Мозырский район – работать на Полесской исследовательской станции.

В мае 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) направило в Белорусскую ССР с инспекцией партийную комиссию, в выводах которой было сказано, что в БССР ощущается «кулацкое наступление», содержание которого приняло «национальные формы». Деятельность Д. Прищепова была охарактеризована как «насаждение кулацких единоличных хозяйств», его также обвинили в недооценке сложной машинной техники, перспектив колхозно-совхозного строительства, а в сентябре этого же года исключили из компартии за то, что «проводил враждебную делу социализма политику, которая проявлялась в попустительстве кулачества и принудительной хуторизации» [19].

Белорусская экономическая наука после свертывания рыночных отношений и взятого во второй половине 1920-х годов курса на быструю коллективизацию подверглась наиболее жесткой критике ортодоксальных большевиков во главе со Сталиным. Главным предметом критики стала разработанная белорусскими учеными концепция превращения Беларуси в «Красную Данию», означавшая, по мнению ее оппонентов, попытку реставрации капитализма в белорусской экономике.

Авторы этой концепции были названы проводниками буржуазных идей. В советской прессе «прищеповщина» описывалась как «правоуклонистская деятельность». В 1930 году Д. Прищепов был арестован по сфабрикованному делу о «Союзе освобождения Белоруссии» и осужден на 10 лет. Политика наркома названа «вредительской», а поощрение хуторских хозяйств – «насаждением кулачества».

Рассмотрение концепции превращения Беларуси в «Красную Данию» позволяет увидеть всю сложность и противоречивость состояния

экономической мысли в период нэпа. При ее обосновании белорусские ученые отдавали предпочтение принципу развития производительных сил и учету объективных реалий, сложившихся в экономике республики. Исследования были направлены не на коренную ломку, а на формирование условий пропорционального и равновесного развития производительных сил. План и рынок рассматривались не антиподами, а двумя важнейшими взаимодополняющими элементами экономического развития. В данной концепции была сделана попытка наладить функционирование экономики на базе сочетания командно-административных и рыночных начал в управлении.

Марксистская критика направлялась на основополагающий принцип концепции белорусских экономистов, который базировался на стихийных рыночных факторах и показателях доходности, рентабельности и себестоимости. Данный подход, как считали оппоненты, вел к отрыву экономики от социально-политических и плановых начал, а поэтому являлся программой реставрации капитализма.

В отношении сельского хозяйства наибольший удар был нанесен по концепции «Беларусь – Красная Дания», основанной на индивидуальных крестьянских хозяйствах, приспособление аграрного сектора к рыночным условиям, ориентацию во внешнюю торговлю. Все это, по мнению критиков, означало поддержку белорусскими учеными «буржуазной» теории кооперации. Была разработана теоретическая база и под марксистскую платформу, согласно которой концепция «Беларусь – Красная Дания» восходила к мелкобуржуазным идеям, пропагандируемым еще в начале XX века Белорусской социалистической громадой и газетой «Наша нива».

Таким образом, основное противоречие новой экономической политики проявилось в несовместимости рыночных отношений и монополии одной партии. Государственная политика привела к дроблению крестьянских хозяйств из-за непосильного налогового бремени и уменьшения количества товарной продукции.

Ограничение частной торговли и мелких предприятий вызвало искусственный дефицит ряда промышленных товаров.

Процесс инфляции predetermined нежелание крестьян продавать хлеб за обесцененные деньги. Очередной рыночный кризис был использован для усиления административного начала и ликвидации нэпа.

Список литературы

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

2. Экономическая история Беларуси : учеб. пособие / В. И. Голубович [и др.] ; под ред. проф. В. И. Голубовича. – Минск : Современная школа, 2007. – 392 с.
3. VIII Усебеларускі з'езд Саветаў : сцэнаграф. справ. – Менск : ЦВК БССР, 1927. – 486 с.
4. Чигринов, П. Г. Очерки истории Беларуси : учеб. пособие / П. Г. Чигринов ; рец. В. С. Кошелев. – Минск : Вышэйшая школа, 2007. – 463 с.
5. Леўковіч, А. Дзмітрый Прышчэпаў. Чырвоны сейбіт / А. Леўковіч // Звезда. – 2018. – 28 ліст. – С. 7.
6. Стенограмма заседания СНК БССР от 10 марта 1927 по вопросу о пятилетнем перспективном плане развития народного хозяйства БССР на 1926/1927 гг. – 1930/1931 гг. – Минск : ЦВК БССР, 1927. – 46 с.
7. Бусько, В. Н. Экономическая мысль Беларуси в период нэпа (20-е годы) / В. Н. Бусько. – Минск : Право и экономика, 2000. – 280 с.
8. Бонч-Осмоловский, А. С. К вопросу о возрождении экономической жизни в Белоруссии / А. С. Бонч-Осмоловский // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 6. – С. 9–19.
9. Бонч-Осмоловский, А. С. Хутор, поселок или землеустроительная деревня / А. С. Бонч-Осмоловский // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 7–8. – С. 57–70.
10. Смоліч, А. Вакол зямельнага пытання / А. Смоліч // Савецкая Беларусь. – 1922. – № 280. – С. 2.
11. Смоліч, А. Арганізацыя сялянскай гаспадаркі ў раёнах Цэнтральнай Беларусі: паводле даных бюджэтна-агранамічных даследаванняў 1923 году / А. Смоліч. – Менск : Інбелкульт, 1926. – 149 с.
12. Ганин, А. Подрывная работа кондратьевцев в БССР / А. Ганин // На аграрном фронте. – 1930. – № 10. – С. 63–69.
13. Рак, П. Б. С. Бойка як прадстаўнік кандрацьеўшчыны ў БССР / П. Рак // Советское строительство. – 1930. – № 10–12. – С. 173–180.
14. Гарэцкі, Г. І. Народны прыбытак Беларусі / Г. І. Гарэцкі. – Менск : Выд. Дзяржплану БССР, 1926. – 131 с.
15. Кісьлякоў, Я. Тып беларускай сялянскай гаспадаркі / Я. Кісьлякоў // Наш край. – 1925. – № 2. – С. 22–25.
16. Кісьлякоў, Я. Пасёлкі (оптымум тэрыторыі і эфект землеўпарадкавання) / Я. Кісьлякоў. – Менск : Бел. НДІ сельскай і лясной гаспадаркі, 1928. – 256 с.
17. Бусько, В. Н. О концепции «Беларусь – Красная Дания» / В. Н. Бусько // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 4. – С. 108–117.
18. Бойка, Б. С. Будова рыначнай часткі бюджэту сялянскай гаспадаркі / Б. С. Бойка // Працы Горэцкага навуковага таварыства. – 1927. – Т. 2. – С. 98–131.
19. Чудноўскі, Д. Метадалогія школьніцтва / Д. Чудноўскі // Советское строительство. – 1930. – № 10. – С. 53–72.

Мелешко Елена Ивановна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Alena Meleshko,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: meleshko_ei@grsu.by

HISTORIOGRAPHICAL DISCUSSION OF THE 1920s ABOUT THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE BSSR

In the first years of the Soviet power, the Belarusian lands were actively searching for future forms and methods of political and economic development of the country. The discussion

preserved in the historical literature testifies to the fierce political struggle and active economic competition, within the framework of which the choice was made. Among the most interesting and promising projects for the development of agriculture, the concept of «Belarus – Red Denmark» stands out, negatively evaluated in the Marxist literature under the name «prishchepovshchina».

Keywords: the BSSR, historiography, NEP, agriculture, «prishchepovshchina».

УДК 930

С. В. Настусевич

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ «ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ» И «ЛИЧНОСТИ» В ИСТОРИИ НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХА «ОДИССЕЙ. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ»

Рассматривается междисциплинарная дискуссия, развернувшаяся на страницах альманаха «Одиссей» вокруг понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» и роли данных явлений в истории. Автор статьи выявляет основные подходы, которыми руководствовались участники дискуссии, и определяет ее значение для последующего развития российской историографии.

Ключевые слова: Одиссей, индивид, индивидуальность, личность, А. Я. Гуревич.

Во второй половине 1980-х гг. советская историография переживала значительные изменения. Постепенно на передний план стали выходить новые исследовательские стратегии, представители которых долгое время не пользовались признанием академического сообщества. Среди таких исследователей можно выделить Б. А. Романова, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. Я. Гуревича и др. Научные подходы, разрабатывавшиеся этими учеными, по своему уровню и потенциалу в полной мере соответствовали последним достижениям западной историографии. Особую роль в диалоге с лидерами западной исторической науки сыграл советский медиевист А. Я. Гуревич. В 1972 г. вышла его книга «Категории средневековой культуры» [1, с. 132]. Данная работа, вскоре после выхода переведенная на французский язык, получила полное научное признание за рубежом [2, с. 184]. В том же 1972 г. в журнале «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации» была опубликована статья А. Я. Гуревича под названием «Représentations et attitudes à l'égard de la propriété pendant le Haut Moyen Age» («Представления и отношения к собственности в Раннем Средневековье») [3, р. 523–548]. Эта была первая публикация советского историка в столь крупном зарубежном издании и «мощная поддержка из-за рубежа» по словам самого А. Я. Гуревича [2, с. 183]. Тем не менее, продолжительное время диалог между двумя историографическими школами с советской стороны ученый вел в одиночестве.

Во второй половине 1980 гг. А. Я. Гуревич опубликовал серию статей, в которых познакомил советского читателя с новыми направлениями в зарубежной исторической науке – главным образом во французской медиевистике школы «Анналов». Среди них можно выделить: «Этнология и история в современной французской медиевистике» (1984), «Новая историческая наука во Франции» (1985), «Марк Блок и «Апология истории» (1986), «Историческая наука и историческая антропология» (1988), «Изучение ментальностей: Социальная история и поиски исторического синтеза» (1988), «Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории» (1989), «Проблема ментальностей в современной историографии» (1989). Осенью 1987 г. в Институте всеобщей истории РАН под руководством А. Я. Гуревича возобновил свою работу семинар по исторической психологии (в конце 1960 – начале 1970 гг. под руководством Б. Ф. Поршнева действовал семинар с тем же названием) [4, с. 48]. В состав первых участников нового семинара вошли многие выдающиеся ученые, работавшие в нетрадиционном для советской науки исследовательском поле, такие как: историк, литературовед и культуролог Л. М. Баткин, историк-медиевист Ю. Л. Бессмертный, лингвист, семиотик и антрополог Вяч. Вс. Иванов, литературовед и философ С. И. Великовский, философ и культуролог В. С. Библер и др. Таким образом, с момента своего появления семинар получил междисциплинарную направленность [1, с. 132].

Переломным для развития новых подходов к изучению истории в СССР стал 1989 г., когда в Москве прошла международная конференция, посвященная 60-летию школы «Анналов», на которую приехали самые крупные представители данного направления [2, с. 182]. В том же году был издан первый выпуск альманаха «Одиссей. Человек в истории», ставший «голосом» семинара по исторической психологии и первым научным изданием, целью которого стало разработка и продвижение идей антропологически ориентированной истории в СССР. Среди дисциплин, которые предполагалось задействовать в сборнике, были такие как: историческая поэтика, семиотика, этнопсихология, культурология, историческая демография, и, главным образом, история ментальностей. В качестве единой «сверхзадачи» называлось стремление к пониманию неповторимого облика и специфики изучаемых культур, в контексте которых формируются определенные типы личности [5, с. 7].

Первые дискуссии семинара по исторической психологии развернулись вокруг понятий «индивидуальности» и «личности» в истории. Данную тематику предложил в 1987 г. Л. М. Баткин. Вскоре он составил анкету и разослал ее советским историкам культуры,

философам, филологам, искусствоведам и психологам [6, с. 6]. Анкета состояла из пяти тематических разделов: 1) соотносительность понятий «индивидуальности» и «личности» вообще и в отношении каждого конкретного человека; 2) определение меры индивидуального в любой историко-культурной эпохе и поиск критериев для выявления этой меры (т. е. в какой степени каждое общество в конкретной эпохе позволяет говорить о существовании в нем индивидуального и по каким критериям об этом можно судить); 3) вопрос о существовании личности в разные историко-культурные эпохи (т. е. можно ли говорить о существовании «античной личности», «средневековой личности», личности на Древнем Востоке и т. д.); 4) соотношение массового и уникального в истории и польза изучения уникального для понимания культуры; 5) методологические трудности в изучении индивидуального в истории культуры [7, с. 9]. Полученные ответы, выполненные в основном в жанре эссе, были опубликованы во втором выпуске «Одиссея» (1990) и заняли треть от его общего объема. В своих размышлениях об индивидуальности и личности в истории авторы придерживались самых разных научных и дисциплинарных направлений. Однако можно выделить три базовых подхода, с помощью которых авторы определяют появление в истории индивида, индивидуальности и личности, и основания для их изучения.

Согласно первому подходу, личность определяется нравственными поступками, самоотверженностью, моралью и сильным характером. Как указывает историк Д. В. Панченко, личности могут появляться в разное время и в разных культурах. Они «вырастают» из индивидов, обладающих самостоятельностью и твердыми моральными основаниями, столкнувшихся с нетривиальной жизненной ситуацией. Однако при этом невозможно разделить личности по культурам, т. к. их существование культурой не определяется [8, с. 19]. Другой исследователь – историк Е. Б. Рашковский, напротив, считает, что «личность» является универсальным понятием, обозначающим человеческий облик, отражающий важнейшие положительные духовные, нравственные, поведенческие ценности, характерные для определенной культурно-исторической общности [9, с. 13]. В связи с этим он разделяет между собой рациональную личность Запада и традиционную личность Востока и подчеркивает необходимость их сравнительного изучения. В то же время Е. Б. Рашковский считает, что «индивида-чудовища» называть личностью нельзя и потому понятия «культ личности Пол Пота или Иди Амина» является опасным словоупотреблением [9, с. 14]. Философ С. С. Неретина считает, что личностью может стать лишь индивидуальность, занимающаяся творчеством. Но творчество это должно быть нравственным, порождающим произведение искусства

«высокой» культуры. Именно через взаимодействие с высокой культурой индивидуальность становится свободной и ответственной личностью [10, с. 26–27]. Историк В. И. Павлов под личностью понимает индивида, способного воздействовать на массовое сознание в правильном направлении. Автор выделяет три типа личностей: прогрессивные, нейтральные и регрессивные. Прогрессивной личностью является революционер, стремящейся изменить социальное устройство во имя лучшего будущего. Регрессивные личности придерживаются консервативных взглядов, а нейтральные занимают серединную позицию. История, согласно В. И. Павлову, должна стремиться к изучению первого типа личностей. Однако в тех случаях, когда их в обществе почти не было (например, на Востоке), то интерес могут представлять второй и третий типы [11, с. 22].

Как видим, авторы, придерживающиеся аксиологического подхода, определяют существование личности в истории, опираясь на собственные ценностные установки. Одни говорят о существовании общей универсальной морали (Д. В. Панченко, С. С. Неретина), другие допускают существование различных нравственных норм, зависящих от культуры (Е. Б. Рашковский), третьи опираются на идеалы марксизма (В. И. Павлов). На наш взгляд, несмотря на некоторые достоинства данного подхода, формирующего воспитательную функцию истории, он не соответствует научному методу ввиду сильной субъективной позиции исследователя.

Культурно-цивилизационный подход.

Согласно второму обнаруженному нами подходу появление в истории индивида, индивидуальности и личности полностью зависит от культурной среды или стадии развития человеческой цивилизации. Так, например Л. М. Баткин считает, что «индивидуальность и личность присутствуют исторически и актуально только в тех цивилизациях, которым известны идеи (понятия) «индивидуальности», «личности» и которые пользуются этими (или аналогичными) словами для обозначения идеальных, регулятивных координат» [12, с. 73]. Схожей позиции придерживается литературовед и культуролог Е. С. Штейнер, который свое эссе посвятил сопоставлению дальневосточной (Япония и Китай) и европейской культурной традиции. Под индивидуальностью ученый понимает прежде всего персональное своеобразие индивида, а под личностью – сознательное воплощение этого своеобразия за пределами коллективных норм общества, т. е. уникальное, казусное, идущее вразрез традиции, свободное начало персонального «Я». И поскольку в дальневосточной культурной традиции отсутствует личность как социопсихологическая категория, то и ее изучение

невозможно [13, с. 38–46]. Многие исследователи, придерживающиеся данного подхода, считают, что личность – это исключительно новоевропейское изобретение. Так, историк и филолог-классик А. К. Гаврилов указывает на то, что «выражения “античная личность”, “средневековая личность” смешны уже в языковом отношении» [14, с. 17]. Л. М. Баткин относит появление личности к эпохе Возрождения [12, с. 69, 73]. Схожую позицию высказывает философ Э. Ю. Соловьев. Он считает, что индивидуализация в истории является продуктом развития социальных норм. С древнейших времен каждый индивид выполняет определенные обязанности [15, с. 48]. В позднем средневековье и в эпохе Возрождения общество стало требовать от индивида соблюдения противоположных друг другу норм (например, религиозных и светских) [15, с. 49]. Акт свободного выбора между ними индивид переживает как сверхличное событие. Но свой выбор индивид скрывает за сверхличное понятия предопределения, судьбы, мистического откровения. В результате в сознании индивида рождается понимание своего призвания, в процессе реализации которого конструируется его индивидуальность [15, с. 50]. В эпоху Просвещения на основе индивидуальности формируется личность. Происходит это в результате развития правовых норм, оказывающих «предварительное доверие к воле и самодисциплине каждого» [15, с. 52]. В итоге сознание личности трансформируется в правосознание. Поэтому личность глубоко предана нормам гражданского секулярного общества [15, с. 53]. В противоположность этому философ, специалист по исторической психологии В. А. Шкуратов считает, что личность формируется постепенно на протяжении всей человеческой истории. Ее элементы изобретаются в определенных культурах: самосознание и логика – в древней Греции, индивидуализм – в эпоху Возрождения, ролевое отчуждение еще позднее. Автор подчеркивает, что «корректнее было бы говорить не “индивидуальность” и “личность”, а “социальные, культурные, семиотические механизмы индивидуализации и персонализации”» [16, с. 35]. Отличающуюся позицию высказывает историк-востоковед Л. В. Васильев. Личность он считает биосоциальным феноменом, поскольку она зависит от ума и способностей человека, его стремления к лидерству и т. д. Личность всегда вписана в общественную жизнь. Индивидуализация личностей происходит по мере цивилизационного развития общества. Индивид – это вычлененная из коллектива личность. В истории только единожды сформировалось общество как группа индивидуализированных личностей – в античном полисе. Индивид ведет индивидуальное хозяйство и обладает правом частной собственности [17, с. 29]. Поэтому жители феодальной Европы

или традиционного Востока не являются индивидами. Вместе с этим автор считает, что и жителя капиталистической Европы нельзя назвать свободным индивидом, поскольку там уровень индивидуальности вырос до своего логического предела, породив такое явление как «отчуждение личности» [17, с. 30]. Согласно Л. В. Васильеву создание типологии личностей в истории не имеет смысла, поскольку все они не индивидуализированы, а полностью инкорпорированы в общество. Поэтому в плоскости «индивидуального» в них нет различий. Однако автор признает необходимость изучения роли выдающихся личностей в истории [17, с. 30].

Как видим, последователи данного подхода придерживаются разных взглядов, но не отклоняются от мнения, согласно которому понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» являются сугубо историческими явлениями, обнаруживаемыми лишь в определенных культурах и на определенных стадиях развития человеческой цивилизации. Но свою аргументацию авторы строят, опираясь на разные основания: самосознание людей определенных культур (Л. М. Баткин, Е. С. Штейнер, В. А. Шкуратов), развитие правовых отношений (Э. Ю. Соловьев) и отношения собственности (Л. В. Васильев).

Философско-антропологический подход.

Третий рассматриваемый подход опирается на идеи философской антропологии. Согласно им индивид является отдельным человеком, его индивидуальность трактуется как набор признаков и характеристик, отличающих одного индивида от другого [17, с. 119], а личность обозначает способ бытия человека в обществе, т. е. то, как индивид реализует себя вовне [17, с. 150].

Подводя итоги дискуссии, А. Я. Гуревич подчеркивает, что «всегда существуют исторически определенные типы личностей. Их поведение может быть унифицировано или, напротив, индивидуализировано, но к проблеме существования личности это прямого касательства не имеет» [18, с. 86]. Таким образом, личность, по его мнению, является внеисторическим явлением. При этом само существование личности не определяется культурой, поскольку даже если в обществе нет понятия «личности», то это вовсе не означает отсутствие в нем данного явления. В качестве аргумента А. Я. Гуревич приводит понятия «культура», «цивилизация», «общество», которые также имеют относительно недавнее происхождение, но носят универсальный характер для изучения прошлого. Главную проблему ученый видит в том, как «историку приходится оперировать двумя не совпадающими рядами понятий – научными понятиями, сложившимися в новое время, и понятиями, которыми пользовались люди изучаемой эпохи» [18, с. 76],

т. е. как сочетать «современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры» [18, с. 76]. Авторы, придерживающиеся философско-антропологического подхода, смогли вплотную приблизиться к проблеме создания типологии личностей, существовавших в разных культурах. Историк и филолог-классик А. И. Зайцев предлагает создать типологию личностей и форм проявления индивидуального, опираясь на статистические массивы и психологические обследования XIX–XX вв. Ученый полагает, что полученные результаты можно будет использовать и для более глубокого прошлого [19, с. 15]. Литературовед и филолог-классик М. Л. Гаспаров заявляет, что выявление степени индивидуализации в разные историко-культурные эпохи возможно лишь в случае формализации понятия «индивидуальность» и разработки соответствующих ему критериев количественного анализа [20, с. 21]. Филолог-германист, культуролог и литературовед А. В. Михайлов предлагает другой подход. По его мнению, нужно стремиться к созданию универсального научного языка, который бы позволил адекватно говорить о смене типов человеческой личности на протяжении истории и о содержании каждого из них. Кроме того, ученому сообществу нужно научиться понимать первоначальный смысл культурных явлений, который вкладывали в них носители данных культур. Только при соблюдении всех этих условий возможно адекватное восприятие частностей и нюансов быстро изменяющихся типов исторических личностей [21, с. 58]. Схожее мнение высказывает историк-востоковед И. Л. Фадеева, говоря о необходимости выработки универсальной мировоззренческой шкалы для измерения индивидуальности в разных обществах. Автор считает, что на данный момент в качестве эталона выбрана система оценок европейской науки, не позволяющее в полной мере раскрыть специфику восточной культуры [22, с. 32]. Историк, философ, филолог и культуролог Г. С. Кнабе в качестве основной называет более традиционную проблему – отсутствие источников, которые позволили бы понять индивидуальные психологические мотивы общественного поведения. Кроме того, автор полагает, что индивидуальное поведение часто подчиняется коллективным нормам, что сильно усложняет поиск соотношения индивидуального и коллективного в разных культурах [23, с. 12]. В качестве третьей преграды Г. С. Кнабе называет принципиальную неverifiedруемость выводов подобных исследований, поскольку можно лишь догадываться о подлинных мыслях и чувствах людей прошлого [23, с. 11].

На наш взгляд, философско-антропологический подход наиболее оптимален для исторических исследований. Он позволяет уйти от

сильной субъективной позиции аксиологического подхода и от споров о наличии личностей в определенных культурах к более практическим проблемам, таким как: поиск источников, выбор методологии, разработка понятийного аппарата и т. д.

Безусловно, до создания универсальной типологии личностей преобладающих в определенных культурах в разных эпохах исторической науке еще очень далеко. Однако дискуссия развернувшаяся на страницах альманаха «Одиссей» не только отражает безусловный интерес исследователей к данной теме, но и показывает существовавший в позднесоветской историографии плюрализм мнений.

С одной стороны это переросло в поиск новых теоретических подходов по изучению индивидуального в истории. С другой стороны в российской историографии все большую популярность стали набирать новые направления исторической антропологии: микроистория, гендерная история, персональная история и др. Произошли концептуальные изменения и в биографическом жанре, в результате которых зародилась новая специальная теоретическая дисциплина – биографика.

Список литературы

1. Кром, М. М. Историческая антропология : учеб. пособие / М. М. Кром. – 3-е изд. – СПб. ; М. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге ; Изд-во «Квадрига», 2010. – 214 с.
2. Гуревич, А. Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А. Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) / А. Я. Гуревич ; Б. Е. Степанов (вел беседу) // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 81. – С. 175–193.
3. Gourevitch, A. Représentations et attitudes à l'égard de la propriété pendant le Haut Moyen Age / A. Gourevitch // Annales ESC. – 1972. – Vol. 2. – P. 523–548.
4. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.
5. Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1989. – 198 с.
6. Баткин, Л. М. Индивидуальность и личность в истории (дискуссия) / Л. М. Баткин // Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – С. 6–8.
7. Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – 222 с.
8. Панченко, Д. В. Личности свойственно некое благородство / Д. В. Панченко // Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – С. 18–20.

9. Рашковский, Е. Б. Личность как облик и как самостоянье / Е. Б. Рашковский // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 13–14.

10. Неретина, С. С. Через идею диалога культур / С. С. Неретина // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 23–28.

11. Павлов, В. И. Предпочтение – прогрессивному индивиду / В. И. Павлов // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 22.

12. Баткин, Л. М. К спорам о логико-историческом определении индивидуальности / Л. М. Баткин // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 59–75.

13. Штейнер, Е. С. О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было / Е. С. Штейнер // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 38–46.

14. Гаврилов, А. К. Традиционные историко-филологические приемы – необходимые условия новизны / А. К. Гаврилов // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 17.

15. Соловьев, Э. Ю. От обязанности к призванию, от призвания к праву / Э. Ю. Соловьев // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 47–55.

16. Шкуратов, В. А. Не позабыть вернуться назад / В. А. Шкуратов // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 34–37.

17. *Философская антропология: Актуальные понятия : учеб. пособие / Е. С. Черепанова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Черепановой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 324 с.*

18. Гуревич, А. Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры / А. Я. Гуревич // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 76–89.

19. Зайцев, А. И. О применении методов современной психологии к историко-культурным материалам / А. И. Зайцев // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 15–16.

20. Гаспаров, М. Л. Нужно бы формализовать понятие индивидуальности / М. Л. Гаспаров // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 21.

21. Михайлов, А. В. Надо учиться обратному переводу / А. В. Михайлов // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 56–58.

22. Фадеева, И. Л. Только в Европе / И. Л. Фадеева // *Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Наука, 1990. – С. 32–33.

23. Кнабе, Г. С. Изменчивое соотношение двух постоянных характеристик человека / Г. С. Кнабе // Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории ; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – С. 10–12.

Настусевич Станислав Валерьевич, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Stanislav Nastusevich,
Belarusian State University of Minsk
e-mail: stas.nastusevich93@mail.ru

IDEAS ABOUT «INDIVIDUALITY» AND «PERSONALITY» IN HISTORY ON THE PAGES OF THE ALMANAC «ODYSSEY. MAN IN HISTORY»

The article deals with the interdisciplinary discussion unfolded on the pages of the almanac «Odyssey» around the concepts of «individual», «individuality», «personality» and the role of these phenomena in history. The author of the article identifies the main approaches that guided the participants of the discussion and determines its significance for the subsequent development of Russian historiography.

Keywords: Odysseus, individual, individuality, personality, A. Ya. Gurevich.

УДК 930

А. Н. Нечухрин

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЗМА: НАСЛЕДИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Историзм как мировоззрение и научный метод сформировался в XIX столетии. Однако многие его основополагающие положения базировались на идеях, высказанных западноевропейскими просветителями: идея прогресса, расширение предмета исторического исследования, критическое отношение к источнику и другие. В статье рассматриваются основные идеи века Просвещения, которые вошли в арсенал исторической науки XIX столетия

Ключевые слова: Просвещение, историзм, прогресс, историческая наука, культура.

С историзмом связана разработка идей связи времен, коммуникабельности культур. Обоснование историзма как научного подхода и мировоззрения приходится на XIX в. Однако он не начинал с нуля, в предшествующую ему эпоху Просвещения преимущественно в философских трудах был выработан ряд принципов и идей, составивших фундамент дальнейшему развитию гуманитарных наук. В XVIII столетии наблюдался известный разрыв в развитии философии истории и собственно исторических исследований, достижения первой не стали широким достоянием историков. Преобладала эрудитская историография, занимавшаяся в первую очередь накоплением и обработкой исторических данных, теоретическое осмысление прошлого

было дано на откуп философам. Отдельные исключения в среде историков мало влияли на общую картину. Заслугой XIX в. является то, что он соединил философский и эмпирический уровни в изучении истории.

Каковы же те основные идеи века Просвещения, которые вошли в арсенал исторической науки XIX столетия? Что дал он принципиально нового для дальнейшей эволюции исторической мысли? Прежде всего, просветители попытались секуляризовать всю сферу человеческой мысли и общественной жизни. В их произведениях была поставлена под сомнение религиозная картина природы и общества, разработанная средневековыми теологами. Философско-исторические системы, разработанные просветителями, носят чисто рационалистический характер и не оставляют места для божественного вмешательства. Религиозное мировоззрение рассматривается ими не более как заблуждение, как определенный этап в развитии человеческого сознания, на смену которому должен прийти рациональный или философский подход. В рационализме заключалась как сила, так и слабость философии Просвещения. Ничего не принимая на веру, все подвергая критике с точки зрения разума, она приходила к отрицанию исторически сложившихся порядков, всего традиционного как не выдерживающего проверки разумом. В свою очередь убежденность в могуществе разума порождала иную веру, в возможность все объяснить и построить разумное общество, которое бы воплощало свойства человека как такового. Идея естественного стала одной из доминант философии и права XVIII в. Признавая естественным лишь то, что согласовывалось с законами разума, просветители мало считались с реальной действительностью и, в этом отношении были лишены исторического чутья. Индустриальный век во многом воспринял просветительский рационализм. Если известное разочарование было проявлено в перспективах построения на земле царства разума, то сохранилась убежденность в реальности управления обществом на научных началах, а в самой науке рационалистический метод исследования, безусловно, стал господствующим.

Представление о единстве человеческого рода привело просветителей к идее о единстве мировой истории и признанию определенных законов в развитии человеческого общества. Сам характер развития и конкретные законы, которые лежат в его основании трактовались по-разному. Итальянский мыслитель Д. Вико (1668–1744 гг.), автор работы «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г.), ставил своей целью создать идеальную историю вечных

законов, соответственно которым движутся деяния всех наций с момента их возникновения и до упадка. Он был убежден, что все народы проходят одинаковые стадии развития – от века Богов (варварство), через век Героев (феодализм) к веку Людей (городов, законов и разума). Но последний цикл завершается, и развитие начинается заново, но проходит не по кругу, а по спирали. Вико подчеркивал органический характер развития общества, когда изменения в одной сфере порождают перемены в обществе в целом. Ученый доказывал, что история как продукт, созданный человеческим духом, особенно пригодна для исследования, что она может стать такой же точной наукой как математика. В соответствии с этим тезисом он разработал и метод исторического исследования, в котором не только учел критическое отношение к свидетельству авторитетов, выработанное историками XVIII столетия, но и показал конструктивные возможности исторической науки. «Однако, – указывает Р. Дж. Коллингвуд, – он слишком опередил свое время, чтобы оказать сильное непосредственное влияние. Выдающиеся достоинства его сочинения были признаны лишь двумя поколениями позднее, когда немецкая мысль, развиваясь собственным путем... пришла к сходным во многом выводам» [1, с. 69].

Рассматривая ход и законы исторического развития, французские просветители сформулировали теорию исторического прогресса, ставшую важнейшим структурным элементом историографии XIX–XX вв. Как признавал критик данной теории Р. Ю. Виппер, она стала «первой... формулой современного учения об эволюции» [2, с. 81].

Наиболее развернутое и оптимистическое обоснование идеи прогресса в истории дал Ж. А. Н. Кондорсе (1743–1794 гг.) в своем произведении «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794 г.). Ученый доказывал, что нет пределов развития интеллекта, человеческое совершенствование неограниченно никакими рамками; прогресс разума, в свою очередь, обеспечивает развитие общественных институтов. В этом общественном прогрессе Кондорсе видное место отводил истории как основе научного прогнозирования развития общества и совершенствования законов и социальных учреждений.

В немецком Просвещении концепцию прогресса развивал Г. Э. Лессинг (1729–1781 гг.). В работе «О воспитании человеческого рода» (1780 г.) мыслитель доказывал, что все существующие религии есть продукт определенных исторических эпох, а потому их истинность определяется исключительно соответствием достигнутому уровню духовного развития человечества. Так и христианство лишь одна из

ступеней нравственной эволюции человеческого рода на пути к идеалу гуманности, когда мораль уже не будет нуждаться в религиозном обосновании.

Неоценимый вклад в развитие немецкого историзма внес выдающийся немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803 гг.), с именем которого связывают не только просветительскую линию, но и наметившийся к концу XVIII столетия переход к романтической концепции истории. Центральная идея, разрабатываемая Гердером, – это идея развития, ставшая одной из основополагающих в историзме. Идея развития рассматривалась Гердером в ряде работ, среди которых особое значение имеют две: «Еще одна философия истории для воспитания человечества» (1774 г.) и «Идеи к философии истории человечества» (труд выходил с 1784 по 1791 г. и не был завершен). «Идеи к философии истории человечества», труд, представляющий из себя одно из наиболее значимых произведений европейской исторической мысли. В данной работе осуществлена грандиозная попытка дать синтетическую картину развития природы и общества, сведения в одну систему достижений естественных и гуманитарных наук. История человечества представлена философом как органическое продолжение истории природы. Лестница развития проходит через все мироздание, одно состояние подготавливает другое, более высокое. Жизнь на земле, по Гердеру, возникла в воде; «во всей природе материя предшествует органической живой форме» [3, с. 387]. Затем возникли растения, обитатели океанов и морей, наземные животные и лишь в конце «выступил человек, как вершина организации на нашей земле» Человек рассматривается просветителем как квинтэссенция в развитии форм животного мира. В то же время мыслитель подчеркивал, что вызвать к жизни человеческий род могло лишь «чудо нового творения».

Последовательно принцип развития проводится философом применительно к истории общества. Последняя, по его мнению, определяется сочетанием двух сил, а именно – «органических сил развития и традиции». Исторический процесс является итогом человеческих действий, влечений, во всем сообразный со временем и местом. Поэтому история, убежден он, «это наука о том, что реально существует, а не о том, что могло бы быть согласно тайным намерениям судьбы» [3, с. 389]. Гердер указывает на общность и взаимозависимость в развитии отдельных народов, связанных между собой единством места и времени. Он подчеркивает культурное взаимодействие народов, доводя его до признания единства всемирной истории. Главным содержанием исторического процесса Гердер провозглашает культуру. «Культура

народа, – пишет он, – это цвет его бытия, изящное, но брненное и хрупкое откровение его сущности» [3, с. 389]. Идея развития в философии истории Гердера тесно связана с другим краеугольным положением немецкого историзма – идеей индивидуальности [3, с. 389]. Последняя положена ученым в основу освещения истории отдельных народов и государств.

Выдающейся заслугой просветителей стало расширение предмета исторической науки. Они отказались от чисто событийной трактовки истории, призвав изучать только важные явления, куда относили «нравы, натуру народов, присущие им интересы, их богатства и внутренние силы, их внешние ресурсы, их воспитание, законы, предрассудки и принципы, их внутреннюю и внешнюю политику, их способ трудиться, питаться, вооружаться и сражаться ... источники замыслов, смут, революций, побед и поражений; знание людей, местности и времени» [4, с. 58–59].

Первым историком культуры по праву считают М.-Ф. А. де Вольтера (1694–1778 гг.). Основное внимание философ уделял культуре духовной, но не ограничивал ее европейскими рамками, охватывая китайцев, индусов, арабов. Историю культуры сделал объектом своего основного исследовательского интереса также немецкий лингвист и историк И. К. Аделунг (1732–1806 гг.). В «Опыте истории культуры человеческого рода» (1782 г.) вся история человечества представлена им как история культуры, которая является отличительным признаком человека от животного. Аделунг подчеркивал, что прогресс культуры непрерывен, но не однолинеен. Им отмечено существование во всяком обществе двух культур – высших и низших слоев, и намечены их отличия.

В поисках причин, обуславливающих ход исторического развития, просветители высказали ряд идей, подхваченных их научными наследниками. Наряду с идеями, признаваемыми просветителями главным двигателем истории, Ш. Л. Монтескье (1689–1755 гг.) в «Духе законов» (1748 г.) подчеркивал, что дух народа и характер общественного развития определяются климатом, почвой и состоянием земной поверхности. Его считают основоположником географической школы в социологии. Лессинг видел важнейший источник развития общества также в воздействии внешних условий, в частности климата. В «Масонских беседах» (1778–1780 гг.) он указывал, что различные климаты порождают различные потребности и способы их удовлетворения, а соответственно различные привычки нравы, а, следовательно, различные этики и религии. Аделунг связывал возникновение и развитие культуры с плотностью населения и

утверждал, что все зависит от отношения народонаселения к пространству. Все эти построения страдали географическим либо демографическим детерминизмом, хотя позволяли уловить различия между отдельными нациями и культурами.

Большое влияние на последующую историографию оказало наследие английского историка Э. Гиббона (1737–1794 гг.), который в отличие от многих своих современников «открывает движущую силу истории в самой человеческой иррациональности». Гиббон автор обширного шести томного произведения «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1789 гг.), в котором был заложен фундамент для понимания истории Европы как органического целого, где в единую картину связывались древность, средневековье и новое время, язычество, христианство, ислам и Просвещение. Его место в науке в значительной степени определяется тем обстоятельством, что, будучи профессиональным историком, он сумел преодолеть разрыв между теоретическими рассуждениями и историографической практикой, последовательно стремясь отразить в своей работе как достижения просветительской философской мысли, так и зрудитской историографии. Гиббону удалось также поставить проблему достоверности исторического факта в качестве главного условия объективного исторического исследования.

Серьезной заслугой просветителей явилось то, что в своих произведениях они стали на точку зрения подданных, поставив вопрос о роли народа в истории. Ж. Ж. Руссо (1712–1778 гг.) при этом указывал, что правители не могут ничего навязать народу, кроме того, что народ сам готов принять, что необходим просвещенный народ, воплощающий «всеобщую волю». Руссо проповедовал сочувственное отношение к внутренней жизни ребенка, признавая за ним собственный мир идеалов и представлений, а также к дикарям как людям, находящимся в «естественном состоянии», предшествующем возникновению общества и государства. Все развитие человечества философ уподобил развитию живого организма, проходящего стадии от детства до старости, свойственной, по его мнению, современному обществу. Концепция Руссо предполагала сочувственный взгляд на прошедшие эпохи, обладавшие собственной ценностью, утраченной на пути цивилизации.

На формирование методологии гуманитарного знания большое влияние имели философские взгляды Д. Юма (1711–1776 гг.), а также И. Канта (1724–1804 гг.). В своих работах «Трактат о человеческой природе» (1739 г.) и «Исследование человеческого разума» (1748 г.) Д. Юм обосновывал эмпирический характер научного знания и его

обусловленность человеческой природой. Английский философ был убежден, что достижение абсолютного знания принципиально невозможно, мы не можем сказать, есть ли объективная реальность, поскольку воспринимаем ее лишь как комплекс собственных представлений и ощущений. В то же время Юм выступил в защиту истории от нападок недоброжелателей, доказывая, что она является законной формой научного знания, т. е. такой же системой оправданных разумом и аргументированных свидетельствами верований, как и иные науки.

И. Кант в своей теории познания, представленной в трудах «Критика чистого разума» (1781 г.), «Идеи всеобщей истории в космополитическом плане» (1784 г.), «Критика практического разума» (1788 г.) и других, соединил достижения английского эмпиризма и французского рационализма. Исследуя природу познавательных способностей человека, он показал, что в каждом акте познания слиты воедино опыт и разум. Только чувства дают нам сведения о внешнем мире, но к опыту наше познание не сводится, поскольку формируется с помощью уже данных в познающем уме до и независимо от всякого опыта трансцендентальных категорий. Нашему познанию доступны только феномены, «вещь-в-себе» находится за границами научного поиска. Кант подчеркнул активную роль субъекта в процессе познания. Кроме того, по словам Э. Трельча, в его лице немецкая философия приступает «к выведению из глубин теории познания и метафизики, из духовной исторической жизни своеобразия морального мира свободы, противоположного закономерности природы...» [5, с. 22–23].

Определенные заслуги просветительская историография имела в деле накопления исторического материала и совершенствовании методики работы с источниками. Луи де Бофор (1703–1795 гг.) в получившем большую известность труде «Диссертация о недостоверности первых пяти веков римской истории» (1738 г.) раскрыл ошибочность традиционных представлений о древнейшем периоде истории Рима. Хотя его подход отличался крайним скептицизмом, он первый обратил внимание на многие вопросы, связанные с критикой источников, впоследствии разработанные Б. Нибуром и другими историками. Просветители расширили само понятие исторического источника, включив в него все исторические остатки.

Мыслители XVIII в. показали социальную полезность истории, рассматривая ее, наряду с философией, как важнейшее средство в деле воспитания и просвещения. Английский публицист и политик лорд Г. С.-Д. Болингброк (1678–1751 гг.) написал специальные «Письма об

изучении и пользе истории» (1751 г.), в которых подчеркивал, что «любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы ...». По его убеждению, история абсолютно необходима для подготовки нас к усвоению жизненного опыта и знание ее особенно важно для государственных мужей.

Она позволяет выработать для себя «общую этическую и политическую систему, покоящуюся на самых прочных основаниях...» [6, с. 10, 13–15, 27]. Не случайно с середины XVIII столетия в отдельных университетах стали открываться специальные кафедры истории.

Таким образом, просветительская общественная мысль немало сделала для подготовки будущего прорыва историографии на передовые научные рубежи в XIX в.

Однако к концу XVIII столетия Просвещение себя исчерпало, и новая эпоха потребовала фундаментального переосмысления как формирующегося буржуазного общества, так и его истории.

Список литературы

1. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 486 с.
2. Виппер, Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе / Р. Ю. Виппер. – СПб., 1900. – 207 с.
3. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
4. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л. : Наука, 1978. – 312 с.
5. Трельч, Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. – М. : Юрист, 1994. – 720 с.
6. Болингброк, Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории / Г.С.-Д. Болингброк. – М. : Наука, 1978 – 359 с.

Нечухрин Александр Николаевич, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Aliaksandr Nechukhryn,
Yanka Kupala State University of Grodno
anech@grsu.bu

HISTORISM FORMATION: A HERITAGE OF EDUCATION

Historicism as a worldview and scientific method was formed in the 19th century. However, many of its fundamental provisions were based on the ideas expressed by Western European enlighteners: the idea of progress, the expansion of the subject of historical research, a critical attitude to the source, and others. The article examines the main ideas of the Age of Enlightenment, which entered the arsenal of historical science of the 19th century.

Keywords: Enlightenment, historicism, progress, historical science, culture.

О. И. Рышкевич

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВКЛ В ОТРАЖЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ БЕЛАРУСИ:
НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКИ ГІСТАРЫЧНЫ ЧАСОПІС»**

Статья посвящена изучению политической элиты Великого Княжества Литовского XIV–XVIII вв. в современной белорусской исторической науке на примере статей, опубликованных в журнале «Беларускі гістарычны часопіс». Автором рассмотрены и проанализированы публикации белорусских историков, определена проблемно-тематическая направленность статей, подведены итоги и обозначены перспективы дальнейшего изучения проблематики.

Ключевые слова: политическая элита, Великое Княжество Литовское, современная белорусская историография, историческая периодика.

В Республике Беларусь издаётся целый ряд журналов, где публикуются материалы по истории Беларуси и истории ВКЛ, которые играют важную роль в развитии отечественной исторической периодики.

С 1991 г. доступ историков-исследователей к работе в архивах, работам иностранных коллег, возможность новых методологических подходов привели к углубленному изучению устоявшихся аспектов истории и расширения тематики исторических исследований, что неизбежно сформировало потребность для освещения результатов в печатных изданиях Республики Беларусь. Одной из таких форм печати стали научно-периодические журналы, на страницах которых и размещались материалы исторической тематики. В связи с чем журналы следует относить к весомым историческим источникам. Примером таких научных историко-периодических изданий могут служить журналы: «Спадчына» (с 1989 г.), «Беларуская мінуўшчына» (с 1993 г.), «Беларускі гістарычны часопіс» (с 1993 г.), «Гісторыя: праблемы выкладання» (с 1997 г.) и ряд других изданий.

Цель данной статьи является определение и историографический анализ основных научных направлений исследований по изучению политической элиты ВКЛ на основе анализа публикаций отечественных историков в журнале «Беларускі гістарычны часопіс». В данной статье характеризуются работы авторов, которые рассматривали вопросы, связанные с понятием политической элиты ВКЛ, её влиянием на политико-экономические, социальные, внешние и внутренние условия развития жизни общества.

Рассматриваемый исторический научно-методический иллюстрированный журнал «Беларускі гістарычны часопіс» (краткое наименование БГЧ) начал издаваться в 1993 году, учредителями которого выступили Министерство образования Республики Беларусь, Институт истории

Национальной академии наук Беларуси и другие государственные учреждения. Первым редактором журнала являлся В. Кушнер (1993–2011 гг.), с 2011 г. главным редактором является М. Гальперович.

С самого начала БГЧ рассматривался как главное периодическое издание для историков Беларуси и на него возлагались большие надежды, что это будет ведущее научное историческое издание. Однако, с первых номеров журнал стал публиковать не только научные исторические исследования, но и учебно-методические разработки исторической направленности, которые носят более прикладной характер. Периодичность издания – ежемесячно. Журнал содержит разноплановые материалы по истории Беларуси. Значительной частью публикаций, отражающей одно из направлений политической истории Беларуси, являются статьи, затрагивающие формирование и развитие политической элиты ВКЛ.

Статьи о политической элите ВКЛ на страницах БГЧ представлены многими исследователями, в публикациях которых рассматриваются разные стороны жизни политической элиты как представителей высшего сословия ВКЛ. Наиболее полно раскрывающими заявленную тему, по мнению автора статьи, можно назвать публикации В. А. Подолинского, В. В. Голубовича, А. Б. Мацука.

Специалистом по политической истории ВКЛ, сфера интересов которого охватывает историю парламентаризма, представительных институтов власти и политической элитой Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, социально-экономическую историю Беларуси XVI–XVII вв., является кандидат исторических наук, доцент В. А. Подолинский. Статьи В. А. Подолинского, несут огромный потенциал для изучения роли и прав дворянства ВКЛ, формированию и развитию политической элиты ВКЛ и Речи Посполитой [1–7].

Вопросы истории политической системы ВКЛ XVI–XVII вв., в том числе политической элиты княжества исследует гродненский исследователь, кандидат исторических наук, доцент В. В. Голубович [8–10]. На примере его статей можно проследить за взаимоотношениями между представителями политической элиты ВКЛ [9]. В материалах журнала размещена статья автора, которая анализирует действия воевод как представителей высшего сословия [8].

Сфера научных интересов кандидата исторических наук А. В. Мацука особенности устройства и функционирования парламентской системы ВКЛ XVIII в., закономерности и особенности формирования и функционирования региональных поветовых элит княжества в XVIII в., историю государства и права, а также правовую и политическую мысли ВКЛ рассматриваемого периода. Статьи, опубликованные в журнале,

посвящены сюжетам борьбы магнатских группировок, их роли в системе государственного управления, внешнеполитической жизни Речи Посполитой [11–13].

Круг интересов кандидата исторических наук В. В. Аниперкова представлен такими темами как конфедерации ВКЛ; устройство и функционирование политической системы ВКЛ в составе Речи Посполитой во второй половине XVIII в., реформы в период правления Станислава Августа Понятовского (1764–1795 гг.), развитие правовой и политической мысли, формирование и деятельность региональных элит, внутренние и внешние факторы разделов Речи Посполитой. Так, в журнале опубликованы статьи автора, раскрывающие роль политической личности на работу военной структуры ВКЛ [14]. Одним из направлений в своих исследованиях В. В. Аниперков выбрал проблематику деятельности конфедераций ВКЛ, примером служит материал, в котором описано участие в Тарговицкой конфедерации М. К. Огинского [15].

К роли и влиянию М. К. Огинского на политико-экономическое развитие ВКЛ обращались в своих статьях доктор исторических наук В. Ф. Голубев [16], кандидат исторических наук М. А. Шнип [17], кандидат исторических наук И. Ф. Китурко [18].

К влиянию на политико-экономическую сторону жизни ВКЛ можно отнести статью старшего преподавателя БГУ Л. Ю. Казакова, научный интерес которого затрагивает социально-экономическое развитие ВКЛ в XVI–XVII вв. [19].

Формирование и развитие политических элит и их роли в государстве невозможно рассматривать без влияния на эти процессы военной истории. Специалистами в данном вопросе можно, несомненно, называть Ю. Н. Бохана, А. Н. Янушкевича, А. В. Казакова [20].

Белорусский историк-медиевист, доктор исторических наук Ю. Н. Бохан одним из направлений изучения выбрал вопросы вооружения и организации войска княжества XIV–XVI вв., которые неразрывно взаимосвязаны с правлением политической элиты ВКЛ. Например, Ю. Н. Бохан рассмотрел и отразил в своих журнальных статьях дискуссионные моменты и события Грюнвальдской битвы [21; 22].

Вызывает интерес военная и социально-политическая история ВКЛ середины XVI в. и у кандидата исторических наук А. Н. Янушкевича, который отдельное внимание обращает на рассмотрение проблемы деятельности посольств [23; 24].

Значимым направлением в развитии современной белорусской историографии является история генеалогии и геральдики шляхты и магнатории ВКЛ, равно как и генеалогические и геральдические

исследования в русле самостоятельных научных направлений. Данным сюжетам посвящены статьи белорусского исследователя кандидата исторических наук А. И. Шаланды, признанного специалиста в данной области.

Статьи А. И. Шаланды являются неоспоримым подтверждением существования политической элиты ВКЛ как сословно-представительной группы населения. В связи с тем, что А. И. Шаланда является экспертом и непосредственно занимается изучением геральдики и генеалогии дворянского сословия ВКЛ, можно говорить о существовании определённой отличительной атрибутики для представителей высших сословий, олицетворяющих политическую прослойку общества ВКЛ [25–29].

Следует обратить внимание на статьи, посвящённые единичным и разноплановым сюжетам политической истории ВКЛ на страницах журнала. Авторы данных публикаций в своих исследованиях тем или иным образом освещают политическую жизнь высших слоев общества ВКЛ, способствуют пониманию и характеристике политической структуры элиты государства.

Неизменным исследователем по вопросу гендерной истории и положения женщин в ВКЛ является научный сотрудник ИИ НАНБ Р. А. Олехнович [30].

Отдельной группой статей представлены публикации исследователей, рассматривающих исторические персоналии и их влияние на процессы, сопровождающие изменения в политической элите общества ВКЛ: М. Н. Гальперовича [31], А. А. Метельского [32], Е. В. Карпенко [33], А. В. Мартынюка [34], А. С. Захаркевича [35], С. А. Рыбчонка [36], Д. Витько [37], В. Анисовец [38]; А. А. Радомана [39], В. И. Пашкевича [40].

Результат проделанного исследования и оценка вклада белорусских историков в вопрос изучения и рассмотрения политической элиты ВКЛ показали, что основными направлениями исследований, представленных большим количеством работ, являлись политическая, военная, экономическая, социальная, конфессиональная история и история международных отношений. Вместе с тем, необходимо отметить, что в публикациях исследователей менее отражены стороны жизни полит-элиты в контексте изучения гендерной истории, истории повседневности, малочисленны историографические работы.

Вопрос о политической элите ВКЛ и её непосредственном влиянии на процессы, происходящие в обществе, вызывает постоянный интерес и в настоящее время продолжает быть актуальным для историков-исследователей.

Список литературы

1. Падалінскі, У. А. Шляхта ВКЛ і вальны сойм Рэчы Паспалітай 1570 года / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 6. – С. 50–54.
2. Падалінскі, У. А. Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 8. – С. 15–24.
3. Падалінскі, У. А. Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 1. – С. 13–23.
4. Падалінскі, У. А. Барацьба шляхты за суверэнiтэт ВКЛ пасля Люблінскай уніі 1569 г. / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 7. – С. 23–28.
5. Падалінскі, У. А. Персанальны склад і дзейнасць дэлегацыі Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 г. / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 7. – С. 3–15.
6. Падалінскі, У. А. Прававая культура шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст.: казус Яна Осціка / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 6. – С. 10–16.
7. Падалінскі, У. А. Вальны сойм Рэчы Паспалітай 1572 г.: эпідэмія, улада і грошы / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2021. – № 6. – С. 3–13.
8. Галубовіч, В. У. Полацкія ваяводы ў XVII стагоддзі / В. У. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 11. – С. 37–42.
9. Галубовіч, В. У. Палітычная сістэма Вялікага княства Літоўскага ў 1588–1648 гг. / В. У. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 3. – С. 26–33.
10. Галубовіч, В. У. Станаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да асобы манарха і інстытута манархіі ў час праўлення Уладзіслава Вазы / В. У. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 8. – С. 3–10.
11. Мацук, А. У. Радзівілы і справа аб «нойбургскіх уладаннях» (1730–1740-я гг.) / А. У. Мацук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 3. – С. 15–22.
12. Мацук, А. У. Узмацненне канфлікту паміж магнацкімі родамі Сапегаў і Радзівілаў і канчатковае афармленне антырадзівілаўскай кааліцыі / А. У. Мацук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 10. – С. 31–42.
13. Мацук, А. У. Пазіцыя магнатаў і шляхты ВКЛ у пачатку бескаралеўя 1733 г. / А. У. Мацук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 7. – С. 3–7.
14. Аніпяркоў, В. В. Апошні гетман ВКЛ. Таргавіцкі шлях Шымана Касакоўскага / В. В. Аніпяркоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 9. – С. 44–52.
15. Аніпяркоў, В. В. Два далучэнні Міхала Клеафаса Агінскага да Таргавіцкай канфедэрацыі 1792 года / В. В. Аніпяркоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 4. – С. 17–28.
16. Голубеў, В. Ф. Міхал Клеафас Агінскі і яго час / В. Ф. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 4. – С. 41–45.
17. Шніп, М. Мядзедж Міхаіла Глінскага / М. Шніп // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 3. – С. 9–14.
18. Кітурка, І. Ф. Міхал Клеафас Агінскі і яго прапановы па ўдасканаленні працы Скарбовай камісіі Вялікага Княства Літоўскага / І. Ф. Кітурка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 10. – С. 13–19.
19. Казакоў, Л. Ю. Узнікненне і развіццё фальваркаў у шляхецкіх уладаннях у Вялікім княстве Літоўскім / Л. Ю. Казакоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 4. – С. 22–30.
20. Казакоў, А. У. Аршанская бітва 1514 г.: пра што спрачаюцца гісторыкі? / А. У. Казакоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 11. – С. 16–25.
21. Бохан, Ю. М. Да пытання аб некаторых дыскусійных момантах Грунвальдскай бітвы 1410 года / Ю. М. Бохан // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 7. – С. 15–22.

22. Бохан, Ю. М. Адлостраванне Грунвальдскай бітвы 1410 г. у «Хроніцы» Мацея Стрыйкоўскага / Ю. М. Бохан // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 6. – С. 4–10.
23. Янушкевіч, А. М. Маскоўскае пасольства 1554 года ў Вялікае Княства Літоўскае / (па матэрыялах маскоўскіх пасольскіх кніг і Метрыкі ВКЛ) / А. М. Янушкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 4. – С. 24–26.
24. Янушкевіч, А. М. Няспраўджаная ідэя дынастычнага шлюбу: маскоўскае пасольства Фёдара Сукіна 1560 года ў Вільню / А. М. Янушкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 1. – С. 19–27.
25. Шаланда, А. І. Гербавыя пячаткі Іллінічаў: новыя знаходкі / А. І. Шаланда // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 9. – С. 47–50.
26. Шаланда, А. І. Гербавыя пячаткі вялікага князя літоўскага Вітаўта: палітычная праграма ў адлостраванні геральдыкі / А. І. Шаланда // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 7. – С. 7–13.
27. Шаланда, А. І. Гербы аршанскай шляхты ў XVI–XVIII стст. / А. І. Шаланда // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 9. – С. 9–16.
28. Шаланда, А. І. Радавод Дарагастайскіх паводле вылісу з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ віленскай кадэцыі 1628 г. / А. І. Шаланда // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 12. – С. 18–22.
29. Шаланда, А. І. Канфлікт валынцаў з жамойтамі на Люблінскім сойме ў лютым 1569 г. / А. І. Шаланда // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 10. – С. 18–22.
30. Аляхновіч, Р. Праваздольнасць жаўчынны ў ВКЛ у XVI ст. на прыкладзе жыцця і дзейнасці «пані Літавовай» / Р. Аляхновіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 2. – С. 49–52.
31. Гальпяровіч, М. Да 600-годдзя дынастыі Ягелонаў / М. Гальпяровіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 11. – С. 74–76.
32. Мяцельскі, А. Князь Мсціслаўскія на службе маскоўскай / А. Мяцельскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 3 (92). – С. 15–21.
33. Карпенка, А. У. «Радзівілы: лёсы краіны і роду» / А. У. Карпенка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 2. – С. 40–42.
34. Мартынюк, А. В. Вялікі князь літоўскі Свідрыгайла ў слове, вобразе і гістарыяграфічнай традыцыі / А. В. Мартынюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 10. – С. 30–34.
35. Захаркевіч, С. А. Нарысы гіпчнай культуры палітычнай эліты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. / С. А. Захаркевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 8. – С. 13–24.
36. Рыбчонак, С. А. Апісанне прыёму ўраднікаў Галоўнага Трыбунала ВКЛ і іншых гасцей князем Каралем Станіславам Радзівілам Панае Каханку ў Мірскім замку 23 снежня 1761 г. / С. А. Рыбчонак // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 9. – С. 51–54.
37. Віцько, Дз. Пінскі сойм і канцы XVII–пачатку XVIII стст.: функцыянаванне і палітычнае жыццё / Дз. Віцько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 2. – С. 22–25.
38. Анисаев, В. Юдзіцкія – ураднікі рэчыцкія, «графы лоеўскія» / В. Анисаев // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 4. – С. 19–24.
39. Радаман, А. А. Ухваленне мясцовых падаткаў на соймаках і шляхецкіх з'ездах Новагародскага ваяводства ВКЛ у другой палове XVI – пачатку XVII ст. / А. А. Радаман // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 9. – С. 22–33.
40. Пашкевіч, У. Барацьба магнацкіх групак у ВКЛ на рубяжы XVII–XVIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 6. – С. 30–35.

Рышкевич Оксана Ивановна, аспірантка Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, учитель I катэгорыі ГУО «Гімназія № 6 г. Гродно», г. Гродно, Рэспубліка Беларусь.

Oksana Ryshkevich,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: oksana-ryshkevich@rambler.ru

**HISTORY OF THE POLITICAL ELITE OF THE GDL IN THE REFLECTION
OF THE HISTORICAL PERIODICALS OF BELARUS: ON THE EXAMPLE
OF THE JOURNAL «BELARUSKI GISTARYCHNY CHASOPIS»**

The article presents the study of the political elite of the Grand Duchy of Lithuania in the XIV–XVIII centuries in modern Belarusian historical science based on the articles from the journal «Belaruski historychny chasopis». The author reviewed and analyzed the publications of Belarusian historians in this journal according to the topic declared.

Keywords: political elite, Grand Duchy of Lithuania, modern Belarusian historiography, historical periodicals.

УДК 930.1

Ю. Ю. Стукачева

**ПРОДУКТИВНОСТЬ КРИЗИСОВ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В ОЦЕНКЕ ДЖ. ЭППЛБИ**

Рассматривается интерпретация Дж. Эпплби серии кризисных моментов американской исторической науки второй половины XX в., связанных с появлением таких направлений, как новая социальная история, концепция социального конструирования реальности и постмодернизм. Данные процессы привели к масштабному пересмотру американского национального мифа, различных исторических теорий, места истории в науке и роли науки в обществе. Делается вывод о продуктивности научных дискуссий, ведущих к качественному развитию исторической дисциплины.

Ключевые слова: американская историческая наука, кризис, новая социальная история, социальный конструкционизм, постмодернизм.

Историческое познание обладает спецификой, обусловленной своеобразием субъектно-объектных отношений в исторической науке. Специфика исторического познания обуславливает то, что кризисы в исторической науке, разворачивающиеся даже на ее концептуальном уровне, могут охватывать лишь отдельные направления и школы и вовсе не затрагивать не принадлежащих к ним ученых [1, с. 40]. Кризис в различной степени показателен для развития всей современной историографии. По своему характеру кризис является теоретико-методологическим и связан с системным кризисом общества. Есть основания рассматривать кризис не в качестве летального, а как процесс обновления в науке, а вопросы методологии и теории истории – определяющими на этом пути [1, с. 38]. Такие кризисы представляют собой ломку прежних коренных установок, на которых основывалась историческая наука. Распространению релятивистских и иррацио-

налистических идей в современной науке особо способствует иррациональный характер развития общества в XX–XXI вв.: непредсказуемое будущее заставляет нас сомневаться, правильно ли мы понимали и вопрошали прошлое [1, с. 40].

В русскоязычной историографии проблема кризиса в исторической науке поставлена в исследованиях М. А. Барга, А. Я. Гуревича, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкого, А. Н. Нечухрина, С. П. Рамазанова, В. С. Кошелева, В. П. Грицкевича, В. Н. Сидорцова и др. Она рассматривалась как в теоретическом плане [1–8 и др.], так и в тематических историографических исследованиях [9–11 и др.]. В качестве примера в отношении историографического изучения истории ВКЛ, Беларуси, Речи Посполитой как проявление кризиса в исторической науке посредством изменения ее теоретико-методологических течений можно назвать работы гродненских историков – Т. Т. Кручковского [9–11] и Г. В. Васюка [10–11].

В связи с этим представляет особый интерес к изучению проблемы кризиса в исторической науке постановка этой исследовательской темы в интерпретации Дж. Эпплби, президента Американской исторической ассоциации, одной из наиболее авторитетных и известных историков США второй половины XX – начала XXI в.

На рубеже XIX–XX вв. американской исторической наукой был сформирован нарратив о Соединенных Штатах Америки как о государстве возможностей, свободы и справедливости. В основу национальной легенды были заложены утверждения о всеобъемлющих демократических практиках, свободе веры и свободе предпринимательской деятельности. Однако на протяжении XX в. данный миф подвергался серьезным атакам и попыткам разрушения. Начав с вопросов о достоверности нарратива, историки быстро пришли к вопросам о способности как ученых в частности, так и индивидов в целом, воспринимать мир объективно.

В 1997 г. Дж. Эпплби заняла пост президента Американской исторической ассоциации и в своей программной речи, в том числе, рассмотрела кризисы, с которыми столкнулась историческая наука США в XX веке. При этом историк, в основном, сконцентрировалась на кризисах второй половины XX века, так как считала, что довоенные разногласия историков в той или иной мере строили национальный миф, тогда как послевоенные – разрушали его [12, р. 2–4]. Вторая половина XX в. начиналась для США весьма оптимистично: закончилась Великая депрессия, была выиграна Вторая мировая война, страна стала гегемоном Западного мира. Консенсусное направление исторической науки,

доминирующее на тот момент, смотрело на Соединенные Штаты с тем же оптимизмом, что и нация в целом [12].

Национальный энтузиазм подвергся сомнению из-за научно-технических успехов СССР в указанный период, символом которых стал запуск советского спутника. Данное событие вызвало шок в американском обществе и, в конечном итоге, привело к масштабным реформам, в том числе в сфере высшего образования. Дж. Эпплби выделяла два изменения, существенно повлиявших на историческую науку США – массовая компьютеризация научных исследований и государственная помощь в получении кредитов, сделавших доступным высшее образование для практически всех слоев общества. Итогом данных изменений исследовательница видела возникновение и стремительный рост такого исторического направления, как новая социальная история [13, p. 124].

Формирование новой социальной истории, как считала Дж. Эпплби, было тесно связано с проникновением в историческую науку методов других социальных наук, особенно социологии и экономики [13, p. 126]. Одним из главных пропагандистов идеи заимствования социологических методов Дж. Эпплби называла С. Хьюза, который, проведя год в Стэнфордском центре перспективных исследований в области поведенческих наук, «с рвением новообращенного принялся убеждать историков перенять некоторые социально-научные методы» [14]. Кроме таких количественных методов, как «опросы общественного мнения, методы выборки, проективные тесты и контент-анализ», отмечала исследовательница, социология также предложила истории разработки тестов для широкого обобщения человеческого поведения: «гипотезы о формировании семьи, избирательном поведении, жилищных нормах и избирательных циклах» [14]. Дж. Эпплби подчеркивала, что с помощью записанных, проанализированных и сопоставленных наборов данных американская история приобрела структуру. Таким образом, проводя анализ и формулируя четкие предположения, основанные на данных, «социальные историки поднимали сознание всей дисциплины» [14], что, в свою очередь, «приблизило историю к социальным наукам, к большому разочарованию тех, кто утверждал, что история – это литературное искусство» [13, p. 126].

Также Дж. Эпплби выявляла изменение объектов внимания американской исторической науки [14]. Результатом увеличения количества исследователей историк видела широкое проникновение в научно-историческую сферу женщин, чернокожих и потомков иммигрантов, принявших с энтузиазмом искать в американской истории собственные корни: «Поскольку многие из них были детьми и

внуками иммигрантов, у них был личный стимул превратить написание своих диссертаций в процесс по восстановлению памяти. Другие были чернокожими или женщинами, что точно также побуждало их искать способы сделать историческую немногословность речью» [13, р. 124]. Дж. Эпплби отмечала, что в период с 1958 по 1978 гг. доля работ по социальной истории выросла в четыре раза, обогнав даже политическую историю как основную область исследований [13, р. 125].

По мнению исследовательницы, компьютеризация и энтузиазм позволили новым социальным историкам ввести в научный оборот множество новых источников: «Обладея компьютерными навыками и отличным зрением, молодые ученые 1960-х гг. начали изучать давно игнорируемые записи о рождениях, браках, смертях, описях завещаний, актах на землю, покупках рабов, планах городов и налоговых оценках» [13, р. 125]. Данные источники, в первую очередь, несли в себе информацию об обычных людях, что шло вразрез с общепринятой традицией исторической науки: «Они освещали жизнь мужчин и женщин, находившихся в тени прожектора, направленного на первопроходцев и героев» [13, р. 125].

Однако, как отмечала Дж. Эпплби, новая социальная история имела свои недостатки. Во-первых, акцент исторических исследований сместился с индивидуального на групповое: «Исследуя поведение групп, социальные историки пришли к групповым результатам!» [14]. История, по мнению Дж. Эпплби, находилась в одном шаге от признания того факта, что большая часть американской жизни ограничена такими обезличенными понятиями как «ресурс, жертвования, капитальные вложения, расовые предпочтения и категорические ошибки наподобие той, что женщины считают естественным оставаться дома» [14].

Во-вторых, в американской истории обнаружилось множество «беспутных персонажей, стремящихся попасть в учебники истории» [14] – отчаявшиеся иммигранты, мятежные рабыни, бастующие рабочие и их жены. Согласно Дж. Эпплби, жизнь и ценности данных людей не вписывались в существующий исторический нарратив о неуклонном движении нации к «свободе и справедливости для всех» [14].

В-третьих, новая социальная история породила множество фактов, которые не стремилась объяснить, чем вызывала идеологический хаос. Статистические исследования часто никак не интерпретировались учеными: «эта статистика – пришедшая после долгих лет кропотливой работы – часто представлялась стоящей особняком, так как карьерные модели, формирование семьи или поведение избирателей объясняли сами себя» [14]. Социальные историки не стремились к пониманию человеческой деятельности, стоящей за статистикой. Подчеркивая

излишнюю и часто необоснованную пристрастность социальных историков к детализации, Дж. Эпплби иронично подмечала: «Я вполне ожидала, что однажды прочту статью, которая будет начинаться с упоминаний, как добраться до библиотеки Ньюберри» [15].

Таким образом, по мнению Дж. Эпплби, новая социальная история привнесла в историческую науку различные количественные методы, открыла множество неизвестных ранее источников, а также переместила фокус истории на изучение обычных людей. Исторический нарратив предыдущей эпохи был поколеблен, однако нового не было создано. Но так как публике был необходим национальный миф, для интерпретации фактов исторической наукой были использованы некоторые «тропы из старой национальной сюжетной линии» [14]. Кроме того, методы социальной истории стали широко применяться и в других исторических направлениях, например, политической и военной истории, что, в свою очередь, также способствовало воссозданию и укреплению прежнего национального мифа. При этом доверие среднестатистического человека к американской исторической науке пошатнулось [13].

Как утверждала исследовательница, «разрушающий потенциал новой социальной истории иссяк к концу 1970-х годов» [14], на ее место пришли история идеологий, трансформировавшаяся из интеллектуальной истории под воздействием новой социальной истории, и история науки, трансформировавшаяся под тем же влиянием. Понятие идеологии стало основополагающим для нового взгляда на связь между «верой и поведением, риторикой и реальностью» [14]. Идеологии стали рассматриваться как явления, не только воздействующие на мнения, чувства и эмоции, но и формирующие их. Концепция идеологий, в своей модернизированной форме, позволила ученым говорить о мышлении как о социальной деятельности [14]. Применение данной концепции к истории США, по мнению Дж. Эпплби, оживило политическую историю. Также исследовательница повторила тезис Д. Роджерса [16] о том, что, подобно новой социальной истории, данное направление также «бросило вызов почтенному предположению, что Америка родилась свободной, богатой и современной» [14].

Историк отмечала, что вскоре история идеологий стала подгруппой концепции социального конструирования реальности [14]. Возникновение данной концепции было связано, во-первых, с падением престижа науки после Второй мировой войны, во-вторых, с трудами новых социальных историков науки, доказывающими, что многие открытия были сделаны (либо не сделаны) под влиянием личных убеждений или корыстных побуждений ученых, а не под воздействием фактов и научного процесса [13]. Психологическую основу социального

конструкционизма Дж. Эпплби нашла у Макса Вебера, рассматривавшего познание мира как человеческую необходимость: «...размышлять над этическими и религиозными проблемами заставляет не материальная нужда, а внутренняя потребность постичь мир как осмысленное целое и занять по отношению к нему определенную позицию» [17]. Данную мысль исследовательница считала предтечей идеи Питера Бергера о том, что «человеческая тяга к смыслу имеет силу инстинкта» [18, р. 31]. Исходя из этого, Дж. Эпплби вывела утверждение, что в основе концепции социального конструирования реальности лежало столкновение человеческой жажды знания и общественного багажа, состоящего из «мифов, наук, законов, искусства и литературы» [14].

Дж. Эпплби считала, что социальный конструкционизм является релятивистской концепцией. При этом исследовательница признавала, что релятивизм в умеренных дозах не только полезен, но и часто необходим. К примеру, историк науки должен придерживаться релятивистских позиций, чтобы авторитет науки не влиял на объективность исследования. Однако полноценный релятивизм обходит существование истин в науке, а также не в состоянии отрешиться от современности в процессе изучения прошлого: «релятивизм не сможет адекватно решить проблему поиска исторических истин и необходимости причинных объяснений и нарративов» [13, р. 159]. Таким образом, социальные конструкционисты, вслед за новыми социальными историками, обратились к концепции мифа. При этом, в отличие от последних, они считали, что любой миф строится на субъективной позиции автора, а значит, не может претендовать на истинность [13].

Также историк отмечала, что в процессе борьбы с концепцией социального конструирования реальности оформилось постпозитивистское направление философии науки с неформальным лидером К. Поппером: «Поппер пытался спасти научное дитя, полностью вытащив его из исторической воды, прежде чем скептически настроенные социальные историки смогут прийти и утопить его в историчности» [13, р. 143].

Исследовательница отмечала, что обсуждение концепции социального конструирования реальности вскоре было заглушено шумом постмодернизма. Основную заслугу М. Фуко для истории Дж. Эпплби видела в разработке новой теории исторического развития, заменившей автономного человека на «постмодернистский призрак всеведущего общества, осуществляющего диффузную и всепроникающую власть через дискурс» [14]. Личный скептицизм по отношению ко всем категориям современной мысли, таким как государство, природа,

личность, рациональность, вынуждал философа описывать их как дискурсивные императивы. Таким образом, как считала Дж. Эпплби, источником власти в концепции М. Фуко являлась аморфная масса общества, которая осуществляет ее через дискурсивные императивы: «Социальная власть исходит не от людей со штыками и дубинками, а от нас, обычных и бездумных пользователей тех дискурсов повседневной жизни, которые распределяют престиж, презрение, оправдание и авторитет» [14].

По мнению Дж. Эпплби, Ж. Деррида являлся еще более радикальным скептиком, чем М. Фуко. Он, исходя из герменевтической концепции мира, вывел метод деконструкции текстов, который исследовательница определила как «способ проникновения в молчание и противоречие текстов, но без надежды на окончательную интерпретацию, потому что тексты для него действуют как автомат для игры в пинбол, а не как сейф» [14]. Дж. Эпплби видела важность метода деконструкции в том, что он дифференцировал изначальную идею автора и конструирование своей идеи читателем: «Мы видим, как лелеемая ясность философов исчезает, окутанная туманом языковой двусмысленности» [14].

Постмодернистические методы были взяты на вооружение историками. В этом отношении интересно и справедливо замечание белорусского методолога В. Н. Сидорцов о том, что, эпоха постмодернизма «нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной» [8].

Важной фигурой, внедрившей постмодернистические методы в историческую науку, Дж. Эпплби видела К. Гирца. Исследовательница определяла К. Гирца как антрополога, которого чаще всего цитировали историки в 1970–1980-х гг. [13, р. 180]. Он настаивал на том, что культура представляет собой не произвольный набор социально-общественных явлений, а контекст, в рамках которого они могут быть подробно описаны [19, с. 12], чем, по мнению исследовательницы, открыто отверг позитивистскую модель изучения культуры в пользу более литературной модели [13, р. 180].

Если культуру воспринимать схожей тексту или языку, то критические замечания М. Фуко и Ж. Дерриды применимы и к ней. В 1980-х гг., писала историк, К. Гирц направил антропологов по постмодернистическому пути, связав свою «теорию интерпретации» с тем, что он назвал «аналогией текста», чем вызвал небывалый интерес к истории культуры [13, р. 184]. Стараясь показать общую тенденцию, Дж. Эпплби отмечала, что в период с 1976 по 1990 гг. англоязычные

исследования французской истории решительно перешли от политической и социальной истории к интеллектуальной и культурной [13, р. 180].

Подводя итог, Дж. Эплби считала, что постмодернизм дал мощный толчок для развития истории культуры. Важность работы постмодернистов исследовательница видела в том, что они завершили процесс размещения культуры «там, где когда-то стояла природа, как изначальная сила человеческого существования» [14]. Постмодернистическое направление отрицало возможность истины, так как воспринимало действительность как текст, имеющий множество авторов. Следовательно, любой национальный миф не может быть истинным, однако, что важно, несет в себе функцию объединения людей. Дж. Эплби сожалела, что постмодернистическое движение ушло «на задворки исторической науки» раньше, чем исчерпало свою полезность. В-первых, писала она, постмодернисты точно определили, как функционирует общественный дискурс, но не объяснили, почему один дискурс сменяется другим. Во-вторых, смещение исторического фокуса с общества на культуру раскрывает возможности для исследования механизмов, посредством которых осуществляется социальная власть [14].

Таким образом, во второй половине XX в. американская историческая наука прошла через несколько масштабных кризисов, связанных с переосмыслением общепринятых исторических концепций, места, как истории в науке, так и науки в обществе. Дж. Эплби считала, что каждое новое направление требовало новых ответов на свои вопросы, чем оживляло дискуссии о целях, методах и основах исторического знания. Споры в научном сообществе, в которых отстаивались разнообразные позиции, развивали и совершенствовали американскую историческую науку, так как способствовали обнаружению недостатков и их устранению. Появление новых исторических концепций привело к качественному развитию исторической науки, однако, в то же время, пересмотр американского национального мифа вызвал недоверие образованной публики в отношении истории. Исходя из этого, по мнению Дж. Эплби, первоочередная задача исторической науки в XXI в. заключается в объяснении публике того факта, что пересмотр истории является показателем развития, а не упадка научной дисциплины.

Список литературы

1. Нечухрин, А. Н. Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. ; рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэд.) [інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – Вып. 3. – С. 35–46.

2. Барг, М. А. «Анналы» и междисциплинарные методы исторического познания / М. А. Барг // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». – М. : Наука, 1993. – С. 65–70.
3. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21.
4. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1.
5. Могильницкий, Б. Г. Методологические ресурсы новой интеллектуальной истории в свете текущего этапа историографической революции / Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. – М. : ИВИ РАН, РГГУО, 2012. – С. 124–140.
6. Могильницкий, Б. Г. Понятие кризиса исторической науки / Б. Г. Могильницкий // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск, 2001. – С. 11–16.
7. Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 192 с.
8. Сидорцов, В. Н. Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы : учеб. пособие / В. Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2002. – 291 с.
9. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. – Минск, 2017. – 338 л.
10. Kruczkowski, T. Historia Polski czasów WKL i Rzeczypospolitej w białoruskim czasopiśmiennictwie historycznym końca lat 80-tych – początku 90-tych / T. Kruczkowski, H. Wasjuk // Polskie-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne, kulturalne / pod red. M. Kondraciuka. – Grodno, 1999. – S. 129–138.
11. Васюк, Г. В. Брестская церковная уния в польской историографии конца XIX – начала XX вв. / Г. В. Васюк, Т. Т. Кручковский // Наш радавод : матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Гісторычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII–XX ст.» – 1996. – Кн. 7. – С. 395–398.
12. Appleby, J. A Different Kind of Independence: The Postwar Restructuring of the Historical Study of Early America / J. Appleby // The William and Mary Quarterly. – Apr., 1993. – P. 245–267.
13. Appleby, J. Telling the Truth about History / J. Appleby, L. Hunt, M. Jacob. – New York : W. W. Norton & Company, 1995. – 336 p.
14. Appleby, J. The Power of History [Electronic resource] / J. Appleby // The American Historical Review / Oxford University. – Oxford, 1998. – Mode of access: <https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/joyce-appleby>. – Date of access: 11.01.2021.
15. Appleby, J. A Life of Learning [Electronic resource] / J. Appleby. – ACLS : Occasional Paper, 2012. – Mode of access: https://www.acls.org/uploadedFiles/Publications/OP/Haskins/69_2012_JoyceAppleby.pdf. – Date of access: 10.04.2021.
16. Rodgers, D. Republicanism: The Career of a Concept [Electronic resource] / D. Rodgers // The Journal of American History. – 1992. – Vol. 79, №. 1. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2078466>. – Date of access: 11.04.2021.
17. Вебер, М. Образ общества [Электронный ресурс] / М. Вебер ; пер. М. И. Левина, А. В. Михайлов. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – Режим доступа: <https://readli.net/obraz-obshhestva>. – Дата доступа: 10.04.2021.
18. Berger, P. The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion / P. Berger. – New York : Open Road Media. – 240 p.

19. Гирц, К. Интерпретация культур : пер. с англ. / К. Гирц. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

Стукачева Юлия Юрьевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Yulia Stukacheva,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: yletnyaya@inbox.ru

**PRODUCTIVITY OF CRISES IN AMERICAN HISTORICAL SCIENCE
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
IN J. APPLEBY'S ASSESSMENT**

The article examines J. Appleby's interpretation of a series of crisis moments in the American historical science in the second half of the 20th century, associated with emergence of such trends as the new social history, the concept of the social construction of reality and postmodernism. These processes have led to major revision of the American national myth, various historical theories, the place of history in science, and the role of science in society. The conclusion is made about the productivity of scientific discussions leading to qualitative development of the historical discipline.

Keywords: American historical science, crisis, new social history, social constructionism, postmodernism.

УДК 930.1:316.728

Н. А. Стурейко

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История повседневности является достаточно молодым направлением истории на Западе, которое имеет собственное положение и достаточно определенный круг познавательных проблем. В самом центре внимания истории повседневности стоит реальность, которая интерпретируется разными людьми и имеет для них собственную значимость в качестве целостного жизненного мира, общее исследование данной реальности, людей различных социальных слоев, их поведения и реакций на события.

Ключевые слова: история, прошлое, особенность, исследователь, историография.

«История повседневности» это относительно молодая отрасль в истории, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в различных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В основе истории повседневности стоит комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей различных людей. В русском языке синонимами термина «повседневность» являются: будничность, ежедневность, обыденность и т. д. Они показывают, что все, что относится к повседневному,

привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день». Однако главным в определении «повседневного» является как раз постоянно повторяемое.

Появление истории повседневности как отдельной отрасли изучения прошлого является одной из составляющей так называемого «историко-антропологического поворота» в гуманитарной мысли на Западе. Он берет свое начало в конце 60-х гг. XX в. в результате разрушения больших идей, вместе с революцией «новых левых» и ниспровержением всех предыдущих объяснительных концепций. Из пророков-теоретиков исследователи превратились в обычных участников общественной жизни, которые не имеют права определять, что является истиной, а что ложью, и планировать, каким должно быть будущее. Внушительные объяснительные схемы прошлого имели отличие в универсализме, монизме, своей ориентацией на объективность, тотальностью, порядком и единой теории познания. Отречение от них значил переход к постмодернизму, который заменил универсализм партикуляризмом, монизм – релятивизмом, порядок – случайностью, тотальность – фрагментацией, а науку познания, эпистемологию – дискурсом.

В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности: как приема реализации методики микроисторического анализа и как реконструкции ментального макроконтеста событийной истории. Можно объяснить и то, что к первому примыкают социологи-практики и большая часть историков и краеведов, а ко второму – философы и культурологи.

Хорошим примером второго подхода является книга «Изобретение повседневности» французского философа М. де Серто. Данная книга была напечатана в период самого расцвета постструктурализма, и ее автор вслед за М. Фуко и П. Бурдьё отказывался от стремления замечать структуры и иерархии в изучении культурно-исторических моделей. По мнению М. де Серто, в «повседневности» можно обнаружить элементы культурных практик, которые являются типичными для эпохи или этноса. В истории повседневности он отмечает не только повторяемость, но также еще и поле постоянного творчества, в котором появляется будущее. Для него объективное теоретическое знание является невозможным, как невозможен человек, который лишен свойств. Потому он не пытался объективировать собственный анализ, а рассматривал свои собственные субъективные оценки как неотъемлемую часть своего исследования [2].

В историографии Германии сильно закрепилось противопоставление категории повседневности как всего, что повторяется, обыденного тому,

что выходит за эти рамки как яркое, необычное или уникальное. Данный подход противопоставил повседневность в качестве «жизни масс» «жизни отдельных, уникальных и необычных личностей». Это привело к появлению особенного германского варианта «истории повседневности», который можно охарактеризовать как микроисторию совершенно обычных и типичных для своего времени и социального слоя людей. К противопоставлению повседневного немецкие исследователи зачастую относят «праздники» как проявление чего-то не обычного, особенного, а также различные «экстремальные ситуации», которые при особенном стечении обстоятельств могут перейти в ранг обыденных и составлять повседневность. Работа, труд, игра, учёба в подобных классификациях оказываются включенными в понятие «повседневного». Изучение их и образует задачу истории повседневности, считает один из ее главных исследователей А. Людтке. Понимание «истории повседневности» как микроистории отрицательно повлияло на уровень признания данного направления научной элиты Германии. Сторонники микроистории рассматривались как покусившиеся на святое, и их перестали допускать к конкурсам на замещение должностей в университетах и научных центрах. Из-за этого в Германии возник параллельный официальному мир «мастерских историков» и особых журналов. Примером этому является журнал «Историческая антропология», а также группа активистов из Геттингена, которая действовала под девизом «take history in our hands». Главной задачей данных активистов была борьба за переименование улиц и сохранение памяти о преступлениях нацизма в каждом Германском городе.

Одной из особенностей понимания истории повседневности является ее отнесение к разделу культурологии или даже этнологии, поэтому при исследовании повседневного используются этнологические методы и приравнивают ее к истории быта. Но соотношение истории быта и истории повседневности не так просто.

Значимость микроисторического подхода в изучении повседневности определяется следующим: во-первых, что он позволяет принимать во внимание большое количество разных судеб. Благодаря этому, история повседневности становится реконструкцией «жизни незамечательных людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных». Во-вторых, значение микроистории для повседневности состоит в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей. В-третьих, описываемый подход определил новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы человека в заданных историко-политических, хронологических,

этнокультурных и иных обстоятельствах. В-четвертых, именно микроисторики поставили задачей своего исследования исследование вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, голода и т. д. Именно микроисторики, которые изучали повседневность XX в., озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности [1].

Источники по истории повседневности помогают не только приблизиться к жизни человека, его ментальности, но и выступают особым способом закрепления и воспроизводства социальной памяти, главная проблема которой состоит в совмещении часто отличающихся друг от друга воспоминаний об одном и том же событии и разных моделей их интерпретации. Знаменитый ученый А. Руссо в своем докладе на XIX Международном конгрессе исторических наук отметил, что проблема памяти превращается в ценность, которая соответствует современному плюралистическому видению прошлого, что необходима разработка теоретических процедур, с помощью которых можно было бы поставить изучение соотношения «память/история/идентичность» на научную основу [3].

Историк может обращаться к методу устной истории. Собираение и записывание «жизненных историй», интервью различных видов являются не простым сбором материала, но также созданием нового вида источника – «вторичного». В советской историографии к воспоминаниям как к источнику обращались те, кто изучал историю ВОВ. Но, за последние 20–30 лет за устной историей закрепилось заметное место в отечественных исследованиях по истории повседневности. Выделяются полезные методы работы с автобиографическими текстами, которые разрабатывались психологами и социологами, в особенности зарубежными. Одна из подобных методик подразумевает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не утаивая ни о чем важном. Соотносится повторяемость тем и жизненных коллизий, и благодаря этому можно делать обобщения.

Исследователи, которые не располагают возможностью «задать прошлому вопрос», а таких большинство, вынуждены работать с уже имеющимися традиционными источниками, среди которых для истории повседневности особенно большая роль источников личного происхождения. У исследователя истории Раннего Нового времени, не говоря уже о Древнем времени, часто нет никаких писем, дневников и воспоминаний. На помощь исследователю истории повседневности тут приходит этнология. Стать ближе к чужой культуре можно с помощью

поиска и анализа символических форм – слов, образов, институтов, поступков, – благодаря которым люди могут проявить себя. Для исследователя XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становятся толкования смыслов и символов, которые он обнаруживает при чтении уже сложившихся источников.

Используя психологические приемы вживания и эмпатии в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, которое получается благодаря традиционному этнографическому или историческому описанию.

Труд исследователя повседневности является интерпретацией чужих мыслей и слов, он всегда является «переводом» с чужого эмоционального языка. В данном случае он сближается с исследователями истории психологии и специалистами по истории частной жизни.

Этнографические и социологические методы включенного наблюдения могут применяться, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и «проводит наблюдение» за ее автором. В данном случае он использует информацию из других источников о контексте написания данного текста этим человеком, например, его возрасте на тот момент, семейного положения, психологического настроения. При изучении повседневности историк зачастую пользуется этими этнолого-социологическими методами работы.

Радость и страдание, мечты и надежды людей предшествующих поколений зачастую оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же они представлены «зашифровано». Поэтому иногда единственным вариантом выйти из тупика становится переосмысление тех свидетельств, которые уже использовались ранее под другим ракурсом (например, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым быстрее могут увидеть культурные отличия в повседневном быту [2].

По итогу, историк должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде малые элементы помогут ответить на большие вопросы.

Не просто так критики истории повседневности как «трогательных рассказов из жизни людей из массы» говорят, что авторам работ по истории повседневности есть чему поучиться у специалистов по социальной истории – они имеют в виду трудность преобразования

большого количества «историй» в цельную картину. Пути такого преобразования достаточно хорошо известны социологам. В собранных однородных массивах источников выделяются отрывки текста, которые можно структурировать по темам: «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида». А после данный материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации.

Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции, через привлечение других источников.

Таким образом, структуры повседневности, которые составляют почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества.

Изучая структуры таких пространств, которые были в прошлом, люди могут по другому оценить свой каждый настоящий день, его мимолетность, малость, стремительность и в тот же момент связанность с другими такими же днями, своими и чужими.

Каждый подобный день предстает не случайностью, но неотъемлемой частичкой внутреннего содержания, наполнения всей культурной традиции.

Однако, с другой стороны, рассмотрение истории повседневности помогает увидеть типологию там, где ее хуже всего заметить: в индивидуальных решениях, которые принимаются в разных ситуациях. И тогда выясняется, что история повторяется благодаря тому, что так медленно меняемся мы сами – не виртуальные и социальные структуры, а именно мы, живые люди.

История повседневности показывает, что люди не одинаково идут по одной и той же колее, а потому индуктивный путь, это путь к постижению общего через отдельное – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших лет.

Список литературы

1. История повседневности [Электронный ресурс] // Универсальная научно-популярная энциклопедия. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html. – Дата доступа: 22.04.2021.

2. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>. – Дата доступа: 20.04.2021.

3. Курьянович, А. В. История повседневности: проблемы источниковой базы [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – Режим доступа: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/istochnik/1/Kurjanovich.pdf>. – Дата доступа: 23.04.2021.

Стурейко Никита Андреевич, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Средняя школа № 34, г. Гродно, Республика Беларусь.

Nikita Stureiko,
Yanka Kupala State University of Grodno
History teacher of Secondary school № 34 Grodno
e-mail: stureiko.n@mail.ru

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

The history of everyday life is a fairly young trend in the West, which has its own position and a fairly specific range of cognitive problems. Reality stands in the very center of attention of the history of everyday life, which is interpreted by different people and has its own significance as an integral life world, a general study of this reality, as well as people of different social layers, their behavior and reactions to events.

Keywords: history, the past, peculiarity, researcher, historiography.

УДК 725.945(476)

Э. С. Ярмусик

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ⁵

Актуальность исследования обусловлена необходимостью противостоять фальсификациям истории Великой Отечественной войны, объективного научного освещения военных событий. Рассматривается государственная политика в вопросах мемориализации памяти о войне в Беларуси, раскрывается сущность этого понятия. Показана роль Института истории НАН Беларуси как координационного центра в сохранении и пропаганде исторической памяти. Рассмотрены некоторые вопросы формирования представлений о войне у школьников и студентов в ходе учебного процесса. На сохранение памяти о войне и совместного историко-культурного наследия направлены программы, реализуемые в рамках белорусско-российского сотрудничества. Проблемам мемориализации памяти о Великой Отечественной войне посвящена НИР «Великая Отечественная война как конструкт формирования исторической памяти в современных социальных реалиях».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государственная политика, историческая память, мемориализация, патриотизм.

В современных условиях Вторая мировая и Великая Отечественная война стали объектом политической и идеологической борьбы, а зачастую и откровенных спекуляций. Существовавшие в послевоенный период в советской стране и социалистических странах концепции, утверждавшие решающую роль Советского Союза и Советской армии, народов европейских стран в разгроме врага, раскрывающие человеконенавистническую сущность нацизма, фашизма, оккупаци-

⁵ Статья написана в рамках НИР А56-21 «Великая Отечественная война как конструкт формирования исторической памяти в современных социальных реалиях. 2021–2023 гг.».

онного режима, вот уже много лет подвергаются ревизии, переоценке с точностью наоборот. Это происходит не только в европейских странах, которые однозначно рассматривают освободительную миссию Советской армии как оккупацию этих стран, результатом которой стало установление режима по образцу и подобию СССР, но и даже в ряде бывших союзных республик. Последствия внедрения «новой исторической политики» не трудно себе вообразить: она призвана обелить фашизм, внедрить в массовое сознание людей нигилизм, размывать такие понятия, как патриотизм, любовь к Родине, память о тех, кто погиб, сражаясь за будущее человечества. Память о войне, передаваемая из поколения в поколение, служит также гарантом суверенитета и независимости страны.

В свете разных событий, происходящих на международной арене, а также глобализма и большого объема информации как никогда важно сохранение объективной информации и памяти о Великой Отечественной войне. Однако необходимо учитывать тот факт, что современная молодежь живёт в эпоху цифровизации, черпая информацию из интернета, зачастую не задумываясь о ее правдивости и объективности. С учетом большого количества контента и востребованности альтернативных теорий, человеку даже с хорошим образованием порой не просто разобраться в истории войны. Поэтому сохранить память о войне и не допустить искажения исторических фактов становятся актуальной задачей на современном этапе развития общества.

В этой связи в Республике Беларусь уделяется большое внимание мемориализации памяти о Великой Отечественной войне, которая включает в себя деятельность государственных органов, государственных и иных организаций, общественных объединений и граждан, направленную на сохранение уважительного отношения к событиям и погибшим при защите Отечества, их мужеству и героизму, а также жертвам войны. В качестве близкого по смыслу используется также термин «мемориализация» как совокупность механизмов сохранения и передачи памяти о войне.

Формирование политики мемориализации происходило ещё в советский период. Политика и идеология советского государства была направлена на увековечение подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, формирование советского патриотизма, дружбы народов СССР. Партийные и советские органы периодически принимали постановления, в которых определялись конкретные меры в этом направлении. Ими были охвачены все слои населения, но при этом упор

был сделан на молодёжь и ветеранов, участников войны. Тем самым реализовывалась идея преемственности поколений, что обеспечивало осуществление задач военно – патриотического воспитания молодёжи. Этому способствовало открытие многочисленных памятников, мемориалов, Курганов Славы, создание музеев, проведение торжеств по случаю Дня Победы и многое другое.

После распада Советского Союза в каждой из постсоветских республик определилась своя политика памяти, нередко в корне отличающаяся от прежней, советской. Кое-где происходила героизация событий, формирований и участников, которые в своё время считались коллаборантскими. В честь их создавались новые памятники, переписывалась история войны, умалялся вклад СССР в победу над фашизмом и японским милитаризмом. Не изменилась государственная политика памяти и связанная с ней мемориализация событий о войне лишь в России и Беларуси.

В этой связи в Республике Беларусь возникла необходимость формирования собственной законодательной базы. В числе первых законодательных актов явились Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 763 от 21 декабря 1992 г. «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн», Указ Президента Республики Беларусь № 231 от 30 ноября 1994 г. «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь», а также постановление Кабинета Министров Республики Беларусь № 85 от 9 февраля 1996 г. «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн». Координацию деятельности государственных органов и общественных структур в сфере увековечения осуществляло Министерства обороны Республики Беларусь, в составе которого было создано Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн.

В 2000-е гг. государственными органами была продолжена работа по сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны, что нашло отражение в государственных программах. Так, например, в рамках реализации Республиканской программы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн на 2000–2001 гг. за счёт республиканского бюджета реконструировали и заменили 34 памятных знака, построили 14 новых памятников, установили 4 мемориальные доски. Помимо этого, были выделены средства на изготовление 336 мемориальных плит и нанесение на них 16 096 установленных фамилий защитников Отечества, погибших при освобождении Дубровенского района Витебской области; на нанесение 1200 фамилий воинов и партизан на памятник братской могилы д. Осташковичи Светлогорского

района Гомельской области; 2653 установленных фамилий по Минской области.

На сегодняшний день основными нормативными документами в военно-мемориальной сфере в Республике Беларусь являются следующие: Указ Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн», Закон Республики Беларусь от 12 ноября 2001 года «О погребении и похоронном деле», Инструкции Министерства обороны от 9 августа 2016 г. № 17 «О порядке государственного учета, переноса воинских захоронений и захоронений жертв войн, регистрации захоронений иностранных военнослужащих на территории Республики Беларусь и ведения автоматизированных банков данных», от 21 января 2017 г. № 70 «Об организации и проведении полевых поисковых работ» [1].

Координационным центром по исследованию и мемориализации истории Великой Отечественной войны выступает Институт истории Национальной Академии наук Беларуси. Его деятельность отражена в проведении международных научных конференций, научно-исследовательских темах, многочисленных публикациях. 13 марта 2020 года в Институте истории состоялся круглый стол, посвященный презентации Всебелорусской акции «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!». В его работе приняли участие ведущие ученые, военные историки НАН Беларуси, представители высших учебных заведений, архивов, общественных организаций страны.

Цель данной акции – увековечивание и сохранение памяти поколения победителей. Участники круглого стола подчеркнули, что память о событиях Великой Отечественной войны живет в каждой белорусской семье. И очень важно, чтобы любой желающий мог прислать материалы, фотографии военной поры, воспоминания своих родных и близких для внесения в базу данных. Эти материалы можно выслать в электронном виде, можно прислать по почте или принести лично. Центром данной работы будет отдел военной истории Института истории НАН Беларуси.

Среди проблем, которые были обсуждены в ходе работы круглого стола: современное состояние работы по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь (научная историография, музеефикация, мемориализация средствами художественной литературы и изобразительного искусства, отражение в учебном процессе и средствах массовой информации); представление концепции и методологии современного этапа работы по созданию

Народной летописи Великой Отечественной войны; продолжение централизованной работы над совершенствованием историко-документальных хроник «Память» городов и районов Беларуси и создание их электронных версий. Особое внимание будет уделено необходимости активизации данной работы на всех уровнях и привлечению к созданию Народной летописи Великой Отечественной войны общественных организаций патриотической направленности. В ходе работы Круглого стола состоялась презентация научных изданий, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Была организована выставка тематической литературы [2].

Мемориализация памяти о войне тесно связана со знаниями и представлениями людей, прежде всего молодого поколения, о героических и трагических страницах нашей истории. Ключевую роль в этом играют учебники по истории (Беларуси, всемирной), а также уровень преподавания в школах и вузах. Следует отметить, что количество часов, отведенных на изучение Великой Отечественной войны, крайне недостаточно, чтобы у школьников и студентов сформировать чёткие представления и раскрыть многие проблемы ключевых событий того периода. Анализ белорусских учебных пособий для школ и вузов позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, концепция, представленная в учебной литературе, базируется на ключевом постулате о том, что для СССР это была справедливая, «священная война советского народа за свободу и независимость Отечества», а Победа стала возможна благодаря единству и мужеству всего советского народа. Вместе с тем, авторы учебников стремятся подчеркнуть роль Беларуси в борьбе с фашистской Германией. Во-вторых, в современных учебниках авторы стремятся осветить и такие сложные и дискуссионные вопросы, как причины поражений СССР на начальном этапе войны, репрессии в армии, коллаборационизм и т. д. В-третьих, в вузах преподается специальный факультативный курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», который призван расширить знания студентов о войне и способствовать формированию у них патриотизма [3].

Однако опыт преподавания автором этих строк спецкурса «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны» в вузах Гродно позволяет сделать некоторые выводы. К сожалению, среди студентов крайне мало заинтересованных изучать историю войны. Большинство из них не знает важнейших событий, знаковых имён героев и участников, которые были хрестоматийными в советское время. Современные студенты не читают литературы, не

смотрят фильмов о войне, не интересуются событиями, которые происходили в тот период на территории своего района или области. Вместе с тем, они осуждают фашизм, нацизм, преступления немецких оккупантов на захваченных территориях, позитивно оценивают вклад советского народа в разгром фашистской Германии и освобождение народов Европы от немецких оккупантов, попытки реабилитации нацизма в постсоветских государствах.

Проблемы мемориализации памяти о Великой Отечественной войне являются актуальными в белорусско-российских отношениях. Она стала одним из факторов, который объединяет большинство населения России и Беларуси. В июне 2019 года Высший Государственный Совет Союзного государства утвердил план мероприятий на 2019–2020 год, которые посвящены 75-летию освобождения Беларуси от фашистских захватчиков и годовщине Великой Победы. План включает в себя проекты, которые курирует Комиссия Парламентского Собрания по социальной и молодежной политике, науке, культуре и гуманитарным вопросам.

В первую очередь это проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой». Реализация проекта направлена на улучшение состояния уникальных исторических объектов Брестской крепости, укрепление российско-белорусского сотрудничества в сфере культуры, туризма, а также сохранение культурно-исторического наследия, общего для двух стран. К 75-ой годовщине Великой Победы были проведены совместные выставки, школьные олимпиады и патриотические акции, в их числе спецпроект «Лес Победы», в рамках которого волонтеры высаживали деревья в память о героях войны; фестиваль «Молодежь – за Союзное государство» – масштабный творческий и образовательный форум, направленный на создание единого культурного пространства и укрепление дружбы между молодежью России и Беларуси; велопробег «Молодежь России и Беларуси – дорога в будущее Союзного государства». Его маршрут традиционного пролегает по Смоленской, Брянской, Витебской и Могилевской областям [4].

С 2019 года издаётся научный журнал «Белорусский исторический обзор». Его учредителями являются Институт истории НАН Беларуси, Институт российской истории РАН и фонд «Историческая память». Журнал является печатным органом действующей с 2016 года российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия». Больше всего публикаций посвящено проблемам

Великой Отечественной войны. Очевидно, обращение к этой тематике обусловлено реализацией политики памяти, к которой последние годы приковано внимание российских и белорусских учёных.

Заслуживает внимания объявленный соучредителями журнала конкурс историко-документальных эссе «Сожженные деревни: Хатынь и её сёстры», проведённый в 2019–2020 гг. Цель конкурса – создание условий для формирования электронной базы данных по населённым пунктам РСФСР, уничтоженным в ходе нацистских карательных операций в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Примечателен тот факт, что участие в конкурсе предполагало выполнение молодыми учёными исследований под руководством ведущего учёного. Лучшие работы были опубликованы в № 3 журнала за 2020 год [5].

Проблемам мемориализации памяти о Великой Отечественной войне посвящена НИР «Великая Отечественная война как конструкт формирования исторической памяти в современных социальных реалиях», реализуемая на факультете истории, коммуникации и туризма Гродненского госуниверситета имени Янки Купалы. Проект призван выявить ключевое место Великой Отечественной войны в конструировании образов прошлого нашими современниками, её роль в современных общественно-политических процессах, мемориализации событий и увековечении памяти участников и жертв войны. Среди актуальных задач – проведение социологического исследования среди молодёжи по выявлению отношения юношей и девушек к событиям Великой Отечественной войны, уровня знаний и представлений о событиях тех лет, роли памяти о войне в формировании гражданской позиции молодого поколения; изучение отражения памяти о войне в духовно-просветительской деятельности католической и православных епархий Гродненщины, форм и методов работы национально-культурных объединений по сохранению памяти о войне и использованию военно-исторической тематики в их деятельности; подготовка электронных ресурсов о мемориализации памяти о войне на Гродненщине, об участниках первых боёв на Гродненщине, создание видеофильма об участниках Великой Отечественной войны «Живые свидетели истории» и другие. Реализация проекта предусматривает вовлечение в эту деятельность молодёжи, формирование у неё интереса к истории Великой Отечественной войны, проведение конференций, круглых столов, задачами которых станут публичное обсуждение малоизвестных страниц войны, сохранившихся в семье воспоминаний об участии в войне предков, о жертвах этнических преступлений и др. [6].

Список литературы

1. Савчук, Т. Государственная политика по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь в 2000-е годы (законодательный аспект) / Т. Савчук // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам V междунар. конф., Пинск, 27 нояб. 2020 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2020. – Вып. 5. – С. 341–348.

2. НАН Беларуси выступила инициатором организации Всебелорусской акции по созданию «Народной летописи Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Беларуси. – Режим доступа: <http://www.nasb.gov.by/rus/news/10127>. – Дата доступа 10.04.2021.

3. Грибан, И. В. История в диалоге: опыт реализации проекта «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России» [Электронный ресурс] / И. В. Грибан, В. В. Зданович, Т. П. Савчук // Стратегия образования. – Режим доступа: <http://www/jornales.uspu.ru/attachments/article/2564/3pdf>. – Дата доступа 3.04. 2021.

4. Союзное государство: эстафета памяти о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – Режим доступа: <http://www.interaffairs.ru/news/show/26293>. – Дата доступа 15.04.2021.

5. Белорусский исторический обзор. – Минск – Москва. – 2020. – № 3 (1). – С. 125–205.

6. Программа НИР А56-21 «Великая Отечественная война как конструкт формирования исторической памяти в современных социальных реалиях. 2021–2023 гг.».

Ярмусик Эдмунд Станиславович, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Edmund Yarmusik,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: grodno-history@tut.by

MEMORIALIZATION OF EVENTUS OF GREAT PATRIOTIC WAR AS A FACTOR OF MAINTENANCE OF HISTORICAL MEMORY IS IN REPUBLIC OF BELARUS

In the article the value of maintenance of memory is grounded about Great Patriotic war in Republic of Belarus. The legislative aspects of this problem are considered, the role of educational establishments is lighted up, scientific establishments in patriotic education, in the study of war history, to immortalization of memory of lost.

Keywords: public policy, historical memory, patriotism.

Раздел 3.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: АГЕНТНОСТЬ, ДЕЙСТВИЕ, СМЫСЛ

УДК 316.56

Н. С. Аветян

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ

В современном мире процессы миграции приобретают глобальные масштабы, соответственно проблема социальной адаптации мигрантов представляется одной из наиболее важных и сложных проблем, требующих быстрого и корректного решения. Проблема встраивания мигрантов в новое для них общество и налаживания социальных контактов является не только проблемой самих мигрантов, но и принимающего общества и должна решаться с учетом потребностей как принимающей стороны, так и самих мигрантов.

В статье анализируются проблемы социальной адаптации мигрантов к инокультурной среде. Рассматриваются адаптационные стратегии, инструменты и способы решения проблем адаптации. Затронут вопрос сохранения и трансформации этнической идентичности диаспор. Ставится цель рассмотреть научные подходы к изучению понятия социальной адаптации мигрантов в современном обществе. Особое внимание уделяется рассмотрению стратегий и механизмов конструирования идентичности мигрантов, определяющих степень готовности к адаптационным процессам и влияющих на выбор стратегий адаптации в инокультурной среде. Актуальность данного исследования заключается в рассмотрении социальной адаптации мигрантов сквозь призму социологии, её роли в социально-политической и экономической жизни принимающего государства и исторической родины, а также в выявлении особенностей трансформационных процессов, которым подверглись мигранты с момента переселения.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, диаспора, этническая идентичность, принимающее общество.

Любая перемена места жительства неизбежно влечет за собой необходимость приспособления к новым природным, экономическим, социальным и этнокультурным условиям – как биологического, так и социально-психологического плана.

Необходимость приспособления возникает тогда, когда отдельные люди или группы оказываются в иной социальной среде, с другой культурой и социальной организацией, когда для них изменяется не только пространство социального бытия, где они занимали определенное положение, были наделены определенным статусом и выполняли определенные социальные роли, но и физическое пространство жизни, ее природно-географические, экологические и климатические факторы. Становятся также другими условия экономического и политического существования.

Цель статьи – анализ проблемы социальной адаптации национальных диаспор в инокультурной среде. Для достижения поставленной цели автор уделяет особое внимание рассмотрению адаптационных стратегии диаспор, инструментам и способам решения проблем адаптации в инокультурной среде.

Термин «адаптация» (от лат. *adapto* – приспособляю, приспособление) впервые появился в физиологии и использовался изначально в биологических науках, впоследствии стал активно использоваться в других науках: медицине, социологии, психологии. В научный оборот он был введен немецким физиологом Г. Аубертом и обозначал изменения (приспособительного характера) чувствительности кожных анализаторов к действию внешних раздражителей [1, с. 13].

В рамках важнейших социологических теорий многие ученые предпринимали попытки научного анализа содержания понятия социальной адаптации. Важнейшими теоретико-методологическими источниками являлись работы классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера, У. Томаса и Ф. Знанецкого, Т. Парсонса, Г. Шеффера и других авторов [2, 3, 4, 5, 6]. В российской социологии социологией адаптации занимаются И. Н. Никитина, И. А. Милославова, Л. В. Корель, В. И. Добренев, А. И. Кравченко, Ж. Т. Тощенко и Т. Чаптыковой и другие исследователи [7, 8, 9, 10, 11]. Белорусские исследователи также внесли значительный вклад в изучение феномена социальной адаптации. Данная проблема разрабатывалась такими авторами, как Е. М. Бабосов, Г. Н. Соколова, В. И. Русецкая и другими [12, 13, 14].

Адаптация мигрантов – процесс приспособления, активного освоения личностью или группой людей новых социальных условий среды. В современной социологии понимается как процесс, в котором адаптант (личность/социальная группа), и социальная среда являются системами, оказывающими активное воздействие друг на друга. Адаптацию можно определить как процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды [15, с. 335].

Структурообразующей составляющей социальной адаптации выступает базовая интерактивная матрица «субъекты адаптации – адаптивная среда».

Принято выделять 4 базовые адаптационные стратегии:

1. Стратегия «геттоизации» (пассивной автаркии), реализующаяся в ситуациях, когда адаптанты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Следующие данной модели мигранты создают свой особый микромир, в котором присутствует

исключительно «родная» этнокультурная среда, живут свои соотечественники и соплеменники. Пассивная автаркия, как правило, характерна для представителей этнических меньшинств (переселенцев и беженцев), проживающих в крупных городах, индустриальных центрах, мегаполисах.

2. Стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии) характеризуется активным проявлением у «пришельцев» этноцентризма и интолерантности. В данном случае новая реальность воспринимается крайне неадекватно, другая культура резко критикуется и отвергается. Более того, мигранты (колонизаторы) активно стремятся перенести свои атрибуты культуры и этнические стереотипы в новую среду, навязать принимающему окружению собственное мировосприятие и образ жизни.

3. Ассимиляция, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию («растворение») с новым этнокультурным сообществом.

4. Интеграция (аккультурация) – наиболее предпочтительная и успешная стратегия адаптации, заключающаяся в сохранении этноменьшинствами приверженности своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов. Данная модель предполагает также активизацию паритетного межкультурного диалога между мигрантами и доминирующим этническим большинством, взаимное приспособление последних: когда меньшинствам необходимо усвоить базовые ценности, нормы, знания и образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп [16].

Выбор той или иной стратегии зависит от целого ряда факторов: микро- и макросоциальных.

К микросоциальным факторам следует отнести:

- индивидуально-личностные характеристики адаптантов (возраст, уровень образования и профессиональной подготовки, коммуникабельность, ценностные ориентации, мотивация, личностная самооценка, характер ожиданий и притязаний, жизненный опыт и др.);

- характеристики взаимодействующих культурных фреймов этногрупп, прежде всего культурную дистанцию (объективно существующая и субъективно воспринимаемая степень сходств или различий между этническими культурами).

Макросоциальные факторы следующие:

- политическая и социально-экономическая ситуация в принимающей стране и в мире;

- характер иммиграционной и этнонациональной политики властей;

- правовой статус мигрантов;
- наличие (или отсутствие) общественных организаций и объединений соотечественников (землячеств, национально-культурных автономий, ассоциаций и т. п.), масштабы их деятельности;
- уровень коррупции и преступности и др. [16].

По мнению Г. Шеффера, большинство диаспор выбирают наиболее предпочтительную и универсальную для них стратегию общины, которая является попыткой создать и сохранить тщательно разработанную сеть добровольных организаций, которые могут дополнять государственные организации в принимающей стране. Если в прошлом диаспоры стремились сконцентрироваться в политических и экономических центрах, то сейчас они распространены более широко по всей территории принимающей страны [6, с. 274].

Термин «община диаспоры» выбран Г. Шеффером неслучайно, поскольку, по его мнению, стратегическое стремление большинства диаспор сфокусировано именно на общине, которая определяет сущность их организации и их деятельности. Общинные организации диаспор функционируют на уровне обеспечения деятельности внутри принимающей страны, на уровне зарубежной деятельности и в интересах страны исхода и других общин своей диаспоры. Большое значение имеет стимулирование идентичности членов диаспоры, улучшение имиджа диаспоры в принимающей стране и повышение интереса к стране исхода [6, с. 276].

Интересная попытка рассмотреть диаспору как предмет социологического анализа, была предпринята Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой. В качестве ключевой функции диаспоры авторы выделяют сохранение этнического самосознания или четкое осознание принадлежности «своему» этносу.

В основе этой функции лежит противопоставление «мы – они», которое определяет процессы идентичности членов диаспоры. Особо выделяются экономическая и политическая функции [11, с. 38].

Раскрывая экономическую функцию, авторы обращают внимание на то, что некоторые виды деятельности являются (или постепенно становятся) «специфичными» для представителей той или иной диаспоры. В случае с политическими функциями речь идет о лоббировании членами диаспоры дополнительных гарантий, прав, возможностей для своего этноса или диаспоры.

Большинство авторов сходятся во мнении, что существование пространства диаспоры серьезно усложняет проблемы, как принимающего сообщества, так и общества исхода. Иначе говоря, «пространство диаспоры» включает в себя не только всю совокупность

связанных генеалогий рассеяния, но и тех, кто «остается на месте» [17, с. 40].

Диаспоры можно представить как некоторую структуру, состоящую, как правило, из следующих условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением:

– старожилы общины (как правило, это те, кто прожил на данной территории более 7–10 лет, успешно адаптированные к внешним условиям общины). Старожилы представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями традиций общины, основными производителями диаспорной идентичности.

– недавние мигранты. Это члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества, и активно перенимающие диаспорную идентичность.

– трудовые мигранты. Члены этнической группы общины, но не включенные в сеть взаимопомощи общины, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество. Трудовые мигранты являются носителями прагматической культуры. Они образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают, по возможности, селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров НКО в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут практически на постоянной основе, или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы и возвращаются обратно (приспособительный сценарий) [18, с. 190].

Одним из основных сценариев (стратегией) адаптации трудовых мигрантов является (само) сегрегация. В основе этого сценария лежат, как правило, мотивационно-ценностные ориентации, связанные с прагматическим извлечением выгоды от нахождения на территории принимающей страны.

Ключевым аспектом этого сценария является включение вновь прибывших мигрантов в социально экономическую сферу по двум основным направлениям: первое – это включение в «этнический» бизнес, и второе – в соответствии с правилами «разделенного» рынка – в качестве мало оплачиваемой, дискриминируемой группы – на малоквалифицированную работу. Для объяснения феномена этнического бизнеса возможно использование схемы Р. Уолдингера. Он выделяет два важных аспекта:

– структура возможностей, под которой следует понимать легальную систему трудоустройства и возможностей вхождения в местный рынок труда; она включает в себя квалификацию рабочей силы и спрос на рынке труда;

– специфические этнические стратегии и ресурсы, на которые этнические группы могут положиться, чтобы разрешить проблемы интеграции и дискриминации. Этнические ресурсы включают в себя социальные сети, солидарность, предпринимательские традиции, доступ к дешевой рабочей силе, знания о потребностях своей и иных этнических групп [19].

В. Мукомель в своей работе придерживается сходного набора факторов, считая, что важнейшими из них, влияющими на адаптацию мигрантов, являются:

– доступность важнейших составляющих социальной среды (рынки занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания);

– социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом;

– этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиции посылающего общества;

– различия в установках на адаптацию разных групп мигрантов, определяемые соотношением в миграционном потоке временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в данном конкретном месте;

– исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской;

– развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия [20, с. 217].

В процессе адаптации мигрант взаимодействуя с населением принимающего общества, выступает как активный субъект не только миграционного процесса, но и трудовых, социальных и этнокультурных отношений, которые являются для него инновационными на территории приема и требуют соответствующих адаптационных стратегий на каждом этапе адаптации. Условно можно выделить три этапа адаптации мигрантов: этап проникновения в культуру, оценочный этап и этап интеграции.

На первом этапе адаптации у мигрантов проявляются все основные составляющие культурного шока. В результате переезда нарушается динамическое равновесие между внутренней и внешней средой: сложившиеся представления, правила, модели поведения нередко являются неадекватными условиям и требованиям новой среды.

Следствием реконструкции социальных ролей и самоидентификации становится чувство неполноценности от неспособности совладать с новой этнокультурной средой.

На втором этапе адаптации важнейшим фактором, усиливающим кризис ориентации в жизни, является отношения мигранта с местным населением. Оказавшись в новой социокультурной среде, зачастую чуждой и недоброжелательной, мигранты в большинстве своем находятся в полной социальной изоляции от местного населения. Имеющиеся контакты кратковременны и носят эпизодический характер, нередко они ограничены общением с правоохранительными органами, представителями общественных организаций, работодателями. Только единицы мигрантов имеют друзей и близких знакомых среди местного населения.

Третий этап адаптации – интеграция, характеризуется полным приспособлением мигранта к принимающему обществу. Главной целью на этапе интеграции является достижение мигрантами такого адаптивного результата, при котором укрепляется и восстанавливается его идентичность, конструируется социально и психологически приемлемое, непротиворечивое адаптивное пространство. Основным условием успешного завершения процесса социальной адаптации мигрантов является выработка собственных продуктивных моделей социального поведения основанного на индивидуальных ресурсах. Результаты исследования свидетельствовали, что, несмотря на сохраняющиеся культурные различия между этническими мигрантами и принимающим населением, мигранты включаются в жизнь региона, интегрируются в его культуру. В ходе адаптации мигранты переоценивают собственную систему ценностей, отказываются от неадаптивных норм поведения, принятых в их прежней жизни [21, с. 57].

3. Левин выделяет следующие стадии адаптации:

– Стадия выживания. На стадии выживания способность мигранта адаптироваться, выжить в новой для него среде, особенно в первое время, зависит прежде всего от его индивидуальных возможностей.

Одиночке трудно. Человек вырван из родной стихии и брошен в чужой мир со своими порядками и традициями. Прежние связи утрачены или почти утрачены, новые не сложились. Иммигрант сталкивается с множеством проблем, подвергается агрессивному воздействию среды и в поисках поддержки обращается к родственникам, землякам, знакомым. Тем более, что общество само принуждает его к этому, выделяя диаспоре особую нишу в социальной структуре.

На первой стадии эволюции диаспоры, представляющей собою аморфный конгломерат, главный императив во взаимодействии иммигранта с окружающими – его неприкрытый личный интерес.

Человек едва ли не всецело остается во власти ментальности, присущей стране исхода.

Для того, чтобы выжить, он пытается использовать опыт прошлой жизни на родине, который оказывается малопригодным в новых условиях, так что его способность к выживанию в какой-то степени зависит от характера этой ментальности. Поэтому люди лучше всего чувствуют себя в обществе, культура которого им близка.

В эпоху массовых миграций эта стадия формирования диаспоры, т. е. время эмигрантов нового для него пространства и установления первых межличностных отношений, порой может быть очень краткой, быстро переходящей в стадию его социокультурной адаптации, соответствующей в общих чертах стадии структуризации диаспоры.

– Стадия образования диаспоры. Руководящую роль в жизни диаспоры на этой стадии играют старожилы, но характер менталитета определяет второе поколение иммигрантов.

– Проблемы выживания не существует в принципе, ее уже разрешили родители, которые дали своим детям определенный социальный статус. Второе поколение уже обладает родительским опытом жизни в эмиграции, общения с коренными жителями и поведения в иммигрантской среде. Наряду с унаследованными основными ценностями этнического массива или страны исхода в его менталитете по мере адаптации складывается переменная составляющая: нормы поведения, элементы культуры страны проживания.

– Стадия зрелой диаспоры. Зрелая диаспора – социальный организм, обладающий высокой жизнеспособностью. Здесь человеку в отличие от пионеров эмиграции не нужно бороться за выживание. Община – основная среда его существования, даже если место его производственной или предпринимательской деятельности находится за пределами компактного жительство мигрантов. Ему трудно приспособиться к жизни вне общины, интегрироваться в принимающий диаспору социум. С другой стороны, член диаспоры меньше подвержен внешним воздействиям, чем тот, кто находится вне сферы ее прямого влияния, потому что община служит для него своеобразным амортизатором, смягчающим последствия агрессивности внешнего мира. Чем сплоченнее диаспора, тем сильнее ее сопротивление неблагоприятным для него воздействиям Среды.

– Стадия упадка. Диаспора существует, пока сохраняется ее этнокультурная специфика и общинный конформизм со свойственными ее менталитету автостереотипом и этностереотипами, т. е. представлениями о своем и других народах, основанными на этническом

самосознании, и, во всяком случае, на оппозиции «мы – они». Пока существует социокультурная дистанция между коренным населением и иммигрантами, они держатся за общину, но когда в силу обстоятельств (дисперсного расселения, благоприятных для мигранта жизненных условий) влияние общины на ее члена падает, когда само ее существование для человека не важно, тогда он, сломавший «замок корреляций» конформизма общины, получает относительную свободу действий, возможность реализации индивидуального потенциала, которой он лишен в рамках общины [22, с. 81–86].

Таким образом, мы можем заключить, что диаспора – это социальное явление особого рода, в частности, потому, что состояние рассеяния означает разрушение структуры этноса: эмигрант попадает в необычные для него условия жизни, в которой не привычной стабильности. Диаспора принципиально отличается от принимающего ее народа по образу жизни, представлениям, нормам жизни.

Иммигрант вторгается в принимающее общество как чужеродное тело, но общество приспособливает диаспору к своим нуждам, вынуждая эмигранта действовать так, а не иначе, причем он неизбежно утрачивает свое этнокультурное сознание.

Можно сделать вывод, что диаспоры представляют собой многогранное явление, включая в себя политические, экономические и культурные пространства, пересекающие границы суверенных государств.

Основные проблемы социальной адаптации диаспор можно ранжировать следующим образом:

- 1) проблемы в правовом и экономическом поле;
- 2) проблемы в культурно-коммуникативном пространстве;
- 3) проблемы физиологической адаптации;
- 4) проблемы социальной адаптации.

Однако существуют и проблемы принятия мигрантов, которые выражаются в обострении социальной конкуренции, а также в повышении уровня интолерантности в принимающем сообществе. В настоящее время диаспора выступает основным инструментом, помогающим мигрантам решать указанные проблемы. Свою деятельность в решении указанных проблем она осуществляет в нескольких направлениях: экономическом, правовом, образовательном, культурном и информационном.

Список литературы

1. Милославова, И. А. Адаптация как социально-психологическое явление / И. А. Милославова // Социальная психология и философия – 1973. – Вып. 2. – С. 13.

2. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 82–88.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Знанецкий, Ф. Методологические заметки / Ф. Знанецкий, У. Томас // Социология в странах Центральной и Восточной Европы : хрестоматия. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. – С. 141–226.
5. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академический проект, 2000. – 880 с.
6. Sheffer, G. Ethnic diasporas: a threat to their hosts? / G. Sheffer // Intern. migration and security / M. Weiner. – Boulder ; San Francisco ; Oxford, 1993. – P. 263–286.
7. Никитина, И. Н. К вопросу о понятии социальной адаптации / И. Н. Никитина // Вопросы теории и методов социологических исследований (по материалам науч.-теор. конф.). – М., 1980. – Вып. 3. – С. 57.
8. Милославова, И. А. Роль социальной адаптации в условиях современной НТР / И. А. Милославова // Философия и социальная психология : науч. докл. // Герценовские чтения, XXVII. – Л., 1979. – С. 132–136.
9. Корель, Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск : Наука, 2005. – 424 с.
10. Добренков, В. И. Кравченко Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА – М., 2005. – Т. 8 : Социализация и образование. – 1040 с.
11. Тощенко, Ж. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Тощенко, Т. Чаптыкова // Социол. исслед. – 1996. – № 12. – С. 33–42.
12. Бабосов, Е. М. Структурные модели адаптации индивидов в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов // Социология. – 1999. – № 4. – С. 28–34.
13. Соколова, Г. Н. Экономико-социологический словарь / Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк ; под общ. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.
14. Русецкая, В. И. Социодинамика научного коллектива / В. И. Русецкая. – Минск : Навука, 1992. – 208 с.
15. Завьялов, А. В. Стратегии адаптации украинских мигрантов в Канаде и России (1991–2012 гг.) / А. В. Завьялов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 2. – С. 334–339.
16. Южанин, М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf>.
17. Попков, В. Феномен этнических диаспор / В. Попков. – М. : ИС РАН, 2003. – С. 40.
18. Аствацатурова, М. Диаспоры: этнокультурная идентичность: возможные теоретические модели / М. Аствацатурова // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 190.
19. Waldinger, R. Through the eye of needle: immigrants and enterprise in New York's garment trades / R. Waldinger. – New York – London : New York Univ. Press, 1986. – 122 s.
20. Мукомель, В. Миграционная политика России: постсоветские контексты / В. Мукомель. – М. : ИС РАН, 2005. – С. 217.
21. Никитина, И. Н. К вопросу о понятии социальной адаптации / И. Н. Никитина // Вопросы теории и методов социологических исследований (по материалам науч.-теор. конф.). – М., 1980. – Вып. 3. – С. 57.
22. Левин, З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М. : Ин-т востоковедения РАН: Крофт+, 2001. – 170 с.

Аветян Наринэ Сумбатовна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Narine Avetyan,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: narina.avetyan@mail.ru

SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS TO A FOREIGN CULTURAL ENVIRONMENT: MECHANISMS AND STRATEGIES

In today's world migration processes acquire global dimensions, thus, the problem of social adaptation of migrants seems to be one of the most important and complex issues that require quick and correct decisions. The problem of integration of migrants into the new society and for them to establish social contacts is not only a problem of the migrants themselves, but also that of the host society and must be solved taking into account the needs of both the host country and the migrants themselves.

The article analyzes the problems of social adaptation of migrants to the new cultural environment. Adaptation strategies, tools and ways of solving the problems of adaptation are considered. The issue of conservation and transformation of ethnic identity of diasporas is dealt with. The author aims at examining the scientific approaches to the study of social adaptation of migrants concept in today's society. Particular attention is paid to the design of policies and migrant identity mechanisms that determine the degree of preparedness and adaptation processes influencing the choice of adaptation strategies in the new cultural environment. The relevance of this study is to examine the social adaptation of migrants in the light of sociology, its role in the socio-political and economic life of the hosting State and the historical homeland, as well as to identify the characteristics of the transformation processes, which the migrants have undergone since their migration.

Keywords: adaptation, social adaptation, diaspora, ethnic identity, hosting society.

УДК 316.42

Т. А. Богуш, Н. Л. Мысливец

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: АНАЛИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Одним из наиболее эффективных исследовательских методов, обеспечивающих возможность получения достоверной эмпирической информации относительно состояния и динамики исторической памяти различных социально-демографических групп населения, служит анализ нарративов. На основе использования данного метода авторы статьи предприняли попытку выявить и описать содержательные особенности исторической памяти студентов о событиях Великой Отечественной войны. Значимость обращения к изучению указанного феномена обусловлена рядом обстоятельств. Одним из определяющих, на наш взгляд, является современный общественно-политический контекст, в фокусе которого находятся проблемы преемственности поколений, формирования у молодежи гражданственности и патриотизма.

Ключевые слова: историческая память, нарратив, Великая Отечественная война, поколения, прошлое, студенческая молодежь.

За несколько последних десятилетий память о прошлом, его различные прочтения и интерпретации стали неотъемлемым компонентом современного политического дискурса, полем информационных

сражений, превратились в один из важнейших объектов политики. Стремясь переписать историю в выгодном для себя свете, многие современные политики постоянно активизируют «опцию памяти»: ссылаются на различные события прошлого, создают специальные законы, «играют» с коллективной и индивидуальной памятью, используя их как оружие против своих врагов и как средство достижения собственных целей в международных делах. Причем делают они это зачастую вопреки исторической правде, логике и здравому смыслу.

Одним из самых значимых для белорусского народа событий прошлого является Великая Отечественная война. Память о войне – это память о наших предках, их подвиге и героизме, патриотизме и нравственности. Ее искажение или забвение – прямая угроза не только суверенитету и будущему Беларуси, но и будущему всего человечества.

Поколение людей, которые принимали непосредственное участие в Великой Отечественной войне, к настоящему времени в основной своей массе уже ушло из жизни. По данным Министерства труда и социальной защиты населения на 1 апреля 2021 г. общая численность проживающих в Беларуси ветеранов войны и граждан, пострадавших в годы войны, составляла 3337 человек. Из них непосредственными участниками и инвалидами являются 1887 человек [1]. Фактически, именно эти люди – последние хранители и носители живой памяти о войне, которая выступает не только в качестве важнейшего объекта научного исследования, но и представляет собой важнейший фактор нашей национальной идентичности, служит одним из гарантов сохранения нашей государственности и суверенитета.

В исторической памяти о войне теснейшим образом переплетаются две составляющие. Во-первых, это «живая» событийная память ее непосредственных участников и очевидцев. Ее составляют индивидуальные и семейные истории тех, кто сражался на фронте, в партизанских отрядах и в подполье, трудился в тылу. Это не только сухое изложение фактов и событий, это эмоциональное, личностное переживание военного прошлого в преломлении на судьбы конкретных людей и конкретных семей.

Необходимо констатировать тот факт, что такой подлинно живой памяти о войне с каждым днем становится все меньше и меньше. Во-вторых, это обобщенная реконструированная память, где факты и события представлены в более осмысленной, упорядоченной, систематизированной форме: в учебной и научной литературе, в документальных фильмах, телевизионных передачах и др.

Память о Великой Отечественной войне и об одержанной советским народом героической победе над фашизмом является одним из важнейших элементов самосознания современных белорусов. Однако с течением времени, с уходом из жизни поколения участников и очевидцев такая память претерпевает изменения, что открывает простор для манипуляций и спекуляций. В ситуации не прекращающихся попыток переписать историю ради сиюминутной выгоды или достижения собственных политических интересов принципиально важно не допустить стирания исторической памяти народа об одном из величайших событий XX века и донести неискаженные воспоминания о тех страшных годах до современной молодежи, до каждого нового поколения белорусов. От того, какое место в их сознании займет память о героическом подвиге нашего народа, во многом зависит будущее страны.

С целью изучения особенностей формирования исторической памяти студенческой молодежи кафедра социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы в апреле 2021 года провела ряд интервью со студентами дневной формы обучения различных курсов университета. Данный опрос был проведен в рамках темы НИР «Отечественная война как конструкт формирования исторической памяти в современных социальных реалиях» (№ госрегистрации: 20212101), выполненной в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы.

В ходе исследования студентам было предложено написать развернутые ответы на подготовленные для реализации исследовательских целей вопросы, общий перечень которых составил 13 позиций. Респонденты могли выбрать из всего перечня вопросов наиболее интересные и значимые непосредственно для каждого из них. На основе высказанных студентами мнений и суждений мы попытались выявить и описать особенности их исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, степень интереса к событиям войны, определить уровень знаний важных дат и событий, оценить отношение к героическому прошлому нашего народа.

В исследовании приняли участие 125 студентов естественнонаучных, технических и гуманитарных специальностей различных факультетов ГрГУ имени Янки Купалы. Количество студентов и процентное преобразование выбранных ими вопросов представлено в следующей таблице.

Таблица 1 – Вопросы интервью и распределение количества ответивших на каждый вопрос

Вопросы	Количество ответивших / % от общего количества всех ответивших на данный вопрос
1. Как Вы воспринимаете Вторую мировую и Великую Отечественную войны? Каково Ваше отношение к ним?	36 / 28,8 %
2. Участвовали ли Вы в мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне? Как считаете, нужно ли их проводить?	30 / 24 %
3. Из каких источников Вы узнавали о событиях, происходивших во время войны?	28 / 22,4 %
4. За что, по Вашему мнению, сражались советские люди во время войны?	24 / 19,2 %
5. Какие факторы, на Ваш взгляд, стали причиной Победы СССР в Великой Отечественной войне?	24 / 19,2 %
6. Кого из героев войны Вы могли бы назвать? Что Вам известно об их подвигах?	21 / 16,8 %
7. Читаете ли вы книги, статьи, смотрите ли фильмы о войне? Назовите наиболее понравившиеся или запомнившиеся Вам?	20 / 16 %
8. Если бы на нашу страну напали враги, Вы бы пошли ее защищать?	20 / 16 %
9. Интересуетесь ли Вы событиями, которые происходили во время Великой Отечественной войны? Чем вызван Ваш интерес?	19 / 15,2 %
10. Кто-нибудь из Ваших родных принимал участие в войне? Рассказывали ли они Вам об этом?	14 / 11,2 %
11. Как Вы относитесь к попыткам на Западе, Украине переписать историю Великой Отечественной войны?	13 / 10,4%
12. Как Вы относитесь к национал-социализму (нацизму) и попыткам его реабилитировать отдельными категориями людей? А также к сносу памятников советским воинам в европейских странах?	11 / 8,8 %
13. Какие страны, на Ваш взгляд, внесли наибольший вклад в разгром фашизма?	10 / 8,2 %

Наибольшее число респондентов (28,8 % всего массива опрошенных) выбрали в качестве заинтересовавшего их вопроса следующий: «Как Вы воспринимаете Вторую мировую и Великую Отечественную войны? Каково Ваше отношение к ним?». Такой выбор, как нам представляется, свидетельствует о стремлении не только понять и осмыслить указанные события, но и отразить собственное отношение к ним,

представив себя их участниками. Студентка 1 курса юридического факультета пишет: «Я отношусь к самому понятию «война» негативно, потому что это боль и потери... Война не щадит никого. Каждый человек потерял что-то или кого-то в те годы. Матери потеряли своих детей, дети потеряли своих родителей, кто-то потерял любовь, многие – жизнь. Я очень рада и благодарна, что родилась в мирное время. Надеюсь, что страдания и страшные года никогда не повторятся». Другая, противоположная, точка зрения, высказанная еще одним студентом 1 курса этого же факультета, выражена следующим образом: «Война – это часть нашей истории, безусловно. Но с каждым годом у меня складывается такое ощущение, что война – это единственная гордость, которая есть у нашего народа. Молодежь совершенно не интересуется этой темой. Реальность такова, что прошлое и остается там... Мой прадед воевал, число его медалей превышает 40 штук. Но он не мог без слез вспоминать события тех лет. Для меня война – это не гордость, это огромная печаль и поражение».

Студенты интересуются событиями Великой Отечественной войны, однако такой интерес, чаще всего, проявляется лишь в ходе подготовки к урокам истории в школе, к занятиям по истории Беларуси в университете, а также в ходе посещения мест боевой славы, во время чтения соответствующих художественных произведений, научной литературы, во время просмотра кинофильмов и в некоторых иных случаях. Все вышеизложенное выступает одновременно и в качестве источников информации, откуда студенты узнают о событиях, происходивших во время Великой Отечественной войны.

Лишь 11,2 % опрошенных выбрали для собственных рассуждений вопрос «Кто-нибудь из Ваших родных принимал участие в войне? Рассказывали ли они Вам об этом?». Ответы респондентов свидетельствуют о том, что воспоминания непосредственных участников войны, являясь первоисточниками по своей сути, доходят до сознания современных юношей и девушек уже в качестве вторичного источника. Они транслируются в том виде, в котором их доносят родители, дедушки и бабушки студентов, которые слышали об этом в свою очередь непосредственно от самих участников войны. Передаваемая таким образом информация является уже как минимум вторичной. Она вызывает интерес и уважительное отношение к ней, но такое отношение диктуется, скорее, познавательными мотивами со стороны детей и подростков, здоровым любопытством, но не сопровождается какими-либо личностными переживаниями, эмоциями, чувством сопричастности к тем событиям и временам.

Студенты хорошо понимают, что именно Советский Союз внес наибольший вклад в разгром фашизма. Об этом свидетельствуют ответы на соответствующий вопрос. В гораздо меньшей степени они осведомлены о героях Великой Отечественной войны, об их подвигах и наградах, о конкретных примерах мужества и стойкости.

Студенты активно участвуют в различных мероприятиях, посвященных истории Великой Отечественной войны, празднованию юбилейных дат, в проведении торжественных мероприятий и отмечают их необходимость и высокий уровень организации, что, безусловно, способствует поддержанию интереса к указанным событиям. 24 % опрошенных выбрали данный вопрос для ответа. В качестве подтверждения приведем ответ студентки 4 курса педагогического факультета: «На мой взгляд, проведение таких мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне, необходимо. «Новое поколение» забывает об этом и перестает любить свою Беларусь, они забывают, какие сильные люди живут на нашей земле. К сожалению, людей, которые совершали героические поступки, осталось не так много и пока есть такая возможность встретиться с ними и услышать про события того времени...»

Вызывает тревогу тот факт, что принимавшие участие в опросе студенты достаточно индифферентно относятся к попыткам переписать историю Великой Отечественной войны, о чем свидетельствует содержание их ответов на данный вопрос. Лишь 8,8 % опрошенных высказали свое негативное отношение к нацизму. И здесь не может служить оправданием тот факт, что речь идет о событиях, достаточно отдаленных от дня сегодняшнего, как и факт практически полного отсутствия прямых свидетелей тех событий. Поскольку следствием такого отношения является формирование и укрепление позиции «без нас разберутся». Очевидно, что на фоне акцентуации данной проблемы в современном общественно-политическом контексте следует обратить на данный вопрос более пристальное внимание и при организации образовательного процесса в учреждениях образования.

16 % опрошенных студентов выбрали для ответа вопрос о вероятности собственного участия в защите Родины в случае новой войны, если в этом будет необходимость. Большинство предполагает, что необходимости в защите Родины не будет. Вот наиболее типичный ответ студента факультета истории, коммуникации и туризма: «Если бы вдруг повторилась война и кровопролития, я считаю, что мы – белорусский народ, бесспорно, встали бы на защиту своей Родины». Вместе с тем о готовности принимать личное участие и с оружием в

руках защищать Беларусь студенты практически не заявляют, считая это функцией Вооруженных Сил, которые непосредственно подготовлены для решения таких задач.

Историческая память современной молодежи – сложная, динамичная система, формирующаяся в условиях нарастающих темпов социокультурных трансформаций, расширения информационных потоков, изменения социальных настроений и образа жизни, плюрализма мнений и ценностных систем. Наряду с такими традиционными институтами памяти как семья, система образования, музеи и библиотеки, художественная и научная литература, кинематограф, все более значимую роль в ее формировании играет современная цифровая среда.

Нынешнее подрастающее поколение – это поколение активных пользователей социальных сетей, мессенджеров, интернет-каналов и всевозможных чатов. Они связаны миллионами информационных нитей со всем миром и буквально перенасыщены разного рода информацией. Быстро взрослеют и ценят личную свободу, любознательны и открыты всему новому.

Наряду с этим, их наиболее характерными чертами являются социальная и персональная закрытость и индивидуализм, установка на достижение личного успеха и высокий уровень мобильности, ярко выраженные прагматизм и рационализм во взаимоотношениях со всеми окружающими.

Общение в виртуальном пространстве, где одновременно в коммуникации могут пребывать десятки, сотни, тысячи людей, часто сочетается с одиночеством перед монитором компьютера, экраном смартфона или другого гаджета.

Складывающиеся в связи с этим паттерны мышления, поведения и деятельности существенным образом отличаются от традиционных и вследствие этого требуют глубокого научного изучения и понимания с целью возможного использования полученных знаний при организации образовательного процесса и проведении воспитательно-патриотической работы.

Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне – это не только память о героических событиях прошлого. Это ценностные ориентиры, способствующие формированию и укреплению патриотизма и гражданского самосознания нации в настоящем и будущем, это мощный консолидирующий фактор общественного развития, роль которого в современных условиях неимоверно возрастает.

Отношение к Победе у современной молодежи разное. Здесь и ярко выраженное восхищение, и гордость за своих предков, за нашу страну, за одержанную народами СССР великую Победу над фашизмом. Присутствует и удивление, и даже непонимание, как их ровесники в годы войны смогли преодолеть все тяготы и страдания. У определенной части молодежи присутствует и безразличие, выражающееся в том, что они ничего не знают о своей семье в годы войны, плохо знают историю и не ориентируются в событиях прошлого, не способны выразить свое мнение и дать однозначные оценки произошедшему. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, несмотря на все информационные кампании, искажающие историю, на все противоречивые реалии современного цифрового общества в сознании студенческой молодежи преобладает уважительное отношение к прошлому нашей страны, патриотичное восприятие событий Великой Отечественной войны, присутствуют выраженные гражданственность и патриотизм.

Список литературы

1. Численность ветеранов Великой Отечественной войны, граждан, пострадавших в годы Великой Отечественной войны, проживающих в Республике Беларусь (на 01.04.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/Chislennost-veteranov-VOV-i-postradavshix-na-01.04.2021.pdf. – Дата доступа: 11.09.2021.

Богущ Татьяна Александровна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Мысливец Николай Леонтьевич, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Tatsiana Bogush,

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: tatsiana.bohushgrodno@gmail.com

Mikalay Myslivets,

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: n.myslivets@gmail.com

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: ANALYSIS OF STUDENTS' NARRATIVES

The article describes some meaningful features of historical memory of modern youth about the events of the Great Patriotic war. The article shows the level of interest to war events. The article describes the attitude towards the heroic past of the Belarussian people. The work was carried out on the basis of the analysis of narrative interviews, conducted with students.

Keywords: historical memory, narrative, Great Patriotic war, generations, past, student youth.

АРМЯНЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Представлена социально-демографическая характеристика армян Гродненской области по результатам переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Особое внимание уделяется сохранению родного языка как важнейшего фактора этнокультурной самоидентификации. Сделан вывод, что в настоящее время происходит интеграция армян в белорусское общество – с одной стороны, сохранение и воспроизводство собственной культурной самобытности в условиях иноэтничной внешней среды – с другой.

Ключевые слова: армянская этническая группа, западный регион Беларуси, демографические характеристики, этническая самоидентификация.

Современное развитие Республики Беларусь как суверенного государства актуализирует проблему межэтнических отношений и определения приоритетов государственной этнокультурной политики с позиций признания ценности национальных культур и необходимости их сохранения в сочетании со стратегической задачей укрепления целостности и интегрированности белорусского общества. В этом плане несомненный научный и практический интерес представляет опыт длительного проживания армянской этнической группы в условиях этнокультурного пограничья Гродненского региона как наиболее вариативного с точки зрения его национальной и конфессиональной структуры.

Точных статистических сведений об армянах на территории Гродненской губернии до Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. нет. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. дают представление о языковой ситуации этнических общностей северо-западных губерний, в том числе в границах территории современной Гродненской области как базового объекта исследовательского анализа. Согласно переписи населения 1897 г. в Гродненской губернии проживало 54 лица, указавшие армянский язык в качестве родного, из них 21 женщина и 33 мужчин [1].

В иерархии факторов этнической самоидентификации жителей Гродненской губернии наряду с родным языком важное место занимала конфессиональная принадлежность. На момент переписи 1897 г. в Гродненской губернии проживали представители двух армянских конфессий: последователи Армянской апостольской церкви (26 человек, из них 17 мужчин и 9 женщин) и верующие Армянской католической церкви (33 человека, из них 15 мужчин и 18 женщин). Всего 59 человек. В г. Гродно проживали 2 армян-григорианцев. По уездам Гродненской губернии армяне были распределены неравномерно. В Гродненском

уезде насчитывалось 6 армян-католиков, в Брестском уезде – соответственно 8 и 1 чел. В Кобринском уезде – 7 армян-григорианцев, в Пружанском – 6 чел. соответственно. Армяне-католики были представлены в Брестском и Белостокском уездах по 1 чел., Слонимском (2 чел.), Волковыском (4 чел.), Пружанском (4 чел.), Бельском (11 чел.) уездах [2, с. 100]. Причем чем ближе к этническим польским территориям, тем больше армян исповедовали католическую веру.

Следует отметить, что признак «родной язык» фактически являлся показателем «грамотности», которая выявлялась путем постановки вопроса об умении читать по-русски, или на других языках при неспособности респондента читать на русском языке. Вот почему в материалах переписи 1897 г. численность армянского населения по «родному языку» на 5 человек меньше в сравнении с количеством армян, определяемых по конфессиональной принадлежности.

Сегодня армяне – наиболее крупная этническая группа народов Кавказа, проживающая в Гродненской области и в целом в Республике Беларусь. С 1970 г. по 2019 гг. численность армян в Гродненской области выросла более чем в 5 раз, особенно активным (более чем в 2 раза) этот рост наблюдался в последнее десятилетие XX в. Если в конце 1970-х – начале 1980-х гг. увеличение численности армянского населения можно объяснить экономическими причинами (трудовая миграция), то в конце 1980-х – 1990-е гг. миграция армян в Беларусь приобрела вынужденный характер, что было обусловлено природными катастрофами (землетрясение 1988 г.) и острыми социально-политическими и национальными конфликтами на Кавказе (Нагорный Карабах). В первое десятилетие XXI в. наблюдался отток армян из области в другие области или за пределы страны (см. табл.1) [3, с. 4; 4, с. 8, 9, 16]. Эта тенденция характерна и для республики в целом.

Таблица 1 – Динамика численности армянского населения Гродненской области и Республики Беларусь

Год переписи	Численность армяне населения (чел.)	В % к численности населения области	Динамика в абсолютных значениях (чел.)	В целом по РБ	Доля (%) к общей численности населения РБ
1897	54				
1959	-	-	-	1 751	0,0
1970	193	0,0	+193	2 362	0,0
1979	191	0,0	- 2	2 751	0,0
1989	461	0,0	+ 270	4 933	0,0
1999	1 049	0,1	+588	10 191	0,1
2009	905	0,1	- 144	8 512	0,1
2019	1 088	0,1	+183	9 392	0,1

Сравнительный анализ переписей населения Республики Беларусь 2009 и 2019 гг. свидетельствует, что численность армянского населения Гродненской области возросла на 183 чел. (8,7%), их доля в общей численности населения области по-прежнему составляет 0,1%, как и в целом по стране [3, с. 4, 7].

О привлекательности Гродненской области для представителей армянской диаспоры в Республике Беларусь свидетельствуют следующие данные. В г. Минске проживают 2509 чел., в Минской области – 1895 чел., в Гродненской – 1088 чел., в Брестской – 1017 чел., в Могилевской – 977 чел., в Гомельской – 966 чел., в Витебской – 940 чел. [3, с. 7]. Таким образом, Гродненская область занимает 2 место среди областей по численности армянского населения. Здесь проживает 11,6% всех армян Беларуси.

Характерной демографической чертой в структуре армянской этнической группы Беларуси является преобладание городского населения (6 930 чел. или 73,8%). Армян, проживающих в сельской местности, насчитывается 2 462 армян (26,2%) [3, с. 5–6]. В Гродненской области армяне остаются преимущественно городскими жителями (770 чел., или 70,8%), в сельской местности проживают 318 чел. (29,2%) (т. е. в 2,4 раза меньше), что в значительной мере обусловлено их профессиональной деятельностью (см. табл. 2) [4, с. 34, 48; 5, с. 5–6].

Таблица 2 – Динамика городского и сельского населения армянской диаспоры Гродненской области (чел.)

Место проживания	Годы						Динамика, чел. 2019 к 2009
	1970	1979	1989	1999	2009	2019	
Городское население	149	208	372	744	624	770	+146
Сельское население	44	23	89	305	281	318	+37

Важное место в демографических процессах принадлежит половозрастной структуре населения, которая является результатом эволюции режима возобновления населения в прошлом и одновременно определяет тенденции будущего демографического развития. В общей структуре армянского населения Гродненской области по-прежнему растет удельный вес мужчин – 781 чел. (в 2009 г. – 550 чел.) или 71,8% от общего числа гродненских армян и 0,2% к общей численности мужчин области. Одновременно снижается удельный вес женщин-армянок. В 2019 г. их насчитывается 307 чел. (в 2009 г. – 355 чел.) или 0,1% к общей численности женщин (см. табл. 3) [4, с. 62; 5, с. 10].

Таблица 3 – Динамика состава представителей армянской национальной диаспоры по половой принадлежности в Гродненской области (чел.)

	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Мужчины	136	124	285	620	550	781
Женщины	57	67	176	429	355	307

Аналогичная тенденция наблюдается в целом по республике. Если в 2009 г. мужчин-армян насчитывалось 5013 чел., что составляло 53,4 % всех белорусских армян и 0,1 % к общей численности мужчин Беларуси, то в 2019 г. их насчитывалось 6725 чел. (71,6 %) и 0,2 % соответственно [3, с. 10].

Такая половая диспропорция обусловлена преимущественной миграцией в Беларусь мужского населения армянской национальности. Данная тенденция связана с особенностью традиционного уклада жизни армян, когда во главе семьи стоял отец, обеспечивавший материальное благополучие семьи. Поэтому в миграционных потоках доминирует численность мужчин, в подавляющем большинстве в возрасте 20–35 лет (намного реже выезжают те, кому 45–50 лет, а также юноши 16–18 лет).

Как подтверждение активных миграционных процессов и демографического развития армян Гродненской области выступает возрастная структура. Среди армянского населения преобладают лица трудоспособного возраста – 695 чел. (63,9 %). Моложе трудоспособного возраста – 205 чел. (18,8 %), старше трудоспособного возраста – 188 чел. (17,3 %) (см. табл. 4) [3, с. 18].

Таблица 4 – Распределение армянского населения Гродненской области по возрастным группам (2019 г.)

Всего (чел.)	В том числе в возрасте (чел.)			В общей численности армянского населения – население в возрасте, %		
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
Все население						
1088	205	695	188	18,8	63,9	17,3
Городское население						
770	152	495	123	19,7	64,3	16,0
Сельское население						
318	53	200	65	16,7	62,9	20,4

Стоит отметить, что эти показатели несколько отличаются от республиканских. В общей численности армянского населения Беларуси они соответственно составляют 67,0 %, 16,2 % и 16,8 % [3, с. 17]. В целом, половозрастной показатель дает основание полагать об успешной адаптации армян в принимающем сообществе.

Одной из важнейших характеристик жизненного уклада гродненских армян и важнейшей частью традиционной культуры армянского народа является отношение к браку. Для армянского народа в целом и для представителей армянской диаспоры в Гродненской области характерно сохранение уважительного отношения к семье и к браку (см. табл. 5).

Таблица 5 – Динамика армянского населения Гродненской области в возрасте 15 лет и старше по состоянию в браке (чел.)

Год	Всего в возрасте 15 лет и старше	никогда не состояли в браке	состоят в браке	Из них			
				в том числе		вдовые	разведенные, разошедшиеся
		в зарегистрированном браке, в незарегистрированных отношениях					
2009	796	167	538	492	46	40	51
2019	892	161	615	615		49	67

За 10 межпереписных лет (2009–2019 гг.) численность гродненских армян, состоящих в браке, по сравнению с 2009 г. увеличилась на 1,5 % и составила 69 %. Одновременно снизилась численность лиц, никогда не состоявших в браке, с 20,9 % в 2009 г. до 18 % в 2019 г. Вырос процент разведенных (7,5 %), по сравнению с 2009 г. (6,4 %) [5, с. 18]. Среди городских жителей никогда не состояли в браке 18,7 % гродненских армян, состояли в браке – 69 %, разведены, разошедшиеся – 7,3 %.

Для сравнения: в 2019 г. из общей численность армян в возрасте 15 лет и старше, проживающих в Республике Беларусь (7947 чел.), 4590 чел. (57,8 %) состояли в браке, никогда не состояли в браке – 1387 чел. (17,5 %), разведенные, разошедшиеся – 623 чел. (7,8 %) [3, с. 20].

Тем не менее, приведенные данные свидетельствуют о том, что армяне по-прежнему сохраняют присущие им традиционный уклад жизни, в котором высоко ценится понятие семьи и брака.

Количественные параметры армянского населения Гродненского региона, выражающие его специфику, уместно дополнить их качественными характеристиками. Образовательный уровень среди армян Гродненской области всегда был достаточно высоким (см. табл. 6).

Таблица 6 – Динамика армянского населения Гродненской области по уровню образования (чел.)

Год	Всего (в возрасте 10 лет и старше)	После- вузов- ское	Выс- шее	Среднее специаль- ное	Профес- сио- нально- техни- ческое	Общее		Началь- ное
						Сред- нее	Базо- вое	
2009	838	-	183	197	72	268	54	56
2019	954	3	222	250	172	204	32	62

Если в 2009 г. процент лиц с высшим образованием составлял 21,8 % от общей численности армянского населения в возрасте 10 лет и старше, то в 2019 г. он составил 23,2 %. Вырос процент лиц со средним специальным образованием – от 23,5 % в 2009 до 26,2 % в 2019 г., а также с профессионально-техническим образованием – от 8,5 % до 18 % соответственно.

Причем в трудоспособном возрасте 18,9 % армян имеют высшее образование, среднее специальное – 17,8 %, профессионально-техническое – 16,4 % от общей численности представителей армянской диаспоры в Гродненской области [5, с. 24]. В общереспубликанском разрезе эти показатели выглядят следующим образом. 27,4 % армян имеют высшее образование, среднее специальное – 22,3 %, профессионально-техническое – 15,6 % [3, с. 24]. В целом, армяне предпочитают получать среднее специальное и профессионально-техническое образование.

В системе этнической идентификации жителей Гродненской области важным фактором является национальный язык. Материалы переписи 2019 г. свидетельствуют, что 62,5 % представителей армянской диаспоры считают армянский язык своим родным языком. Армянский язык, таким образом, выступает в качестве национального символа, средства репрезентации национальной идентичности, что является выражением особенности и жизнеспособности армянского народа и остается фактором его культурной преемственности.

Для сохранения национальной идентичности весьма важным является тот факт, что в Гродненской области за период с 2009 по 2019 гг. в целом значительно снизился удельный вес армян, указавших в качестве родного языка русский и белорусский языки, прежде всего среди городского населения. Среди сельских жителей % армян, указавших белорусский язык в качестве родного языка, несколько вырос, что, по-видимому, обусловлено белорусско-язычным окружением (см. табл. 7) [7, с. 49–51; 8].

Таблица 7 – Динамика численности армянского населения Гродненской области по родному языку

Год переписи	Всего, чел.	Из общей численности населения данной национальности в качестве родного языка указали язык, чел / %					
		своей национальности		белорусский		русский	
		чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %
2009	905	424	46,9	38	4,2	429	47,4
2019	1088	680	62,5	35	3,2	362	33,3
Городское население							
2009	624	239	38,3	23	3,7	351	56,3
2019	770	456	59,2	17	2,2	287	37,3
Сельское							
2009	281	185	65,8	15	5,3	78	27,8
2019	318	224	70,4	18	5,7	75	23,6

Однако большинство представителей армянской диаспоры (82,2 %) предпочитают разговаривать дома на русском языке (для сравнения: в 2009 г. – 75,4 %). Языковая ассимиляция касается, прежде всего, городских армян (88,1 %). Среди сельских жителей этот показатель составляет 67,9 % (см. таблицу 8) [4, с. 359, 367, 374; 7, с. 53].

Таблица 8 – Распределение армянского населения Гродненской области по языку, на котором обычно разговаривают дома

Год	Всего (чел.)	Из общей численности армян в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали язык					
		своей национальности		белорусский		Русский	
		чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %
2009	905	154	17	38	4,2	683	75,5
2019	1088	162	14,5	29	2,7	895	82,3
Городское население							
2009	624	63	10,0	8	1,3	540	86,5
2019	770	90	11,7	1	0,1	679	88,2
Сельское							
2009	281	91	32,4	30	10,7	143	50,9
2019	318	72	22,6	28	8,8	216	67,9

Языковая ассимиляция характерна для представителей армянской диаспоры в целом по стране. Из общей численности армян Беларуси в качестве родного языка указали язык своей национальности 55,8 %, белорусский язык – 2,5 %, русский – 39,7 % [6, с. 37]. На армянском языке обычно разговаривают дома 18,2 % армян Беларуси, на

белорусском – 1,6 %, на русском – 79,3 % [6, с. 41]. Как видно, в условиях иноэтнического окружения абсолютное большинство армянских респондентов использует русский язык во всех сферах общественной и личной жизни.

Таким образом, языковая ситуация, которая сложилась в армянской среде Гродненской области, достаточно сложная и неоднозначная. Принимая за основу самоидентификации фактор родного языка и характеризуя языковую принадлежность армян, правомерно выделение двух основных категорий: армяноязычный армянин и русскоязычный армянин. В своем большинстве армяне (прежде всего молодежь), как и другие этнические группы региона, являются билингвами с тенденцией к трансформированию в мультилингварность, что обеспечивает их естественное вхождение в поликультурное пространство Гродненской области и межкультурные взаимоотношения с соседями – не армянами. При этом русскоязычный армянин сохраняет свою идентичность, которая приобретает глубинные основания (роль семьи, традиционный уклад жизни и быта, сохранение армянских традиций и законов).

Таким образом, в настоящее время происходит двусторонний социальный процесс: активная ассимиляция армян с народами-соседями, проживающими на территории Гродненской области, интеграция армян в белорусское общество – с одной стороны, сохранение и воспроизводство собственной культурной самобытности в условиях иноэтнической внешней среды – с другой.

Список литературы

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1905. – Т. II : Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=39. – Дата доступа: 24.01.2021.
2. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 26 с. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18089/. – Дата доступа: 23.11.2020.
3. Национальный состав населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Т. 3 / под ред. В. И. Зиновского. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 323 с.
4. Национальный состав Гродненской области. Статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Гродно, 2020. – 25 с. – Режим доступа: https://grodno.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_bulletin/index_18101/. – Дата доступа: 27.11.2020.
5. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень [Электронный ресурс] /

Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 55 с. – Режим доступа: https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_17853/. – Дата доступа: 21.01.2021.

6. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Гродненской области. Статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Гродно, 2020. – 72 с. – Режим доступа: https://grodno.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_bulletin/index_18101/. – Дата доступа: 28.11.2020.

7. Перепись населения Республики Беларусь. Население по национальности и родному языку. Гродненская область. Таблица 5.8 [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-4.pdf. – Дата доступа: 28.11.2020.

Улейчик Наталья Леонидовна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

Natallia Uleichyk,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: un161@mail.ru

ARMENIANS IN SOCIAL SPACE OF BELARUSIAN-POLISH-LITHUANIAN BORDERLAND

The article presents the socio-demographic characteristics of the Armenians of the Grodno region based on the results of the 2019 census of the Republic of Belarus. Particular attention is paid to the preservation of the native language as the most important factor of ethno-cultural self-identification. The conclusion is made that a two-sided social process is currently taking place: active assimilation of Armenians with neighboring peoples living in the Grodno region, integration of Armenians into Belarusian society – on the one hand, and the preservation and reproduction of their own cultural identity in the conditions of a polyethnic environment – on the other.

Keywords: Armenian ethnic group, Western region of Belarus, demographic characteristics, ethnic self-identification.

УДК 316.423:316.77

А. Г. Устюгова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Рассматриваются актуальное состояние социальных движений, их новые черты и возможности, обусловленные развитием современных средств коммуникации и цифрового пространства. Показано значение политического контента для расширения сферы коммуникации в рамках социальных движений, новые функции участников социальных сетей, роль инфоблогера и особенности лидерства, повышающие потенциал и результативность протестных выступлений.

Ключевые слова: социальные движения, коммуникация, сетевая активность, протестная культура, инфоброкер, автономное лидерство.

Глобализация и развитие информационного общества придали миру в целом и его политической составляющей новый облик, что привело к значительному изменению контекста современной политики. Трансформация активизма и протестной коммуникации особенно наглядно происходит в 2010-е годы, будучи связанной с взрывным развитием интернет-сетей. Распространение новых коммуникационных технологий ускорило эти перемены, поскольку они предоставляют широкие возможности для взаимодействия между людьми, профессиональными группами, союзами, объединениями путём интенсификации общения. Интернет стал важнейшим пространством для аккумуляции настроений протеста и играет сегодня роль альтернативного канала гражданской вовлеченности в функционирование политических процессов разного уровня. Политическая и гражданская активность наиболее успешно реализуется с помощью современных механизмов сетевой демократии. Сама модель функционирования сети выступает как новая форма коммуникации, что создаёт условия для появления и новой формы интернет-сетевого протеста. Так, его успешно использует движение альтерглобализма, осуществляя трансляцию социальных форумов и других практических мероприятий с онлайн-включением в формате потокового видео.

С появлением социальных медиа и новых цифровых каналов коммуникации массовые протесты во всём мире приобрели особую остроту и динамику, повысилась скорость реакции на политический вызов, распространения информации и мобилизации. Сетевые формы работы становятся необходимыми элементами социальной и политической мобилизации, придавая им интенсивность. Такие функции социальных сетей, как вовлечение, коммуникация и мобилизация выходят на первый план особенно в период выборных кампаний и обострения внутренних ситуаций.

Коммуникация через социальные сети служила мощным мобилизационным ресурсом для оппозиционных сил, свергнувших политические режимы в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене в период «арабской весны» 2011 г. Именно использование протестующими социальных сетей Facebook и Twitter обеспечило им существенное преимущество как в эффективности, так и в скорости политической мобилизации, и стало одним из факторов осуществления радикальных политических переворотов [1]. На примере событий в Египте особенно заметно значение политической коммуникации с помощью альтернативного телевидения («Аль-Джазира») и сетевых источников информации для достижения успеха. Только в Сирии возникла уникальная для арабских стран ситуация – правительственные структуры

сумели создать «Сирийскую электронную армию», активно действовавшую в сети Facebook и выстраивавшую проправительственный контронтент, что способствовало борьбе против оппозиционных сил и иному развитию гражданского конфликта. Руководство Сирии оказалось готовым к использованию роли интернета и социальных сетей в ходе развёртывания внутреннего конфликта, и эпицентр протестного движения сместился, в основном, на периферию [2, с. 32–33].

Примером успешного использования информационно-коммуникативных средств для распространения своей идеологии и вербовки сторонников является деятельность ИГИЛ. «Исламское государство» – первая террористическая организация, которая очень активно пользуется социальными сетями и мессенджерами (Twitter, Facebook, Instagram, WhatsApp и Telegram). Через систему продуманных хештегов она расширяет круг интернет-пользователей и обращается напрямую к молодёжи, успешно применяет свою централизованную информационную систему по производству контента для различных целей, в том числе для вербовки женщин и детей [3, с. 116–118].

Большое количество современных социальных движений возникает и развивается именно в online-пространстве. Оно является основной площадкой для создания ими своего политического контента. Он образует информационно-новостное поле, состоящее из точечных и конкретных сообщений, посредством которых взаимодействуют социально-политические участники публичной сферы. Накапливая социальный капитал в online-пространстве, они постепенно конвертируют его в off-line для реализации своих целей в виде действий, акций и деятельности. В связи с сетевой архитектурой online-пространства, деятельность современных социальных движений фиксируется и отражается в большом количестве сетевых данных.

Политический контент также способен трансформировать социально-политическую действительность, продуцируя события – сообщение или совокупность сообщений, способных изменить расстановку сил или интересов в обществе. Возникает принципиально новая форма коммуникации, существенно отличающаяся от классического протеста и активизма. Тем самым формируется модель современного гражданского участия, для которой характерны: стремление к фрагментации, желание граждан быть вовлечёнными в процесс принятия политических решений на микро-, макро- и мегауровне политической реальности посредством создания и использования альтернативных каналов влияния на политический процесс. Для этой стратегии прямого давления характерно «индивидуа-

лизированное» коллективное действие (при отсутствии коллективной идентичности).

Роль накопленного политического контента и значение его постоянного обновления прослеживается в истории развития движения «Women's March». Оно было создано в США на базе социальных платформ Facebook и Twitter в конце 2016 г. и сформировалось в международное движение уже в январе 2017 г. Широкую поддержку движение получило не только благодаря последовательному решению всех поставленных задач, но и потому, что его организаторы постоянно находят и включают в свою проблематику новые социальные проблемы. Это позволяет движению расширяться в разных странах и приобретать новых участников. В основном, это вопросы совершенствования законодательства и политики в области прав человека. В центре внимания активистов находятся права женщин и иммигрантов, реформа здравоохранения, вопросы расового неравенства, экология и права трудящихся и т. д. Именно работа с политическим контентом и постоянное привлечение внимания к движению через различные социальные платформы, блогеров, лидеров мнения, социальные медиа, СМИ, позволило движению «Women's March» перерасти форму одноразовой акции протеста и сформировать глобальную сеть акций и пакет своих задач.

Кроме «женских маршей» во всем мире движение организовало ряд интересных акций, поддерживающих его актуальность и востребованность. Среди них движения «#MeToo» с online-акцией / флешмоб участников движения (октябрь 2017), «Women's rights», связанное с правами и возможностями женщин, «Time's Up» (январь 2018), выступающее против сексуальных домогательств. Ключевой темой обсуждений в online-пространстве стал кластер «Women and Girls at the Forefront of Sustainable Development: protect, empower, invest» («Женщины и девочки в авангарде устойчивого развития: защита, расширение прав и возможностей, инвестиции»). Главным проектом движения стала проблема «Power to the Polls» с целью увеличения числа женщин-кандидатов на выборах всех уровней в США. Активная online-дискуссия была организована о деятельности коалиции «End Violence Against Women» («Прекращение насилия в отношении женщин»), которая проводит свои кампании по всему миру. Тематика проблемы «Job» связана с общими проблемами в сфере труда, занятости и рабочих мест и вполне может стать новой точкой роста всего движения «Women's March» [4, с. 143–155].

В настоящее время социальное движение «Women's March» остаётся устойчивой сетевой структурой благодаря организации активного

обсуждения и непосредственной коммуникации в online-пространстве, привлечению к этому знаменитостей мирового уровня и медийных персон и сохранению открытого характера своего сетевого сообщества. Широко и свободно организованная коммуникация по актуальным проблемам социальных групп в разных странах мира обеспечивает до сих пор возможность конвертации политического капитала этого сообщества из online-пространства в offline-пространство.

Особенностью сетевых социальных движений является отсутствие устойчивых связей и взаимодействия между членами этих сообществ, так как действия зарождаются в результате личной инициативы и объединяются стихийным образом. Однако умелое использование возможностей социального сообщества, интегрированного на определённой информационной платформе, позволяет оперативно получать актуальные идеи, осуществлять их развитие, используя коллективный разум всех участников движения. Это означает, что в сетевой структуре социального движения могут появиться новые проблемы для обсуждения (права мигрантов, права детей, запрет оружия), и состояться перенос социально-политической активности в offline-пространство. Технологически это делается с помощью гражданских приложений и привлечения к этому большого числа исполнителей, действующих на добровольной основе (трансляция социальных форумов и любых практических мероприятий с online-включением в формате потокового видео).

Согласно системно-коммуникационной теории сетевого протеста (от «запросов на контакт» к «запросам на трансляцию информации») меняется роль его участника – он выполняет в сети функцию транслятора информационных потоков и непрерывно стоит перед выбором: распространять информацию дальше или остановиться в её трансляции. Сейчас таких возможностей становится количественно больше и ситуации выбора невозможно избежать, поскольку сетевые запросы на контакт и на продолжение сетевого общения требуют постоянных откликов, решений, активности, принятия решения об отношении к полученной информации. Постепенно складывается специфическая протестная субкультура.

Источниками (триггерами) сетевой протестной коммуникации могут быть реакция на политические решения, экологическую ситуацию, страдания людей, связанные с их поражением в правах и др. Это особенно проявляется в странах, где для протестных выступлений есть социально-экономические предпосылки. При этом внутренние коммуникативные механизмы и процессы, программы и источники этой «сетевой энергии» остаются непрозрачными для политиков и граждан, не

входящих в эти сетевые сообщества. Визуализируются, как правило, лишь результаты сетевой активности, в основном в виде неожиданных девиаций, конфликтов, протестных акций, уклонения избирателей от участия в голосовании и т. д.

Трансформации активизма и новая коммуникативная практика протеста хорошо прослеживаются в развитии движений «Indignados» (Испания, 2011) и «Occupy Wall-Street» (США, 2011). Движение Indignados возникло в ответ на события «арабской весны», хотя фактически оно явилось и реакцией на антикризисные меры испанского правительства. Протест вызревал долго, самоорганизовывался снизу, постепенно объединяя на платформе Facebook и Twitter много блогов и форумов, кампаний и организаций. При этом в Испании наиболее распространено общение посредством Интернета и других средств коммуникаций. Таким путём вступают в общение 39 % испанцев, что на 11 п. п. превышает средний показатель по ЕС. Организатором общенационального выступления 15 мая стала платформа «Подлинная демократия теперь» (Democracia real ya), которая объединила в национальном масштабе целый ряд платформ и групп, выступавших с критикой существующей системы [5, с. 75–78]. Призыв к выступлению был моментально поддержан тысячами участников обсуждений и сотнями некоммерческих организаций («движение 15-М»).

Движение «Occupy Wall-Street» считается первым сетевым движением, качественно отличающимся от движений, имевших «несетевое происхождение» («Indignados»), поскольку в его быстрой консолидации особую роль сыграл импульс внутри сети. В этом проявилась роль новой сетевой фигуры – инфоброкера, который берет на себя функцию распространения информации и связывания локальных сообществ («Indignados» и «Occupy»). Координирующим институтом стал хакер-активист «Анонимус», взявший на себя функцию координации online-активности обоих сообществ.

Интенсивность распространения информации о несетевых акциях влияет на интенсивность протеста. В связи с этим возрастает значение инфоброкера с его функцией трансформации « сетевого напряжения ». Он находится в поиске « протестующих сообществ » и связывает их в сети, объединяет множество информационных каналов (группы студентов, активистов, волонтеров, группы по интересам и т. д.). Инфоброкер поддерживает протестное обсуждение и тем самым пробуждает « спящие связи », придавая сетевым и несетевым событиям больший вес и потенциал, обеспечивает распространение информации « сетевого возбуждения ». Своей деятельностью он усиливает сигнал и выстраивает « коммуникативные мосты » в пассивной массе участников протеста,

особенно на этапе затухания движения и в период репрессий, поддерживая состояние протеста во всегда готовом к пробуждению состоянии. Эта способность инфоброкера зависит не только от его авторитета в сети, но и от наличия у него «авторитетных друзей». Таким образом, масштаб акции зависит не столько от значимости самого несетевого события как причины для протеста, обсуждаемого в сети, сколько от внимания к нему и позиции конкретного сетевого инфоброкера. Сегодня инфоброкеры рассматриваются как новая социальная структура в виде индивидов или инстанций, которые соединяют не только online-сообщества, но и имеют вес в offline-структурах. Примером является особая роль канала «Аль-Джазира» как импульса в событиях «арабской весны» 2011 г., вещание которого распространялось практически на все страны арабского региона.

Новой чертой сетевых социальных движений является связь между виртуальными и физическими сетями. В развитии сетевых протестов аналитики устанавливают определённую общую схему. Сетевое объединение, являющееся следствием координирующих сообщений сетевых инфоброkers, приводит к спонтанной несетевой акции некоторой не критической массы участников сетевого протеста. Поскольку на такого рода акцию, как правило, регистрируется online больше, чем собирается прийти, эта спонтанная акция вызывает гипертрофированную силовую реакцию со стороны властей. Далее следует «сетевое возмущение» и обсуждение действий силовых органов, что приводит к резкому увеличению протестующих на улицах до критической массы, в результате чего полиция вынуждена реагировать локально. Основной алгоритм протестной коммуникации определяют следующим образом: «если протест представлен несетевым локальным событием, следует глобальный силовой ответ; если же как реакция на этот ответ – протест приобретает глобальный размах, следует локальный силовой ответ». Отсюда вытекает несложная реакция или требование: действуй локально на восходящей стадии протестной синусоиды; действуй глобально на нисходящей её стадии» [6, с. 106–107].

Особенность коммуникации в сети проявляется в стремлении участников современных социальных движений позиционировать себя как «безлидерные движения». Сетевые социальные движения являются горизонтальными формами организации, в которых лидерство принадлежит всем, поскольку каждый может быть лидером, а лидеры и участники в любой момент могут поменяться местами, при этом ни лидеры, ни участники не связаны друг с другом, но их объединяют общие идеалы и ответственность. Вместе с тем во всех движениях протеста отмечалось спонтанное выдвижение лидеров, организации или

структуры распределения обязанностей (события в Тунисе и Египте в 2011 г. и др.). При всей непрозрачности иерархии в политической online-коммуникации ни на каком этапе они не остаются безлидерными. При этом лидерство тщательно маскируется, упоминание лидеров акций является табу, каждый участник стремится не выглядеть лидером и выделяются те, кто ревностно наблюдает за тем, чтобы в движении их не возникло.

Однако в этих социальных движениях обнаруживается «автономное лидерство», которому свойственны спонтанность, автономность, взаимообусловленность существования, наличие сетей и аффекта [7, с. 53–56]. Участники пользуются возможностями интернета, который создаёт условия для массовой самопрезентации. Наиболее яркие блогеры высказываются о политических событиях и могут создать эмоциональный накал в массах и начать мобилизацию для уличных акций. В этом случае быстро появляется вертикальная организация с конкретной иерархией и лидерами (Россия, 2020). Один и тот же лидер может выступать в online-среде и выходить на площади, может управлять движениями и акциями удалённо, из других городов и даже стран (В. Гоним в Египте, 2011) [8]. Лидеры могут не иметь физического лица, пользоваться фейковой идентичностью, либо могут скрываться за «должностью» администратора сообщества. Под влиянием спонтанно возникшего лидера сетевого сообщества происходит переход массы от роли наблюдателя гражданских процессов к действиям offline.

Особенностью коммуникации в сетях является ощущение уникальности каждого участника и исключительной важности персонального участия. Поэтому сетевая активность лидеров пронизана сильным эмоциональным напряжением, которое передаётся массам, происходит «эмоциональная мобилизация» активистов и возникает «радость толпы», которая, начавшись в киберпространстве, продолжается на улицах. Использование эмоционального напряжения в сети возможно как в направлении позитивной мобилизации, так и в целях разжигания ненависти и поддержания негативно направленных эмоций.

Успех медиа-стратегии в мобилизации недовольных с помощью социальных сетей проявился в возникновении партии «Подemos» в Испании (Podemos), активисты которой активно себя позиционировали, правильно преподносили не только свои идеи, но и самих себя. «Подemos» приобрёл массового сторонника через YouTube-каналы (La Tuerka и Fort Apache), где лидер партии П. Иглесиас – университетский преподаватель, интеллеktуал, политический и социальный активист, активный пользователь сетей, получил харизму и стал лидером

мейнстрима. Медиа-реальность создала основу для «Подemos» – открытую электронную демократию, в рамках которой для принятия решений часто использовались интернет-голосования. Кроме того, лидеры протестного движения чётко формулировали свои идеи и, имея большой опыт уличных демонстраций, умело агитировали не только в виртуальном пространстве, находя общий язык с современным цифровым поколением избирателей. Заметную роль играл и тот факт, что многие из них являлись узнаваемыми медийными лицами, интернет-блоггерами, популярными колумнистами, ведущими и консультантами политических ток-шоу, умеющими выгодно преподнести себя публике [9].

С другой стороны, деструктивное использование коммуникации в социальных сетях и интернете было отмечено в Армении, Венесуэле, Грузии, Китае (Гонконг, «The Umbrella Revolution», 2014, 2019–2020), Украине (2014) и др. Использование IT-технологий как средства дестабилизации общественного порядка имело место в ходе выступлений «жёлтых жилетов» во Франции (Yellow Vest movement, 2018–2020), движений «Антифа» и «Жизни черных имеют значение» в США (Antifa, 2017–2020; Black Lives Matter, 2020), России (2020), Беларуси (2020) и ряде других стран [10–12]. В Германии благодаря широкому использованию социальных сетей и цифровых технологий активистами штутгартского движения против коронавирусных мер (август 2020) были организованы митинги и марши. Демонстранты получали актуальные инструкции и фейковые сведения по социальным сетям и довольно организованно двигались под лозунгами «Свобода», «Мы останемся здесь», «Мы – народ» [13].

В целом, социальные сети становятся инструментом глобального влияния на настроение масс. Так, только под влиянием движения «жёлтых жилетов» аналогичные акции прошли и в ряде стран – Великобритании, Индии, Ирландии, Италии, Канаде, Пакистане, Польше, Португалии, России, Сербии, Тайване и др.

Вместе с тем, протестный потенциал и расширение пространства для свободной коммуникации в интернете, а также его роль как инструмента горизонтальной самоорганизации общества все ещё остаётся под вопросом. Во-первых, события второй половины 2010-х годов показали, что несмотря на мобилирующий эффект коммуникации в сетевом пространстве, итог массовых социальных движений оказался половинчатым. Не произошло демократизации авторитарных режимов в странах Северной Африки и Турции, начались гражданские войны в Сирии, Ливии и Йемене, дестабилизирована внутривосточная ситуация в США и странах Европы.

Во-вторых, переход к созданию нового типа партий, возникших на волне подъема социальных и протестных движений, объединяющих в широкую коалицию различные традиционные левые организации, группы, профсоюзы, экологические и женские организации, не обеспечил решения проблем, ставших триггерами протестных движений. Самые яркие примеры – партии СИРИЗА (Греция) и «Подemos» (Испания), которые зарождались как стихийные объединения единомышленников в социальных сетях, привели к трансформации политических систем и стали ведущими партиями, получившими массовую поддержку.

Однако им сложно осуществлять кризисное управление своими странами, находящимися под давлением структур Европейского союза, и реализовывать программы тех социальных движений, на волне подъема которых они возникли.

В-третьих, часть левых активистов, сделавших ставку на продолжение давления силами социальных движений, достаточно быстро потеряла свою динамику в условиях возросшего государственного контроля за интернетом и мобильными коммуникациями. Многие из прежних активистов встроились в традиционные партии.

В-четвертых, осложнились отношения между социальными движениями и профсоюзами, поскольку совместное участие в конкретных протестных акциях сопровождается их конкуренцией и взаимным недоверием.

Произошло и дистанцирование социальных движений от традиционных политических партий как дискредитировавших себя неспособностью решать проблемы общества. Однако такая самостоятельность не сделала социальные движения более результативными. Напротив, изменилась коммуникативная связь граждан в протестных акциях – контакты и их участие становятся непостоянными, чередование периодов политической активности и пассивности превращается в норму.

Обоснованным выглядит утверждение, что можно «делать» революции с помощью Twitter, но нельзя с помощью Twitter управлять [14].

С распространением новых механизмов сетевой активности возрастает значение выявления и исследования связей между online-дискурсом и динамикой социальных движений в offline-пространстве. Это позволит своевременно оценивать потенциал новых форм социальных движений и обоснованно осуществлять социальное прогнозирование.

Список литературы

1. Панцерев, К. А. «Твиттерные революции» в странах Северной Африки – обратная сторона развития информационного общества / К. А. Панцерев // *Азия и Африка сегодня*. – 2016. – № 4. – С. 14–16.
2. Труевцев, К. «Арабская весна». Социальные сети: особый случай Сирии / К. Труевцев // *Азия и Африка сегодня*. – 2019. – № 12. – С. 30–33.
3. Рустамова, Л. Использование информационных методов борьбы террористической организацией ИГИЛ / Л. Рустамова // *Международная жизнь*. – 2019. – № 5. – С. 112–119.
4. Рябченко, Н. А. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 139–162.
5. Хенкин, С. Испания: современные тенденции массового протеста / С. Хенкин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – № 9. – С. 73–82.
6. Бараш, Р. Е. Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху / Р. Е. Бараш, А. Ю. Антоновский // *Вопросы философии*. – 2019. – № 7. – С. 99–110.
7. Никипорец-Такигава, Г. Ю. О лидерстве в сетевых социальных движениях [Электронный ресурс] / Г. Ю. Никипорец-Такигава // *PolitBook*. – 2016. – № 3. – С. 50–65. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-liderstve-v-setevyih-sotsialnyh-dvizheniyah/viewer>. – Дата доступа: 23.12.2020.
8. Гоним, В. Революция 2.0 : пер. с англ. Т. Даниловой. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2012. – 352 с.
9. Агрба, А. А. Протестная культура Испании в XXI веке на примере деятельности политической партии «Подemos» / А. А. Агрба // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2017. – № 4. – С. 171–178. – Режим доступа: https://concept.mgimo.ru/jour/article/view/75?locale=ru_ru. – Дата доступа: 21.04.2021.
10. Протесты «желтых жилетов» во Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir24.tv/topic/15610514>. – Дата доступа: 15.05.2021.
11. Прилуцкий В. В. Протестные движения в современной Америке (2009–2019) / В. В. Прилуцкий // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2019. – Т. 40, № 2. – С. 74–79.
12. Халлам, М. Что такое «антифа», которое хочет запретить Трамп [Электронный ресурс] / М. Халлам, М. Барановская. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3dJdM>. – Дата доступа: 22.03.2021.
13. Протесты в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/43160266/?frommail=1>. – Дата доступа: 30.08.2020.
14. Томин, Л. В. Роль социальных медиа и интернета в массовых протестах. По ту сторону технологического детерминизма [Электронный ресурс] / Л. В. Томин // *Политика, государство и право*. – 2016. – № 7. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2016/07/4019>. – Дата доступа: 11.09.2020.

Устюгова Анна Георгиевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Hanna Ustsiuhava,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: anna.ustiugova@mail.ru

COMMUNICATIVE PROCESSES IN THE STRUCTURE OF MODERN SOCIAL MOVEMENTS

The article examines the current state of social movements, their new features and opportunities, largely due to the development of modern means of communication and digital

space. The importance of political content for expanding the sphere of communication within social movements, new functions of social network participants, the role of the infoblogger, and leadership features that increase the potential and effectiveness of protest speeches are shown.

Keywords: social movements, communication, network activity, protest culture, infobroker, autonomous leadership.

УДК 316.34

С. С. Хударганова

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГЕНДЕРНОЙ СОЦИОЛОГИИ:
ТЕОРИЯ СТРУКТУРНОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА
И СТРУКТУРНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА**

Актуальность гендерных исследований обусловлена междисциплинарным характером и динамичностью современного гуманитарного знания. Рассматриваются подходы, в рамках которых они получили своё развитие: структурный функционализм, социальный конструктивизм, структурный конструктивизм. Акцентируется переход от традиционной модели общества к трансформации социальных норм и гендерных различий с последующим преодолением гендерного неравенства.

Ключевые слова: структурный функционализм, социальный конструктивизм, структурный конструктивизм, гендерные исследования, гендерная идентичность, гендерные роли.

В настоящее время область гендерных исследований в социологии, равно как в социальной философии, культурологии, лингвистике и других гуманитарных дисциплинах, – это сфера дебатов и критики, в силу своей междисциплинарности, но, тем не менее, интересная исследовательская субдисциплина, постоянно развивающаяся область научного знания.

Появление гендерных исследований сопряжено с развитием различных направлений феминизма – социально-политического движения против дискриминации женщин, а позднее, – против дискриминации по признаку пола – появившегося в европейском и американском обществе XIX–XX вв.

Ввиду того, что гендерные исследования являются западной реальией, в странах постсоветского пространства их появление в академической среде происходит позже на несколько десятилетий.

В основе исследований лежит критика социальной теории, в частности тех концепций, которые описывают поведение и различия между мужчинами и женщинами, мужественностью и женственностью с последующим переосмыслением сложившихся в социологии представлений о различиях полов.

Подходы, оказавшие влияние на эмпирические исследования в гендерной социологии, в условной последовательности обозначают как

1) полоролевою теорию (критически переосмысливающую идеи структурного функционализма),

2) социальный конструктивизм (феминистская критика гендера),

3) структурный конструктивизм (соотнесенный с объединительной парадигмой в социологии) [1, с. 25].

1. Под влиянием либерального феминизма и критического переосмысления структурного функционализма в середине XX века сформировался полоролевой подход, который позволил критически осмыслить неравенство как заданное половыми ролями и процессами социализации мужчин и женщин. Полоролевой подход стал первой теорией, объясняющей функционально обусловленное различие мужской и женской ролей в семье и обществе. Он позволил применить понятия социализации, ролей и статусов к интерпретации различий положения женщин и мужчин в обществе.

Первым крупным социологом-теоретиком, изучавшим социальные роли мужчин и женщин, понимаемые как половые роли, был Т. Парсонс. По мнению исследователя, интерпретации семьи, половых ролей и социализации исходят из понимания общества как стабильного и солидарного, в основе которого находится разделение труда и дифференциация социальных ролей, в том числе и тех, которые определяются по признаку пола.

Разделение ролей в семье обусловлено природными различиями и ранней социализацией мужчин и женщин. Дифференциация ролей, с точки зрения Парсонса, в ходе социального развития усиливается; становится особо значимой взаимодополняемость половых ролей. Отношения полов рассматриваются здесь в контексте института семьи.

Предметом исследования Парсонса является нуклеарная семья американского общества середины XX в., которую автор теории рассматривает как нормативную. Нуклеарная семья основана на браке, представляющем собой гетеросексуальный союз, т. е. союз мужчины и женщины. Семья – это первичная ячейка общества, которая выполняет две основные функции – социализации ребенка и стабилизации взрослого.

Под социализацией понимается усвоение ребенком культурных образцов общества, включая образцы поведения, характерные для представителей разных полов.

Стабилизация предполагает поддержание эмоционального равновесия личности благодаря отношениям между взрослыми членами семьи. Стабилизация особенно значима в нуклеарной семье индустриального

общества, которая относительно изолирована и не имеет поддержки со стороны других родственников. Под половой ролью понимают социальные ожидания в отношении поведения людей разного пола. В основе ожиданий лежат представления о биологических различиях мужчин и женщин [2].

Таким образом, через разделение труда, контроль социальных ролей и функциональную взаимосвязь элементов социальной системы достигается стабильность социального порядка. Через эту призму интерпретируется модель гетеросексуальной нуклеарной семьи как устойчивой социальной системы, интегрированной в общество. Социальная система, по Парсонсу, это устойчивый комплекс правил, норм, установок, регулирующий человеческое поведение и преобразующий его в систему ролей и статусов. Центральной идеей здесь выступает социальный порядок, при котором любая система стремится поддерживать равновесие, путем согласованности действия своих элементов. Семья и её связь с обществом организованы распределением ролей между мужем-добытчиком и женой, ответственной за домашнее хозяйство.

В данной концепции акцент был сделан на позитивной функции дифференциации половых ролей в семье: женщина выполняет экспрессивную роль в семье, а мужчина – инструментальную. Экспрессивная роль заключается в установлении внутреннего баланса в семье, это роль домохозяйки; инструментальная – в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика [3, р. 218–232].

В 1970-е гг. на смену концепту половых ролей постепенно приходит понятие «гендер», которое вносит терминологические инновации в данную область и приводит к смене парадигмы в гендерных исследованиях.

2. «Социальный конструктивизм» (феминистская критика гендера).

Социальный конструктивизм определяется в самом общем виде как «представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе» [4, р. 305].

Американский социолог П. Бергер и немецкий социолог Т. Лукман в середине 60-х годов поставили под сомнение господствующую американскую социологическую парадигму, определив её не только в рамках сферы теоретических концептов, но и как обыденное знание, т. е. весь тот запас навыков, опытов и стереотипов, которым оперирует человечество в мире повседневности.

Эта теория получает развитие в феминистском дискурсе второй половины 80-х годов прошлого века. Гендер определяется в рамках повседневного мира взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках, представлениях, предпочтениях бытования, представляя собой системную характеристику социального порядка, постоянно воспроизводящуюся и в структурах сознания, и в структурах действия и взаимодействия [5].

Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта: субъект создает гендерные правила и отношения, а не только усваивает и воспроизводит их, при этом он может как воспроизводить их, так и разрушать. Сама идея создания подразумевает возможность изменения социальной структуры: то есть, с одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид их воспринимает как данность, но, с другой стороны, они являются субъективными как социально конструируемые, здесь и сейчас.

3. Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях получил активное развитие в начале XXI столетия. Этот подход во многом опирается на общесоциологические теории практик французского исследователя П. Бурдьё и английского исследователя Э. Гидденса, которые концептуально интегрировали уровень практического действия и уровень социальных структур.

В основе структурно-конструктивистского подхода лежит анализ гендерных отношений на нескольких уровнях:

- индивидуальном,
- интеракционном (уровне социального взаимодействия),
- структурном.

На индивидуальном уровне в центре внимания исследователей находится изучение и измерение различий в качествах, способностях и образцах поведения мужчин и женщин с одной стороны, и интерпретация происхождения этих различий – с другой. Гендерное неравенство здесь рассматривается как воплощенное в гендерных различиях. Гендерные различия объясняются социализацией, в ходе которой индивиды обретают фемининную и маскулинную идентичность и усваивают соответствующие гендерные роли. На современном этапе индивид не рассматривается в качестве пассивного объекта различных социальных воздействий, – напротив подчеркивается активная позиция личности в процессе усвоения социальных норм и ролевых паттернов.

На интеракционном уровне изучаются ситуационные характеристики взаимодействия, в рамках которого создаются гендерные различия: вариации поведения и реакций, которые зависят от контекста, включающего других участников, а также характеристики ситуации

взаимодействия. Процесс создания гендерных различий во взаимодействии рассматривается как воспроизводящий или преодолевающий гендерное неравенство и гендерные границы. В современных исследованиях рассматривается активизация стереотипов и образцов поведения в соответствии с ожиданиями и статусными характеристиками.

На уровне социальной структуры гендерные характеристики представляются в качестве структурного принципа социальной системы. Социальные структуры задают возможности и ограничения производства гендерных различий на различных уровнях: демографическом (уровень рождаемости), экономическом (занятость в экономике, уровень сегрегации), политическом (представленность женщин в политических структурах).

Здесь фокус направлен на гендерно маркированные границы между публичной и приватной сферами и внутри каждой из них. В русле структурных подходов (структурный функционализм, марксизм, структурализм) демонстрируется связь разнообразных социальных и культурных факторов и институтов с гендерной системой и неравенством. Анализ гендерных процессов на уровне отдельных социальных институтов исходит из того, что гендерные различия воспроизводятся в разных секторах социальной жизни (в экономике, правовой сфере, политике и т. д.), доминирующие позиции в которых долгое время занимали мужчины при отсутствии в них женщин. Исключение составлял институт семьи, в рамках которого и определялась социальная роль женщин.

Таким образом, осмысление неравенства как заданного половыми ролями мужчин и женщин, сформировавшееся в систему социального порядка, воспроизводимую в сознании человечества на протяжении многих веков, к началу нового столетия сфокусировалось на процессе трансформации социальных норм и гендерных различий с последующим преодолением гендерного неравенства в разных сферах жизни человека.

Список литературы

1. Здравомыслова, Е. А. 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
2. Parsons, T. Family, socialization and interaction process / T. Parsons, R. F. Bales ; in collaboration with J. Olds, M. Jr. Zelditch, P. Slater. – N. Y. : Basic books, 1955. – 678 p.
3. Parsons, T. Age and Sex in the Social Structure (1942) / T. Parsons // Essays in Sociological Theory Pure and Applied. – Glencoe, Illinois, 1949.
4. Tuttle, L. Encyclopedia of Feminism / L. Tuttle. – London : Arrow Books, 1986.

5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995.

Хударганова Светлана Сергеевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Sviatlana Khudarhanava,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: shudarganova1@list.ru

EMPIRICAL RESEARCH IN GENDER SOCIOLOGY: STRUCTURAL FUNCTIONALISM AND STRUCTURAL CONSTRUCTIVISM THEORY

The relevance of gender studies is due to the interdisciplinary and dynamic nature of modern humanitarian knowledge. The article considers the approaches to gender studies: structural functionalism, social constructivism, structural constructivism, with a focus on the transition from the traditional model of society to the transformation of social norms and gender differentiation with the subsequent overcoming of gender inequalities.

Keywords: structural functionalism, social constructivism, structural constructivism, gender studies, gender identity, gender roles.

УДК 316.346.32-053.9

С. Н. Щербинин

АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена характеристике методологических основ социологического исследования особенностей социализации и занятости лиц пенсионного возраста. Цель исследования состоит в определении и анализе критериев для социологической оценки особенностей социализации пожилых людей. В качестве критериев рассмотрены составляющие социальных практик пенсионеров, содержание отношения лиц пенсионного возраста к рассматриваемому жизненному этапу. Представлен содержательный анализ критериев (действия, мнения и отношения пенсионеров). Содержание критериев рассмотрено как совокупность показателей для социологической оценки. Рассматриваемый исследовательский подход позволяет проанализировать не только уровень социализации пенсионеров, но и выявить характеристики, влияющие на занятость пожилых людей, а также проанализировать составляющие социальной реальности лиц пенсионного возраста.

Ключевые слова: лица пенсионного возраста, трудовая деятельность, социализация, критерии для социологической оценки, содержание критериев.

Одним из основных направлений демографической политики выступает учет тенденций и последствий изменения возрастной структуры общества. Демографическая структура населения является результатом длительных изменений, сдвигов в характере воспроизвод-

ства населения, рождаемости, смертности, их соотношения. Оценка данных составляющих указывает на наличие проблемы преобладания пожилого населения, что делает вопрос об изучении их социализации и адаптации особенно актуальным, тем более во время увеличения пенсионного возраста и постоянно меняющейся внешней среде. Тенденция ежегодного сокращения численности населения на 30–50 тыс. человек в Беларуси сохраняется, начиная с 1993 года. В настоящий момент в Республике Беларусь проживает 2 309 218 лиц старше трудоспособного возраста (по предварительным итогам переписи населения 2019 г.), что составляет 25,3 % населения страны. При этом, в условной группе предпенсионного возраста (55–59 лет) находится 704 300 человек [1, с. 7]. Очевидным становится, что существующие в связи с выходом на пенсию проблемы будут набирать масштабы. Успешность социализации лиц пожилого возраста зависит от множества факторов и составляющих, среди которых первоочередными выступают факторы занятости и трудовой деятельности [2]. Отметим, что характеристика трудовой деятельности лиц пенсионного возраста выступает не только как отдельное направление анализа, но является косвенным индикатором успешности самой социализации. Отдельного внимания заслуживают критерии, применение которых позволит осуществить оценку уровня социализации и особенностей занятости лиц пенсионного возраста. Речь идет о теоретической основе, которую следует применять при разработке социологического инструментария.

Критерием для оценки особенностей социализации и занятости выступают составляющие социальных практик пенсионеров (см. рисунок). Оценке подлежит содержание конкретных действий, мнений и отношения лиц пенсионного возраста к рассматриваемому жизненному этапу [3, с. 85]. Это позволит не только определить поведенческие стратегии пенсионеров, но и направления в работе с ними, требующие улучшения. В структуре каждого критерия определяются направления для оценки, которые и раскрывают особенности социализации и занятости лиц пенсионного возраста. Остановимся на анализе содержания критериев и охарактеризуем конкретные направления (их компоненты) для оценки.

При разработке инструментария для социологического исследования особенностей социализации и занятости лиц пенсионного возраста представляется необходимым в первую очередь учитывать такой критерий, как **«социальный контекст»** жизни пенсионеров, включающий анализ особенностей их жизнедеятельности и социального окружения. Отдельные составляющие данного критерия могут быть

изучены в процессе оценки *семейного положения* и *совместного проживания* пенсионеров. Данные составляющие влияют на осознание роли семьи, круг общения, наличие «близких других», адаптацию и социализацию (и направленность их протекания). Так, пожилые люди могут проживать самостоятельно, с супругой(ом), детьми либо внуками, другими родственниками. К данному критерию имеет отношение и уровень образования. В качестве показателей для оценки образования следует использовать принятую в государстве структуру образования. Образование во многом определяет мировоззрение и мироощущение человека, его ежедневные социальные практики, трудовую деятельность, социальное окружение и многое другое, что детерминирует направленность и эффективность адаптации и социализации лиц пенсионного возраста.

В качестве одного из критериев выступает **«отношение пожилых людей к пенсии»**. Так, следует определить, *что для них «пенсия»*. При оценке данного критерия следует особое внимание уделить открытым ответам, которые и будут нести основную смысловую нагрузку [4]. Вместе с тем, предлагаемые варианты ответов должны предоставить возможность градировать ответы в зависимости от оценок (отношение может быть положительным либо отрицательным). Это определяет необходимость предоставить респондентам выбор из двух полярных характеристик, которые раскрывают свойства пенсии как «одно из самых счастливых времен в жизни, когда человек может отдохнуть от работы» и как «время, когда человек оказывается исключен из активной жизни».

Оценка отношения к пенсии предполагает анализ критерия *«насыщенность жизни пенсионеров»*. В рамках данного критерия следует выяснить мнение респондентов относительно того, насколько ритм жизни определяется особенностью и желанием самого пенсионера. Кроме того, рассматриваемый критерий предполагает оценку респондентами значения материальной составляющей в жизни пенсионеров. Это может быть реализовано посредством выбора утверждения среди перечня полярных значений.

Социализация, ее успех и направленность во многом зависят не только от личности пенсионера. Указанные характеристики определяются и отношением к лицам пенсионного возраста со стороны других членов общества, особенно восприятием пенсионерами того, как к ним относятся. Таким образом, для исследования особенностей социализации интерес представляет такой критерий как **«оценка отношения к себе»** лицами пенсионного возраста. Оценить данный критерий можно посредством вопроса, отсылающего к опыту общения

респондентов, к ситуациям, в которые им приходилось попадать. Возможными направлениями для оценки могут выступать описания возможных ситуаций, связанных с пренебрежительным отношением, негативным опытом общения. Негативный опыт лучше усваивается, при его наличии человек не склонен повторять те же действия (которые он совершал при неудаче), ему приходится прикладывать больше усилий, искать другие варианты.

В связи с тем, что занятость пенсионеров выступает не только отдельным направлением анализа, деятельностью, которая характеризует их образ жизни, но и является косвенным индикатором успешности самой социализации, предлагаемые для оценки направления должны содержать варианты связанные с трудовой деятельностью. Так, среди них могут быть: «Вам не позволяли занять более высокую должность из-за Вашего возраста», «Вас не брали на работу, ссылаясь на Ваш возраст» и т. д. Это не исключает необходимость вариантов, связанных с восприятием социального благополучия: «Вам отказывали в лечении, ссылаясь на Ваш возраст», «У Вас возникали трудности с получением кредита из-за Вашего возраста», «С Вами разговаривали неуважительно из-за Вашего возраста» и др.

Для полноты анализа данного критерия следует представить направление, характеризующее отношение различных лиц и организаций к пожилым людям. Степень уважительного отношения следует оценивать со стороны государства, общества в целом; медицинских работников; работников сферы торговли, правоохранительных органов, ЖЭС, ЖКХ, социальной защиты; родных и близких. Оценку содержания отношений целесообразно проводить с помощью психометрической шкалы Лайкерта.

В связи с тем, что лица пенсионного возраста обладают богатым жизненным опытом, интерес представляет их готовность и желание «делиться» имеющимися знаниями. Данное направление укажет на уровень социальной активности пенсионеров, их готовность включиться (сохранить позиции) в социальные процессы и участие в работе такого института как «наставничество» [5, с. 541].

Анализируя особенность социализации лиц пенсионного возраста, стоит отметить значимость критерия «досуг». Он позволяет оценить социальную активность пенсионеров, насыщенность их жизни, стремление к развитию и соответствию изменениям внешней среды, оценить социальное окружение. Данный критерий можно оценить через содержание досуга, которое определено в результате контент-анализа публикаций по данной теме (*встречаюсь с родственниками; встречаюсь*

с друзьями; гуляю на свежем воздухе; занимаюсь своим здоровьем, физкультурой, и т. д.).

Рассматриваемый критерий также ориентирует на определение социального окружения (круга общения) респондента. От того, «с кем чаще всего общаются в настоящее время» пенсионеры, во многом зависит направленность социализации и ее особенности. Так, пенсионеры могут общаться с семьей, детьми, внуками, друзьями, соседями, коллегами (в том числе, с прошлой работы) и т. д. Данное направление позволяет оценить социальный круг общения, стремление к сохранению активной позиции, наличие различных интересов и поддержки от разных людей. Кроме того, анализ досуговой деятельности предполагает выяснения причин «невозможности проводить свободное время так, как хочется». Среди потенциальных причин следует определить: недостаток денежных средств, свободного времени; отсутствие подходящих предложений в культурной жизни; ограничения по здоровью; наличие детей и/или внуков; отсутствие друзей-единомышленников. Данная оценка позволит выявить основные сдерживающие социальную активность пенсионеров факторы, снижение влияния которых следует рассматривать в качестве потенциальных направлений для улучшения.

Финансовое благосостояние и удовлетворенность им выступают важными составляющими социализации, что и определяет необходимость оценки критерия «*материальное положение*». В рамках данного критерия следует определить оценки пенсионеров материального положения пожилых людей в стране и удовлетворенность собственным (по пятибалльной шкале). В качестве контрольной меры целесообразным является предоставить возможность выбрать вариант, который характеризует материальное положение респондентов («в основном денег на все хватает», «могу даже откладывать или помогать своим родным», «хватает только на ежедневные расходы» и т. д.).

Для выявления направлений, которые позволят повысить эффективность социализации и создать благоприятные для этого условия, необходимо определить критерий «*трудности*». Так, трудности после выхода на пенсию могут быть в организации своего жизненного уклада (новый распорядок дня, другой круг общения и прочее), материальном положении, бытовых вопросах. Интерес представляет не только наличие сложностей, но и периодичность их возникновения.

Направленность социализации зависит от ценностного набора пенсионеров, что актуализирует значимость критерия «*ценности*».

Кроме того, анализ данного критерия позволяет оценить эффективность протекания самой социализации. Среди оценочных категорий, которые раскрывают данный критерий следует определить: *высокое качество жизни, качество питания, состояние здоровья*. Качество жизни можно оценить посредством выяснения того, в чем оно заключается для респондентов (крепкое здоровье, счастливая семья, высокое материальное благосостояние и т. д.). Это позволит выяснить ценностные ориентации пенсионеров, их приоритеты и, косвенно, ожидания от социального окружения. Направление *«состояние здоровья»* предполагает респондентами его оценку по пятибалльной шкале. Кроме того, интерес представляют причины, побуждающие заботиться о здоровье. Среди возможных вариантов определены: «желание повысить (сохранить) свою работоспособность»; «нежелание доставлять хлопоты близким»; «потребность в хорошем самочувствии» т. д. Данные составляющие также работают на выявление ценностных ориентаций пенсионеров и их отношения к социальному окружению. Для полноты анализа необходимо выявить используемые практики (активные действия) для улучшения и сохранения здоровья. Данное направление также позволяет выявить социальную активность респондентов и их включенность в общественные процессы (среди возможных вариантов: «активно занимаюсь физической культурой», «использую бытовые приборы для очистки питьевой воды», «стараясь правильно питаться» и т. д.). Анализ направления *качество питания* предполагает его оценку респондентами применимо к семье. Целесообразно выявить периодичность потребления различных групп продуктов, что позволит соотнести потребительскую корзину пенсионеров и удовлетворенность питанием.

В рамках критерия *«ценности»* внимание также следует уделить самообразованию. Его анализ целесообразно осуществить через выявления степени заинтересованности в образовании и самообразовании по пятибалльной шкале, что также укажет на уровень социальной активности пенсионеров и их ценностные ориентации.

Исследование особенностей социализации не представляется полным без анализа отношений пенсионеров *к наличию и частоте оказываемой им помощи («внешняя помощь»)* от различных лиц и организаций. В качестве последних следует определить членов семьи (детей, внуков, близких родственников); организации, в которой респонденты работали до выхода на пенсию; государство (органы здравоохранения, социального обслуживания и другие). Отдельного уточнения требует то,

насколько респонденты *нуждаются в помощи* со стороны органов социального обслуживания.

На степень включенности лиц пенсионного возраста в социальную реальность и уровень их социализации указывает **«информированность»** о помощи органов социального обслуживания и *частота использования различных информационных сервисов и гаджетов*, призванных облегчить жизнь. Направлениями для оценки частоты использования могут быть определены мобильный телефон, компьютер и интернет, электронная почта, социальные сети, банкоматы, оплата жилищно-коммунальных и иных услуг через интернет-банкинг и др.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение такого критерия как **«отношение к трудовой деятельности»**. При оценке данного критерия необходимо разграничить работающих и неработающих лиц пенсионного возраста. По мнению российских исследователей Я. И. Тимофеевой и И. В. Кащук, участие лиц пенсионного возраста в трудовой деятельности приведет к перераспределению трудовых ресурсов и изменит структуру занятости населения [6, с. 138]. Внимание заслуживает сфера, в которой работают пожилые люди («самозанятый», индивидуальный предприниматель, сельское хозяйство, промышленное предприятие, работник государственной организации (учреждения), наемный работник (в коммерческом секторе) и др.). Это позволит определить сферы, в которых пенсионеры могут трудоустроиться, в которых они востребованы. Данные направления следует рассматривать как наиболее открытые отрасли. Кроме того, такие составляющие оценки как «самозанятый» и «индивидуальный предприниматель» указывают на открытость для пенсионеров предпринимательской среды, деловой и творческой активности пожилых людей, способности рисковать и достигать намеченных результатов.

Интерес представляет информация в отношении настоящего места работы лиц пенсионного возраста. Оценке подлежит факт того, менялось ли место работы или должность после достижения пенсионного возраста. Это раскрывает наличие стремления к постоянству, а также стабильность трудовых отношений в пенсионном возрасте. В отношении неработающих пенсионеров, в рамках рассматриваемого критерия, интерес представляет оценка того, как долго респонденты не работают. Косвенно, это позволит установить период наличия у пожилых людей трудового потенциала.

Отдельно следует остановиться на таком критерии как **«причины продолжения/не продолжения трудовой деятельности»**. В результате контент-анализа имеющихся публикаций по рассматриваемой проблеме

направлением для оценки определены показатели, среди которых: *«желание иметь дополнительный доход», «желание оставаться в коллективе», «сохранение активности», «полезность», «передача опыта»*. В отношении причин прекращения трудовой деятельности определены: *«отказ нанимателя в продлении трудовых отношений», «некомфортно чувствовал себя в коллективе», «сложно справляться с нагрузками», «усталость»*. С учетом того, что экономическое мышление отражается в системе социальных действий (выражая намерения) [7, с. 10], отметим необходимость дополнительно уточнить роль материального фактора при принятии решения о сохранении трудовой деятельности.

Кроме того, рассматриваемый критерий предполагает оценку готовности к активной трудовой деятельности. Она видится разумной посредством выяснения того, *«что готовы предпринять для улучшения материального положения»* (для работающих пенсионеров), *«готовности в настоящий момент работать», «желании работать по своей основной специальности»* и *«необходимости помощи в поиске работы»* (для неработающих пенсионеров).

Таким образом, представленный в статье методологический подход позволяет проанализировать не только уровень социализации пенсионеров, но и выявить характеристики, влияющие на занятость пожилых людей, а также проанализировать составляющие социальной реальности лиц пенсионного возраста. Указанные направления могут быть использованы для разработки инструментария для проведения социологического исследования среди лиц пенсионного возраста, направленного на выявление особенностей их социализации и занятости. В качестве метода сбора информации целесообразным видится проведение анкетирования, объектом в котором выступают лица пенсионного возраста. Отметим, что подход применим для исследования лиц пенсионного возраста вне зависимости от того, работают они или нет. Мнения и одной, и второй подгрупп весьма важны и требуют учета при формировании выводов в отношении особенностей социализации и занятости пожилых людей. Рассмотренные методологические основы были применены при разработке инструментария для проведения пилотного исследования лиц пенсионного возраста.

Список литературы

1. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь Беларусь : статистический бюллетень / Нац. статистический комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 55 с.

2. Краснова, О. В. Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / О. В. Краснова. – М., 1996. – 243 л.
3. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – 7-е изд. – М. : Добросвет, 2003. – 596 с.
4. Rogozin, D. M. Когнитивный анализ опросного инструмента / Д. М. Рогозин. – М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2002. – 256 с.
5. Богданова, Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? / Е. Богданова // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14, № 4. – С. 535–550.
6. Тимофеева, Я. И. Система наставничества как средство повышения качества жизни и благополучия пожилых людей / Я. И. Тимофеева, И. В. Кащук // Непрерывное благополучие в мире : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума, г. Томск, 11–16 сент. 2016 г. – Томск : Изд-во ТПУ, 2016. – С. 137–142.
7. Кобяк, О. В. Методология социологического моделирования экономического поведения в контексте теории Макса Вебера : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / О. В. Кобяк ; БГУ. – Минск, 2016. – 51 с.

Шчербинин Сергей Николаевич, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Siarhei Shcharbinin,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: s.n.scherbinin@mail.ru

ANALYSIS OF CRITERIA FOR ASSESSMENT OF PECULIARITIES OF SOCIALIZATION AND EMPLOYMENT OF RETIREMENT AGE PERSONS

The article is devoted to the characterization of the methodological foundations of a sociological study of the characteristics of socialization and employment of persons of retirement age. The aim of the study is to determine and analyze the criteria for sociological assessment of the characteristics of socialization of elderly people. The components of social practices of pensioners, the content of the attitude of persons of retirement age to the stage of life under consideration are viewed as criteria. A substantive analysis of the criteria (content of actions, opinions and attitudes of pensioners) is presented. The content of the criteria is considered as a set of indicators for sociological assessment. The considered research approach allows us to analyze not only the level of pensioners' socialization, but also to identify the characteristics that affect the employment of the elderly people, as well as to analyze the components of the social reality of persons of retirement age.

Keywords: persons of retirement age, labor activity, socialization, criteria for sociological assessment, the content of the criteria.

Раздел 4.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ

УДК 81'367

С. В. Адамович, П. В. Альшевская

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируются кулинаронимы, называющие блюда русской и белорусской кухни. Кулинаронимы обычно относятся к определенной кулинарной культуре и рассматриваются в ее контексте. Большинство кулинаронимов, как и самих блюд пришли к нам из крестьянской культуры и сохранили свою рецептуру, так как передавались из поколения в поколение. Среди русских кулинаронимов есть и заимствования из других языков, поскольку и русская, и белорусская кулинарные культуры не развивались обособленно, а находились в постоянном взаимодействии с культурами стран Европы.

Ключевые слова: кулинарная культура, кулинароним, русская кухня, белорусская кухня.

Кулинарная культура занимает важное место в культуре любого этноса. Она отражает древние семейные традиции и кулинарную историю народа. Традиционная русская кухня имеет древнюю историю, что обуславливает разнообразие блюд на русском столе, а также интересную историю происхождения кулинаронимов. Чаще всего термин «кулинароним» употребляется по отношению к национальным блюдам. Кулинаронимы обычно относятся к определенной кулинарной культуре и рассматриваются в ее контексте. Они могут содержать в себе собственно название блюда, названия основных и второстепенных ингредиентов, способ приготовления блюда, исторические особенности происхождения блюда и его названия.

Для изучения кулинаронимов в русском языке мы использовали книги рецептов национальной кухни «Моя русская кухня» Елены Глебовой [1] и «Лучшие блюда белорусской кухни» Елены Микульчик [2]. Также были выбраны для анализа 5 выпусков кулинарного шоу «Братская кухня» на канале Союзного государства Беларуси и России «БелРос». Концепция кулинарного шоу «Братская кухня» основывается на том, что два шеф-повара должны приготовить национальное блюдо российской либо белорусской кухни, основываясь на базовых ингредиентах, которые эксперт программы, известный шеф-повар, историк кулинарии и критик, выбирает заранее. Во время шоу

комментируется процесс приготовления блюда, упоминаются факты из истории блюда, его связь с той или иной культурой. Интересным моментом в концепции программы является опрос обычных прохожих на улице на тему того, какое блюдо они бы приготовили из базового набора продуктов, выбранного экспертом. Это позволяет проанализировать кулинарные предпочтения обычного белоруса / россиянина и сделать определенные выводы о культуре в целом.

Так как в кулинарном шоу «Братская кухня» в каждом выпуске шеф-повара готовят одно русское и одно белорусское национальное блюдо, для анализа лингвокультурных особенностей мы выделили 10 кулинаронимов, которые можно отнести к русской или белорусской национальной кухне.

В проанализированных нами шоу представлены следующие блюда русской кухни: бефстроганов, няня, перепечи, солянка, тюря.

Бефстроганов. История данного блюда описывается в шоу в двух разных версиях, однако, в каждой из них фигурирует русский граф Александр Строганов. По версии ведущей, граф был в преклонном возрасте, и у него не было зубов, поэтому его повар придумал для него мягкое блюдо из говядины – бефстроганов. По версии шеф-повара, граф в свое время устраивал обеды для нишей интеллигенции. Так как представители данного класса не могли себе позволить ходить в рестораны, обеды были бесплатными, и он попросил своего повара из Франции придумать блюдо, которое было бы одновременно недорогим и вкусным. Путем сочетания французской и русской кулинарных традиций (бефстроганов подается обычно с картофельным пюре, которое является исконно русским гарниром) поваром и было создано это блюдо. Интересным является тот факт, что шеф-повар, готовящий бефстроганов на шоу, использует редкий технологический прием для того, чтобы смягчить мясо: обваливает мясо в муке и просеивает через сито. По словам эксперта шоу, этот прием достаточно древний, и сейчас так уже мало кто делает. Применение таких приемов готовки в кулинарных шоу говорит не только об аутентичности самого блюда, но и способов его приготовления, что отражает особенности русской кулинарной культуры, к которой относится бефстроганов.

Няня. Как утверждает шеф-повар программы, няня – старейшее блюдо русской кухни и готовилось на Руси еще до принятия христианства, но со временем подверглось гонениям после принятия христианства, так как это было блюдо языческих славян и использовалось в обрядах. История происхождения кулинаронима в шоу не упоминается, однако, ведущие программы отмечают, что такое «нежное» название блюда может быть связано с бараньими мозгами –

одним из ключевых ингредиентов, который в процессе приготовления становится очень нежным и воздушным. Интересным является тот факт, что в традиционной шотландской кухне есть аналог няни – блюдо под названием «*хаггис*», с аналогичным методом приготовления, но с немного различающимися ингредиентами. Няня упоминается в романе Н. В. Гоголя «Мертвые души», где ею угощают Чичикова. Исходя из этого, можно сделать вывод, что няня нашла свое отражение не только в русской культуре, но и в литературе, что подтверждает влияние кулинарной культуры на другие культурные аспекты определенной нации.

Перепечи. Перепечи являются одним из старейших блюд русской кухни и представляют собой открытую ватрушку из пресного теста с традиционной начинкой в виде грибов, мяса и картофеля. Название блюда произошло от метода его приготовления: его ставили «перепечься», то есть, для его приготовления не нужна была высокая температура в печи. Особо популярным это блюдо стало после выступления ансамбля «Бурановские бабушки» на Евровидении-2012, когда они якобы готовили перепечи во время своего выступления. Как и в случае с няней, перепечи повлияли не только на кулинарную культуру России, но и, в данном случае, на поп-культуру, что в очередной раз подчеркивает важность кулинарной культуры в контексте культуры в целом.

Солянка. Изначально данное блюдо называлось не *солянка*, а *селянка*, так как блюдо готовилось преимущественно в крестьянских кругах по большим праздникам всей общиной: каждый приносил, что мог, и все это бросалось в большой котел. По другой версии происхождения кулинаронима, озвученной в шоу, солянка изначально имела такое название, потому что в ней было много различных солений: маринованные огурцы, грибы, оливки и рассол. Солянка упоминается в различных источниках с XV века, со временем она «эволюционировала», ее стали подавать и в богатых домах, добавляя в нее дорогие ингредиенты, например, семгу или осетрину. Изначально солянка подавалась как закуска к крепким напиткам, одновременно выполняя роль как первого, так и второго блюда. Как утверждает эксперт программы, солянку трудно испортить в процессе приготовления из-за большого количества различных солений и рыбы, которые останутся вкусными в любом случае. Различные исторические варианты блюда в зависимости от того, готовят его крестьяне или дворяне, указывают на то, что кулинарная культура в процессе развития имела разделение на «кухню бедных» и «кухню богатых», что впоследствии отразилось на сегодняшней рецептуре блюд.

Тюря. Данное блюдо представляет собой простой в приготовлении холодный хлебный суп. Вплоть до XIX века тюря была каждодневным блюдом в деревенских семьях и считалась пищей бедняков. Как отмечают ведущие, тюря являлась «прабабкой» окрошки, широко известного русского блюда. По одной из версий ведущих, кулинароним «тюря» восходит к тюркским языкам и происходит от *түр* («крошка»), что связывалось со значением «кушанье из крошеного хлеба с водой». По другой версии, тюря происходит от слова «тереть», так как все ингредиенты для этого блюда должны быть потерты на терку либо очень мелко нарезаны. Кроме «бедняцкой» тюри на хлебе и квасе, различают также «детскую» тюрю на белом хлебе и молоке и «лечебную» тюрю, которую готовят на вине и рекомендуют людям с пониженным иммунитетом и для людей в процессе реабилитации. Разные варианты приготовления данного блюда свидетельствуют о многостороннем развитии русской кулинарной культуры, а разные подходы к кулинарониму «тюря» также могут свидетельствовать о древности рецепта, так как не сохранилось достоверных сведений об этимологии данного кулинаронима.

В проанализированных шоу представлены также блюда белорусской национальной кухни: гуляш по-радзивиловски, гречаники, клецки с душами, ботвинья, гарда.

Гуляш по-радзивиловски. Согласно комментариям эксперта программы, гуляш – это блюдо венгерского происхождения, а по легенде первым дегустировал его еще Ягайло, который стал королем Польши после короля венгерского происхождения Людовика, поэтому его угощали традиционными венгерскими блюдами. В процессе приготовления блюда ведущие удивляются, почему в качестве одного из ингредиентов используется имбирь, ведь для традиционной белорусской кухни не характерно наличие особых специй и приправ в большом количестве. На этот комментарий шеф-повар программы отвечает, что следует обратить внимание на название блюда, ведь гуляш не простой, а по-радзивиловски. Радзивиллы были богатейшей магнатской династией Беларуси и обладали утонченным кулинарным вкусом. Хотя из-за выгодного географического положения в Беларусь осуществлялись доставки специй из России и Европы, в крестьянских кругах специи не были популярны из-за того, чтобы были достаточно дорогими, но так как Радзивиллы были очень богаты, они могли себе позволить себе такие специи, как имбирь, корица или гвоздика. Таким образом, можно сделать вывод, что название блюда отражает часть истории Беларуси, в частности, часть кулинарной истории рода Радзивиллов.

Гречаники. Главный ингредиент этого традиционного белорусского блюда кроется в названии: гречаники – это блинчики из обычного теста с добавлением гречневых хлопьев или перемолотой гречки. Интересным также является тот факт, что, как отмечает эксперт программы, гречаники не имеют строгого рецепта и могут выступать в качестве основного блюда, в качестве гарнира к какому-либо мясному блюду и даже в качестве своеобразной замены хлебу, если готовить их на дрожжевом тесте. Исходя из данного суждения, можно сделать вывод о том, что в традиционной белорусской кухне есть место различным кулинарным вариациям, а одно название может представлять группу различных блюд с общим ингредиентом.

Клецки с душами. Данный кулинарием является игрой слов (картофельное «тело» снаружи и мясная начинка, «душа», внутри), но у него также есть своя история происхождения, так как блюдо является ритуальным и готовится на белорусский праздник Деда, так как в этот день вспоминают ушедших из жизни родственников. Стоит заметить, что хотя шеф-повар изначально хотел готовить это блюдо из сырого картофеля, аргументировав это тем, что существует много разных рецептов клецок, однако, эксперт программы отметила, что согласно исторической рецептуре, клецки с душами готовятся из сочетания отварного и сырого картофеля. Также ведущие программы отмечают, что клецки не являются только белорусским блюдом в последней инстанции, их также готовят в Германии, где они называются кнедлями, в Чехии (кнедлики), в татарской кухне клецки называют солмой. Ведущие также говорят о том, что такие блюда, как колдуны и цепелины, являются «родственниками» клецок. Таким образом, клецки с душами имеют своеобразную историческую рецептуру, историю возникновения, а также имеют свои аналоги в кухнях других стран.

Ботвинья. Данное блюдо представляет собой холодный суп на кислом квасе, в который добавляют щавель, свекольную ботву, шпинат, зелёный лук, крапиву и другую съедобную траву (по-старорусски «ботву» – отсюда и название). Интересным является тот факт, что в крестьянских семьях ботвинью готовили с мясом либо без него, а к шляхетскому столу ботвинью подавали в трех тарелках: в первой была сама ботвинья, во второй – лед, а в третьей – отварная красная рыба. По словам ведущих шоу, пик популярности ботвиньи приходился на XVIII–XIX век, когда ботвиньей называли любое блюдо, куда входила ботва, в особенности, свекольная. Так как ботвинья – это холодный суп на квасе, чаще всего его ели летом, чтобы освежиться. Также до появления в белорусской кухне картофеля белорусский народ называли «ботвинниками» за их большую любовь к этому блюду. Таким образом,

ботвинья является одним из древнейших белорусских блюд и существенной частью белорусской кулинарной культуры.

Гарда. Этот простой салат из зелени также пришел из крестьянской кухни, поскольку, как и в ботвинью, в него можно было добавлять любую зелень и даже мясо. Название блюда произошло от белорусского *гародніна*, что означало все, что росло в огороде, то есть, по сути, любые овощи. Гарду традиционно подают с картофелем и сельдью. Гарда – один из исконно белорусских рецептов, что касается и самого кулинаронима, так как он происходит именно из белорусского языка, что свидетельствует о развитии самобытной белорусской культуры, независимой от влияния кухонь других стран.

Несмотря на то что блюда в выпусках шоу достаточно простые, некоторые из них довольно трудоемкие в исполнении и, в основном, требуют большого количества времени на их приготовление. В результате анализа опроса прохожих на улицах после объявления экспертом базовых ингредиентов мы пришли к выводу, что люди, не связанные в повседневной жизни с кулинарией, отдают предпочтение более простым и быстрым в приготовлении блюдам, вплоть до обычных бутербродов. Это прямое следствие современного ритма жизни: мы пытаемся успеть как можно больше за как можно меньшее количество времени, что, конечно же, отражается на нашей жизни, и, в частности, на подходе к организации питания. Во многом все зависит от любви определенного человека к процессу приготовления пищи, но, проанализировав опросы в кулинарном шоу, можно также прийти к выводу, что более быстрые в приготовлении блюда с меньшим количеством ингредиентов любят готовить молодое поколение, тогда как представители старшего поколения не против потратить большее количество времени на процесс готовки.

Таким образом, проанализировав кулинаронимы русской и белорусской кухни, можно сделать вывод о том, что большинство кулинаронимов, как и самих блюд пришли к нам из крестьянской культуры и сохранили свою рецептуру, так как передавались из поколения в поколение. Некоторые блюда, такие как бефстроганов или гуляш по-радивилевски, были придуманы в богатых домах, но так как в наше время кулинария является общедоступной, эти блюда стали блюдами национальной кухни. Среди русских кулинаронимов, конечно же, есть место заимствованиям из других языков, а многие блюда имеют свои аналоги в кухнях других стран и народов.

Список литературы

1. Глебова, Е. П. Моя русская кухня / Е. П. Глебова. – М. : Эксмо, 2018. – 273 с.

2. Микутьчик, Е. В. Лучшие блюда белорусской кухни / Е. В. Микутьчик. – Минск : ЧИУП «Галіяфь», 2014. – 198 с.

Адамович Светлана Васильевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Альшеевская Полина Валерьевна, ООО «ТІСПР», г. Гродно, Республика Беларусь.

Svetlana Adamovich,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: sv_adam@mail.ru

Polina Alshevskaya,

LLC «TISPR», Grodno,

e-mail: polaska.97@gmail.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF CULINARY NAMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article analyzes in detail culinaronyms naming dishes of Russian and Belarusian cuisine. Culinaronyms usually refer to a particular culinary culture and are considered in its context. Most of the culinaronyms, as well as the dishes themselves, came to us from the peasant culture and still preserve their recipes as they were passed down through the generations. Among Russian culinary names there are also borrowings from other languages, since both Russian and Belarusian culinary cultures did not develop in isolation, but were in constant interaction with the cultures of European countries.

Keywords: culinary culture, culinaronym, Russian cuisine, Belarusian cuisine.

УДК 81.272

Е. Ю. Гацук

КЛАСТЕР ТЕРМИНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ, СОДЕРЖАЩИХ ЭЛЕМЕНТ *COMMUNICATION*

Обязательным условием развития определенной области знания является наличие терминологии, которая представляет ее понятийный объем. Аспекты языковой политики изучаются социолингвистикой и находят отражение в терминологии данной науки. Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать кластер терминов европейской языковой политики, в состав которых входит элемент *communication*.

Ключевые слова: социолингвистика, европейская языковая политика, терминология, терминодеривация, терминологический элемент *communication*.

Первым этапом терминологического менеджмента, как известно, является инвентаризация, или «сбор и описание всех терминов, принадлежащих выбранной предметной области» [1, с. 14]. В процессе инвентаризации терминов осуществляется отбор источников терминологии, выбор терминов из отобранных источников и описание

полученных терминов. Заключительным этапом процесса инвентаризации, как правило, является «словник – собрание терминов, упорядоченное по определенному признаку, например алфавитному или тематическому» [1, с. 15].

Термины, номинирующие понятия европейской языковой политики, представлены в текстах и глоссариях официальных документов, которые были подготовлены органами и институтами Европейского Союза и опубликованы на их официальных сайтах.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать кластер терминов европейской языковой политики, содержащих элемент *communication*.

Инвентаризация терминов осуществлялась как в ручном режиме, посредством извлечения из глоссариев, сопровождающих тексты официальных документов, которые были подготовлены органами и институтами Европейского Союза и опубликованы на их официальных сайтах, так и с помощью специального программного обеспечения из корпуса, который был сформирован из текстов официальных документов. Извлечение потенциальных однословных терминов осуществлялось при помощи корпус-менеджера AntConc, а для извлечения многословных специальных номинаций был использован специализированный онлайн-инструмент Sketch Engine.

Среди отобранных в автоматизированном режиме потенциальных терминов было найдено 13 специальных номинаций, содержащих элемент *communication*. Следует отметить, что все они являются составными номинациями: *active communication*, *communication field*, *communication strategy*, *communication technology*, *corporate communication*, *digital communication*, *intercultural communication*, *internal communication*, *international communication*, *multilingual communication*, *oral communication*, *personal communication*.

В глоссариях нашли отражение только 4 термина, содержащих элемент *communication*. (см. таблицу 1).

Как следует из таблицы, представленной выше, объемы понятий, номинированных терминами *communication in foreign languages* и *communication in the mother tongue*, частично совпадают, однако объем понятия *communication in foreign languages* шире.

Поскольку в каждой из дефиниций, представленных в таблице, актуализирован признак понятия, номинированного соответствующим термином, это позволяет определить ряд признаков понятий, номинированных потенциальными терминами, которые были извлечены из документов, но не снабжены дефинициями.

К таким признакам понятий следует отнести контексты взаимодействия, количество языков, на которых осуществляется взаимодействие, и способы взаимодействия.

Таблица 1 – Дефиниции терминов с элементом *communication*»

№ п/п	Термин	Дефиниция	Семантизация дефиниции
1.	<p><i>Communication in foreign languages</i> ‘общение на иностранных языках’ (здесь и далее семантизация наша. – Е. Г.)</p>	<p>broadly shares the main skill dimensions of communication in the mother tongue: it is based on the ability to understand, express and interpret concepts, thoughts, feelings, facts and opinions in both oral and written form (listening, speaking, reading and writing) in an appropriate range of societal and cultural contexts (in education and training, work, home and leisure) according to one’s wants or needs.</p> <p>Communication in foreign languages also calls for skills such as mediation and intercultural understanding. An individual’s level of proficiency will vary between the four dimensions (listening, speaking, reading and writing) and between the different languages, and according to that individual’s social and cultural background, environment, needs and/or interests [2].</p>	<p>‘имеет много общего с основными аспектами навыков общения на родном языке: она основывается на способности понимать, выражать и интерпретировать понятия, мысли, чувства, факты и мнения как в устной, так и в письменной форме (слушать, говорить, читать и писать) в соответствующем социальном и культурном контексте (в образовании и профессиональной подготовке, на работе, дома и на досуге) в соответствии со своими желаниями или потребностями.</p> <p>Коммуникация на иностранных языках также требует таких навыков, как посредничество и межкультурное взаимопонимание.</p> <p>Индивидуальный уровень владения будет варьироваться между четырьмя измерениями (слушание, говорение, письмо, чтение) и между различными языками, а также в соответствии с социальным и культурным происхождением, окружающей средой, потребностями и/или интересами конкретного человека’.</p>

2.	<i>Communication in the mother tongue</i> 'общение на родном языке'	the ability to express and interpret concepts, thoughts, feelings, facts and opinions in both oral and written form (listening, speaking, reading and writing), and to interact linguistically in an appropriate and creative way in a full range of societal and cultural contexts; in education and training, work, home and leisure [2].	'способность выражать и интерпретировать понятия, мысли, чувства, факты и мнения как в устной, так и в письменной форме (слушать, говорить, читать и писать), а также взаимодействовать лингвистически соответствующим образом и творчески во всем диапазоне социальных и культурных контекстов; в области образования и профессиональной подготовки, на работе, дома и на досуге'.
3.	<i>Conversational language, also called "basic interpersonal communication skills"</i> 'разговорный язык, также называемый «базовым навыком межличностного общения»'	the language necessary for everyday life, including conversation with friends or informal interactions [3].	'язык, необходимый для повседневной жизни, включая разговор с друзьями или неформальное общение'.
4.	<i>Four communication skills</i> 'четыре коммуникативных навыка'	the main communication skills in foreign language teaching: listening (listening comprehension), speaking (oral expression), reading (reading comprehension) and writing (written expression) [4].	'основные коммуникативные навыки в обучении иностранному языку: аудирование (понимание на слух), разговорная речь (устное выражение), чтение (понимание на слух) и письмо (письменное выражение)'.

Выделение признаков понятий в дефинициях терминов и в понятиях, номинированных потенциальными терминами, позволяет предположить, что анализируемый кластер может расшириться за счет таких специальных номинаций, как, например, *bilingual communication*, *informal communication*, *plurilingual communication*, *written communication*.

Термины, содержащиеся в глоссариях официальных документов, и потенциальные термины без дефиниций, которые были извлечены из текстов официальных документов, представлены различными терминодеривационными моделями.

Термины с компонентом *communication* содержащиеся в глоссариях официальных документов, образованы синтаксически и по форме представляют словосочетания, где целевой компонент выполняет функцию как базового элемента в терминах со структурой N+Prep+A+N (*communication in foreign languages*) и N+Prep+N+N (*communication in the mother tongue*), так и атрибутива в препозиции к другому существительному в терминах со структурой A+A+N+N (*basic interpersonal communication skills*) и NUM+N+N (*four communication skills*).

Данные номинации отнесены к терминам в силу их дефинированности, а также системности: очевидной представляется понятийная соотнесенность терминов *basic interpersonal communication skills* и *four communication skills*, с одной стороны, и между терминами *communication in foreign languages* и *communication in the mother tongue*, с другой.

Номинации с компонентом *communication*, не снабженные дефинициями, как и дефинированные термины, образованы синтаксически и по форме представляют собой двухкомпонентные словосочетания, в которых данный компонент может выполнять функцию как основного, базового, элемента в номинациях со структурой A+N (*active communication, corporate communication, digital communication, intercultural communication, internal communication, international communication, multilingual communication, oral communication, personal communication*), так и атрибутива в препозиции к другому существительному в номинациях со структурой N+N (*communication field, communication strategy, communication technology*).

Выделенные номинации можно рассматривать в качестве потенциальных терминов, номинирующих соответствующие понятия, не столько в силу однотипности их формы, сколько в силу их очевидной понятийной соотнесенности, что является показателем системности, одной из обязательных характеристик термина.

Системность дефинированных и потенциальных терминов с компонентом *communication* диктует необходимость рассматривать полученные номинации не по отдельности, а как кластер, или объединение, номинаций, в котором целевой компонент *communication* выполняет различные функции (см. таблицу 2).

Анализ выявленных терминов позволяет предположить, что ряд номинаций с элементом *communication* может послужить базой для образования новых номинаций с данным элементом в функции атрибутива в препозиции к существительному, например, *corporate communication field, digital communication technology*.

Таким образом, в кластер терминов, содержащих элемент *communication*, вошли номинации, которые отличаются как по объему понятия, так и способу терминологизации. Несмотря на функцию, выполняемую элементом *communication* в многокомпонентных номинациях (базового элемента или атрибутива в препозиции), понятийная соотнесенность позволяет объединить их в единый кластер.

Таблица 2 – Кластер терминов с элементом *communication*

Communication	
в функции	
- базового элемента	- атрибутива
<i>active communication</i>	<i>communication field</i>
<i>corporate communication</i>	<i>communication strategy</i>
<i>digital communication</i>	<i>communication technology</i>
<i>intercultural communication</i>	<i>basic interpersonal communication skills</i> и
<i>internal communication</i>	<i>four communication skills</i>
<i>international communication</i>	
<i>multilingual communication</i>	
<i>oral communication</i>	
<i>personal communication</i>	
<i>communication in foreign languages</i> и	
<i>communication in the mother tongue</i>	

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
2. On key competences for lifelong learning (2006/962/EC) [Electronic resource] : recommendation of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 // Official Journal of the European Communities / The Publications Office of the European Union. – Luxembourg, 2006.
3. On a comprehensive approach to the teaching and learning of languages (Part 1/2) [Electronic resource] : Commission Staff Working Document accompanying the document Proposal for a Council Recommendation // European Commission. – Mode of access: [https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:36ae2f05-5dc7-11e8-ab9c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1 &format=PDF](https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:36ae2f05-5dc7-11e8-ab9c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF). – Date of access: 20.04.2020.
4. Key Data on Teaching Languages at School in Europe [Electronic resource] : Eurydice Report // European Commission. – Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/73ac5ebd-473e-11e7-aea8-01aa75ed71a1/language-en>. – Date of access: 20.04.2020.

Гацук Екатерина Юрьевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Katsiaryna Hatsuk,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: gacuk_ej@grsu.by

A CLUSTER OF EUROPEAN LANGUAGE POLICY TERMS CONTAINING THE ELEMENT ‘COMMUNICATION’

A prerequisite for the development of a certain field of knowledge is the existence of terminology, which represents its conceptual scope. Aspects of language policy are studied in sociolinguistics and are reflected in the terminology of this science. The aim of this article is to elicit and characterize the cluster of terms of European language policy containing the element ‘communication’.

Keywords: sociolinguistics, European language policy, terminology, term derivation, term element *communication*.

УДК 347.772

Н. В. Зданчук

КИТАЙСКИЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ, ВКЛЮЧЁННЫЕ В ГЛОБАЛЬНУЮ БАЗУ ДАННЫХ ВОИС С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

Актуальность исследования китайских товарных знаков обусловлена стремительным развитием торговых отношений Республики Беларусь и Китая, а также стратегией Китая МС 2025 по развитию производства и экспорта высокотехнологичных товаров. В статье на основе данных глобальной базы брендов ВОИС определены основные классы продукции китайских производителей, представленные на территории Республики Беларусь, и рассмотрены китайские товарные знаки, при создании которых использованы возможности невербальных семиотик.

Ключевые слова: товарный знак, интеллектуальная собственность, невербальная семиотика.

В процессе выстраивания межкультурной коммуникации в сфере бизнеса необходимо учитывать социальные и культурные особенности потенциальных партнеров либо потребителей товаров, производимых компаниями. Не существует единой тактики построения делового взаимодействия с представителями всех народов мира, поэтому понимание особенностей психологии и менталитета иностранного компаньона, а также тенденций социально-экономического развития конкретного региона, безусловно, необходимо для успеха межкультурного диалога.

Среди стран-партнеров Республики Беларусь особое место занимает Китайская Народная Республика. Несмотря на существенную разницу в культуре и быте белорусов и китайцев, партнерские отношения двух стран развиваются стремительными темпами. Возможно, неспешность, терпеливость и уважение к собеседнику, присущие обоим народам, стали

ключом к успеху коммуникации и установлению дружественных отношений между двумя странами. Развитие экономических связей, культурного и образовательного обменов является основным вектором взаимодействия РБ и КНР. Доля Китая в общем товарообороте Республики Беларусь занимает вторую позицию после доли России [1]. Целью данной статьи является рассмотрение китайских товарных знаков, представленных на территории Республики Беларусь, с точки зрения использования в них невербальных семиотик. Материалом исследования стали товарные знаки из базы данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее ВОИС) [2].

Продолжительное время выражение «китайское качество» вызывало негативные ассоциации, выступало эквивалентом низкокачественных и низкотехнологичных товаров. Этот фактор во многом определил тот факт, что в 2015 году правительством Китая была утверждена стратегия по развитию производственного сектора КНР «Сделано в Китае 2025» – «Made in China 2025» (далее МІС 2025). Реализация данной стратегии направлена на закрепление позиций страны в качестве мирового лидера в высокотехнологичных отраслях [3]. Основными целями МІС 2025 являются «развитие экономики с опорой на отечественные инновации, уменьшение зависимости КНР от иностранных технологий и зарубежных инвестиций» [4]. Данный план ориентирован, в первую очередь, на развитие областей высоких технологий, робототехники, а также производство экологически чистых транспортных средств и механизмов [3].

За время действия МІС 2025 произошел существенный скачок в развитии индустрии электроники. К примеру, смартфоны таких компаний, как Huawei и Xiao Mi, составили серьезную конкуренцию мировым брендам Apple и Samsung [5]. Также электронные самокаты и автомобили китайских производителей по сравнению с их западными аналогами становятся все более востребованными покупателями. По данным журнала Forbes, компания Huawei находится на 93 строчке рейтинга самых дорогих брендов мира 2020 года [6], являясь единственным китайским представителем в списке. Таким образом, товары, произведенные в КНР, завоевывают все большее доверие со стороны покупателя и ассоциируются уже не с низким качеством, а с высокими техническими характеристиками за сравнительно невысокую стоимость.

Реклама играет важную роль в продвижении товаров и услуг, а товарный знак является одной из важнейших составляющих рекламы. Товарный знак выступает средством коммуникации между произво-

дителем товара и его потребителем, так как он представляет собой зашифрованное послание, которое может содержать информацию о продукте, свойствах товара и его применимости, отражать принадлежность к определенному региону и др. Вызвать интерес и положительную реакцию у покупателя, выделить конкретный товар из ряда подобных, гарантировать высокое качество продукции – основные задачи любого товарного знака. Когда товарный знак появляется на зарубежном рынке, он становится средством межкультурной коммуникации, таким образом, достижение цели зафиксироваться на международной арене существенно усложняется.

Любой товарный знак является объектом интеллектуальной собственности, а, значит, подлежит регистрации и последующей охране контролирующими органами в сфере интеллектуальной собственности. Мадридская система международной регистрации товарных знаков (далее – Мадридская система) представляет собой систему юридических процедур, которая облегчает процесс регистрации товарных знаков в ряде стран мира [7]. Мадридская система управляется Международным бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), которое занимается вопросами политики, укрепления сотрудничества, предоставления услуг и информации в области интеллектуальной собственности. Глобальная база данных по брендам ВОИС – это подборка более чем 45,978 млн. учетных записей, фигурирующих в 40 национальных и международных фондах регистрации товарных знаков. Пользователям могут обратиться к базе данных до подачи заявки на регистрацию товарного знака или в любое другое время для отслеживания знаков на интересующих их рынках. Данная база не только включает товарные знаки, но и содержит следующую информацию о них: страна происхождения; дата подачи товарных знаков на регистрацию и срок окончания ее действия; имя и адрес владельца регистрации; класс, к которому относится услуга или продукция, выпускаемая компанией; страны, на территории которых знак имеет юридическую силу, и многое другое [8]

Опираясь на информацию, представленную в базе данных ВОИС, можно определить наиболее многочисленные классы китайской продукции, чьи товарные знаки представлены на территории Республики Беларусь. Общее количество китайских товарных знаков, ориентированных на Беларусь, составляет 8283 наименования. Самой значительной среди них является группа товарных знаков, относящихся к 9 классу Международной классификации товаров (The International Classification of Goods and Services for the Purposes of the Registration of

Marks): «Класс 9 включает в основном аппаратуру и инструменты для научных или исследовательских целей, аудиовизуальное оборудование и оборудование информационных технологий, а также оборудование для обеспечения безопасности и спасения жизни» [9]. Количество товарных знаков данной категории составляет 1726 наименований. Следующий класс 7, в который входят 907 китайских товарных знаков, представленных в Республике Беларусь, включает такую продукцию, как детали двигателей, электрические устройства для чистки и полировки, 3D-принтеры, промышленные роботы, некоторые специальные транспортные средства, не предназначенные для перевозки, например, подметально-уборочные машины, дорожно-строительные машины, бульдозеры, снегоочистители и др., инкубаторы для яиц, торговые автоматы. Третью позицию, представленную 805 товарными знаками, занимает класс 12, который включает, в основном, транспортные средства и аппараты для перевозки людей или грузов по суше, воздуху или воде, а также детали для сборки и ремонта транспортных средств. Далее следует класс 25: одежда, обувь и головные уборы для людей. Этот класс представлен 793 товарными знаками. Пятым по количественному составу является класс 11, который включает 582 товарных знака, относящихся к аппаратуре и оборудованию для контроля окружающей среды, в частности, для целей освещения, приготовления пищи, охлаждения и дезинфекции. Исходя из статистических данных, полученных в ходе работы с глобальной базой данных ВОИС, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство товаров из указанных выше классов относятся к высокотехнологичной продукции, что свидетельствует об успешности реализации Китаем стратегии МІС 2025.

Большинство китайских товарных знаков легко выделяются и обращают на себя внимание благодаря использованию иероглифов в своем составе, поэтому белорусы, использующие звуко-буквенную систему письма, воспринимают иероглифы как картинку либо схему и чаще всего не соотносят их с лексическими единицами. В таких условиях не представляется необходимым рассмотрение таких товарных знаков с точки зрения выявления лингвистических ассоциаций у потребителя. А ассоциации, связанные с чувственным восприятием, прежде всего визуальным, представляют наибольший интерес. Форма, цветовая гамма, графические элементы, содержащиеся в товарном знаке, могут способствовать возникновению положительных либо негативных ассоциаций у потребителя. Знаки, при создании которых были использованы возможности невербальных семиотик, и были отобраны

как непосредственный материал исследования, результаты которого представлены в данной статье. Всего было проанализировано 3189 таких знаков.

Черные элементы на белом фоне – наиболее частое цветовое сочетание, применяемое в 2851 товарном знаке. Такое контрастное решение является легким к восприятию, а также, как правило, не вызывает негативных коннотаций. В меньшей степени, а именно в 238 товарных знаках использовали оттенки синего (105 товарных знаков), красного (94), зеленого (51), оранжевого (26), желтого (23) и фиолетового (19) цветов, а также их комбинации. Самая популярная биколорная комбинация – синий либо голубой цвет в сочетании с белым – встречается в 36 товарных знаках. Было обнаружено в количестве 36 наименований. Сочетание красного и белого цветов отмечено в 25 случаях, белого и зеленого – в 19 товарных знаков. Кроме того, при создании многих товарных знаков, использовались три или более цветов.

Симметричное расположение составных частей товарного знака, по мнению специалистов, также благоприятнее воспринимается человеком по сравнению со «случайными узорами» [10, с. 168]. Круглое либо квадратное обрамление товарного знака делает его похожим на печать чжуань, которая используется в живописи либо в каллиграфии в качестве авторского клейма либо подписи. Таким образом, производитель товара демонстрирует личную гарантию качества продукта. Было обнаружено 36 товарных знаков такого типа.

Растительные мотивы часто изображены на товарных знаках таких классов товаров, как производство косметики, табачных изделий и производство двигателей, станков и промышленных машин, что указывает на натуральный состав косметических средств, курительных смесей и экологичность производства. Так, 203 товарных знака содержат флористические элементы. Здесь необходимо отметить, что растения, изображенные на товарных знаках, в 131 случае имеют четное количество листьев, чаще всего два. С точки зрения китайской нумерологии, цифра 2 символизирует баланс между двумя противоположностями – инь и ян, женщиной и мужчиной. Парное количество предметов в качестве подарка расценивается китайцами положительно.

Изображения животных на товарных знаках наблюдаются во всех категориях товаров. В китайской культуре тигр и лев являются символом силы, превосходства и власти; лошадь – благополучия, чести и верховной власти; хищные птицы – пронизательности, долголетия и мощи; дракон – символ доброго начала ян и стихии воды. Схожие

ассоциации со всеми перечисленными животными могут возникать и у белорусов. Общее количество китайских товарных знаков, при создании которых применялись анималистичные элементы, – 169.

Элементы одежды, такие как шляпа, обувь, корона, а также силуэт фигуры и части тела человека особенно часто используются в товарных знаках классов косметики, одежды и аксессуаров. Среди 3189 рассматриваемых товарных знаков на 217 изображены силуэты людей, на 26 – одежда, обувь и головные уборы, на 18 – корона. Для товаров категории «игрушки и декор для празднования торжеств» наиболее частыми являются изображения улыбающихся мультипликационных героев и детей. Кроме того, используются нетрадиционные для китайцев изображения рождественской елки, а также снеговика, что подчеркивает адаптацию товарных знаков данной категории к европейскому рынку. Среди общего количества рассматриваемых товарных знаков вне зависимости от класса товаров, мультипликационные герои встречались 27 раз, изображения детей – на 15 товарных знаках, рождественская ель – на 4, снеговик – на 1.

Геометрические фигуры являются самыми популярными элементами, изображенными на товарных знаках. В рамках исследования было зафиксировано 1386 случаев их использования. Круг, шар или кольцо в китайской культуре ассоциируются с движением, круговоротом жизни, временным циклом, данные фигуры размещены на 492 товарных знаках. Квадрат связан с символикой числа «четыре», воплощает идею равновесия и упорядоченности космоса, идею совершенства. Так, квадраты либо прямоугольники изображены на 364 товарных знаках, спираль или вихрь – на 205. Ромб, как один из восьми китайских символов счастья, воплощающий благополучное положение дел в государстве и являющийся также эмблемой победы, – на 163. Треугольники изображены на 82 товарных знаках.

Геометрические фигуры размещаются на товарных знаках как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом, а также с флористическими, анималистическими и другими элементами, создавая более сложные конструкции и рисунки. Кроме того, использование цветов, отличных от черно-белого сочетания, может в большей степени быть привлекательным для потенциального потребителя.

В таблице 1 представлено количество товарных знаков, соответствующее использованию в них возможностей различных невербальных семиотик.

Таким образом, было проведено исследование 8283 китайских товарных знаков, представленных на территории Республики Беларусь.

Установлено, что при создании 3189 из них были использованы возможности невербальных семиотик. Применение черно-белой гаммы является самым популярным цветовым решением, а геометрические фигуры, изображенные на товарных знаках – самыми распространенными. Использование таких невербальных элементов, на наш взгляд, не может вызывать негативных ассоциаций у представителей как китайской, так и белорусской культур, что может способствовать адаптации китайских товарных знаков на территории Республики Беларусь.

Таблица 1 – Использование невербальных семиотик в китайских товарных знаках, представленных на территории Республики Беларусь

Невербальная семиотика	Количество товарных знаков
Использование цвета:	3189
- черно-белое сочетание	2851
- цветные:	238
- синий / голубой	105
- красный	94
- зеленый	51
- оранжевый	26
- желтый	23
- фиолетовый	19
Использование изображений.	
Изображение геометрических фигур:	1386
- круги, шары, кольца	492
- квадраты и прямоугольники	364
- спирали и вихри	205
- ромбы	163
- треугольники	82
Изображение людей:	232
- взрослых	217
- детей	15
Изображение флористических элементов:	203
- четное количество листьев	131
- нечетное количество листьев	72
Изображение анималистичных элементов	169

Список литературы

1. Таможенные органы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/>. – Дата доступа: 29.04.2021.

2. Глобальная база данных по брендам [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www3.wipo.int/branddb/>. – Дата доступа: 23.04.2021.

3. What is Made in China 2025 and Why Has it Made the World So Nervous? [Electronic resource] // China-briefing. – Mode of access: <https://www.china-briefing.com/news/made-in-china-2025-explained>. – Date of access: 24.06.2016.

4. Перская, В. В. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития [Электронный ресурс] / В. В. Перская, Н. С. Ревенко // Азия и Африка сегодня. – 2020. – Вып. № 7. – С. 19–25. – Режим доступа: <https://asaf-today.ru/s032150750010100-2-1/>. – Дата доступа: 02.05.2021.

5. Monthly Market Pulse [Electronic resource] // Counter point research. – January 2021. – Mode of access: <https://report.counterpointresearch.com/>. – Date of access: 24.06.2016.

6. The world's most valuable brands [Electronic resource] // Forbes. – Mode of access: <https://www.forbes.com/the-worlds-most-valuable-brands/#a6df2eb119c0>. – Date of access: 24.06.2016.

7. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283530. – Дата доступа: 23.04.2019.

8. Глобальная база данных по брендам [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www3.wipo.int/branddb/>. – Дата доступа: 29.04.2021.

9. Ницкая классификация [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/classifications/nice>. – Дата доступа: 23.04.2021.

10. Артеменков, С. Л. Зрительное восприятие симметрии как фактор эстетического переживания / С. Л. Артеменков, Г. В. Шукова, К. В. Миронова // Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 166–177.

Зданчук Наталья Валерьевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Natallia Zdanchuk,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: turok_nv@grsu.by

**CHINESE TRADEMARKS INCLUDED
IN THE GLOBAL WIPO DATABASE
WITH A FOCUS ON THE REPUBLIC OF BELARUS**

The relevance of the study of Chinese trademarks is determined by the rapid development of trade relations between the Republic of Belarus and China, as well as the Chinese MIC 2025 strategy which strives to secure China's position as a global powerhouse in high-tech industries. Based on the WIPO Global Brand Database, the article identifies the main classes of products of Chinese manufacturers represented on the territory of Belarus and discusses the use of non-verbal semiotics for Chinese trademarks creation.

Keywords: trademark, intellectual property, non-verbal semiotics.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ БРЕНДИНГА ЗА ПРЕДЕЛАМИ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Взаимодействие специальных и неспециальных видов дискурса влечет за собой различного рода отношения между общеупотребительной и специальной лексикой, которые проявляются в постоянных процессах терминологизации и детерминологизации. Процессу детерминологизации может предшествовать процесс деспециализации, который предполагает употребление термина в терминологическом значении неспециалистом вне специального дискурса. Все эти процессы ведут к развитию явления консубстанциональности. В средствах массовой информации термины брендинга могут употребляться в своем специальном значении. Вместе с тем, наблюдается и приобретение этими номинациями переносного, неспециального значения.

Ключевые слова: терминология, специальный дискурс, терминологизация, детерминологизация, деспециализация, консубстанциональность.

Для каждой профессиональной сферы и отдельной ее области характерен свой дискурс, который принято называть профессиональным или специальным дискурсом. Под профессиональным дискурсом понимается «вербально опосредованная коммуникация как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [1, с. 32]. Профессиональный дискурс рассматривается также как «особая коммуникативная среда, порождаемая целеполаганием субъектов, специфичная по тематике, оформляемая в соответствии с условиями общения и наполненная определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели» [2, с. 28]. Следует отметить, что специальный дискурс, как правило, ограничен некоторой специальной областью общественных знаний, опыта, навыков применения и достаточно чётко выраженной общественно значимой функцией [3, с. 23]. Таким образом, особенности специального дискурса определяются спецификой той или иной области знаний и использованием соответствующей терминологии.

Лексическое разнообразие специального дискурса не ограничивается только отраслевой терминологией. В нем используется как общеупотребительная лексика, так и общенаучная, межпредметная, отраслевая смежных предметных областей, в том числе подвергшаяся транsterминологизации. Такое разнообразие лексического фонда обусловлено многочисленными коммуникативными целями, которые преследуют участники профессиональных дискурсивных практик.

Взаимодействие специальных и неспециальных видов дискурса влечет за собой различного рода отношения между общеупотре-

бительной и специальной лексикой, которые проявляются в постоянных процессах терминологизации и детерминологизации. В процессе детерминологизации происходит потеря специальной единицей своей строгой концептуальности, системности и однозначности, она приобретает прагматические параметры, которые прежде были ей несвойственны. Таким образом, «возникает новое слово с терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования» [4, с. 133]. Согласно В. М. Лейчику, процесс детерминологизации происходит, во-первых, если термин, обозначающий устаревшее понятие, выходит из научного употребления, и, во-вторых, если термин получает вторичное, метафорическое значение и начинает использоваться также в неспециальной сфере, сохранив при этом свое место в терминосистеме [5, с. 29]. Принято считать, что к каналам, связанным с подобными трансформациями терминов, относится публицистика и разговорная речь.

В связи с повышением уровня образованности и интеллектуализации общества, помимо собственно детерминологизации, наблюдается выход специальной лексики за пределы специального дискурса. Процессу детерминологизации может предшествовать процесс деспециализации, который предполагает употребление термина в терминологическом значении неспециалистом вне специального дискурса. При деспециализации происходит расширение сферы употребления термина [6, с. 387].

Все эти процессы ведут к развитию явления консубстанциональности, т. е. к существованию лексем, употребляющихся одновременно в специальном дискурсе и за его пределами. Как отмечает С. В. Гринев-Гриневич, «...во всякой терминологии (предметной области специальной лексики) непременно есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи – так называемые «консубстанциональные» термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка» [7, с. 27]. Консубстанциональные термины представляют собой «особый тип концептуализации, основанный на выделении одинаковых, сходных, подобных признаков» [8, с. 87]. Учитывая, что преобразование терминологической лексики в общеупотребительную лексику и использование общеупотребительных слов для формирования терминологии представляет собой непрерывный процесс, граница между общеупотребительным словом и словом-термином нестабильна и имеет функциональный характер [7, с. 25–26].

Целью данной статьи является рассмотрение специфики функционирования части терминологии брендинга, а именно таких

номинаций, как *trademark (mark), brand, branding*, их форм и производных от них, за пределами специального дискурса, рамки которого ограничены специализированными источниками, адресованными, в первую очередь, специалистам в экономической, маркетинговой и юридической сферах.

Выход терминологии брендинга за пределы специального дискурса – в средства массовой информации – обусловлен возрастающей популярностью предметной области брендинга и ее связью со сферой потребления. Специфику функционирования терминологии брендинга в средствах массовой информации возможно проследить, используя возможности Корпуса современного американского английского языка (СОСА), в котором, помимо текстов популярных журналов, газет и научной литературы, представлены тексты художественной прозы, блогов, а также устная речь. Выбор именно СОСА обусловлен и тем фактом, что «практически вся терминология брендинга получила распространение в русском языке путем «импортации терминов» из английского языка, а именно из его североамериканской разновидности» [9, с. 202]. Представленная в СОСА частотность и распределение вхождений центральной терминологии брендинга по годам отражены в таблицах 1 и 2.

Необходимо отметить, что производные составные номинации, входящие в состав терминологического гнезда, вершиной которого является термин *mark (association mark, certification mark, collective mark, color mark, conflicting mark, defensive mark, expired mark, feel mark, gesture mark, guarantee mark, hologram mark, individual trademark, international mark, motion mark, multimedia mark, national mark, non-descriptive mark, olfactory mark, pattern mark, position mark, prior trademark, sensory mark, service mark, smell mark, sound mark, taste mark, three-dimensional mark, texture mark, well-known mark word mark)* практически не представлены в СОСА и могут считаться собственно отраслевыми терминами.

Таблица 1 – Частотность терминологии брендинга, представленной в СОСА

Термин	Общее количество вхождений	Количество вхождений в журналах	Количество вхождений в газетах	Количество вхождений в научных публикациях
Brand	36615	6293	5650	2117
Branding	2945	384	397	271
Certification mark	11	4	1	1
Service mark	35	2	4	4
Taste mark	2	1	1	-
Trademark	5947	1115	1141	717
Trade mark	55	1	-	9

Таблица 2 – Распределение вхождений терминологии брендинга в СОСА по годам

Термин	1990– 1994	1995– 1999	2000– 2004	2005– 2009	2010– 2014	2015– 2019
Brand	2299	2673	3604	3967	4124	4963
Branding	76	127	225	269	308	444
Certification mark	1	2	2	1	-	-
Service mark	2	2	1	6	-	1
Taste mark	1	-	-	1	-	-
Trademark	557	912	668	582	499	626
Trade mark	3	6	3	2	1	2

Количественные данные, указанные в таблицах, демонстрируют нарастающую активность использования термина *brand* как в специальном, так и неспециальном дискурсах.

Контексты употребления терминологии брендинга, представленные в СОСА, свидетельствуют о ее широком распространении в средствах массовой информации, где данная терминология функционирует как в своем терминологическом, так и в деспециализированном значениях.

Рассмотрим примеры употребления за пределами специальной сферы терминов *brand*, *branding* и *trademark*:

The world's most valuable apparel brand, Nike, continues to outperform its competitors like Adidas and Under Armour. (USA Today, 2019.05.20)

In many parts of Rio, it's hard to tell the city is hosting the Olympics. Dressing up the venues with the "look of the games" branding – logos, banners and other designs – fell short after a Ukrainian supplier failed to deliver. (Columbus Dispatch, 2016.08.14).

A registered trademark of Medtronic. (Virginian-Pilot, 2018.08.16).

В приведенных выше примерах термины брендинга употребляются в своем специальном значении. Вместе с тем, наблюдается и приобретение этими номинациями переносного, не специального значения:

Soon after his announcement, the Trump re-election campaign issued a statement denouncing "every" Democratic candidate for "embracing his brand of socialism." (New York Times, 2019.02.19).

Think of the sheer joyousness of the title number in "Singing in the Rain." Or Astaire on the ceiling in "Royal Wedding." Or a very different brand of escapism, created by the helter-skelter editing and breathless, bittersweet byplay between Audrey Hepburn and Albert Finney in "Two for the Road." (Chicago Tribune, 2019.02.23).

Arnade found that the dignity deficit appeared across a broad racial and geographic spectrum, though it's worth noting that Trump's brand of loving

approval is always aimed at a narrow, white slice of that range. (Washington Post, 2019.03.05).

Jamal Khashoggi was a Washington Post journalist and critic of the Saudi regime assassinated in Istanbul on Oct. 2. His name is associated with increasing threats journalists face in an atmosphere branding them “enemies of the people.” (Omaha World-Herald, 2019.01.14).

It’s hard to envision Trump even sitting in a room with Clinton, whom he has attacked as a corrupt abuser of women and a “hypocrite” or Obama, whom he labeled “bad (or sick) guy.” The two Democrats have been just as critical of Trump, branding him as a threat to American democracy. (Washington Post, 2018.12.02).

The Bruce Wayne we meet in “Batman v Superman” has been fighting crime for more than 20 years. He’s so jaded on the whole experience that he’s begun branding his criminals with the bat insignia. (OregonLive.com, 2016.03.25).

For their part, Republicans have mounted somewhat similar attacks on Mrs. Clinton, though they certainly have stopped short of branding her a tyrant in waiting. (Washington Times, 2016.07.13).

Donald Trump prepared for this week’s NATO summit by doing what no president had done before – making a case that the alliance is a bad deal for the American people. Last week in Great Falls, Mont., he said that he had told Chancellor Angela Merkel of Germany, “I don’t know how much protection we get by protecting you.” Mr. Trump has been even tougher on the European Union, branding it “as bad as Nafta” and adding, “Sometimes our worst enemies are our so-called friends.” (New York Times, 2018.07.11).

Over the years, however, she has softened, trading diva behavior for more emotional maturity. She has survived terrible breakups, including with a chronically philandering co-star, Jax Taylor, and temporary estrangements from castmates Kristen Doute and Katie Maloney. Throughout, Ms. Schroeder has emerged as a voice of reason for her more troubled friends to turn to, albeit one tinged with her trademark sarcasm and cynicism. (New York Times, 2019.04.13).

One of the photos at the scene of a memorial showed Desmond Smith with his trademark big smile. (Colorado Springs Gazette, 2018.01.02).

“The America of John McCain,” she added, with a reference to Trump’s trademark phrase, “has no need to be made great again because America was always great.” (Minneapolis Star Tribune, 2018.09.01).

The Godfather greeted his visitors, but his trademark smile and usual burst of energy were absent. (Denver Post, 2011.06.26).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что терминология брендинга активно употребляется за пределами специального дискурса,

как в собственно терминологическом, так и в переносном значении. Процессу детерминологизации подвержены, в основном, однословные лексические единицы. При этом, консубстанциональный термин может выступать вне специального дискурса как в качестве самостоятельного термина, так и в качестве терминоэлемента. Процесс детерминологизации, приводящий к появлению консубстанциональных терминов, может осуществляться путем метафоризации (*brand of socialism, branding them “enemies of the people”*) или путем фразеологизации (*trademark smile, trademark phrase*) значения термина, что подтверждает утверждение Э. А. Сорокиной о том, что «появление консубстанциональных терминов базируется на способности мышления увидеть абстрактные общие признаки у явлений, имеющих разную природу: естественные вещи и абстрактные умозаключения» [8, с. 87].

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2013. – № 1 (292). – С. 32–35.
2. Галич, Г. Г. Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления / Г. Г. Галич, А. М. Клёстер // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филологические науки». – 2018. – № 6 (416). – С. 28–35.
3. Чекулай, И. В. К проблеме онтологии и терминологии статусно-ориентированных типов дискурса в современной лингвистической дискурсологии / И. В. Чекулай // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2019. – № 1–1. – С. 21–35.
4. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – Изд. 6-е. – М.: Либроком, 2012. – 248 с.
5. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 4-е. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
6. Шарафутдинова, Н. С. О процессах взаимодействия авиационной терминологии и общеупотребительной лексики (в немецком, английском и русском языках) / Н. С. Шарафутдинова // Язык и литературознание. – 2018. – № 10.
7. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
8. Сорокина, Э. А. Особенности русского профессионального языка в области лингвистики / Э. А. Сорокина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия «Гуманит. и соц. науки». – 2021. – № 1. – С. 82–91.
9. Рычкова, Л. В. Заимствованная терминология вне специального дискурса (на примере номинации бренд) / Л. В. Рычкова // Тэарэтычныя і прыкладныя аспекты этналагічных даследаванняў : зб. навук. арт. / Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт ; уклад. М. В. Макарыч. – Мінск : БНТУ, 2019. – С. 199–206.

Зенько Марина Иосифовна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Maryna Zianko,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: vk@grsu.by

FUNCTIONING OF BRANDING TERMINOLOGY OUT OF SPECIAL DISCOURSE

The interaction of special and non-special types of discourse entails various kinds of relationships between common and special vocabulary, which are manifested in the constant processes of terminologisation and determinologisation. In addition to the actual determinologisation, there is a transmission of special vocabulary beyond a special discourse. The process of determinologisation may be preceded by the process of despecialisation, which implies the use of the term in a terminological sense by a non-specialist outside of a special discourse. All these processes lead to the development of the phenomenon of consubstantiality. In mass media, branding terms may be used in their special meaning. At the same time, these nominations may also acquire a figurative, non-special meaning.

Keywords: terminology, special discourse, terminologisation, determinologisation, despecialisation, consubstantiality.

УДК 130.2

А. Н. Искам

ТРУДНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Поднимается вопрос о роли межкультурной коммуникации в современном мире, рассматриваются трудности межкультурной коммуникации на примере русского и английского языков. Актуальность данной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день остро стоит проблема достижения главного результата коммуникации, т. е. взаимопонимания.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, язык, культура.

Все вопросы, связанные с культурой, стали в настоящее время чрезвычайно актуальными, и в современном мире возросла роль межкультурной коммуникации в связи с расширением международных связей, глобализацией экономики и развитием коммуникационных технологий.

Межкультурная коммуникация – это общение с представителями других культур, и каждый из них имеет особое видение мира, национальный менталитет, мышление, культуру.

Русская пословица *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* и ее английский аналог *When in Rome do as Romans do* показывают, что вопросы межкультурного общения волновали человечество с незапамятных времен. Особенно острой проблема межкультурной коммуникации стала во второй половине XX века, когда начала активно

развиваться международная торговля, стали расширяться политические, научные и культурные связи. Возникали проблемы в осуществлении профессиональной коммуникации, что привело к пониманию того, что специалистов необходимо обучать не только иностранным языкам, но и межкультурной коммуникации.

Но трудности межкультурной коммуникации неизбежны, и интерпретация сообщений собеседника может оказаться частичной или неверной по разным причинам. Например, люди могут не учитывать особенности других культур, неверно интерпретировать слова, фразы и предложения на иностранном языке, ошибочно трактовать невербальное поведение (позы, жесты, действия), полагаться на стереотипы, кроме того, не все участники коммуникации обладают одинаковым объемом знаний, могут иметь различные политические и религиозные взгляды, культурные и национальные традиции.

Специалисты из разных профессиональных областей вовлечены в международную коммуникацию, и их деятельность невозможна без знания иностранного языка. А так как язык – это средство общения между специалистами разных стран, то в настоящее время на первый план вышло изучение иностранного языка в обстановке реального общения, в естественных ситуациях, изучение грамматики уже не является приоритетом в методике преподавания иностранного языка. «Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [1, с. 27].

Конфликты и недопонимания, возникающие между людьми из разных культур, связаны не с недостаточным знанием языка, а с недостатком культурных знаний. Знание языка дает лишь видимость понимания людей, принадлежащих к разным культурам, но не дает достаточных знаний об иностранной культуре. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подошли к данному вопросу следующим образом: «Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, – это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов. Совокупности совпадающих (интернациональных) и расходящихся (национальных) единиц для каждой пары сопоставляемых культур будут различными... Поэтому неудивительно, что приходится расходовать время и энергию на усвоение не только плана выражения некоторого языкового явления, но и плана содержания, т. е. надо вырабатывать в сознании обучающихся понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогии ни в их родной культуре, ни в их

родном языке. Следовательно, речь идет о включении элементов страноведения в преподавание языка, но это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением. Так как мы говорим о соединении в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, такой вид преподавательской работы предлагается назвать лингвострановедческим преподаванием» [2, с. 30].

По различным социально-историческим причинам главным международным средством общения стал английский язык. Можно с уверенностью сказать, что миллионы людей изучают английский язык, т. к. он стал главным языком современной культуры, бизнеса, рекламы, туризма, IT-сферы, он универсален, т. к. одинаково хорошо подходит как для личного общения, так и для ведения бизнеса и относительно прост в изучении и освоении. Однако для того, чтобы главная цель коммуникации – понимание собеседника – была достигнута, одного знания английского языка недостаточно. Необходимо разбираться в традициях, обычаях, образе жизни носителей языка. Дэвид Кристал в своей книге «Английский язык как глобальный» пишет: «...независимо от того, является ли английский родным для вас или нет, возникает ряд интересных вопросов. Если это родной язык, то у вас, вероятно, возникают смешанные чувства по поводу того, как происходит его распространение по всему миру. Вы можете гордиться тем, что ваш язык добился такого признания на мировом поприще. Однако к гордости примешивается беспокойство относительно того, что жители других стран подчас не желают пользоваться тем же английским, что и вы. Они вносят в него какие-то изменения, «подстраивая» его под себя. Мы часто обижаемся на то, как другие используют (а чаще всего коверкают) «наш» язык» [3, с. 16].

Так какие же трудности препятствуют процессу коммуникации и достижению цели? В первую очередь это трудности языковые, связанные с различиями в словаре, грамматических структурах, фонетическом строе языка.

Английский язык аналитический, в нем нет такого разнообразия окончаний и суффиксов, как в русском, и очень важен порядок слов в предложении. Например, если мы можем сказать *Кошка поймала мышку. Мышку поймала кошка. Поймала мышку кошка. Поймала кошка мышку.* Смысл от перемены слов в предложении не изменится. Но если изменить порядок слов в английском предложении, то полностью поменяется смысл. *The mouse caught the cat* будет значить, что мышка поймала кошку.

Также необходимо помнить, что английское предложение не может существовать без подлежащего и сказуемого, в то время как русское

вполне может обойтись без одного из них: *Я учитель. – I am a teacher. (Я есть учитель.); Темно. – It's dark. (Это есть темно)*. Не принимая во внимание эти различия, начинающие изучать английский язык часто строят предложения по-русски, опуская вспомогательные глаголы и путая порядок слов. Также для русскоязычных представителей особую трудность представляют артикли, система времен, многочисленные предлоги. В то время как англичане грешат ошибками в падежных окончаниях и употребляют неверные формы глаголов.

Но если с языковыми трудностями можно справиться, то культурный барьер в силу того, что часто он не осознан, может быть гораздо опаснее. Многие проблемы при общении представителей разных культур обусловлены несовпадением общественных норм, ценностей, особенностей мировоззрения, и велика вероятность того, что поведение людей не будет соответствовать нашим личным представлениям и нормам. К примеру, пристрастие англичан к хорошим манерам знаменито на весь мир. Они всегда сдержанны и воспитаны. Они за все просят прощения и ведут себя чрезмерно вежливо. Собеседники редко прикасаются друг к другу, принято соблюдать личные границы. Рукопожатие обычно быстрое, а похлопывание по плечу и вовсе считается бестактностью. Также следует помнить, что не следует задавать людям вопросы о личном, например, где человек живет и сколько зарабатывает. Заводить знакомства достаточно сложно, т. к. согласно английскому этикету их можно осуществить только через посредника, поэтому иногда даже соседи не знают друг друга, потому что они не были друг другу представлены. Также для успешной коммуникации необходимо знать правила поведения за столом и бизнес-этикет.

Язык невозможно изучить вне единства с историей, культурой и бытом народа изучаемого языка. Знания о национальных особенностях мышления и поведения, о правилах этикета, традициях и обычаях позволяют добиться успеха в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 146 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Кристал, Д. Английский язык как глобальный : пер. с англ. / Д. Кристал. – М. : Изд-во «Весь мир», 2001. – 240 с.

Искан Анна Николаевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Anna Iskam,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: iskam_an@mail.ru

THE CHALLENGES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (BY THE CASE OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

The importance of the topic is caused by the fact that today there is an acute problem of achieving the main result of communication, i.e. mutual understanding. The article raises the question of the role of intercultural communication in the modern world, examines the challenges of intercultural communication by the case of the Russian and English languages.

Keywords: intercultural communication, language, culture.

УДК 316.776.2

Т. М. Канторович

ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается межкультурная деловая коммуникация как один из самых распространенных видов взаимодействия в обществе. Анализируются характеристики и функции делового этикета. Приводятся универсальные правила делового этикета. Рассматривается классификация национальных культур Р. Льюиса и особенности делового этикета в различных культурах.

Ключевые слова: межкультурная деловая коммуникация, деловой этикет, моноактивные культуры, полиактивные культуры, реактивные культуры.

В современном глобальном мире, когда идёт непримиримая борьба за рынки сбыта и сферы влияния, резко возрастает количество деловых контактов в бизнес – среде, преимущество имеет тот, кто понимает не только язык, но и культуру конкурентов и партнёров, их сильные и слабые стороны, мотивационные и сдерживающие поведенческие факторы [1].

Межкультурная коммуникация – это своего рода набор навыков, которыми можно овладеть, чтобы более эффективно взаимодействовать с представителями других культур. Мышление и поведение разных народов, несмотря на глобализацию, всегда будут отличаться. Вместе с тем знания специфики культуры и поведенческих моделей народов поможет избежать непреднамеренных оскорблений и последующих возможных конфликтов [1].

Межкультурная деловая коммуникация включает в себя различные формы взаимодействия представителей разных культур и национальностей, а также деловой этикет. В большинстве стран существует ряд строгих правил этикета, нарушение которых может повредить имиджу делового человека. Деловые нормы поведения

включают в себя невербальное поведение, дресс-код, ведение переговоров, деловую переписку, деловые подарки, деловой телефонный разговор [2].

Деловой этикет – совокупность правил и норм, общепринятых в деловой сфере и международном экономическом сотрудничестве, которые регламентируют нормы делового общения (порядок встреч и проводов делегаций, подписи документов, деловой переписки, проведения мероприятий.)

Этикет – явление историческое. Правила поведения людей изменялись с изменениями условий жизни общества, конкретной социальной среды. Впервые о правилах этического поведения стали говорить во время ремесленного разделения труда, и примерно в XI–XII веках были описаны определенные моральные требования, касающиеся профессии и характера труда. Правила делового этикета формировались на основе повседневного опыта и необходимости регулировать отношения между людьми разных профессий. Большое влияние на формирование и распространение профессиональной этики в то время оказывало общественное мнение.

Этикет становится чрезвычайно важным в период зарождения абсолютных монархий. Придерживаться определенных правил поведения, церемониала было необходимо для возвеличивания царственных особ: императоров, королей, царей, князей, принцев, герцогов и т. п., для закрепления иерархии внутри самого классового общества. От знания этикета, выполнения его правил часто зависела не только карьера, но и жизнь человека. Так было в Древнем Египте, Китае, Риме, Золотой Орде. Нарушение этикета приводило к вражде между племенами, народами и даже к войнам.

Деловой этикет – результат длительного отбора правил и форм наиболее целесообразного поведения, которое способствовало успеху в деловых отношениях. Но как в те давние времена, так и сейчас правила делового этикета, культура поведения помогают сближению экономических и финансовых интересов бизнесменов. Для многих прибыль была и остается выше всех различий национального характера, вероисповедания, социального положения, психологических особенностей. Подчинение правилам игры, отраженным в этикете определяющей стороны, создает основу для успеха сделки.

Выделяют ряд основных универсальных правил делового этикета, которые действуют практически в каждой стране:

1. Строгое соблюдение пунктуальности.
2. Вежливость в общении.
3. Уважение к религии, праздникам, еде принимающей страны.

4. Внимание к окружающим. Люди должны уважать мнение других людей, считаться с советами и критикой, как со стороны коллег, так и со стороны руководителей. Важно ценить опыт окружающих людей.

5. Грамотность и корректное ведение деловой документации. Деловой этикет основан на умении грамотно излагать свои мысли и без ошибок составлять официальные письма.

6. Правильное произнесение имен лиц, с которыми ведутся переговоры, а также тех, кто управляет страной.

7. Отказ от сравнения страны пребывания с собственной страной и ее традициями.

8. Отказ от критики государства, которое выступает принимающей стороной, его политики, национальных особенностей.

Деловой этикет имеет свои особенности в разных странах. Большой интерес для понимания различий в деловом общении разных культур представляют работы Ричарда Льюиса. Он разделил несколько сотен национальных культур мира на три группы – *моноактивные, полиактивные и реактивные*.

Моноактивные культуры ориентированы на задачу (task-oriented), они чётко планируют свою деятельность. К данному типу культур Р. Льюис относит шведов, швейцарцев, датчан и немцев. В один промежуток времени они делают одно дело, полностью на нём сосредоточены и работают по заранее запланированному графику. Они считают, что именно такая организация труда позволит эффективно выполнить поставленную задачу. Когда люди моноактивной культуры вынуждены совместно работать с людьми другой культуры, они раздражаются, не понимая, почему партнёры опаздывают или вовсе переносят запланированную встречу. Моноактивность американцев несколько иная. По выражению Льюиса, «они живут большей частью в настоящем и будущем» [3, с. 64].

Характерными чертами моноактивных народов исследователь называет интровертность, терпеливость, любовь к уединению, пунктуальность, краткость. Они черпают информацию из официальной статистики, справочников и проверенных баз данных. В споре опираются на логику. Уважают официальность и всегда строго разграничивают социальную и профессиональную деятельность.

Таким образом, в Швейцарии необходимо уделять особое внимание жестикюляции. В некоторых странах принято подчеркивать определенные моменты с помощью рук, но в Швейцарии это не так распространено. Если вы видите, что люди смотрят на ваши руки во время презентации, значит, вы используете их слишком часто. Для жителей Швейцарии важна пунктуальность. В меньшей степени это

касается франкоговорящих районов, но лучше перестраховаться и приходиться вовремя. Швейцарцы очень серьезно относятся к первому впечатлению, которое может сыграть ключевую роль при дальнейшем сотрудничестве. Во время презентации они всегда в первую очередь смотрят на лицо собеседника, поэтому важно улыбаться и выглядеть дружелюбно.

Немцы считаются сдержанной и консервативной нацией. Для немецкой деловой культуры характерно стремление к порядку, дисциплине, пунктуальности, бережливости, скрупулезности. Все встречи назначаются заблаговременно. Как правило, немцы очень тщательно прорабатывают свою позицию, во время переговоров предпочитают обсуждать вопросы последовательно, один за другим. Они любят приводить факты и примеры, равнодушны к цифрам, схемам, диаграммам. Немецкие бизнесмены, как правило, не склонны к риску, и их процесс принятия решений может показаться иностранным коллегам затянутым. При заключении сделок немцы будут настаивать на строгом выполнении взятых на себя обязательств, а также на выплате высоких штрафов в случае их невыполнения. В немецком бизнесе существует жесткая иерархия, и каждому человеку отводится своя роль. Предпочтение отдается прямоте, а презентации должны содержать много проверенных, точных цифр и фактов. Традиционной формой приветствия является крепкое рукопожатие. И мужчины, и женщины одеваются в консервативные темные костюмы и белые рубашки. Юмор не приветствуется в деловом контексте. Приветствия должны быть вежливыми, а рукопожатия – выражать надежность и уверенность.

Полиактивные культуры – ориентированы на людей (people-oriented), общительны и многословны. Они делают одновременно несколько дел и совсем не в запланированном порядке, легко перестраиваются в ходе переговоров, зачастую полностью меняя повестку дня. Полиактивные народы считают реальность важнее, чем распорядок установленный человеком. Итальянцы, португальцы, испанцы, латиноамериканцы – экстраверты, нетерпеливы, очень любопытны. Они непунктуальны, их график непредсказуем. В отличие от моноактивных народов подгоняют факты как им удобно. Отдают предпочтение информации, полученной из первых рук (устно). Всегда заручаются протекцией и знают наверняка человека, от которого может зависеть ход дела. Часто смешивают социальную и профессиональную деятельность.

Так, в контексте делового общения с итальянскими партнёрами стоит быть готовым к тому, что пунктуальность не является приоритетом для представителей данной культуры. Необходимо быть терпеливым и

готовым к некоторым задержкам при установлении контакта с новым итальянским партнером. Не следует воспринимать небольшую задержку как знак неуважения. В итальянской деловой культуре не принято дарить подарки. Только после того, как вы установили с кем-то доверительные отношения, можно преподнести небольшой и не слишком дорогой подарок в знак дружбы.

Любое знакомство с представителем итальянского делового мира начинается с обмена визитными карточками, поэтому при общении с итальянскими бизнесменами необходимо иметь при себе достаточное количество визитных карточек. Если к визитной карточке будет приложена небольшая брошюра с описанием вашей компании, это будет расценено как положительный вклад в начало совместной деятельности. Итальянские бизнесмены придают большое значение тому, чтобы переговоры велись между людьми, занимающими примерно равное положение в деловом мире. Итальянцы любят пожимать руки и жестиковать во время разговора.

Реактивные, иначе говоря, слушающие культуры – ориентированы на сохранение уважения (respect-oriented). Японцы, китайцы, турки, корейцы, финны – лучшие в мире слушатели, которые редко иницируют дискуссии, предпочитая сначала выяснить позицию партнёров, затем на неё откликнуться и только потом сформулировать свою. Даже когда они начинают отвечать, от них редко можно услышать определённое мнение. Их тактика базируется на постановке вопросов с целью более чётко понять ожидания делового партнёра. Именно представители реактивной культуры более других используют виртуозно невербальную коммуникацию, осуществляемую с помощью тонкого языка телодвижений. В реактивной культуре предпочтительным способом общения будет монолог. Р. Льюис так его описывает – «монолог – пауза – размышление – монолог» [3, с. 71]. Паузы в разговоре китайцы рассматривают как более значимую, изощрённую часть беседы. По их представлениям нельзя отмахнуться от мнения собеседника, его следует молчаливо обдумать. Необходимо отметить, что для реактивных народов характерно, что фактическое содержание вербального ответа является лишь малой частью того, что происходит. Нужно внимательно относиться к тому, как это было сказано, с какой интонацией и в каком контексте. Финны, японцы и китайцы зачастую используют ворчание, вздохи и постанывания в разговоре. Важно, например, знать, что резкий вздох в Финляндии означает именно согласие, а не возмущение, как у славян.

Так, в Японии всё начинается с традиционного поклона. Чем он ниже, тем больше уважения выражает. В последнее время при общении с

иностранными коллегами распространилось рукопожатие. Следует иметь в виду, что японская культура не предполагает прямого физического контакта между людьми, поэтому похлопывания по плечу, широкие объятия и другие проявления дружеских чувств неуместны. При знакомстве принято обмениваться визитными карточками. Японцы пунктуальны и склонны к персонализации деловых отношений. Переговоры могут занимать много времени. Японцы любят и умеют развлекать гостей. Иногда деловым встречам может предшествовать целая развлекательная программа. Старший член группы часто ведет деловую встречу, а младшие члены из уважения говорят меньше. Люди, занимающие одинаковые должности в разных группах, должны сидеть друг напротив друга; младшие сотрудники никогда не должны сидеть напротив старших. Дарить подарки допустимо, но следует обратить особое внимание на то, как вы преподносите подарок. Никогда не вручайте подарок, который не завернут. Япония особенно чувствительна к слову «нет». Здесь принято отвечать «да», даже если вы не согласны с тем, что вам говорят.

Правила делового этикета в Китае: китайский дресс-код предполагает деловой костюм. Но китайцы негативно воспринимают, если он сочетается с ярким галстуком. Если иностранец появляется в национальной китайской одежде, это воспринимается негативно. Необходимо заранее договариваться о встрече с китайским партнёром – примерно за 3 месяца. Если вы еще не имели дел с компанией, лучше воспользоваться помощью посредника. Когда установлен контакт, нужно предоставить полную информацию о вашей фирме и изложить желаемый результат сотрудничества. Пунктуальность в Китае очень важна, поэтому опаздывать на встречи нельзя. При встрече и прощании китайцы обычно используют рукопожатия, однако некоторые представители этой культуры могут здороваться и прощаться поклоном от плеча. В китайской культуре важна сдержанность, поэтому китайцы могут не улыбаться, когда их представляют. Это не следует воспринимать как неуважение. В Китае уважают старших, поэтому им предоставляется инициатива приветствия.

Следует иметь в виду, что если представители моноактивной культуры всегда разбивают проект на этапы, полиактивной – дают возможность проектам «накладываться» друг на друга, то реактивные народы рассматривают картину в целом. Р.Льюис советует европейским и американским бизнесменам, ведя переговоры с представителями реактивной культуры, внимательно слушать, некоторое время хранить молчание, задавать уточняющие вопросы, конструктивно реагировать и стараться приспособиться к стилю партнёра [3, с. 68].

Взаимодействие между людьми, принадлежащими к разным культурам, включает не только способ общения, но и процесс подготовки к нему. Р. Льюис делит все народы на *ориентированных на диалог, на безличную информацию* и так называемые *слушающие культуры*. Например, американцы, шведы, немцы всегда предварительно собирают нужную для встречи информацию. Они относятся к народам, ориентированным на безличную информацию. Итальянцы, арабы, индийцы ориентированы на диалог. У них всегда есть личные каналы информации в кругу друзей, знакомых и родственников. Японское общество вообще называют обществом-паутиной, имеющим сетевой характер. Их жизнь – сложная информационная сеть. Слушающие культуры сочетают использование и баз данных, и печатной информации, и внимательное отношение к устной информации [3, с. 64].

Таким образом, межкультурная коммуникация играет важную роль на пути к достижению эффективного сотрудничества между деловыми партнёрами. Владение основными принципами и правилами делового этикета страны делового партнёра играет важную роль в успешном ведении бизнеса. Каждый, кто ведёт бизнес в других странах, должен иметь представление о культурных особенностях данной культуры для успешной реализации своих бизнес целей.

Список литературы

1. Онищенко, И. Г. Особенности деловых межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс] / И. Г. Онищенко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-delovoyh-mezhkulturnyh-kommunikatsiy/viewer>. – Дата доступа: 17.05.2021.
2. Гриб, М. И. Деловое общение как одна из форм межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс] / М. И. Гриб, А. Н. Януш, В. В. Мороз. – Режим доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/39652/Delovoe_obshchenie_kak_odna_iz_form_mezhkulturnyh_kommunikatsij.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – Дата доступа: 18.05.2021.
3. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р. Льюис. – М.: Дело, 1999. – 440 с.

Канторович Татьяна Михайловна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Tatyana Kantorovich,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: kantorovich_tm@grsu.by

BUSINESS ETIQUETTE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article deals with intercultural business communication as one of the most common types of interaction in society. The characteristics and functions of business etiquette are analyzed. Universal rules of business etiquette are given. The classification of national cultures by R. Lewis and features of business etiquette in different cultures are considered.

Keywords: intercultural business communication, business etiquette, monoactive cultures, polyactive cultures, reactive cultures.

КОНФЛИКТ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

На основе системного деятельностного подхода осуществляется теоретическая реконструкция проблемного блока «межкультурный конфликт» в предметном поле американской школы межкультурной коммуникации. Изучение конфликта как результата межкультурной коммуникативной деятельности для его предотвращения является одной из конечных целей американской интеркультуралистики, однако до сих пор полностью не интегрировано в ее теоретическую базу. В исходной научной традиции преобладают кросс-культурные исследования конфликтов, тогда как их интерактивные межкультурные аспекты освещаются преимущественно на основе концепций межгрупповых, межличностных, организационных конфликтов, предложенных в рамках смежных дисциплин. Рассмотрение данной теоретической проблемы является предметом статьи.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, межкультурная коммуникация, конфликт, межкультурный конфликт, ценностные измерения культур, американская научная традиция.

Процесс межкультурной коммуникации рассматривается в настоящей статье как специфический вид коммуникативной деятельности в свете системного деятельностного подхода, предложенного М. С. Каганом, в соответствии с которым структура человеческой деятельности вообще представляет собой совокупность сложных *действий* (комплексов *акций*), осуществляемых *субъектом* над *объектом* некоторыми *средствами* при некоторых *условиях* в соответствии с некоторой *целью* для получения некоторого *результата* [1, с. 45–49]. Результаты деятельности, таким образом, определяются ее условиями. Результатами коммуникативной деятельности, в данном случае – межкультурной, являются, прежде всего, отношения между взаимодействующими субъектами и конфликты между ними как часть формирующихся и сформировавшихся отношений. Именно на избежание конфликтов в процессе межкультурной коммуникации направлено основное исследовательское внимание интеркультуралистского научного сообщества.

Однако парадоксальным образом, несмотря на обширный массив кросс-культурных исследований в области межкультурных конфликтов, собственно межкультурные теории конфликтов составляют лауну в предметном поле межкультурной коммуникации как самостоятельного исследовательского направления исследований в американской научной традиции. Как показывает опыт теоретической реконструкции, американской школой межкультурной коммуникации генерируются межкультурные теории либо интегрируются версии психологических, коммуникативистских, социологических теорий, переработанные или

расширенные с учетом межкультурного характера интеракций, проблематизирующие вопросы взаимосвязи культуры и коммуникации, культурной вариативности в коммуникации, эффективной межкультурной коммуникации, идентичности, аккультурации, межкультурной коммуникативной компетентности [2], то есть концентрирующиеся в большей мере на условиях и факторах межкультурной коммуникативной деятельности, чем на ее результатах. Не составляет исключения и теория согласования лица С. Тинг-Туми, которая объясняет культурную вариативность в коммуникации на примере конфликтогенного понятия лица как чувства собственной социальной значимости, присутствующего во всех культурах, но по-разному реализуемого в управлении коммуникацией и конфликтами [3].

Вместе с тем некоторыми американскими авторами предпринимаются попытки преодоления данного теоретического пробела посредством большего привлечения существующих социологических и психологических теорий межгрупповых и межличностных конфликтов для осмысления конфликтов между индивидами, принадлежащими к разным культурным группам (У. Гудиканст, Я. Ю. Ким, С. Тинг-Туми и другие). В этой связи целесообразно систематизировать предлагаемые идеи для лучшего понимания феномена межкультурных конфликтов.

Прежде всего, следует привести ряд общих положений о его природе и характеристиках отношении межкультурного конфликта. Межкультурный конфликт, как на межгрупповом, так и на межличностном уровне, определяется как «воспринимаемая либо действительная несовместимость ценностей, норм, процессов или целей между как минимум двумя культурными сторонами в отношении содержательных, идентичностных, реляционных и процедурных вопросов» [4, р. 194]. Соответственно, С. Тинг-Туми выделяет четыре вида целей, по поводу которых возникают конфликты вообще и межкультурные конфликты, в частности: 1) содержательные цели, 2) цели, основанные на идентичности, 3) реляционные цели, 4) процессуальные цели.

Содержательные цели связаны с непосредственными аспектами совместной деятельности и оказывают определенное влияние на восприятие идентичностных и реляционных целей. *Цели, основанные на идентичности*, включают вопросы сохранения лица и во многом обуславливают *реляционные цели*, которые связаны с определением общего статуса отношений между конфликтующими сторонами (сохранение – пересмотр – разрыв отношений, открытость – закрытость отношений, коммуникативная дистанция и т. д.). Идентичностные и реляционные цели всегда присутствуют в конфликте на скрытом уровне,

однако на поверхности, как правило, находятся содержательные цели в виде поводов и предлогов, причины же зачастую заключаются в стремлении конфликтующих сторон к прояснению и уточнению своих идентичностей и отношений. Следует вместе с тем отметить, что коллективистские и индивидуалистские культуры значительно различаются по восприятию данных конфликтных целей. Так, индивидуалисты фокусируются на содержательных целях, тогда как коллективисты придают большее значение идентичностным и реляционным целям в конфликте. *Процессуальные цели* связаны с процедурными и стилистическими различиями в управлении текущей конфликтной ситуацией [4, р. 195–198].

Для анализа целевого аспекта конфликтогенности – неконфликтогенности межкультурной ситуации на межгрупповом уровне представляют значимость некоторые antecedentes факторы системного уровня, к которым Д. Ландис и Дж. Баучер относят: 1) воспринимаемые групповые различия, ведущие к активизации социальных идентичностей и стереотипов, 2) территориальные претензии, 3) групповые различия в доступе к власти и ресурсам, 4) отношения к языковой политике, 5) религиозные различия, 6) групповые различия в стилях поведения в конфликтах и предпочтительных способах разрешения конфликтов [5]. Согласно гипотезе контакта, межкультурный контакт, протекающий при благоприятных условиях, таких как статусное равенство, доброжелательный и вознаграждающий контакт и т. д., ведет к снижению межгрупповой враждебности, предубеждения и дискриминации [6].

Факторы, природа и механизмы межгрупповых конфликтов, а также способы их разрешения и управления ими проблематизируются в ряде теорий и моделей, среди которых наибольшее внимание со стороны американских исследователей межкультурной коммуникации получили реалистическая теория конфликта [7], инструментальная модель группового конфликта [8], модель общей внутригрупповой идентичности [9], модель разрешения межгрупповых конфликтов [10].

Реалистическая теория конфликта М. Шерифа рассматривает причины возникновения конфликтов между группами этнокультурными группами и основывается на трех предположениях: 1) группы стремятся максимизировать собственные выгоды, 2) конфликты возникают из-за несовместимости интересов, 3) социально-психологические аспекты межгруппового поведения детерминируются совместимостью групповых интересов. По мнению авторов теории, межгрупповое поведение имеет место при взаимодействии индивидуальных членов разных групп, коллективном либо индивидуальном, рассматриваемом ими с точки

зрения своей групповой идентификации [7, р. 12]. При этом способ взаимодействия и отношения между индивидуальными представителями групп зависит от функциональных отношений между этими группами, то есть отношений по поводу ресурсов, которые могут варьироваться от территории до статуса. Если ресурсы ограничены, то, во-первых, чем больше близость к «они»-группе и контакт с ней, тем больше возрастает враждебное отношение к членам «они»-группы, усиливаются предубеждение против них и негативные стереотипы; во-вторых, чем сильнее возрастает восприятие угрозы для «мы»-группы со стороны «они»-группы, тем больше враждебности члены «мы»-группы демонстрируют по отношению к членам «они»-группы и тем чаще происходят конфликты между группами. Возможность минимизации межгруппового конфликта в реалистичной теории конфликта видится в совместной работе членов разных групп по достижению суперординатных целей, в результате которой каждой группой достигаются желаемые цели.

В *инструментальной модели группового конфликта* В. Эссес, Л. Джексон, Т. Армстронг предполагается, что некоторая «комбинация ресурсного стресса и салиентности потенциально конкурентной «они»-группы приводит к восприимчивому групповому соревнованию за ресурсы. В свою очередь, воспринимаемая групповая конкуренция приводит к попыткам устранить источник конкуренции, используя разнообразные стратегии» [8, р. 702]. Термином «ресурсный стресс» обозначается ощущение ограниченного доступа для определенных групп к общественным ресурсам, таким как деньги, работа, власть и т. д. Авторы модели выделяют несколько факторов, детерминирующих степень восприятия «мы»-группой ресурсного стресса: 1) восприятие ограниченности ресурса, 2) неравное распределение ресурса в обществе, ведущее к восприятию низкостатусными группами ограниченности доступа к ресурсу, 3) желание неравного распределения ресурсов между группами. Понятно, что ресурсный стресс приводит к соревнованию за ресурсы между группами, особенно сильному, если «они»-группы обладают высокой салиентностью. Межгрупповая конкуренция основывается на идее «все или ничего» и сопровождается тревогой и страхом. Для устранения источника конкуренции могут применяться три основные стратегии: 1) снижение членами «мы»-группы конкурентоспособности «они»-группы, например, за счет дискриминационных практик; 2) повышение членами «мы»-группы конкурентоспособности собственной группы, например, посредством совершенствования компетентности ее членов; 3) снижение членами «мы»-группы конкурентоспособности «они»-группы за счет увеличения дистанции

между «мы»-группой и «они»-группой, например, отказывая последним в иммиграции и т. д. [8, р. 719].

Модель общей внутригрупповой идентичности С. Гертнера с соавторами предлагает один из возможных путей управления межгрупповыми конфликтами, в основе которого лежит вывод о том, что влияние на способ представления (восприятия) групповых границ членами группы может снизить межгрупповую предвзятость и, как следствие, конфликт, но только посредством процесса рекатегоризации, а не декатегоризации. Рекатегоризация включает использование альтернативной стратегии инклюзивного восприятия «мы»-группы и «они»-группы» [9, р. 5–6]. Согласно данной модели, членам группы не обязательно отказываться от своих групповых идентичностей для того, чтобы иметь разделяемые с членами «они»-групп идентичности, поскольку они могут иметь суперординатные общие идентичности. Наличие разделяемых общегрупповых идентичностей оказывает позитивное воздействие на межгрупповые отношения, результируя, в частности, в таких формах контакта, как самораскрытие перед членами «они»-группы, готовность помочь и т. д. Такое поведение может иметь долгосрочный положительный эффект на разрешение конфликтов между группами [9, р. 7].

С. Кросс и Р. Розенталь выделяют три наиболее часто используемые модели управления межгрупповыми конфликтами: дистрибутивный торг, интерактивный торг, интерактивное разрешение проблемы [10, р. 564–566]. *Дистрибутивный торг* описывается авторами как «соревновательный, позиционный, ориентированный на соглашение подход к разрешению конфликтов, воспринимаемый как спор типа нулевой суммы («все или ничего») [10, р. 564]. Стороны конфликта выступают как «противники», которые, хотя и делают некоторые уступки, все же стараются максимизировать собственные выгоды.

В результате если одна сторона выигрывает, то другая проигрывает. *Интерактивный торг* представляется как «кооперативный, заинтересованный, согласованный подход к разрешению конфликтов», нацеленный на поиск взаимных выгод в споре [10, р. 565].

В результате совместного решения проблемы и поиска взаимовыгодных альтернатив обе стороны остаются в выигрыше. *Интерактивное разрешение проблемы* как стратегия управления конфликтом предполагает наличие некоторой формы посредничества в конфликте третьей стороны, помогающей конфликтующими сторонам проанализировать свои мотивы, потребности, страхи и намерения, которыми они руководствуются в конфликте [10, р. 566].

Данная форма разрешения конфликта применяется при невозможности для спорящих сторон вести переговоры.

Таким образом, на уровне целей и стилистики межкультурный конфликт может объясняться целым набором контекстных факторов (таблица 1).

Таблица 1 – Факторы влияния на межкультурный конфликт [4, р. 201]

Индивид А	Индивид Б
Различия в целевой ориентации (напр., на содержательные цели)	Различия в целевой ориентации (напр., на реляционные цели)
Различия в восприятии взаимозависимости (напр., воспринимаемая независимость)	Различия в восприятии взаимозависимости (напр., воспринимаемая взаимозависимость)
Степень этноцентризма / стереотипизации (напр., умеренный этноцентризм)	Степень этноцентризма / стереотипизации (напр., высокий этноцентризм)
Культурные ценностные различия (напр., индивидуализм)	Культурные ценностные различия (напр., коллективизм)
Различия индивидуального уровня (напр., независимое «я»)	Различия индивидуального уровня (напр., взаимозависимое «я»)
↘ <i>Межкультурный конфликт</i>	↙

Некоторая комбинация перечисленных социо-политико-экономических antecedentных факторов контекста межкультурного взаимодействия обуславливает предпочтительное использование той или иной стратегии разрешения межгрупповых конфликтов либо их возможное сочетание.

Однако наряду с указанными стратегиями разрешения непосредственно протекающих конфликтов большое значение имеют общие культурно обусловленные преференции поведения в конфликтах, во многом предопределяющие как выбор той или иной стратегии, так и количественные и качественные параметры межгрупповых конфликтов. В этой связи существует необходимость рассмотреть стили поведения в конфликтах, выделяемые в американской теории межкультурной коммуникации.

В целом культурные стили поведения в конфликтах обуславливаются конфликтными ритмами, которые зависят ряда ценностных тенденций, а именно, индивидуализма – коллективизма, монохронного – полихронного восприятия времени, низкой – высокой контекстности. Так, *индивидуализм – коллективизм* устанавливает нормы поведения, касающиеся, прежде всего, распределения вознаграждений, выгод и т. д. Здесь имеются в виду предпочитаемые в

индивидуалистских культурах *нормы справедливости* (воздаяние по заслугам) и предпочитаемые в коллективистских культурах *коммунальные нормы* (уравнивание) [11].

Кроме того, индивидуалистские ценностные тенденции культивируют монохронные ритмы, коллективистские ценностные тенденции – полихронные ритмы. Ритмы, в свою очередь, становятся основой для специфического подхода к конфликтной ситуации. *Монохронные ритмы* реализуются в линейно-последовательном восприятии конфликта (посредством индуктивных, либо дедуктивной средств), тогда как *полихронные ритмы* диктуют спирально-холистическое видение конфликта. В свете линейно-последовательного подхода конфликт предстает как кратко- или среднесрочная категория с произвольно устанавливаемым моментом окончания; при спирально-холистическом подходе временные характеристики конфликта не фиксированы и гибки, зависят от синхронизации ритмов конфликтующих сторон [4, р. 212–213].

В сочетании с нормативными и временными тенденциями поведения в конфликте *высоко- и низкоконтекстные тенденции* манифестируются в двух четко различимых стратегиях поведения в конфликтах – *прямом* (открытом, эксплицитном, ориентированном на решение проблемы, агрессивном, конфронтационном) и *непрямом* (скрытом, имплицитном, ориентированном на отношения и сохранение лица, неконфронтационном). Эти два типа поведения в конфликтах лежат в основе специфичных конфликтных стилей, то есть типичных моделей управления конфликтами в различных ситуациях [12, р. 299], по-разному классифицируемых в кросс-культурных исследованиях.

Так, Э. Гленн, Д. Уитмейер и К. Стивенсон выделяют три стиля убеждения, используемые в управлении конфликтами: *фактуально-индуктивный, аксиоматично-дедуктивный и аффективно-интуитивный* [13]. М. А. Рахим пишет о пяти конфликтных стилях, выделяемых на организационном уровне на основе принципа заботы о себе или заботы о других: *интегративном* (направлен на выработку решения, полностью удовлетворяющего обе стороны), *компромиссном* (направлен на выработку решения, удовлетворяющего обе стороны, но не полностью), *доминирующем* (направлен на удержание контроля над конфликтной ситуацией и на выработку решения, удовлетворяющего собственные интересы), *услужливом* (направлен на сохранение лица оппонента за счет отказа от своих требований), *избегательном* (направлен на избегание конфликта и конфликтной ситуации в принципе) [14].

Американские интеркультуралисты проводят корреляцию между данными конфликтными стилями и индивидуализмом – коллективизмом [15]. По их кросс-культурным данным, индивидуалисты склонны к применению прямых, конфронтационных стилей поведения в конфликте, таких как доминирующий, интегративный и компромиссный стили; коллективисты, напротив, предпочитают не прямые, неконфронтационные стили – услужливый и избегательный. С. Тинг-Туми так показывает корреляции различных аспектов поведения в конфликтах с измерением «индивидуализмом – коллективизмом» как центральным измерением культурной вариативности (таблица 2).

Таблица 2 – Индивидуалистские и коллективистские конфликтные линзы [4, р. 210]

Индивидуализм	Коллективизм
Концентрация на результате	Концентрация на процессе
Внимание к фактическим деталям	Внимание к целостной картине
Содержательные цели	Реляционные цели
Значимость осязаемых ресурсов	Значимость неосязаемых ресурсов
Действие в монохронном режиме	Действие в полихронном режиме
Применение норм индивидуальной справедливости	Применение коммунальных и статусных норм
Полагание на линейное индуктивное или дедуктивное рассуждение	Полагание на спиральное или метафорическое рассуждение
Важность фактов и доказательных данных	Важность интуиции и опыта
Соревновательное / контролирующее поведение	Избегательное / приспособительное поведение
Прямые конфликтные стили	Непрямые конфликтные стили
Забота о собственном лице	Забота о лице другого
Акцент на эффективность конфликта	Акцент на уместность конфликта

Таким образом, межкультурные конфликты как результат межкультурной коммуникативной деятельности реконструируются как сложная система разноуровневых факторов и взаимообусловленных межсубъектных процессов коммуникативного взаимодействия.

На уровне конфликтов как важнейших составляющих социальных отношений, в которых проясняются социальные идентичности, социальные роли, цели и сами отношения, наиболее выпукло отражаются как социо-политико-экономические факторы межкультурных межгрупповых взаимодействий, так и культурно специфичные ценностные установки и модели межличностного поведения.

Список литературы

1. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М. : Изд-во полит. лит., 1974. – 328 с.
2. Овчинникова, Н. Н. Американские теории межкультурной коммуникации: типологический анализ / Н. Н. Овчинникова // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 103–111.
3. Oetzel, J. G. Face concerns in interpersonal conflict: a cross-cultural empirical test of the face-negotiation theory [Electronic resource] / J. G. Oetzel, S. Ting-Toomey // Communication research. – 2003. – Vol. 30, iss. 6. – P. 599–624.
4. Ting-Toomey, S. Communicating across cultures / S. Ting-Toomey. – N. Y. : Guilford press, 1999. – 310 p.
5. Landis, D. Themes and models of conflict / D. Landis, J. Boucher // Ethnic conflict: international perspectives / ed.: J. Bourcher, D. Landis, K. A. Clark. – Newbury Park : Sage, 1987. – P. 18–32.
6. Stephan, W. G. The contact hypothesis in intergroup relations / W. G. Stephan // Group processes and intergroup relations / ed. by C. Hendrick. – Beverly Hills, 1987. – P. 13–40.
7. Sherif, M. In common predicament: social psychology of intergroup conflict and cooperation / M. Sherif. – Boston : Houghton Mifflin, 1966. – XVI, 192 p.
8. Esses, V. M. Intergroup competition and attitudes toward immigrants and immigration: an instrumental model of group conflict / V. M. Esses, L. M. Jackson, T. L. Armstrong // Journal of Social Issues. – 1998. – Vol. 54, iss. 4. – P. 699–724.
9. The common ingroup identity model: recategorization and the reduction of intergroup bias / S. L. Gaertner [et al.] // European review of social psychology. – 1993. – Vol. 4, iss. 1. – P. 1–26.
10. Cross, S. Three models of conflict resolution: effects on intergroup expectancies and attitudes / S. Cross, R. Rosenthal // Journal of social issues. – 1999. – Vol. 55, iss. 3. – P. 561–580.
11. Leung, K. The impact of cultural collectivism on reward allocation / K. Leung, M. H. Bond // Journal of personality and social psychology. – 1984. – № 47. – С. 793–804.
12. Gudykunst, W. B. Communicating with strangers: an approach to intercultural communication / W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim. – 4th ed. – N. Y. : McGraw-Hill, 2003. – 468 p.
13. Glenn, E. S. Cultural styles of persuasion / E. S. Glenn, D. Witmeyer, K. A. Stevenson // International journal of intercultural relations. – 1977. – Vol. 1, iss. 3. – P. 52–65.
14. Rahim, M. A. A measure of styles of handling interpersonal conflict / M. A. Rahim // Academy of management journal. – 1983. – Vol. 26, iss. 2. – P. 368–376.
15. Ting-Toomey, S. Intercultural conflict styles: a face-negotiation theory / S. Ting-Toomey // Theories in intercultural communication / ed.: Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst. – Newbury Park, 1988. – P. 213–235.

Овчинникова Нелли Николаевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Neli Auchynnika,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: novchinnikova@grsu.by

CONFLICT IN THE SYSTEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: AN EXPERIMENT OF THEORETICAL RECONSTRUCTION

The study of conflict is one of the ultimate research goals in the intercultural communication field, yet the field has still hardly generated intercultural conflict theories of its own but rather

relies on already existing conceptions of intergroup, interpersonal, and organizational conflicts. The article presents the theoretical reconstruction of the intercultural and cross-cultural research on conflict in American scientific tradition. Intercultural conflicts are addressed in the article from the systemic activity-based approach as a result of intercultural communicative activity.

Keywords: communicative activity, intercultural communication, conflict, intercultural conflict, value dimensions of cultures, American scientific tradition.

УДК 81

Т. В. Пузевич

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Представлен краткий анализ этапов становления языковой идеологии в качестве отдельного направления исследований в рамках американской лингвистической антропологии. Ключевую роль в формировании данного направления сыграл выход статьи М. Сильверстайна «Структура языка и лингвистическая идеология» (1979). Спустя всего двадцать лет в свет выходят авторитетные сборники статей, в которых языковая идеология является самостоятельным объектом исследования. Языковая идеология является междисциплинарным направлением, исследующим совокупность идей о языке (как эксплицитно выраженных, так и имплицитно реализующихся посредством социальных практик) на микро- и макроуровнях.

Ключевые слова: языковая идеология, лингвистическая идеология, лингвистическая антропология, нейтральный анализ идеологии, критический анализ идеологии.

Термин «идеология» был предложен французским ученым и общественным деятелем Дестютом де Траси в конце XVIII в. для обозначения науки о идеях. За более чем два столетия понятие «идеология» стало неотъемлемой частью понятийного аппарата общественных наук и вошло в ряд ключевых философско-политических и экономических учений. По мнению британского исследователя Терри Иглтона, определения данного понятия столь многочисленны и порой противоречивы, что это не позволяет принудительно их объединить в одну всеобъемлющую теорию [1, с. 1].

Языковая идеология (в англоязычных исследованиях также широко используется термин «лингвистическая идеология») как совокупность идей о языке в сознании его носителей стала объектом пристального внимания американских исследователей в конце 70-х гг. XX в. Изначально данная область исследований носила междисциплинарный характер и объединяла исследователей, занимающихся вопросами взаимоотношения языка и общества как на микро- (этнометодология, интеракционная социолингвистика, этнография речи), так макроуровне (языковая политика, языковое планирование государства). Постепенно языковая идеология становится отдельным объектом исследования в

лингвистической антропологии, направлении, имеющем самостоятельный статус в американской антропологической традиции.

Знаковым для данного направления стал выход в 1979 г. работы американского лингвиста и антрополога М. Сильверстайна «Структура языка и лингвистическая идеология», в которой «идеологии о языке» (ideologies about language) или лингвистические идеологии определялись как «любые совокупности убеждений о языке, сформулированные носителями этого языка для рационализации или обоснования субъективного восприятия его структуры и особенностей использования» [2, с. 193]. При этом в понятие рационализации автор включает широкий круг явлений, связанных с осмыслением носителями языка языковых структур и практик: от народной этимологии до ложных оснований лингвистических теорий (всецелого полагания на словарь как на непререкаемый источник «истинных» значений слов, переноса характеристик, свойственных языкам средневропейского стандарта, на другие языки и т. д.).

Существование множества концепций языковой идеологии обусловлено рядом факторов: 1) разнообразием трактовок родового термина «идеология»; 2) отсутствием единства в определении самого объекта исследования, поскольку языковая идеология изначально являлась объектом изучения смежных наук (лингвистической антропологии, социолингвистики, дискурс-анализа, этнографии, социологии и др.); 3) непосредственными различиями в методологии исследования, что является естественным следствием междисциплинарного характера данного направления. В частности, П. Кроскрити выделяет нейтральный анализ идеологии, который основывается на описании общих культурно обусловленных убеждений и норм использования языка, и критический анализ идеологии, в котором язык выступает как инструмент, используемый различными социальными группами с целью символического доминирования в обществе. Важным методологическим замечанием является указание на то, что эти подходы находятся не в отношениях дихотомии, а носят градуальный характер [3, с. 501].

В русле первого подхода сформулировано часто критикуемое определение А. Рамси, в соответствии с которым языковая идеология выступает как «общая (shared) совокупность отвечающих здравому смыслу представлений о сущности языка в мире» [4, с. 346]. В таком понимании языковая идеология сближается с понятием «языковая картина мира». Проблематичность нейтрального анализа языковой идеологии заключается, с одной стороны, в том, что он рассматривает языковую идеологию как статичный и однородный объект, с другой

стороны, носит сугубо дескриптивный характер, поскольку любые попытки объяснить описанные явления неизбежно приводят к потере той самой нейтральности.

Нейтральный анализ языковой идеологии во многом предполагает идеологическую нейтральность позиции самого исследователя. Однако история общественных наук свидетельствует о том, что получение идеологически нейтрального знания является делом труднодостижимым. Исследования языков во взаимосвязи с социальным и культурным контекстами их использования также неизбежно сталкивались с данной проблемой.

Наиболее ярким, хотя и небесспорным примером влияния определенных идеологических установок на исследовательскую позицию, является колониальная (миссионерская) лингвистика. Работая над созданием письменности для «экзотических» языков, колониальные лингвисты исходили из идеологий европейского превосходства, а «их лингвистическая дескриптивная работа служила не только обучению грамотности, но и целям включения тех, кого они обратили, в число подданных колониальных режимов» [5, с. 98].

Критический подход к исследованию языковой идеологии формируется в американской лингвистической антропологии в 70–80-е гг. XX вв. под влиянием общественных наук: экономики, политологии, социологии. Попытки применения теорий К. Маркса, М. Вебера, А. Грамши к анализу языковых идеологий привели к рассмотрению данного явления как инструмента политико-экономического доминирования в обществе. Наиболее яркими представителями данного подхода являются С. Гэл, Дж. Хилл, Дж. Ирвин, К. Вулард, Б. Шиффелин и др. В целом данный временной период характеризовался резким ростом интереса к вопросам взаимосвязи языка и социальных процессов в обществе, о чем свидетельствует выход ключевых исследований в этой области [6, 7, 8, 9, 10].

В 90-е гг. XX в. вопросы языковой идеологии активно обсуждались на заседаниях Американской антропологической ассоциации. В ноябре 1991 г. в Чикаго состоялся однодневный симпозиум «Язык и идеология: практика и теория» в рамках ежегодного собрания членов Ассоциации. Через год вышел специальный выпуск авторитетного журнала «Прагматика», куда вошли статьи участников симпозиума. Вопросам изучения языковой идеологии были посвящены сессии Американской антропологической ассоциации в 1993 (Атланта) и 1994 (Вашингтон) гг. Спустя два десятилетия с момента выхода исследования М. Сильверстайна в свет выходят сборники научных статей, в которых языковая

идеология является самостоятельным объектом исследования [11, 12, 13].

С. Гэл, профессор антропологии Чикагского университета и один из родоначальников американской лингвистической антропологии, выделила четыре основополагающих аспекта языковой идеологии, которые, в свою очередь, определяют направления последующих исследований в данной области. К числу этих направлений относятся: 1) интеграция исследований, относящихся к различным уровням анализа; 2) множественность идеологий и «семиотика доминирования»; 3) взаимосвязь между местными представлениями о языке и другими концептуальными системами; 4) социополитические следствия проявлений социолингвистических различий [14, с. 318].

Данные аспекты частично пересекаются со взаимосвязанными уровнями языковой идеологии, выделенными П. Кроскрити: 1) языковая идеология как выразитель групповых и индивидуальных интересов; 2) множественность языковых идеологий; 3) осведомленность носителей языка; 4) посредническая функция идеологий; 5) языковая идеология как основа формирования идентичности [3, с. 501].

В целом, языковая идеология представляет собой исследовательскую область, интегрирующую разноуровневые социальные явления в единый объект исследования. Этот подход позволяет связать явления, наблюдаемые на так называемом микроинтеракционном уровне, например распределение коммуникативных ролей, отражающих отношения власти и подчинения в межличностном общении, с соотношением политических сил в обществе, траекторией развития национальных языков, сущностью орфографических реформ и другими явлениями макрополитического уровня. При этом объектом исследования становится все разнообразие форм проявления идеологии: от эксплицитно выраженной, зачастую закрепленной в официальных текстах идеологии правящего класса, до имплицитных идей, воплощенных в структуре социального действия, принятых социальных практиках. Для исследования последних широко применяются такие понятия как «субъективация» Л. Альтюссера, «символическая власть» П. Бурдьё, «гегемония» А. Грамши, «голос» М. М. Бахтина, «дисциплинарная власть» М. Фуко и др.

Основополагающей характеристикой языковых идеологий является их множественность (*multiplicity*) и постоянное соперничество за доминирующие позиции в обществе. Данная характеристика считается настолько важной, что некоторые исследователи настаивают на принципиальном использовании термина во множественном числе

(language / linguistic ideologies). Множественность идеологий предполагает наличие различных языковых идеологий внутри отдельной социальной группы, что, в свою очередь, отражает неоднородность ее состава. Такой подход, в частности, опровергает существование единой языковой идеологии правящей элиты и утверждает наличие противоборствующих идеологий, выражающих позиции отдельных элит (политической, этнической, бизнес-элиты и др.). Например, исследование Б. Шиффелин и Р. Дюсет убедительно показывает противоборство элит в вопросе орфографии гаитянского креольского языка [15]. Множественность и разнообразие потенциально предполагают конфликт интересов выразителей различных языковых идеологий в социальном пространстве. Языковые идеологии создают различные, в том числе и диаметрально противоположные социальные реальности, и являются движущей силой языковых изменений.

Краткий анализ исследований языковой идеологии свидетельствует о том, что на современном этапе термин «языковая идеология» обозначает как совокупность идей о роли и сущности языка в обществе, так и отдельное исследовательское направление, сложившееся в рамках американской лингвистической антропологии. Данное направление носит междисциплинарный характер, что объясняет разнообразие используемых методологических подходов, и исследует эксплицитные и имплицитные (социальные и языковые практики) проявления языковой идеологии на микро- и макроуровнях.

Список литературы

1. Eagleton, T. *Ideology: An Introduction* / T. Eagleton. – London, New York : Verso, 1991. – 242 p.
2. Silverstein, M. *Language Structure and Linguistic Ideology* / M. Silverstein // *The Elements: A Parasection on Linguist Units Levels*. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. – P. 193–247.
3. Kroskrity, P. V. *Language Ideologies* / P. V. Kroskrity // *A Companion to Linguistic Anthropology* (ed. A. Duranti). – Blackwell Publishing Ltd., 2007. – P. 496–517.
4. Rumsey, A. *Wording, Meaning, and Linguistic Ideology* / A. Rumsey // *American Anthropologist*. – 1990. – Vol. 92 (2). – P. 346–361.
5. Errington, J. *Linguistics in a Colonial World: A Story of Language, Meaning, and Power* / J. Errington. – MA : Wiley-Blackwell, 2007. – 210 p.
6. Gal, S. *Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria* / S. Gal. – New York : Academic Press, 1979. – 201 p.
7. Gal, S. *Language and Political Economy* / S. Gal // *Annual Review of Anthropology*. – 1989. – Vol. 18. – P. 345–367.
8. Woolard, K. A. *Language Variation and Cultural Hegemony: Toward an Integration of Sociolinguistic and Social Theory* / K. A. Woolard // *American Ethnologist*. – 1985. – Vol. 12. – P. 738–748.

9. Hill, J. H. Speaking Mexicano: Dynamics of Syncretic Language in Central Mexico / J. H. Hill, K. C. Hill. – Tucson : University of Arizona Press, 1986. – 493 p.

10. Irvine, J. When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy / J. Irvine // American Ethnologist. – 1989. – Vol. 16. – P. 248–267.

11. Language Ideologies: Practice and Theory / eds. B. B. Schieffelin, K. A. Woolard, and P. V. Kroskrity. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1998. – 338 p.

12. Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities / ed. P. V. Kroskrity. – Santa Fe, NM : School of American Research Press, 2000. – 411 p.

13. Languages and Publics: The Making of Authority / eds. S. Gal and K. A. Woolard. – Manchester : St. Jerome, 2001. – 191 p.

14. Gal, S. Multiplicity and Contention among Language Ideologies: A commentary / S. Gal // Language Ideologies: Practice and Theory / eds. B. B. Schieffelin, K. A. Woolard, and P. V. Kroskrity. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1998. – P. 317–331.

15. Schieffelin, B. B. The «Real» Haitian Creole: Ideology, Metalinguistics, and Orthographic Choice / B. B. Schieffelin, R. Ch. Doucet // American Ethnologist. – 1994. – Vol. 21 (1). – P. 176–200.

Пузевиц Татьяна Викторовна, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Tatsiana Puzevich,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: puzevich_tv@grsu.by

LANGUAGE IDEOLOGY AS AN AREA OF INQUIRY IN AMERICAN LINGUISTIC ANTHROPOLOGY

The article represents a cursory analysis of the development of language ideology as a separate area of inquiry in American linguistic anthropology. M. Silverstein's article "Language structure and linguistic ideology" (1979) fueled intensive research in the field, which resulted in a number of anthologies on language ideological work published two decades later. Language ideology is an interdisciplinary field which studies beliefs about language either explicit or embedded in social practices on micro- and macro levels.

Keywords: language ideology, linguistic ideology, linguistic anthropology, neutral ideological analysis, critical ideological analysis.

УДК 81'26:316.72

Л. В. Рычкова

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ КУЛЬТУРНАЯ / ТВОРЧЕСКАЯ / КРЕАТИВНАЯ ИНДУСТРИИ)

Глобальное информационное пространство, система открытой науки и распространение индивидуального би- и полилингвизма повлекли за собой освоение реальных и ментальных артефактов инокультур, которое сопровождается заимствованием и их номинаций, включая заимствование путем транспозиции терминологии. В статье

раскрывается понятие транспозиции и анализируется результат такого заимствования терминов на примере номинаций *культурная индустрия, творческая индустрия, креативная индустрия*.

Ключевые слова: заимствование, терминология, межъязыковая транспозиция.

Глобализация информационного пространства способствует взаимообогащению культур и интенсификации научного взаимодействия, в том числе с использованием инструментария концепции открытой науки. Межкультурное взаимодействие и возможность поликодовых видов коммуникации способствует возникновению новых форм культуры и новых путей генерации научного знания. Актуальной становится проблема разработки «лингвистической теории культурного трансфера на базе мировых практик межъязыкового взаимодействия в современном гуманитарном познании», при этом «под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами» [1, с. 5].

Важную роль в современных дискурсивных практиках играют взаимосвязанные, но не тождественные понятия мультимодальности и мультимедийности. Понятие мультимедиа связано со способами передачи информации, в то время как понятие мультимодальности – с чувственным опытом индивида и восприятием им информации [2]. Возможности мультимедиа обусловлены развитием технологий и объективно находят свою нишу в любой культуре, в то время как мультимодальность всегда имеет культурную обусловленность, как вследствие специфики культурного опыта, так и как результат различий в выборе возможных семиотик.

Многоканальность передачи информации интенсифицирует заимствование ментальных артефактов, зачастую сопровождаемое параллельным заимствованием и их номинаций, которые, не пройдя должного освоения языком-реципиентом, становятся фактом его узуса. Это касается как номинаций социально-культурных концептов, таких, например, как вполне освоенный в новом для русской лингвокультуры значении концепт «черная пятница» (подробнее см. об этом в [3]), так и терминологии, прежде всего, социально значимой (о социально-значимой терминологии см. [4]).

Цель данной статьи – показать, что заимствование терминологии осуществляется путем межъязыковой транспозиции, при которой наблюдаются понятийные отличия между терминами языка-донора и языка-реципиента. Форма при этом может сохраняться максимально приближенной к оригинальной, при передаче путем практической транскрипции / (реже) транслитерации либо переводной кальки.

В теории языковых контактов приняты два основных понятия – интерференция и трансференция. При этом, интерференция, как правило, интерпретируется как отрицательный перенос и, следовательно, «носит односторонний характер, поскольку не учитывает влияние социальных аспектов билингвизма. Социолингвистический подход ведет к переосмыслению феномена интерференции и принятию термина «трансференция». Последний характеризуется как явление всеобъемлющее, учитывающее и положительное, и отрицательное взаимовлияние языковых систем, их норм и структур в результате языкового контакта» [5, с. 182]. В последнее время к двум вышеуказанным понятиям добавилось третье, представленное производящим для номинации *трансференция* термином *трансфер* [6], который пока не получил осмысления в русскоязычном научном пространстве применительно к языкам, в отличие, например, от сферы культуры (см. использование номинации *культурные трансферы* в названии [1]). Представляется, что этот факт обусловлен двумя причинами: во-первых, наличием получившего широкое хождение, хотя и неоднозначно толкуемого, термина *трансференция*, образованного по той же модели, что и прочно закрепившийся в лингвистике термин *интерференция*, а во-вторых, невозможностью терминологичности номинации *языковой трансфер* как переводной кальки представленного в англоязычных публикациях термина *language transfer*. Необходимо отметить также, что в последнее время наблюдается переосмысление и термина *интерференция*. Так, например, отмечается «положительное влияние интерференции с точки зрения переноса знаний общетипологического свойства при взаимодействии контактирующих языков» [6, с. 12], и в подобных случаях явление интерференции при обучении иностранному языку рассматривается как транспозиция навыков из одного языка в другой.

Отметим, что термин транспозиция не имеет единой трактовки, само же понятие, номинированное данным термином, привлекает внимание многих исследователей (см., например, [7; 8; 9]). Наиболее полное и систематизированное описание различных трактовок (и видов) транспозиции находим в [9]. Не останавливаясь подробно на перечислении видов транспозиции, все же отметим два, на наш взгляд, важных момента: во-первых, представляется не только не корректной, но даже ошибочной подмена понятия конверсии словообразовательной транспозицией; во-вторых, является корректным использование данного термина во всех случаях, когда наблюдается актуализация «принципа асимметрии, когда нарушается однозначное соотношение означаемого и означающего» [9, с. 49]. Несмотря на то, что в [9] транспозиция

рассматривается лишь применительно к одному языку, представляется важным для понятия межъязыковой транспозиции и такой вывод автора этой статьи: «...первичная транспозиция на формальном уровне ведет к семантическому сдвигу, обуславливая семантическую транспозицию, которая, в свою очередь, порождает функциональный сдвиг» [9, с. 52].

Как результат транспозиции может происходить и изменение понятийного объема термина и / или актуализация ранее нейтрального признака. В качестве примера можно привести расширение объема понятия термина *индустрия*. Понятие, номинированное данным термином, ранее соотносилось исключительно только со сферой производства, но, как результат межъязыковой транспозиции, получило расширение своего объема: термин получил распространение в интеллектуальной, гуманитарной и социальной сферах при актуализации признаков 'массовое производство' и, в меньшей степени, 'эффект' (экономический, социальный). Отсюда – распространение таких специальных номинаций, как *индустрия локализации*, *индустрия перевода* и *культурные / творческие индустрии*. Последняя из перечисленных номинаций стала конвенциональной как следствие реализации концепции «креативной экономики» [10], иногда называемой также «творческой экономикой» [11].

Например, в статье «Культурные индустрии как инновации в культуре, менеджменте, технологиях» транспозиция при межъязыковом переносе из английского языка термина *creative industries* подтверждается пониманием автором статьи дублетности специальных номинаций *творческие индустрии* и *культурные индустрии*: «Хотя термин «творческие (культурные) индустрии» (*creative industries*) находится в лексиконе экономистов культуры уже более 10 лет, дискуссии о содержательной части и едином понимании творческих индустрий продолжаются до сих пор» [10]. В данном случае мы наблюдаем, как один и тот же англоязычный двухкомпонентный термин, построенный по атрибутивной модели, заимствуется в русский язык путем покомпонентного переводного калькирования. При этом, в отличие от компонента *industries*, уже давно имеющего формальный аналог того же, что и в английском языке, происхождения (из латинского языка) – *индустрия* (этот компонент получает лишь в результате заимствования из английского языка несвойственную ранее этому термину в русском языке форму множественного числа), компонент *creative* может переводиться различными способами. Соответственно, такое заимствование неизбежно ведет к появлению изначальных дублетов, и мы можем предположить, что, помимо уже упомянутых выше дублетов, возможен и еще один – *креативные индустрии*. Это

наше предположение подтверждается при рассмотрении научных источников (см. [11; 12] и др.).

Отметим, что существуют различные модели творческих индустрий, которые естественным образом дополняют друг друга. Например, в регионах России получила распространение такая модель, как творческие кластеры. Модель креативных услуг акцентирует новое для постсоветского пространства понимание сферы услуг как одной из приоритетных для современной экономики. Наконец, третья модель акцентирует человеческий капитал: «Основу данного подхода составляет понимание того, что все население представляет культурный (творческий) капитал страны (нации), мы как потребители, производители и медиаторы творческих процессов создаем среду и возможности для увеличения знаний, создания инноваций и развития». Именно этот подход «подчеркивает роль культуры и людей как носителей человеческого, в том числе культурного капитала» [10].

А. Я. Флиер попытался сформулировать расширенное определение культурных индустрий: «Культурные индустрии – это производство непосредственно культурных или в существенной мере культурно отрегулированных феноменов, которое является более или менее массовым по своим объемам и высоко стандартизированным по большинству своих характеристик. Это системная совокупность культурных практик, осуществляемых не в новационно-поисковом (творческом) режиме, а по стандартам, реализующим наиболее актуальные в имеющихся условиях технологии социального производства и параметры создаваемых при этом продуктов» [13]. Ориентация не на элиту, а на массовое сознание, на потребителя, без сомнения, отражает феномен массовой культуры.

Анализу концепта «культурных и креативных индустрий», который в последнее время вызывает многочисленные споры в научной литературе, посвящена статья [12]. Автор этой статьи справедливо отмечает, что «использование термина «креативные / творческие индустрии» существенно варьируется в различных странах, в виду того, что само понятие сформировалось относительно недавно» [12, с. 14]. В русскоязычном научном пространстве, в силу объективного наличия параллельных переводных калек, наблюдается внутриязыковая терминологическая транспозиция, ведущая к переосмыслению изначальных терминологических дублетов как номинаций различных видов индустрий. При этом (что подтверждает и название цитируемой статьи) культурные индустрии противопоставляются автором креативным, а последние рассматриваются как тождественные творческим. Проблеме определения границ понятий «культурные индустрии» и «креативные индустрии» посвящена и статья [14].

Интересный результат дает обращение к англоязычной и русскоязычной Википедиям. Так, поиск в англоязычной Википедии по ключевой номинации *cultural industry* дает следующий результат: «A *cultural industry* (sometimes used synonymously with *creative industries*) is an economic field concerned with producing, reproducing, storing, and distributing *cultural* goods and services on *industrial* and commercial terms» ‘Индустрия культуры (иногда используется как синоним творческих индустрий) – это экономическая сфера, связанная с производством, воспроизведением, хранением и распространением культурных товаров и услуг на промышленных и коммерческих условиях’ (https://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_industry). Таким образом, наблюдаем не тенденцию к дифференциации понятий культурной и креативной индустрий, а, наоборот, тенденцию к рассмотрению соответствующих терминов как синонимы. Аналогичный вывод можно сделать и из статьи англоязычной Википедии, посвященной понятию, номинированному как *creative industries*: «The creative industries refers to a range of economic activities which are concerned with the generation or exploitation of knowledge and information. They may variously also be referred to as the cultural industries (especially in Europe...) or the creative economy... and most recently they have been denominated as the Orange Economy in Latin America and the Caribbean» ‘К творческим индустриям относится целый ряд видов экономической деятельности, связанных с генерированием или использованием знаний и информации. Их также можно по-разному называть культурными индустриями (особенно в Европе...) или креативной экономикой... и совсем недавно они были названы оранжевой экономикой в Латинской Америке и Карибском бассейне’ (https://en.wikipedia.org/wiki/Creative_industries).

Что касается русскоязычной Википедии, то в статье, посвященной индустрии культуры, представлена история возникновения понятия и наблюдается явно отрицательное отношение автора статьи к данному явлению: «**Индустрия культуры** – понятие, которое впервые ввели представители Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в своей знаменитой работе «Диалектика просвещения». По их мнению, индустрия культуры – это целый промышленный аппарат по производству единообразных, стандартизированных новинок в сферах искусства, живописи, литературы, кино и др. Она не несет за собой ценностных ориентиров для человека, не направлена на духовное обогащение и просвещение, являясь, по сути, развлекательным бизнесом. Индустрия культуры понимается как разновидность товара, у которого есть производитель и потребитель. В качестве потребителя выступают массы, которые посредством стандартизированного искусства являются объектом манипулирования в капиталистическом обществе. Порождая

ложные потребности, индустрия культуры превращает потребителя в пассивного обывателя, равнодушного даже к собственному экономическому положению, как бы тяжело оно не было» (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D1%8B) – сохранена оригинальная орфография автора статьи.

Статьи, посвященной креативной индустрии, в русскоязычной Википедии нет. Соответствующий термин встречается в Википедии лишь в текстах «о создании кластеров креативных индустрий». Термин *творческие индустрии* встречается в русскоязычной Википедии исключительно в текстах экономической тематики.

Такое состояние дел свидетельствует о новизне соответствующего(их) понятия(ий) в русскоязычной научной традиции, а их недостаточная определенность обусловлена различием подходов в разных англоязычных национальных дискурсах, а также межъязыковой транспозицией соответствующих терминов при заимствовании в русскоязычные отраслевые подязыки. В данной статье мы попытались показать это на примере номинаций культурная / творческая / креативная индустрии, но это касается и иных понятий, новых для русскоязычного научного пространства и заимствуемых чаще всего из английского языка, причем заимствование сопровождается межъязыковой транспозицией терминов.

Межъязыковая транспозиция терминов, в свою очередь, влечет за собой расширение круга ложных друзей переводчика, особенно опасной в силу невозможности их использования в обратном переводе на язык-донор. Этот социокультурно обусловленный феномен требует создания объяснительных глоссариев, отражающих а) вариативность специальных номинаций; б) скрытые, лингвистически не очевидные, понятийные связи (*игровая индустрия*, но *геймификация*); в) раскрытие социокультурных факторов в семантике терминов, требующих гармонизации при переводе.

Список литературы

1. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : кол. моногр. / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. – 500 с.
2. Parealabescu, L. What is Multimodality? [Electronic resource] / L. Parealabescu, N. Trost, A. Frank. – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2103.06304>. – Date of access: 29.04.2021.
3. Рычкова, Л. В. Концепт *black friday* / черная пятница в британской и русской лингвокультурах / Л. В. Рычкова, А. С. Михайленкова // Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 23–24 апр. 2018 г.). – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – С. 285–290.

4. Рычкова, Л. В. Социально значимая терминология как фактор гражданского образования / Л. В. Рычкова // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 10 : в 2 ч. – Ч. 1. – Минск : Белорусский дом печати, 2016. – С. 53–57.

5. Колесниченко, М. А. К вопросу об интерференции и трансференции в теории языковых контактов / М. А. Колесниченко // Язык и культура. – 2013. – № 9. – С. 182–186.

6. Попова, М. В. Сравнительный анализ понятийного содержания терминов «трансфер», «трансференция» и «интерференция» в отечественной и зарубежной лингвистике / М. В. Попова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2018. – № 2 (29). – С. 10–17.

7. Шамилова, З. М. К вопросу об общем понятии транспозиции / З. М. Шамилова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 2–1. – С. 120–122.

8. Голубева А. Ю. Общая характеристика транспозиции как способа словообразования / А. Ю. Голубева, А. А. Калашникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76), ч. 1. – С. 93–95.

9. Савченко, В. А. Транспозиция как межуровневое явление языка и речи / В. А. Савченко // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 4 (61). – С. 48–52.

10. Матецкая, М. В. Культурные индустрии как инновации в культуре, менеджменте, технологиях [Электронный ресурс] / М. В. Матецкая. – 2011. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/01/31/1269679204/Matetskaya_men_2011.pdf. – Дата доступа: 25.04.2021.

11. Междисциплинарное исследование креативных индустрий и творческой экономики Красноярска [Электронный ресурс] / М. В. Румянцев [и др.] // Культурологический журнал. – 2012. – № 1 (7). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/110.html&j_id=9. – Дата доступа: 25.04.2021.

12. Яковлев, В. Ю. Основания культурных и креативных индустрий как явления современного общества / В. Ю. Яковлев // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1 (26). – С. 14–27.

13. Флиер, А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries. – Дата доступа: 25.04.2021.

14. Вейнмейстер, А. В. «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий / А. В. Вейнмейстер, Ю. В. Иванова // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1(26). – С. 38–48.

Рычкова Людмила Васильевна, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Liudmila Rychkova,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: rychkova@grsu.by

INTERLINGUAL TRANSPPOSITION OF TERMINOLOGY (ON THE EXAMPLE OF THE NOMINATIONS CULTURAL / CREATIVE INDUSTRY)

The global information space, the system of open science and the spread of individual bi- and plurilingualism have entailed the development of real and mental artifacts of foreign cultures, which is accompanied by borrowing of their nominations, including that through the transposition of terminology. The article reveals the concept of transposition and analyzes the result of such borrowing of terms on the example of the nominations cultural and creative industry.

Keywords: borrowing, terminology, interlingual transposition.

**НАЦЫЯНАЛЬНАЯ СВОЕАСАБЛІВАСЦЬ ВОБРАЗА «ІНШАГА»
Ў МЕЖКУЛЬТУРНАЙ КАМУНІКАЦЫІ БЕЛАРУСКАГА СЕЛЯНІНА:
НА МАТЭРЫЯЛАХ ТВОРАЎ ЯКУБА КОЛАСА І ЭЛІЗЫ АЖЭШКІ**

Статья посвящена особенностям формирования образов этнических групп в произведениях Якуба Коласа и Элизы Ожешко. Писатели указывают на особенности формирования авто-стереотипа белорусского крестьянина и механизмы создания гетеростереотипов поляков, евреев, русских.

Ключевые слова: белорусы, поляки, евреи, стереотипы, Якуб Колас, Элиза Ожешко.

Канец XIX – пачатак XX ст. сталі перыядам, калі Еўропа, асабліва ўсходняя яе частка, зведалі вельмі сур’ёзную грамадскую і палітычную перабудову. Змяніліся не толькі дзяржаўныя межы і палітычныя рэжымы, але і кардынальна змянілася грамадская свядомасць, актуальнымі сталі каштоўнасці новага парадку, нацыятворчыя працэсы сфармавалі новыя сацыяльныя, эканамічныя погляды.

Найперш гэта датычылася сялянства. Ва Усходняй Еўропе, а найперш на зямлях былой Расійскай імперыі, слабое развіццё капіталістычных адносін спрыяла таму, што сялянства адыгрывала вялікую ролю ў развіцці эканомікі. Ігнараваць яго ролю было нельга, акрамя таго працэсы капіталізацыі, перыяд так званага першаснага наапаўнення капіталу паказваў, што каштоўнасці новай фармацыі ідуць насуперак агульначалавечым каштоўнасцям. Гэта стала прычынай таго, што ў вызначаны перыяд інтэлігенцыя звярнулася да сялянства як да “крыніцы” маральнасці, культуры, у сялянскім асяроддзі бачылі выратаванне для тых, хто “папсаваны дэмаралізацыяй капіталістычнага ладу” [1, с. 127].

Працэсы мабілізацыі грамадскага жыцця спрыялі таму, што сяляне перастаюць быць варствай, якая існуе толькі як сацыяльны “баласт”, пачынае ператварацца ў рэальную сілу, якая гучна заявіла аб сабе, аб сваім праве на ўдзел у жыцці грамадства. Адным з паказчыкаў такіх сацыяльных перамен стала пашырэнне “сялянскай” тэматыкі ў літаратуры. Тэма сама па сабе не была новай, змяніліся падыходы да адлюстравання чалавека вёскі, яго ацэнкі.

Э. Ажэшка была адной з першых польскіх пісьменнікаў, якія звярнуліся да тэмы паслярэформеннай вёскі, адной з першых яна паспрабавала зразумець душу селяніна. Веданне мясцовых этнаграфічных асаблівасцей і нацыянальнага характару, мовы і побыту дазволіла ёй стварыць яркія, запамінальныя вобразы сялян-беларусаў, праўдзіва паказаць умовы жыцця беларускай вёскі. У аповесцях “Нізіны”

(1884), “Дзюрдзі” (1885), “Хам” (1888) перад намі паўстае беларуская сялянская грамада, дзе ўжо выразна акрэслена ўнутранае сацыяльнае размежаванне, вылучана строгая іерархія каштоўнасцей, якая кіруе як селянінам, так і ўсёй супольнасцю. У аповесцях пісьменіцы глыбока раскрываецца беларуская традыцыйная сялянская культура, робіцца спроба яе грунтоўнага аналізу.

Што да Я. Коласа, то ён, як ніхто з беларускіх пісьменнікаў пачатку ХХ ст., здолеў спасцігнуць глыбінныя рысы псіхалогіі беларускага селяніна, выявіць складаныя ўнутраныя механізмы, якія рухаюць яго жыццём, яго паводзінамі. Пісьменніку, які сам па свайму душэўнаму складу да канца жыцця застаўся селянінам, удалося зрабіць глыбокі аналітычны зрэз сялянскай грамады, але ўжо іншага перыяду – пачатку ХХ ст., паказаць працэсы яе мадэрнізацыі.

Перад пісьменнікам час паставіў новыя задачы. Я. Колас імкнуўся паказаць самае важнае, здаровае, што б вызначала сутнасць ментальнасці беларуса. Працэсы нацыянальнага Адраджэння патрабавалі пошукаў мадэлі развіцця нацыі. Для Я. Коласа пытанне будучага нацыі знайшло цудоўнае ўвасабленне ў паэме “Новая зямля”:

Купіць зямлю, прыдбаць свой кут,

Каб з панскіх выпутацца пут

І там зажыць сабе нанова:

Свая зямля – вось што аснова! [2. Т. 3, с. 64]

У сялянстве, у прыгажосці яго ўнутранага свету, годнасці яго маральных, эстэтычных каштоўнасцей ён бачыў будучае Беларусі.

Аналіз твораў Э. Ажэшкі і Я. Коласа дазволіць акрэсліць асноўныя рысы нацыянальнага характару беларускага селяніна другой паловы ХІХ – пачатку ХХ ст., прасачыць тэндэнцыі развіцця каштоўнасцей традыцыйнай беларускай культуры ва ўмовах трансфармацыі грамадства.

Галоўнымі дэтэрмінантамі сялянскага жыцця з’яўляюцца праца на зямлі, нормы і каштоўнасці традыцыйнай сялянскай культуры, з характэрнымі для яе кансерватызмам і самадастатковасцю.

Прывядзем для супастаўлення дзве цытаты. З паэмы Я. Коласа “Новая зямля”:

Густою шчотачкаю здатна

Выходзяць дробныя зярняткі.

Як у калысачцы дзіцятка,

Калі ўжо крыху акрыяе,

Сваю галоўку падымае

І навакол глядзіць здіўлёна, –

Так гэта збожайка зёлёна
Да сонца цягнецца лісткамі,
Бы к матцы дзіцятка рукамі [2. Т. 3, с. 34].

З аповесці Э. Ажэшкі “Хам”: “Ён любіў прыроду тою магутнаю любоўю, якая прымушае дзіця, што не ўмее яшчэ вымавіць імя маці, губамі і рукамі цягнуцца да грудзей. Ён любіў прыроду, як слімак робіць свой дамок і чарвяк свой родны камячок зямлі. Аднак апрача гэтай вялікай любові да прыроды Паўла заўсёды агортвала захапленне, калі ён назіраў яе розныя з’явы” [3, с. 56]. На нашу думку, падобнае вобразнае супадзенне не выпадковае, вобразы маладой руні і вобраз дзіцяці – гэта алегарычнае ўвасабленне мадэлі “сялянін – свет прыроды”. Письменнікі, цудоўна разумеючы ўнутраную прыроду селяніна, паказалі, што ён адчувае сябе слабым, кволым дзіцём прыроды, цалкам залежным ад навакольнага сусвету:

Бо свет і жыццё мнагалучны
І мнагавобразны, выключны.
Таемны схованы, цікавы
І разнастайны іх праявы,
Дзе кожны момант хвалі новай
Нам штось гуторыць сваёй мовай
Для сэрца і для разумення;
Дзе поўна ўсё свайго значэння,
Прыгоства, чар і глыбіні,
Дзе граюць вечныя агні,
Дзе патаемныя крыніцы
Звіняць, як струны зараніцы... [2. Т. 3, с. 237].

Разам з гэтым выразна выяўлена адчуванне тоеснасці са светам прыроды: селянін бачыць сябе працягам усяго навакольнага. Пры гэтым адчуванне бяскончасці, магутнасці ўсяго жывога і нежывога, што атачае земляроба не можа не спарадзіць пачуццё уласнай мізэрнасці, страху, адчужанасці. Але і тут шматвекавы вопыт выпрацаваў геніяльную мадэль адаптацыі, “ужывання” ў свет прыроды – праца.

У тым кутку, глухім і дзікім,
Стараннем дзядзькавым вялікім
І цяжкай працай хлебароба
Набыта цяжкая надоба;
Усё зацвіло, загаманіла,
Бы жыватворная тут сіла
Ад сну прыроду ўзбудзіла [2. Т. 3, с. 35].

Толькі працай можна спасцігнуць прастору Сусвету, спасцігнуць законы жыцця. Адсюль лагічна вынікае, што праца на зямлі – адзіна магчымая ўмова існавання земляроба, больш таго, вартасць селяніна вызначаецца фактам валодання ўласнай зямлёю: “Як чарвяк, які няспынна рые зямлю, прымае яе афарбоўку, так і ў гэтых людзей колер скуры амаль не адрозніваўся ад колеру зямлі. Зямля была іх роднай стыхіяй, якая грудзмі ускарміла іх, каханай, якую яны з першых дзён свайго жыццяштодня абдымалі гарачымі абдымкамі працы. Яны прагнулі гэтай зямлі, прагнулі мець яе шмат, як мага больш, без меры” [4, с. 55].

Зямля патрабавала ад беларуса вялікай цаны. Для Міхала і яго сям’і (герояў паэмы “Новая зямля”) – гэта спадзяванне толькі на свае хоць і слабыя сілы: праца падняволеным палясоўшчыкам, збіранне грошаў, кабальная пазыка ў зямельным банку, але толькі коштам вялікіх маральных і фізічных сіл.

Героі апавядання Я. Коласа “Дзяліцьба” вырашаюць пытанне падзелу ў звычайнай бойцы. У былога адстаўнога салдата Міколы з аповесці Э. Ажэшкі “Нізіны” зусім іншы спосаб. Псіхолаг ад прыроды і добры знаўца патаемных струн беларускага селяніна, ён цінічна і жорстка адбірае ў яго апошнія капейчыны.

Такія “несялянскія” метады – урокі новага, капіталістычнага жыцця: мэта апраўдвае сродкі. А мэта здавалася б самая высакародная – набыццё цудоўнага кавалка зямлі ўладанняў Дзельскіх. Тым не менш ахвярамі “новага” спосабу жыцця сталі самыя безабаронныя – батрачка Крысціна, Ясюк Гарбар.

Цікава, што пісьменніца не паказвае нам рэакцыі грамады на ўчынак Міколы. Верагодна, што гэта не ўваходзіла ў аўтарскую задуму, але нам уяўляецца, што гэта хутчэй тлумачыцца нормамі сялянскай маралі. Вясковае супольнасць своеасаблівы маналіт, ракавіна, закрытая ад знешніх уплываў, яна беражліва і занадта ваяўніча ахоўвае правілы арганізацыі жыцця, падрабязна аргументуючы усё да дробязей, вельмі асцярожна прымаючы навацці і асабліва новых людзей.

З асцярогай ставяцца жыхары Сухой Даліны (“Дзюрдзі”) да ўсяго, што з’яўляецца ў хаце каваля: бліскучыя відэльцы, беляы талеркі, карцінкі на сценах, самавар, гарбата кожны дзень. Гэтыя рэчы мала патрэбныя ў сялянскай гаспадарцы, без іх можна абысціся, а тады навошта яны. Любы старонні, “чужы”, нават калі ён носьбіт тых жа маральных каштоўнасцей і таго ж сацыяльнага паходжання, не прымаецца (вобраз Пятрусі ў аповесці “Дзюрдзі”, насцярожаныя адносінны сялян да А.Лабановіча ў трылогіі Я. Коласа “На ростанях”). “Напрыклад, усе астатнія нарадзіліся тут жа, у

вёсцы, на вачах ва ўсіх, і ўсе памяталі іх крысціны і ведалі іх з дзяцінства; потым, калі выходзілі замуж, яны не жылі наводшыбе, сярод поля, а сяліліся побач, хатка да хаткі, так, каб з адной было добра чуваць і відаць усё, што адбывалася ў другой” [4, с. 148]. Такім жа чужым становіцца і той, хто адыходзіць ад вясковай грамады, кідае зямлю (неадабральныя адносіны да адыходніка Доніса Дракі ў паэме “Новая зямля”).

Мікола, герой аповесці “Нізіны”, для вёскі свой, ён вырас тут, усе ведалі яго бацькоў, адносіны з ім рэгулююцца ўнутрывясковымі правіламі, тое ж можна сказаць і пра каваля Міхала Кавальчука. Ён займае асобнае становішча ў вёсцы. Падкрэсліваючы гэта, Э.Ажэшка нават піша, што яго хата стаяла наводшыбе. Міхал зарабляе сабе на жыццё не земляробствам, а рамяством, адрозніваецца манерай апранацца, умее чытаць, але ён таксама “свій”, бо вырас у вёсцы, усе яго ведаюць, больш таго, калі пачаліся чуткі пра вядзьмарства жонкі, ён паводзіў сябе адпаведна меркаванням грамады, але здаровы сэнс і каханне перамаглі.

У іншай сітуацыі апынулася Пятруся. Э. Ажэшка падкрэслівае, што “нікому невядомая дзяўчынка прыйшла сюды калісьці са сваёй старой бабуляй, якую ганяла па свеце невядома якая – добрая ці злая – сіла. Старая, відаць, нямала павандравала на сваім вяку і ведала больш, чым усе жанчыны ў вёсцы разам узятыя. А адкуль яна ўсё ведала?” [2, с. 186]. Вось дзве прычыны непрымання Пятрусі ў вёсцы – “чужая” і ведае, тое, што незразумелае і схаванае ад астатніх. Да яе прымаюцца зусім іншыя законы і правілы паводзінаў. Калі са Сцяпана Дзюрдзі і яго жонкі Разалькі, смяюцца, Франка, якая прыварожвае Клеменса Дзюрдзю, выклікае толькі спачуванне. Якуб Шышка, вядомы злодзей, застаецца ў сяброўскіх стасунках са сваімі аднавяскоўцамі. Іншая спрва з Пятрусёй. Веданне лекавых якасцей зёлак, хваробаў чалавека, як фізічных, так і маральных сведчыла толькі аб тым, што для жанчыны па-іншаму адкрытыя як рэальны, матэрыяльны, так і свет унутраны, які шчыльна закрыты не толькі ад старонніх, але і ад сваіх. Я. Колас таксама вельмі асцярожна, далікатна малое пачуццёвую сферу сваіх герояў, унутраны свет селяніна ў яго пераважна прыхаваны.

Адносіны да жанчыны рэгламентуюцца нормаў рэлігійных вераванняў беларускіх сялян. Цікава, што знешне сяляне – хрысціяне, якія вельмі старанна выконваюць усе абрады, але з такім жа імпэтам могуць маліцца ў полі (вобраз Антося ў паэме “Новая зямля”), вераць у чарцей. лясуноў, ведзьмакоў (апавяданне “Чорт”, аповесць “Дзюрдзі”). Паказальна, што абрад выклікання ведзьмы, паганскі па свайму паходжанню, у свядомасці сялян цалкам атаясамліваецца з хрысціянскімі

догмамі: “А ён гаворыць: ведзьмы няма... Ох, доля мая горкая! Ах паганец малаверны, бязбожнік ты гэтакі, і як толькі божа цябе носіць!...” [2, Т.4, с. 141]. На нашу думку, падобны дуалізм – вынік сумяшчэння двух сістэм вераванняў. Паганства – сістэма сфармаваная як выклік свету прыроды, спроба стварыць механізм уплываць на добрыя і злыя сілы прыроды. Гэта адна з арганічных частак псіхічнай прыроды селяніна, многае ўжо не ўсведамляецца, не можа быць растлумачана, але назаўсёды закладзена сілэй традыцыі: “Пачакай, Клеменс, калі ўжо дзяды-прадзеды нашы ў гэта верылі, так, значыць гэта праўда. Ты дарэмна не брашы і чакай” [2, с. 141].

Сяляне абмяжоўваюцца верай у магію, здольную паўплываць на надвор’е, і ў анімістычную магію; у сферы этычнай рэлігіянасці яны ў сваіх адносінах да бога і святароў застыюць у рамках дакладна фармалістычнай этыкі “do ut des”. Імі кіруе спецыфічная патрэба – пазбаўленне ад пакут. Неабходнасць у выратаванні можа ісці рознымі шляхамі. Найперш яна можа спалучацца з надзеяй на справядлівую “ўзнагароду”, адплату за свае добрыя справы і за несправядлівасць іншых. Таму самым пашыраным, масавым відам веры з’яўляецца побач з магіяй звязанае з ёю даволі “разлічанае” чаканне ўзнагароды і надзея на яе [5, с. 140]. Так Крысціна (апавесць “Нізіны”) пакутліва збірае грошы на пахаванне, каб кампенсаваць усё негатыўнае, што было ў жыцці. Важна, што разуменне жыцця і смерці, не мяняецца, уяўленні аб “тым” свеце вельмі цьмяныя:

Але што ёсць там, за заслонай,
За гэтай сцежкаю замкнёнай?
Няўжо пустэлі мрок разліты,
Канец астатні, ноч нябыту?

...Ох, страшна гэта ноч-пустэля!

Яна ў пякельным мрок зацеле

Яго жыццё і гэты свет;

Сатрэцца, згіне яго след

У тым сусветным праху-смерці,

Як бы й не жыў на гэтым свеце [2. Т. 3, с. 274].

Такім чынам, сістэма вераванняў беларускіх сялян грунтуецца на паганскіх уяўленнях, якія прайшлі трансфармацыю пад уплывам хрысціянства, часткова адаптаваўшы яго каштоўнасці.

Неабходна зазначыць, што Я. Колас не паказвае нам сітуацый узаемадзеяння беларусаў з рускімі і палякамі з пункту гледжання менавіта этнічных стасункаў, бо гэта не з’яўляецца істотным як для самога пісьменніка, так і для сялян. Для беларускага селяніна палякі і

рускія – гэта найперш “паны”. Само слова “пан” – мае найперш саслоўнае значэнне, не выкарыстоўваецца як зварот ветлівасці. У адносінаў да палякаў і рускіх дамінуе найперш сацыяльна-палітычны аспект: натуральна, што беларус мог кантактаваць у асноўным не з сялянамі, а з людзьмі “прывілеяваных” саслоўяў: магнаты-землеўладальнікі, чыноўнікі, духавенства і інш.

Селяніну не так важна, якой нацыянальнасці “пан”, а мае значэнне тая вялізная сацыяльная бездань, якая ляжыць паміж ім і тым грамадскім пластом, які па незразумелых для яго прычынах карыстаецца вынікамі яго працы. З аднаго боку, “пан” – носьбіт чужой для селяніна культуры, якая не нясе сялянскаму асяроддзю ніякай практычнай карысці, таму падаецца бессэнсоўнай. З другога боку, селянін разумее, што панскае асяроддзе вышэй па сваім сацыяльным статусе, беларус бачыць, што належаць да панскага кола, гэта значыць мець адукацыю, а гэта ў сваю чаргу адчыняе многія дзверы ў грамадстве, дазваляе павысіць асабісты рэйтынг. Але пераход у гэты сацыяльны пласт, на жаль, закрыты. Сацыяльная дыстанцыя рэалізуецца не толькі праз унутраны змест жыцця (маральна-этычныя каштоўнасці), але нават і праз знешні: манера апранацца, мова (апаваданне “Выбар старшыні”). Карыстанне польскай або рускай мовамі вызначае новае грамадскае становішча, стварае ілюзію выхаду за межы сялянскага асяроддзя (імкненне месчачковай інтэлігенцыі размаўляць па-руску, дэманстратыўна адыходзячы ад роднай мовы).

Менавіта такі знешні бок прыналежнасці да “панскага” асяроддзя з’яўляецца найбольш прывабным і дасягальным для селяніна. У сацыяльна-палітычных умовах Расійскай Імперыі, калі для сялян амаль што была закрыта магчымасць руху па сацыяльнай лесвіцы, заставалася толькі магчымасць “абыгрываць” крыху рмантычнае і прыгожае сваёй недасягальнасцю жыццё шляхты. У раздзеле “Падгляд пчол” (паэма “Новая зямля”) мы як раз і маем магчымасць назіраць за “гульнёй” у паноў:

Садзяцца госці, ды не зразу,
За стол не лезуць для паказу,
Бо так шляхетнасць вымагае [2. Т. 2, с. 111–112].

У размове мільгаюць словы “пан”, “прошэ”, побач са звычайнымі сялянскімі прыпеўкамі і танцамі суседнічае і дэманстратыўна шляхетна-панскі танец:

Руку прыгнуўшы над камзэлькай,
На панскі лад мяце-вальсуе,
Усіх далікатнасцю касуе [2. Т. 2, с. 116].

Імкненне пагуляць у панскі лад жыцця спыняецца толькі на чыста знешнім, фармальным імітаванні недасягальнага для іх і больш высокага культурнага ўзроўню, таму і выглядае часам камічна.

Але не трэба спрашчаць сітуацыю. Стагоддзі ідэалагічнага ўціску, сістэматычнае прыніжэнне сялянства ў грамадскіх правах, прымусовае насаджэнне чужародных культурных каштоўнасцей, не магло не адбіцца на фармаванні стэрэатыпаў “пана-паляка” і “пана-рускага”. Ужо само панянцце “пан”, “магнат” стварае псіхалагічную ўстаноўку непрыязнасці, насцярожанасці да іх, якая знешне, як правіла, не знаходзіць выяўлення. Вельмі рэдка беларус можа абурыцца, рэагуючы на абразу ў яго адрас (вобраз Міхала ў паэме “Новая зямля”). Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што пры агульным непрымманні сацыяльнай няроўнасці ў беларускага селяніна няма комплексу “дрэннага чалавека” ў дачыненні да ўсіх “паноў”. Адносіны да кожнага паасобку грунтуюцца, зыходзячы з іх асабістых якасцей (непрыязныя адносіны Міхала да ляснічага Ракоўскага, але лагоднае стаўленне сялянаў да каморніка ў апавяданні “Нёманаў дар”).

Паказальна, што сяляне імкнуцца імітаваць “польскі манер жыцця”, а інтэлігенцыя, якая выйшла з сялянскага асяроддзя – “рускі”. Апошняе можна патлумачыць простым імкненнем прыстасавання да прапанаваных абставінаў жыцця. Толькі дэманструючы валоданне рускай мовай можна было дасягнуць поспехаў у кар’еры.

Што ж датычыцца “цягі” сялян да польскай культурнай традыцыі, то прычыны можна бачыць у захаванні у сялянскай памяці рэшткаў міфічных стэрэатыпаў аб часах Рэчы Паспалітай як перыядзе, калі магчыма была “вольнасць”, клопат аб простым чалавеку. Для прыкладу прывядзем цытату з “Гутаркі двух суседаў” К. Каліноўскага:

Як ронд польскі, дасць бог, будзе.
То тады ўсяму народу
Дасць бог зямлю і свабоду...
І вось, што ён піша пра рускіх:
І ўсю землю адабралі,
Каб людзей не навучылі
І вольнымі не зрабілі.
Бо не было б з каго драці
І ў рэкруты каго браці [2. Т. 4, с. 227].

Неабходна сказаць некалькі слоў аб уплыве канфесійнай сітуацыі на Беларусі на фармаванне стэрэатыпу паляка і рускага, а таксама на рэлігійныя ўяўленні беларуса. Палякі найперш асацыяруюцца з каталіцкім веравызнаннем, а рускія – адпаведна з праваслаўным.

Хісткасць канфесійнай сітуацыі на Беларусі, яе змена ў залежнасці ад пераменаў дзяржаўнай улады, скасаванне Уніі, моцная сувязь беларускага селяніна з навакольным асяроддзем, прыродай, прывялі да фармавання складанага сімбіёзу рэлігійных уяўленняў беларусаў, што грунтаваліся на вельмі моцным паганскім падмурку, да фармальнага выканання рэлігійнай абраднасці (малітвы дзядзькі Антося).

Акрамя гэтага праваслаўныя святары ўспрымаюцца беларускімі сялянамі найперш не як духоўныя асобы, носьбіты хрысціянскіх веры, а як праваднікі палітычных, сацыяльных ідэй Расійскай імперыі (айцец Мікалай у трылогіі “На ростанях”). Сумяшчэнне рэлігійнага і палітычнага аспектаў негатыўна адбіваецца на асэнсаванні рэлігійных каштоўнасцей, вядзе да фармалізацыі абраднасці, лішні раз фармуе ўмовы для рэлігійнай індэферэнтнасці.

Спіс літаратуры

1. Ожешко, Э. Избранное : Повести. Роман / Э. Ожешко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 519 с.
2. Колас, Якуб. Збор твораў : у 14 т. / Якуб Колас. – Минск : Маст. літаратура, 1972.
3. Салееў, В. А. Этнапедагогіка і эстэтычнае развіццё асобы / В. А. Салееў. – Минск, 1994. – 181 с.
4. Ажэшка, Э. Выбранае. Аповяданні і аповесць / Э. Ажэшка. – Минск : Маст. літ., 1975. – 368 с.
5. Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Хрэстаматыя : вучэб. дапаможнік для студэнтаў філал. спец. ВНУ / аўт.-склад.: А. А. Лойка, В. П. Рагойша. – 2-е выд. – Минск : Выш. шк., 1988. – 487 с.

Чувак Светлана Викторовна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Sviatlana Chuvak,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: sv_chuvak@grsu.by

NATIONAL PERSONALITY OF THE IMAGE OF THE «OTHER» IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATION OF THE BELARUSIAN PEASANT: ON THE MATERIALS OF THE WORKS OF YAKUBA KOLASA AND ELIZA OZHESHKO

The article is devoted to the peculiarities of the formation of the images of ethnic groups in the works of Jakub Kolas and Eliza Ozheshko. The writers point out the peculiarities of the formation of the auto-stereotype of the Belarusian peasant and the mechanisms of creating hetero-stereotypes of Poles, Jews and Russians.

Keywords: Belarusians, Poles, Jews, stereotypes, Jakub Kolas and Eliza Ozheshko.

Е. В. Флянтикова

**ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА:
СФЕРА ЕДЫ И НАПИТКОВ**

Особенностью словарного состава языка является его связь с действительностью, что влечет за собой создание новых наименований. На материале данных Национального корпуса русского языка рассматривается пополнение словарного состава лексико-семантической группы «Еда и напитки». Описан процесс отбора материала, необходимого для анализа, определены неоминимации лексико-семантической группы «Еда и напитки».

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, словарный состав, неоминимация, заимствование.

Развитие экономики, научно-технический прогресс, процессы глобализации и интеграции приводят к изменению и развитию различных сфер общественной жизни. Эти изменения затрагивают и словарный состав языка, так как возникает необходимость называть новые процессы, явления, отношения, ситуации, события. Для их номинимации необходимы либо новые номинативные единицы, либо переосмысление, расширение значения уже существующих в языке лексем. Словарный состав языка динамичен.

Одним из проявлений динамичности является обогащение словарного состава новыми словами. Появление новых слов, выражений привлекает внимание лингвистов на протяжении длительного времени. Еще Л. В. Щерба говорил о том, что «литературный язык, как и всякий язык вообще, должен называть все новые понятия, нарождающиеся в данном обществе. Само название новых понятий происходит путем заимствования из той среды, откуда идут и понятия... Заимствования могут происходить не только из чужих языков, но и из диалектов, как географических, так и особенно социальных» [1].

Однако пополнение словарного состава языка осуществляется не только путем заимствований. А. А. Гируцкий отмечает, что «пополнение лексики языка происходит двумя основными путями: путем образования новых слов и путем заимствования слов из других языков [2, с. 101]. Также исследователями выделяются семантические неологизмы – «словесные единицы, представляющие собой новый ЛСВ в семантической структуре словесных знаков» [3, с. 102].

Безусловно, особенно активно пополняется лексический состав сфер, для которых характерно интенсивное развитие: Интернет, IT-технологии, масс-медиа, политика и т. д. Сфера еды и напитков достаточно консервативна, ей присущи преемственность и устойчивость. Еда и

напитки аккумулируют, транслируют культурные традиции, стереотипы, табу, духовные ценности, опыт народа. Поэтому изучение неониминаций в данной сфере особенно актуально с точки зрения лингвокультурологического подхода. При таком подходе не только фиксируются неониминации, используемые в определенной сфере, но и анализируется степень их вхождения в национально-культурное пространство, приобретаемые ими дополнительные культурные смыслы.

Известно, что блюда национальной кухни имеют многовековую историю. Составлению перечня исконных блюд посвящен ряд работ: лингвистических, этнографических, культурологических, религиоведческих, философских, антропологических, этимологических, лексикографических. Однако в настоящее время не существует единого перечня неониминаций еды и напитков. Меню ресторанов, кафе, баров изобилуют перечислением различных блюд. Однако непонятно, что из этого перечня действительно можно считать неониминацией, насколько данная лексема представлена в языке. Для составления перечня неониминаций еды и напитков нами были использованы возможности Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [4]. В НКРЯ представлены тексты различных жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов на различных этапах существования: ранние тексты – середина XVII – середина XX века и современные письменные тексты – середина XX – начало XXI века. Таким образом, с помощью НКРЯ мы можем отобрать необходимый лексический материал, так как при отборе мы можем учесть представленность номинации в языке и время ее использования. Для учета последнего признака мы можем воспользоваться такой возможностью НКРЯ, как распределение по годам. С помощью данной возможности мы можем увидеть временной промежуток использования той или иной лексемы, а также количество вхождений, распределенное по годам. Данная информация предоставляется в виде таблицы и в виде графика. Семантическая разметка основного корпуса НКРЯ позволяет сразу отобрать из всего массива контекстов лишь те, в которых присутствуют лексемы, относящиеся к необходимой лексической группе, в нашем случае – еда и напитки.

Поиск неониминаций еды и напитков проводился не только в основном, но и в газетном подкорпусе НКРЯ. Основанием для этого послужил тот факт, что пресса быстрее реагирует на изменения, происходящие в жизни общества. При отборе фактического материала нами учитывался временной промежуток 1990–2020 годы. Так как

критерием для определения новой лексики является ее новизна. Так как газетный подкорпус не снабжен семантической разметкой, то в нем проводился поиск по слову. Перечень слов для поиска был составлен в результате отбора номинаций еды и напитков из меню популярных в России и Беларуси кафе и ресторанов: Domino's Pizza, Кухня на районе, Теремок, Home Food, VanWok, Eat Georgian, Грабли, Много лосося, Frank by Баста, KETCH UP, Кофе Хауз, РНО Вкусный, TUK TUK, BB&Burgers, ВьетКафе, il FORNO, Му-му, Bella Pasta, Папа Джонс, Академия, Dim Sum&CO, Хлеб Насушный, Мосдонер, Чихо, Джонджоли, Фагш, Вай Мэ, SHWARM и др.

Результаты поиска представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Неономинации еды и напитков

№	Номинация	Основной корпус		Газетный корпус	
		количество документов / вхождений	временной интервал	количество документов / вхождений	временной интервал
1.	барбекю	73 / 121	1997–2012	218 / 261	2001–2018
2.	брауни	3 / 9	2002–2017	7 / 9	2004–2012
3.	бриошь	11 / 11	1993–2012	9 / 12	2001–2012
4.	брускетта	3 / 4	2008–2018	7 / 8	2008–2017
5.	бургер	23 / 40	1997–2018	83 / 145	2001–2018
6.	буррата			1 / 1	2017
7.	вок	–		2 / 2	2016
8.	донат	48 / 393	1995–2017	60 / 108	2001–2018
9.	донатс	1 / 1	2004	2 / 2	2009–2014
10.	донер	5 / 8	1965–1994	11 / 17	2004–2018
11.	капучино	25 / 46	1994–2018	95 / 123	2000–2018
12.	капучино	6 / 16	1976–2012	4 / 4	2004–2017
13.	капучино	4 / 5	1997–2004	–	
14.	капучино	33 / 66	1998–2012	40 / 44	2001–2015
15.	карпаччо	17 / 18	1999–2014	53 / 62	2001–2017
16.	кесадилья	1 / 1	2002	5 / 6	2001 – 2017
17.	крокет	141 / 263	1996–2012	32 / 53	2001–2012
18.	латте	12 / 27	2002–2018	37 / 57	2001–2018
19.	липтон	25 / 33	1996–2016	50 / 122	2001 – 2018
20.	магнагетте	–		8 / 11	2007–2017
21.	макаронс	–		1 / 1	2016
22.	макиато	3 / 3	2010–2014	3 / 3	2017
23.	макчикен	1 / 1	1997	4 / 4	20013–2017
24.	маффин	–		13 / 20	2001–2016
25.	миринда	4 / 6	2002–2007	5 / 11	2003–2013
26.	мисо	10 / 12	2002–2013	20 / 29	2001–2018
27.	митбол	1 / 1	2014	6 / 21	2013–2015

28.	моцарелла	11 / 20	2002–2015	76 / 111	2002–2018
29.	мюсли	19 / 32	1993–2013	73 / 110	1994–2018
30.	нагетс	–		78 / 114	2004–2017
31.	нагетс			1 / 1	2007
32.	начос	2 / 2	2002–2005	24 / 72	2001–2018
33.	панакота	–		5 / 5	2005–2018
34.	паэлья	9 / 15	1990–2012	21 / 23	2001–2017
35.	пенне	–		13 / 18	2000–2017
36.	пита	182 / 357	2003–2017	421 / 703	2000–2018
37.	поп-корн	2 / 2	2002	–	
38.	попкорн	59 / 92	1997–2018	239 / 306	2000–2018
39.	профитроль	11 / 21	1996–2014	6 / 16	2003–2012
40.	рататуй	10 / 14	1996–2014	42 / 52	2005–2013
41.	рибай	–		11 / 11	2006–2018
42.	ризотто	12 / 15	1997–2015	59 / 76	2000–2018
43.	рикотта	1 / 1	2002	3 / 3	2010 / 2016
44.	ролл	51 / 112	1995–2015	167 / 252	1994–2018
45.	сашими	10 / 10	1993–2016	31 / 38	2001–2018
46.	смузи	2 / 3	2018	32 / 43	2006–2018
47.	снэк	11 / 12	2002–2015	69 / 86	2004–2018
48.	снэк	5 / 7	2002–2010	45 / 82	2003–2018
49.	спринг-ролл	–		7 / 7	2016–2018
50.	стейк	63 / 137	1998–2017	231 / 325	2000–2018
51.	стрипс	–		2 / 3	2016–2018
52.	суши	746 / 1196	1995–2015	890 / 1231	1994–2018
53.	тальятелла	–		4 / 4	2011–2016
54.	темаки			1 / 1	2010
55.	тортилья	5 / 5	1997–2013	18 / 31	2004–2017
56.	тирамису	10 / 21	2001–2013	30 / 35	2001–2017
57.	удон	–		4 / 4	2013–2016
58.	фанга	204 / 315	1990–2016	78 / 96	2000–2014
59.	фишбургер	1 / 1	2016	1 / 1	2016
60.	фиш-энд-чипс / фиш энд чипс	6 / 7	2000–2012	12 / 12	2005–2018
61.	фокачча	2 / 4	2012–2014	5 / 5	2005–2017
62.	фреш	11 / 16	2003–2014	41 / 56	2003–2016
63.	фрэш	2 / 3	2011–2016	3 / 7	2002–2013
64.	фри	106 / 162	2000–2014	365 / 527	2000–2018
65.	фунчоза	1 / 1	2013	3 / 4	2004–2017
66.	хашбраун	–		8 / 9	2000–2018
67.	хот-дог	52 / 65	1994–2014	216 / 341	1994–2018
68.	хотдог	6 / 7	1979–2013	6 / 8	2002–2017
69.	шаверма	6 / 7	1999–2008	36 / 70	2005–2018
70.	шаурма	31 / 46	1997–2016	239 / 449	2000–2018
71.	чабатта	4 / 4	2007–2015	1 / 1	2018
72.	чизбургер	21 / 25	1994–2014	76 / 97	2000–2018

73.	чизкейк	5 / 6	2007–2015	19 / 21	2001–2018
74.	чиз-кейк	–		2 / 3	2016
75.	чикен	3 / 3	2003	–	
76.	чуррос	1 / 2	2008–2009	2 / 2	2011–2018

Следует отметить, что ряд номинаций, представленных в меню кафе и ресторанов, не нашел отражения в текстах, представленных в НКРЯ. Выявленные неониминации представляют собой заимствования из различных языков: английский, китайский, итальянский, японский, французский, испанский. Отмечается вариативность написания: снэк / снэк, фреш / фрэш, шаверма / шаурма. Данные неониминации появились в русском языке в связи с необходимостью называть новые виды еды и напитков, заимствованные из иных культур, то есть заполнить образовавшиеся лакуны. Таким образом, происходило заимствование не просто номинации, а факта инокультуры. Данные лексемы были заимствованы с целью использования их в прямом лексическом значении: наименование того или иного блюда. Среди выявленных неониминаций нами не были обнаружены семантические и словообразовательные неониминации.

Таким образом, происходит пополнение словарного состава группы номинаций, обозначающих еду и напитки. Данная лексико-семантическая группа пополняется путем заимствований. Происходит заимствование реалии, принадлежащей инокультуре, вместе с его номинацией. Заимствованные лексемы взаимодействуют с новой лингвокультурой: привносят свои коннотации, конкурируют с близкими понятиями, изменяют семантику, стилистическую принадлежность. Поэтому актуально изучение данных неониминации с точки зрения лингвокультурологического подхода.

Список литературы

1. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба. – Режим доступа: http://elibr.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye-raboty-russkomu-yazyku_1957/go,0;fs,0/. – Дата доступа: 02.03.2021.
2. Гируцкий А. А. Введение в языковедение / А. А. Гируцкий. – Минск : Тетра Системс, 2001. – 284 с.
3. Григоренко, О. В. Неониминации лиц в аспекте лексикографии и неографии / О. В. Полоник // Гуманитарный вектор. Сер. «Педагогика, психология». – 2010. – № 2 (22). – С. 98–104.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 14.04.2021.

Флянчикова Елена Викторовна, Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно, Республика Беларусь.

Elena Fliantikova,
Grodno State Medical University
e-mail: alena-flint@mail.ru

VOCABULARY COMPLETION OF LANGUAGE: SPHERE OF FOOD AND DRINKS

The peculiarity of vocabulary is its inherent direction to the phenomena of reality, which inevitably leads to the formation of new nominations. The article deals with the vocabulary completion of lexico-semantic group «Food and drinks» based on the data from the Russian National Corpus. It describes the process of selection of the material necessary for the analysis, neo-nominations of lexico-semantic group «Food and drinks» are defined.

Keywords: Russian National Corpus, vocabulary completion of language, neonomination, borrowing.

УДК 005.44:316.28:811.581(510)

L. M. Sereda, Chen Chen

COMMUNICATING IN THE GLOBALIZED WORLD: CHINESE VIEW

The authors study the aspects of the globalization influence on social communication in the world and consider different definitions of the term «globalization», as well as its manifestations in different spheres of life, including communication technologies, political, economic, cultural and linguistic contacts from the point of view of the American, European and Chinese scholars.

Keywords: globalization, globalization process; communication, global language, English, Chinese.

These days it seems that no one can escape living in the global world, since modern transport facilities, cross-border trade, international education, human migration and communication technologies have brought strangers from different parts of the world into contact, either face to face or through mediated platforms, such as the internet.

Canadian media culture analyst Marshall McLuhan [1] coined the term *global village* to describe a world in which communication technology, such as television, radio and news services, brings news and information to the most remote parts of the world. He believed that globalization means that human beings on the earth can use advanced communication technology and overcome the limitations of natural geographical factors to carry out free transmission of information. Today his vision of a *global village* is no longer an abstract idea, but the very place we live in.

Still we cannot speak of one culture created in the world due to this globalization factor. Living in a culturally diverse society today is no longer a choice, but a compelling reality thanks to globalization, which refers to the

process of increasing interconnectedness between societies and people at the economic, political and cultural levels [2, p. 3]. However, connections between cultures are as old as humankind. The Silk Road, for example, began during the Han dynasty (206 BC to 220 AD) and lasted until the fifteenth century. It was an ancient network of trade routes that connected the East with the West, stretching from Central Asia, South Asia and the coast of Arabian Peninsula to the Mediterranean Sea. In addition to traders, the routes were travelled by explorers, missionaries, philosophers, warriors and foreign emissaries, spreading products, philosophy, religion, ideas and innovations in all directions and among people from different cultures. Thus the connection between cultures and the mass migration of people have a long history; the advent of communication technologies has just accelerated the process [3].

The notion of the global village and the process of globalization poses many questions. The metaphor of a global village has caught the imagination of many people, including political leaders and intellectuals. Globalization is defined as the widening, deepening and speeding up of worldwide interconnectedness in all aspects of contemporary social life. In particular, this interconnectivity breaks down the boundary between East and West. While communication and technology have given the world the means of getting closer together into a global village, they also brought about fears of domination by technologically more advanced countries. Some Asian leaders even fear that globalization might result in cultural liquidation, particularly among smaller nations [2].

Moreover, there is still no agreement on the basic theoretical issues concerning the notion of globalization. In a broad sense, globalization refers to the increasing influence, cooperation and interaction among countries in the world under the condition of the increasing development of global economic and cultural exchanges, which makes the popularization of common cultural patterns gradually become the global standard and trend. To be more specific, globalization, as a phenomenon and generating force, first demonstrated its strong momentum in the economic field, manifested in the increasing transnational businesses and interdependence of world economic activities. The ensuing political globalization, social globalization, scientific and technological globalization, cultural globalization, military globalization, information globalization, education globalization, as a world trend, have gradually become an unstoppable objective historical trend in the development process of the world today.

Globalization has attracted wide attention of different scholars in the world. The word «globalization» first appeared in the Harvard Business

Journal. It was first proposed in the article «On the Globalization of Markets» in 1985 [4, p. 6]. Globalization was used there to describe the development and change of the international economy during the years, which is a trend of the diffusion of goods, services, capital and technology in the fields of worldwide production, consumption and investment.

J.K. Gibson Graham believes that globalization is a series of processes that rapidly integrate into an economic space through the internationalization of increasing international trade, production and financial markets, and the internationalization of commercial culture facilitated by the gradually networked global communication system [5].

Moving to political sphere, Maria Elena Alvarez Acosta believes that «globalization is a manifestation of the operating rules of the world capitalist system, which reflects the trend of expanding production relations due to the rapid development of economy and technology, as well as the interdependence among countries and social sectors worldwide» [6, p. 10].

Many scholars attribute globalization to technological progress [7]. According to McGarry, globalization is «the diversification of connections and mutual communication between countries and societies that constitute the contemporary world system», and it is a process in which «events, decisions and activities occurring in a certain part of the world can exert significant influence on individuals and groups in distant parts of the world» [8]. He defined and understood globalization in a neutral way.

The above definitions and understandings of globalization reflect the multidimensional nature of globalization. Lots of scholars have similar understanding of this notion on the basis of economic globalization, political, cultural and other aspects to say that globalization is based on economic development and changes of global trends, they are standing on the position of their own country and people with their own local understanding of globalization, reflecting the imbalance in the process of globalization.

Chinese scholars have the following views on the understanding of the concept and connotations of globalization. Yu Keping claims that globalization is firstly an economic development process, but in the final analysis it is a holistic development process [9].

Shen Xiangping believes that globalization is a gradual process, in which the «internationalization» indicates that the transformation from non-global to global is not an overnight process, it is a trend and a process, which contains the provisions of practice and history. At the same time, globalization is always changing, and we can only grasp it historically [10].

Luo Tianhong considers that the basic content of globalization is economic globalization, and globalization should be understood from a more comprehensive and macroscopic level, that is, including politics, culture, meaning form and other contents. «Globalization refers to the phenomenon, process and development trend of the increasingly close interconnection and dependence between various parts of the world, the strengthening of mutual penetration and integration, and the increasing factors of global consistency» [11, p. 64].

Dong Jian claims that «globalization, based on the ever-expanding demand for economic interests, is a process of material and spiritual civilization changes in the global society driven and catalyzed by social exchanges and the rapid development of science and technology. It is important to note that this change is a non-national change. Material civilization is the basis of change, driving the change of social culture and values in the category of spiritual civilization, and then triggering the change of social structure and system of the whole human being» [12].

Wu Yifeng considers that «globalization refers to the free flow of various production factors or resources around the world to realize the optimal allocation of production factors or resources around the world. “Globalization» is a universally accepted definition of globalization. However, the concept of globalization should not be analyzed and understood only from the perspective of economic and technological phenomena. It should also be recognized that the current globalization is still a globalization of economic order in favor of developed countries and the so-called ‘democracy and human rights’ globalization» [13].

Cheng Guangquan believes that «from the perspective of social and historical development, globalization can be defined as the sovereign states and international organizations, according to their own needs and interests. By signing agreements and making rules, the objective trend of production socialization and division of labor is promoted to transcend the boundaries and barriers of nation-states, and continuously expand and diffract to the global scope, as well as the state of mutual penetration and close dependence of factors such as world economy, politics and culture» [14].

Thus, globalization refers to the process in which each person, or nation transforms from a regional existence to a global existence on the basis of maintaining their own uniqueness in the economy, politics, culture and social life of the nation or nation as a whole [15].

Chinese scholars’ understanding of globalization can be generalized as follows: globalization and economic development have a close relationship; at

the same time they have extensive influence on all aspects of society. Chinese scholars' view on globalization is relatively comprehensive and integrated, and their consideration of the theory of globalization, the globalization research information together with foreign scholars can create a more abundant and multifaceted idea of globalization, its development and consequences.

The influence of globalization is extensive and profound. As for the relationship between globalization and culture, there are the following viewpoints and discussions.

Haofan Fang believed that «with the development of the bourgeoisie, with the realization of free trade and the establishment of the world market, and with the convergence of industrial production and corresponding living conditions, ethnic divisions and antagonisms among people of various countries have gradually disappeared» [16]. It can be seen that globalization is not only a material trend, but it also exists in the fields of spiritual production and culture.

Christel Lane expresses the view that with the development of economic modernization and political democratization in various countries, human's sense of nation-state identity will gradually disappear. Cultural and religious force will increase gradually, and form a huge worldwide 'westernization movement', the future will be in the hands of people with information of power [17, p. 75]. It can be said that establishing a new culture of one's own country through information culture is a movement supported by the American national government. In 1997, the Clinton administration put forward the concept of «building the second generation of the Internet», the purpose of which was to strengthen the status of information culture and control the world through controlling the network. Due to the particularity of its own culture, the traditional culture and information culture of the United States have almost been integrated [18].

As the leader of globalization, the United States is using information hegemony to seek the strategic goal of dominating the world. As early as the beginning of the 1980s, the United States has placed the information industry in an important strategic position to consolidate its economic monopoly, political power and military hegemony [19]. The Clinton Administration of the United States issued the National Information Infrastructure Action Plan, the gist of which was to use the global network information dissemination to open up the 'ideological battlefield', to occupy and rule the world with the values of «freedom, democracy and human rights», and finally to achieve the «ideological conquest». In February 1997, American leaders put forward the concept of «knowledge economy», further taking the information industry as the fundamental measure to monopolize the world market in the century [20].

For the influence of globalization on culture foreign scholars generally think that the economic base determines the superstructure, the boundaries between culture in the process of global economic integration will become fuzzy, every national cultures will converge. At the same time, some countries rely on strong economy and politics, with the development of information technology, the rapid spread of its culture to the world, let the others to accept, gradually realize the cultural hegemony worldwide [21].

Chinese scholars have their own views. Hu Huilin believes that in the process of globalization, the nature of foreign civilization and the status of Chinese traditional culture in the whole world determine the role and influence of globalization on Chinese traditional culture. If we understand globalization as the conquest of other cultures by European and American cultures, then confrontation and conflict will be inevitable. If we understand globalization as the common pursuit of all mankind, then communication and integration will be generated. At the same time, whether our traditional Chinese culture can develop and expand is directly related to China's economic strength [22].

Although globalization has had an impact on Chinese culture, the problem is serious and urgent. Compared with other developed countries, China's cultural protection work is still relatively backward. At present, the Ministry of Culture of China has launched the folk culture protection project, which plans to initially establish a relatively complete protection system and system of traditional folk culture of China through the construction of the year, and realize the scientific, standardized, legalized and networked protection work.

Nowadays, in the era of widespread globalization in the field of culture, politics and economics, the emergence of such a concept as "global language" is no longer surprising. It is no secret that for many centuries humankind has striven for a single language for all. However, there has never been a global language, although there have always been a number of languages that have claimed to take the place of the global world language.

This requires some more universal means of communication, namely a global language, but a language can acquire the status of a global one only if its special role is recognized and most people from all countries of the world will speak it. At this stage of human development, English can rightfully be considered the first contender for the role of a world language. It is common knowledge that English has become a real *lingua franca* – the language of international communication, the language of the media, diplomacy, medicine and aviation. Reports at most international conferences are read in English. Such a spread of this language could not but affect other languages of the world, even such a different language from it (in its lexical, grammatical and phonetic structure), as Chinese.

The Chinese language is the most important representative of the Sino-Tibetan language family [23, p. 2–15]. It is already spoken by approximately 1.5 billion people. In Canada alone, there are about 1.5 million ethnic Chinese, and in total outside the PRC, according to some estimates, there are about 80 million Chinese. Chinese is one of the working languages of the United Nations. The economic and political development of China is proceeding at a tremendous pace, which also contributes to the development of the Chinese language. All over the world, more and more people are beginning to learn it, Confucius Institutes and classrooms are opening in many countries, which is greatly facilitated by the PRC government. In the United States, learning Chinese comes second after Spanish.

Knowledge of the Chinese language becomes a necessity. Thus, the Chinese language competes with English for the title of the world's global language. But, despite this expansion, there are a number of obstacles in its distribution. The Chinese language, with its complex phonetic tonal system and hieroglyphic writing, is considered one of the most difficult languages to learn. For some people, reading and writing Chinese is an overwhelming task. This is what prevents it from becoming a global language.

Anyway, the English language penetrates the Chinese, showing the features of «linguistic imperialism» and resulting in the formation of Chinglish. T.V. Pronina, in her research dealing with English borrowings in the Chinese language, comes to a conclusion that this influence is indisputable and, no matter how hard scientists and politicians in the PRC try to make their language more 'pure', they are unlikely to be able to completely avoid the use of letter words, in particular, abbreviations, in everyday life, all the more, they cannot be avoided in scientific, medical, computer and other spheres [24, p. 168–169].

The Chinese nation, like any other, strives for dialogue with other countries of the world in the economic, political, scientific and cultural fields. Today, the possibility of such a dialogue is not presented without knowledge of the English language, and this, in turn, entails the penetration of one language into another. How deep this penetration of English letter words into the Chinese language will be and how strongly this kind of borrowing will actually affect the language itself is still unclear, but it cannot be denied that every day English abbreviations and other kinds of borrowings from this language are taking root more and more firmly in Chinese.

To conclude, the frequency and necessity of global interaction in business, politics, education, medical practice and travel, to mention just a few, requires us to communicate competently with people whose cultures are different from our own. But this ability does not come naturally; it must be learned.

References

1. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extension of Man* / M. McLuhan. – New York : McGraw Hill, 1964.
2. Liu, Sh. *Introducing Intercultural Communication. Global cultures and contexts* / Sh. Liu, Z. Volčič, C. Gallois. – 3rd ed. – SAGE Publications Ltd., 2019. – 382 p.
3. McDaniel, E. R. *Understanding and applying intercultural communication in the global community: The fundamentals* / E. R. McDaniel, L. A. Samovar, A. A. Porter, E. R. McDaniel and C. S. Roy (eds.). – *Intercultural Communication: A Reader*. – Boston, MA : Cengage Learning, 2015. – P. 5–16.
4. Welfens, P. J. *The globalization of markets and regional integration* / P. J. Welfens // *Interconomics*, 1989, 24 (6).
5. Gibson Graham, J. K. *The End of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy* / J. K. Gibson Graham. – University of Minnesota Press, 2006.
6. Tudoroiu, T. *China's Globalization from Below: Chinese Entrepreneurial Migrants and the Belt and Road Initiative* / T. Tudoroiu. – Taylor and Francis, 2021. – P. 3–22.
7. Witeck, J. *Globalization Democratization, and Asian Leadership: Power Sharing, Foreign Policy and Society in the Philippines and Japan* / J. Witeck // *Pilipinas: A Journal of Philippine Studies*, 2005 (45).
8. McGarry, J. *Globalization, Democratization and Asian Leadership: Foreign Policy, Power Sharing and Society in the Philippines and Japan* / J. McGarry // *Pilipinas: A Journal of Philippine Studies*, 2004 (43).
9. 俞可平. 全球化译丛总序[A] 威廉·格雷德资本主义全球化的疯狂逻辑[M] 张定淮译. 北京: 社会主义文献出版社, 2003: 1.
10. 沈湘平. 全球化与现代性[M]. 长沙: 湖南人民出版社, 2003: 5.
11. 罗天虹. 全球化是西方化吗[A]. 俞可平. 全球化: 西方化还是中国化[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2002: 63–65
12. 董健. 超越国家[M]. 北京: 当代世界出版社, 2002: 15.
13. 吴易风. 全球化的性质和利弊[A]. 北京: 社会科学文献出版社, 2002: 160–161.
14. 程光泉. 全球化与价值冲突[M]. 长沙: 湖南人民出版社, 2002: 160–161.
15. Fisher, K. *Activism in the face of globalism: Lessons from emancipatory action research* / K. Fisher // *ALAR: Action Learning and Action Research Journal*, 2003, 8 (2).
16. Fang, H. *Philosophical Thinking on Cultural Globalization* / H. Fang. // *Proceedings of 4th International Conference on Culture, Education and Economic Development of Modern Society (ICCESE 2020) (Advances in Social Science, Education and Humanities Research: Russian State Specialized Academy of Arts (Russia), International Science and Culture Center for Academic Contacts (Russia), Zhengzhou Yingchun Conference Planning Co., Ltd.(China): International Science and Culture for Academic Contacts. – VOL.416, 2020: 5.*
17. Lane, Ch. *Reverse cultural globalization: The case of haute cuisine in one global city* / Ch. Lane // *Poetics*, 2019. – P. 75–86.
18. Hough, M. A. *Biomedicalization and the Practice of Culture: Globalization and Type 2 Diabetes in the United States and Japan* / M. A. Hough. – The University of North Carolina Press: 2018-01-01.
19. Blum, D. W. *The Social Process of Globalization: Return Migration and Cultural Change in Kazakhstan* / D. W. Blum. – Cambridge University Press: 2015-01-01.
20. Božilović, N. *Globalization of culture and new identity patterns* / N. Božilović // *Sociološki Pregled*, 2014, 48 (4).
21. 麻国庆. 全球化: 文化的生产与文化认同 – 族群、地方社会与跨国文化圈[J]. 北京大学学报(哲学社会科学版), 2000 (04): 152–161.

22. 胡惠林. 文化产业发展与国家文化安全 – 全球化背景下中国文化产业问题思考[J]. 上海社会科学院学术季刊, 2000 (02): 114–122.

23. Аошуан, Т. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Т. Аошуан. – М. : Языки славянской культуры. – 2004. – 240 с.

24. Пронина, Т. В. Английские заимствования в китайском языке как результат процесса глобализации [Электронный ресурс] / Т. В. Пронина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (24), ч. 2. – С. 166–169. – Режим доступа: <http://www.gramota.net>. – Дата доступа: 18.05.2021.

Середа Людмила Михайловна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Чен Чен, преподаватель Сычуаньского университета СМИ и коммуникации, Китайская Народная Республика.

Liudmila Sereda,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: lsereda@grsu.by

Chen Chen,

Sichuan University of Media and Communications

e-mail: heychenchen@gmail.com

КОММУНИКАЦИЯ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ: ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ

Исследуется влияние глобализации на социальные аспекты общения в мире, а также рассматриваются различные определения термина «глобализация» и его проявления в разных сферах жизни, включая коммуникационные технологии, политические, экономические, культурные и языковые контакты с точки зрения американских, европейских и китайских ученых.

Ключевые слова: глобализация, процесс глобализации, коммуникация, глобальный язык, английский язык, китайский язык.

Раздел 5. КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 81'27

И. А. Герасимчик

ЛЕКСИКА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА В МЕТАЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: СТРАТЕГИИ ТОЛКОВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Рассматривается специфика вербализации метаязыкового сознания современной молодежью. По итогам проведения лингвистического эксперимента определены применяемые рядовыми носителями языка стратегии толкования значений лексических единиц интернет-дискурса, выявлены приемы семантизации, обусловленные субъектным фактором.

Ключевые слова: обыденное метаязыковое сознание, стратегии толкования слов, наивная семантизация, лингвистический эксперимент.

В современном обществе в условиях цифровой и социокультурной глобализации появление новых технологий стимулирует преобразования в сфере коммуникации и сопровождается активным пополнением словарного состава языка. Освоение новых лексических единиц зависит и от языковой компетентности носителя языка, и от включенности личности в современные коммуникативные практики, её приобщенности к медиакультуре.

Степень освоения лексики носителями языка определяется благодаря вербализации ими метаязыкового сознания – демонстрации в обыденной речевой коммуникации совокупности знаний, представлений, суждений о языке. Одной из самых распространенных практик в метаязыковой деятельности человека является толкование значений слов. Стратегия толкования значения, т. е. «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [1, с. 187], отражает метаязыковую способность рядового носителя языка.

В научных работах представлены различные стратегии наивной семантизации. «Современные исследования, в частности, проводимые Н. Д. Голевым и возглавляемым им научным коллективом, позволяют говорить о следующих типах стратегий: дефиниционная, описательная, ассоциативная, контекстная, мотивационная и отсылочная» [2, с. 12]. А. Н. Ростова выделяет четыре типа стратегий толкования – идентифицирующий, классифицирующий, иллюстрирующий и ассоциа-

тивный, указывая, что выбор определенной стратегии толкования значений рядовыми носителями языка осуществляется посредством апелляции к «миру вещей», «миру слов», «миру функциональных ситуаций» и к «личностному ассоциативному миру» [1, с. 187]. Т. Ю. Кузнецова обращает внимание на субъектно обусловленные стратегии толкования, представляет стратегии семантизации следующими коррелятивными типами: ассоциативная / дефиниционная, холистическая / элементаристская, креативная / некреативная, рационально-логическая / эмоционально-чувственная, описывающая / отождествляющая [2, с. 6]. Множественность классификаций стратегий толкования слов обусловлена вариативностью метаязыковой деятельности человека.

Настоящее исследование, посвященное выявлению стратегий толкования слов, активно используемых в интернет-дискурсе молодежью, основано на результатах лингвистического эксперимента. Его участниками стали 200 человек – ученики старших классов средних школ, учащиеся средних специальных и студенты высших учебных заведений г. Гродно (Беларусь) (возраст респондентов – от 14 до 22 лет).

Задание анкеты предполагало формулирование собственных определений (Что, на Ваш взгляд, означают эти слова?) для 30 слов, широко распространенных в современном интернет-жаргоне и представленных в терминологии интернет-действительности и массовых коммуникаций: *челлендж*, *инфографика*, *сторис*, *хайповый*, *виртуальный*, *годнота*, *забанить*, *гик*, *паблик*, *хэштег* и другие. Анализ результатов лингвистического эксперимента позволил выделить особенности использования молодежью различных стратегий толкования слов, выбор которых обусловлен и спецификой лексических единиц, и индивидуальным речевым опытом говорящего.

Как показали результаты эксперимента, молодые люди в процессе толкования лексических единиц использовали дефиниционную, ассоциативную, классифицирующую, остенсивную, мотивационную и иллюстрирующую стратегии.

Наиболее востребованной является дефиниционная стратегия толкования, которая подразумевает выделение родового понятия и перечисление дифференциальных признаков – «видовых сем». Например, *гифка* ‘движущая картинка на репите’; ‘анимированная картинка’; *сторис* ‘видео или фотография, размещенное на время’; *забанить* ‘ограничить доступ, закрыть доступ к себе в социальной сети’; *хэштег* ‘специальный значок для продвижения аккаунта или для легкого поиска’. Данный способ толкования предполагает вербальную актуализацию тех семантических компонентов слова-стимула, которые рассматриваются испытуемым как наиболее яркие, важные для его

языкового сознания. Для сравнения: *баттл* ‘соревнования между рэперами’ // *баттл* ‘противостояние между двумя и более людьми’ // *баттл* ‘отстаивание собственных интересов, спор’ (данный пример может рассматриваться как фиксация в языковом сознании носителей языка процесса развития полисемии); *блог* ‘страница, где определенным человеком или группой людей публикуются рассуждения, твиты, события’ // *блог* ‘видео, в котором человек снимает свою жизнь’.

Обобщение полученных в результате семантизации одной лексической единицы данных дает возможность выделить ключевые признаки, те семантические компоненты, которые и определяют понимание семантики слова носителями языка: *хейтер* ‘человек, не любящий что-то’; ‘человек, негативно отзывающийся о чем-либо’; ‘человек с отрицательными отзывами’; ‘человек, который пишет обидные сообщения’; ‘человек, который против какого-либо видеоблогера’; ‘обидчик из соцсети’; ‘злой человек’; ‘популярный человек’; ‘человек, пытающийся прославиться’.

Отметим, что при толковании значений глаголов фокус внимания респондентов может смещаться на определение получаемых возможных результатов совершаемых действий либо на фиксацию объясняющих их необходимость целевых установок: ср.: *подписаться* ‘вступить в группу’ – *подписаться* ‘получить доступ к информации’ – *подписаться* ‘начать смотреть чей-то профиль’; ‘следить за уведомлениями человека или паблика’; ‘следить за человеком и его новостями’.

Примеры семантизации в большинстве случаев иллюстрируют затруднения респондентов в определении родового идентификатора, его функции выполняет, как правило, местоимение (кто, что, кто-то, что-то, то-что): *хештег* ‘то, что ставят перед словами для описания фото или видео’; *контент* ‘что-то модное, что-то интересное в профиле на одну тему’; *лента новостей* ‘то, где собраны новости’. При толковании слова могут иметь место и разночтения в определении родового признака / видовых признаков: *Snapchat* ‘соц.сеть, программа с масками на лице’ и ‘соц.сеть, которая изменяет твое лицо’, ‘приложение, где используются маски для лица’, ‘маски, которые накладываются на лицо’; *лента новостей* ‘скопление фотографий в хронологическом порядке’ и ‘список новостей’, ‘лента часто обновляемой информации’, ‘место расположения новостей’; *паблик* ‘сообщество в соцсетях с определенной темой’ и ‘группа в соцсетях с небольшим количеством записей’, ‘страница с определенной подборкой информацией’.

Таким образом, в описании значений языковых единиц акцентируется внимание на указании релевантных семантических признаков, дефиниция не отличается конкретностью, определенностью, что может

свидетельствовать о стихийном, несистемном формировании знаний о процессах и явлениях в сфере медиа. Как правило, молодежная аудитория имеет представление о приемах, средствах, технологиях общения в интернет-пространстве, но испытывает затруднения в толковании значения слова через родовое понятие и видовые отличия.

Отдельного внимания заслуживает использование в практике толкования ассоциативной стратегии, предполагающей реализацию говорящим его креативных способностей. Ассоциативная стратегия направлена к личностному миру говорящих, реципиенты обращаются к нестандартным, индивидуальным, личностным моделям мыслительного действия. Ассоциативное определение значений лексических единиц, как показали результаты данного эксперимента, может быть основано на использовании приема метафоризации: *блог* 'жизнь в интернете'; *облако* 'память гугла'; *флуд* 'интернет-мусор', *гифка* 'живое фото', *забанить* 'убить человека в соцсетях', *гик* 'компьютерный монстр'.

Толкование языковой единицы предполагает в том числе и отсылку к современным процессам и явлениям, известным проектам, мнению медийных личностей, к тому, что осмысливается как авторитетное, популярное, востребованное: *баттл* 'versus' – указание на российское интернет-шоу Versus Battle на YouTube; *мем* 'мультик' – подобное толкование сопровождается ссылкой на источник информации – «как сказал Малахов».

Толкование слов, обозначающих предметы, процессы, явления, может осуществляться посредством называния сопровождающих их действий или процессов: *челлендж* 'снять какое-либо видео'; *публикация* 'выставить на обсуждение в соцсетях', 'показать что-либо обществу'; *облако* 'добавлять фото', *лента новостей* 'узнавание новой информации'; *хейтег* 'поиск информации', *блог* 'хранение видео одного человека'. Ассоциативные реакции могут быть вызваны установлением связей «процесс – участники процесса»: баттл 'два рэпера, состязающиеся с помощью рифм', 'люди, которые хейтят друг друга'; «действие – результат действия»: *заскринить* 'снимок экрана', 'фото экрана мобилы', *подписаться* 'слежка за новостями'.

Классифицирующая стратегия, в основе которой процесс семантического отождествления или семантической дифференциации, направлена на обнаружение сходства толкуемого слова с другими словами, определение парадигматических связей между словами. Синонимический способ толкования предполагает установление говорящими смыслового тождества лексических единиц: *контент* 'содержание', *директ* 'почта', *заскринить* 'заснять', *хейтер* 'ненавистник'. Как правило, осуществляется семантическое сопо-

ставление иноязычного заимствованного слова и существующего в русском языке соответствия.

В процессе толкования респонденты выделяют те семантические компоненты, которые считают наиболее соответствующими слову-стимулу: *виртуальный* ‘компьютерный’, ‘интернетный’, ‘нереальный’, ‘недействительный’, ‘ненастоящий’, ‘воображаемый’, ‘придуманый’, ‘интерактивный’, ‘цифровой’; *хайповый* ‘популярный’, ‘прославленный’, ‘классный’, ‘модный’, ‘вирусный’, ‘заразительный’. При применении классифицирующей стратегии носитель языка отождествляет слово с другим словом, учитывая как родовые, так и видовые семантические компоненты: *мем* ‘картинка’ и ‘прикол’, ‘шутка’, ‘шуточка’, ‘юмор’.

Стремление респондента конкретизировать семантику слова-стимула проявляется в подборе ряда синонимических единиц: *челлендж* ‘задание, вызов’; *контент* ‘тема, направление’; *виртуальный* ‘ненастоящий, вымышленный’. Употребление частицы *типа* в процессе толкования значения слова является своего рода фиксацией примерного, предположительного понимания семантики слова, указанием на подобие, с точки зрения испытуемых, соотносимых между собой понятий (как правило, некоторые семы с точки зрения научного филологического анализа оказываются «ложными» – неправильными): *контент* ‘типа паблик’; *гик* ‘типа насмешка’; *хайповый* ‘типа крутой’.

Толкование через идеографические (различающиеся оттенками значений) и стилистические (различающиеся принадлежностью к разным стилям речи, степенью употребительности, эмоционально-экспрессивной окраской) синонимы содержит коннотативный компонент, определяемый личностно-эмоциональным отношением респондента к явлению или предмету. Например, дифференциальные семы, которые отражают отдельные признаки такого явления, как *троллинг*, иллюстрируются посредством отождествления со стилистически нетождественными лексическими единицами русского языка и указывают на негативную оценку данного явления пользователями: ‘смех’, ‘издевка’, ‘стеб’, ‘провокации’, ‘затравливание’. Семантизация при помощи синонимов, отличающихся оттенками в значениях, позволяет отметить различия в понимании сути означенного словом процесса: *баттл* ‘соревнование’; ‘битва’; ‘борьба’; ‘дуэль’.

Толкование семантики слова *гик* ‘дурак’, ‘дичь’, ‘задрот’, ‘ботан’, ‘ботаник’, ‘сериаломан’, ‘игроман’, ‘геймер’; ‘фанат’, ‘специалист’, ‘знаток’, ‘умный’, ‘фан’, ‘фанатик’ фиксирует наличие различных, порой противоположных, эмоционально-оценочных характеристик в объеме значения данной языковой единицы, что может указывать на отражение в языковом сознании современного человека эволюции данного понятия.

Приемом реализации классифицирующей стратегии толкования является гиперонимический – толкование с помощью отсылки к гиперониму – слову с более широким, родовым значением: *snapchat* ‘приложение’, *мессенджер* ‘сайт, приложение’. Гипонимический способ толкования связан с процессом семантического отождествления и содержит указание на ряд объектов, называемых данным словом: *публикация* ‘фото, видео, статья’; *контент* ‘текст аудио видео изображения’.

Через подбор синонимов, как правило, производится толкование слов, обозначающих признак предмета (явления, процесса) (какой? – *виртуальный, хайповый*), использующихся в качестве наименований видов интернет-активностей (*троллинг, челлендж*), либо номинации интернет-пользователей (*хейтер, гик*).

Для толкования производных слов характерна мотивационная стратегия, предполагающая установление словообразовательных связей, осознание и актуализацию мотивировочного признака, положенного в основу номинации: *заскринить* ‘сделать скриншот экрана’, ‘сделать Screenshot’, *публикация* ‘опубликованное’; *по тамблеру* ‘тамблер – соцсеть, часто посты из тамблера’, *годнота* ‘от слова годный – хороший’, *хайповый* ‘человек, который ловит хайп (популярность)’. Как правило, определение семантики посредством отсылки к производящей основе используется в отношении заимствованных слов либо образованных от иноязычных единиц.

Мотивационная стратегия толкования значения предполагает также определение семантики заимствованного слова через мотивирующую иноязычную единицу – использование приема «перевода» иноязычного элемента на русский язык: *директ* ‘от англ. Direct – прямой’; *паблик* ‘от публичный’, *сторис* ‘история’; *флуд* ‘потоп’, ‘наводнения’; *челлендж* ‘вызов’. В функции толкования данный способ является необходимым, как правило, для декодирования лексического значения заимствованного слова при отсутствии точного понимания значения слова в русском языке. Отмеченная особенность указывает на то, что молодое поколение владеет иностранным (английским) языком, при использовании заимствованных единиц ориентируется на их значение в языке-первоисточнике, но неспособно в полной мере объяснить семантику заимствованного слова, интерпретировать специфику его использования в русскоязычном медийном пространстве.

Остенсивная стратегия заключается в объяснении значения наглядными средствами. Приём визуализации предполагает представление графического изображения как условного знака, соответствующего семантике слова. Использование подобного приема

связано со стремлением визуализировать информацию, что характерно для современной цифровой среды, и объясняется, с одной стороны, желанием респондента экономить время и ресурсы, с другой, может быть связано с неспособностью (неумением) вербализировать языковые знания. Например: значение слова *хештег* в некоторых анкетах не расшифровывается вербально, а изображается следующим образом: '#'; '#*слово*'; 'это вот эта вот штука – #'. Вместо дефиниции используется наглядное изображение в случае семантизации лексических единиц *облако, facepalm, челлендж, snapchat*.

Определение значения слова при иллюстрирующей стратегии может быть связано с его «закреплением» за определенными жизненными ситуациями. Так, на функциональную специфику – сферу употребления слова, его пользователей – указывают дополнительные комментарии в тексте-толковании слов *хайповый* 'популярный (у школьников)', *баттл* 'противостояние (рэп-культура)', *по тамблеру* 'соответствует стилю «тамблера» (субкультура)'.

Использование подобного приема может свидетельствовать о желании отстроиться от той группы, которая применяет данные лексемы в своей коммуникативной практике.

Особенностью применения иллюстрирующей стратегии семантизации в рамках данного эксперимента является и достаточно активное использование субъективных сем, имеет место своего рода субъективизация толкования: *заскринить* 'скрин своего экрана'; *контент* 'то, что я смотрю или читаю'; *лента новостей* 'место расположения новостей, там, где появляются записи групп, на которые ты подписан'; *контент* 'мои видосы'; *забанить* 'закрыть доступ к себе в социальной сети'.

Подобная апелляция к личному опыту участия в коммуникативных практиках при объяснении семантики используемых лексических единиц может быть связана с тем, что путь освоения интернет-пространства, изучения технологий молодые люди проходят самостоятельно, обучая друг друга, получение знаний, формирование навыков не носит системный характер. Для сравнения: *троллинг* 'шутят над кем-то' и *троллинг* 'повторяешь за кем-то'.

Отсюда и другая особенность: не все респонденты демонстрируют высокий уровень включенности в мир интернет-технологий, знание специальной компьютерной (медийной) лексики.

Так, в анкетах отмечены случаи, когда языковые единицы, активно используемые в интернет-практиках, не ассоциируется у респондентов с функционированием в интернет-среде: *публикация* 'печатание статей в сборниках'; 'в газете материал'; *подписаться* 'оформить ежегодное

печатное издание', *облако* 'на небе летает'; 'вода в виде пара'; *кинуть заявку* 'бросить на пол заявление'.

Семантизация лексемы *паблик* посредством подбора синонима из другой тематической группы 'бар', исправления в анкете в написании слова-стимула *директ* – *директОР* указывают на то, что данные медийные понятия не знакомы респондентам. Словами, получившими наименее подробное, точное, достоверное толкование, стали единицы *инфографика*, *Snapchat*, *мессенджер*, *по тамблеру*, *директ*, *паблик*, *лента новостей*, что может быть связано с неиспользованием респондентами определенных технологий (программ, приложений) в силу возрастных / гендерных особенностей, отсутствием потребности в применении специальной терминологии в собственной языковой практике.

Анализ характера языковой деятельности носителей языка позволил отметить, что осмысление значения слова молодежью осуществляется не только на рационально-логическом, но и на эмоционально-чувственном уровне. Как показали результаты эксперимента, представителями молодежной аудитории при толковании значения слова обращают внимание и на коннотативный компонент семантики – оценочно-эмоциональную составляющую содержания лексической единицы. Так, в представлении респондентов, слова *мем*, *хейтер* имеют негативно-оценочное значение (*мем* 'лахачная фотка'; *хейтер* 'человек, который за*ет всех и всё в интернете'), слова *хайповый* 'модный, популярный', *годнота* 'идеал!' имеют положительно-оценочное значение. На оценочный компонент в семантике языковой единицы указывает использование при её семантизации стилистически сниженной лексики.

Значение лексемы *snapchat* раскрывается как имеющее и негативно-оценочную, и положительно-оценочную окраску, что подтверждается подбором лексики для толкования слова: 'приложение с мордами' и 'приложение с масочками'. Для сравнения: *мем* 'смешная картинка (может быть аморальной)', *троллинг* 'издевательство (в хорошем смысле)'. Использование стилистически сниженной лексики при толковании значения слова указывает на уровень речевой культуры носителя языка: *публикация* 'выкинутая фотография в соцсеть'; *директ* 'личка', *гик* 'жесткий компьютерный задрот (я)'.

Оценочность может фиксироваться непосредственно в тексте толкования как главный компонент значения: *хейтер* 'человек отрицательный'; *флуд* 'нечто плохое'; *контент* 'что-то стоящее'; *годнота* 'хороший видосик'.

Свои особенности имеет и толкование широко распространенных в современном интернет-жаргоне языковых единиц. Как правило,

определяя их значение, респонденты используют литературные элементы, осуществляют своего рода «перевод» на литературный язык: *кинуть заявку* ‘подать заявку на вступление в группу’, ‘предложить дружбу в соцсетях’; *по тамблеру* ‘в стиле тамблера’; *забанить* ‘запретить сообщения’, ‘добавить в черный список’; *заскринить* ‘сохранить содержимое экрана’; *хайповый* ‘модный’, ‘внезапная популярность’, ‘набирающий популярность’. Использование разговорных языковых единиц в тексте-толковании жаргонизмов свидетельствует о стремлении передать эмоционально-оценочный компонент в значении слова: *забанить* ‘отправить в блок’; *хайповый* ‘вызвавший шухер’.

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что молодые люди в возрасте от 14 до 22 лет в большинстве своем активно включены в интернет-коммуникацию, используют современные технологии получения, обмена и распространения информации, виртуальное пространство противопоставляют реальной жизни, наиболее востребованным считают видеоформат. В процессе семантизации наиболее активно используется дефиниционная стратегия, восприятие лексических единиц происходит как на рационально-логическом, так и на эмоционально-чувственном уровне. В процессе семантизации слова значимую роль выполняет субъектный фактор, т. е. фактор семантизирующей языковой личности.

Наибольшую вовлеченность в интернет-среду демонстрируют школьники, в их речи активно используются языковые единицы современного интернет-жаргона и терминология сферы массовых коммуникаций, они владеют технологиями, различают интернет-платформы и предлагаемые ими возможности. Учащиеся средних специальных учреждений образования в большей степени, чем другие группы респондентов, демонстрируют недостаточное знание специальной терминологии (ответ «не знаю» или знак «—» в анкетах зафиксирован в 40 % случаев), имеют затруднения в точном и грамотном определении понятия. При этом в их речи достаточно активно используется стилистически сниженная разговорная лексика, отмечаются факты неточного словоупотребления. Студенты вузов отличаются наиболее высоким уровнем языковой компетенции и владения специальной терминологией. Выделение значимых семантических компонентов при толковании значения слова осуществляется респондентами по-разному в зависимости от возрастных особенностей, уровня образования, личностных предпочтений, степени включенности в интернет-коммуникацию. В целом можно предположить, что освоение молодежной аудиторией интернет-пространства, ознакомление её с

информационно-коммуникационными технологиями происходит стихийно, не отличается последовательностью и системностью, интернет-технологии в определенной степени управляют познавательными процессами пользователя.

Список литературы

1. Ростова, А. Н. Обыденная семантизация слов / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : кол. моногр. : в 3 ч. / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул, 2009. – 400 с. – Ч. 1. – С. 182–201.

2. Кузнецова, Т. Ю. Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Ю. Кузнецова ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 28 с.

Герасимчик Ирина Александровна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Iryna Herasimchyk,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: herasimchyk@mail.ru

THE VOCABULARY OF INTERNET DISCOURSE IN THE METALANGUAGE CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH: INTERPRETATION STRATEGIES (BASED ON THE RESULTS OF A LINGUISTIC EXPERIMENT)

The article considers the specifics of the verbalization of metalanguage consciousness by modern youth. According to the results of the linguistic experiment, the strategies used by ordinary native speakers of the language for interpreting the meanings of lexical units of Internet discourse are determined, the methods of semantisation due to the subjective factor are revealed.

Keywords: everyday metalanguage consciousness, word interpretation strategies, naive semantisation, linguistic experiment.

УДК 070.431:004.738.5

А. А. Градюшко

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕДИА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В МУЛЬТИПЛАТФОРМЕННОЙ СРЕДЕ

Представлены результаты исследования работы журналистов Гродненской области в цифровой среде. Основное внимание уделяется влиянию цифровых платформ на развитие локального медиaprостранства. Материалом для исследования послужили сайты 18 государственных региональных печатных средств массовой информации, а также их аккаунты в социальных сетях и мессенджерах. Эмпирическую базу также составили результаты анкетирования 15 главных редакторов. На основании собранных данных установлено, что важной задачей региональных медиа Гродненской области становится усиление взаимодействия с аудиторией на разных платформах. По итогам исследования

сделан вывод о том, что развитие цифровых технологий стало определяющим фактором развития регионального медиапространства.

Ключевые слова: медиапространство, цифровая журналистика, региональные медиа, платформизация, аудитория, вовлеченность.

Процесс цифровизации кардинально изменил современное медиапространство Гродненской области. Редакции региональных медиа сегодня распространяют контент не только с помощью газеты и сайта, но и активно используют соцсети, представлены в мессенджерах. Исследования последних лет затрагивают различные аспекты деятельности локальных медиа в цифровой среде. Очевидно, что платформы «ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», Google, YouTube, Telegram, Viber и др. стремительно стали крупными игроками в журналистском поле и все чаще выступают в роли доминирующих распространителей новостного контента.

Исследователи полагают, что новые медийные платформы трансформируют не только журналистику, но и новостные экосистемы, инфраструктуру распространения, способы вовлечения аудитории. Как отмечает В. Ф. Олешко, гигантские объемы информационных потоков «заставили в последние годы большинство СМИ использовать мультиплатформенный и мультиканальный подходы к организации творческой деятельности» [1, с. 249]. Наблюдения Т. А. Пивоварчик за практиками редакций Гродненской области показывают, что «в период с начала 2016 по конец 2018 года районные и областные СМИ постепенно от модели Print-first переходят к модели Convergent-first, согласно которой внимание редакции в равной степени распределяется между работой с печатной версией газеты и работой в интернете» [2, с. 180].

Под термином «мультиплатформенность» мы будем понимать процесс трансформации медиапространства под влиянием развития технологических компаний, требующий внесения изменений в журналистскую практику, инфраструктуру распространения новостей, взаимодействие с аудиторией и др. Мы можем утверждать, что это не только инвестиции в новые технологии, но и глубокое преобразование новостной экосистемы в целом. В цифровом обществе становится очевидным, что сайт уже не является основной площадкой, и журналист создает свой материал в расчете на его распространение в мультиплатформенной медийной среде.

К основным результатам исследования мы можем отнести следующие положения. Сайт СМИ сегодня уже не играет такую важную роль, как это было раньше, хотя по-прежнему является важным активом. В Гродненской области в мае 2021 г. самую высокую посещаемость имели сайты изданий «Гродзенская праўда» (20 300 уникальных

посетителей в сутки), «Лідская газета» (6100), «Светлы шлях» (1800), «Дзяніца» (1350), «Астравецкая праўда» (1200). Низкая посещаемость у сайтов изданий «Перамога» (590), «Праца» (540), «Воранаўская газета» (500 уникальных посетителей). Погрешность данных составляет около 10–15 % в связи с колебаниями трафика.

При определении эффективности работы сайтов региональных медиа Гродненской области в обязательном порядке надо учитывать долю посетителей сайта от численности жителей района. Регионы значительно различаются по числу экономически активного населения и другим структурным параметрам. Следовательно, и потенциальная аудитория, например, в Лиде и Вороново разная. Наши выводы показывают, что у ряда государственных изданий («Астравецкая праўда», «Лідская газета», «Свіслацкая газета») доля посетителей сайта от численности населения региона достигает 5–10 %. В Гродненской области за 2016–2019 гг. суммарная посещаемость интернет-ресурсов региональных СМИ выросла в 6 раз (2016 г. – 2,24 млн посетителей, 2018 г. – 7,13 млн посетителей, 2019 г. – 13,51 млн посетителей). Во многом это стало возможным благодаря работе Инновационного медийного кластера Гродненской области.

По мнению российских исследователей В. В. Абашева и И. М. Печищева, «важной характеристикой востребованности издания является лояльность аудитории, степень которой косвенно характеризуют доли прямых заходов на сайт издания и заходов на сайт с помощью ссылок в социальных сетях» [3, с.207]. В ходе исследования нами было установлено, что значительный трафик на ряд сайтов региональных медиа Гродненской области приходит из поисковых и рекомендательных систем.

Воспользовавшись открытой статистикой счетчика «Яндекс. Метрика», мы, в частности, выяснили, что сайт газеты «Светлы шлях» в 2020 г. получил из рекомендательных систем 38,4 % трафика, из поисковых систем – 27,1 %, из социальных сетей – 19,2 %, прямых заходов – 9,9 %. Сайт газеты «Перспектива» за этой же период привлек 66,3 % поискового трафика, 14,8 % – социального, 14,9 % – прямого. Среди семи изученных изданий, предоставляющих публичный доступ к статистике, самую большую долю прямых заходов на сайт имело издание «Гўеўскі край» (17,5 %), наименьшую – «Ашмянскі веснік» (7,97 %). Необходимо отметить значительную долю переходов из соцсетей на сайты «Гўеўскі край» (48,5 %), «Ашмянскі веснік» (42,5 %), «Бераставіцкая газета» (28,5 %).

Результаты исследования показывают, что в последние годы все более важным каналом для региональных СМИ Гродненской области

становится рекомендательный сервис Google Discover, который приводит на веб-ресурсы много случайных посетителей. Лента рекомендаций Google Discover работает исключительно на мобильных Android-устройствах. Специальный алгоритм подбирает для каждого пользователя персональный контент. Лента Discover расположена на главном экране поискового приложения Google, а также в мобильном браузере Chrome в блоке «Статьи для вас». Пользователи могут настраивать ее таким образом, чтобы она включала те темы, которые им интересны.

Поисковой гигант Google держит в секрете алгоритмы попадания в этот рекомендательный сервис. Сайт нельзя добавить в Google Discover вручную. Это абсолютно автоматическая система. Проверить, получает ли сайт трафик из Google Discover, можно в Google Search Console (вкладка «Эффективность»). Там же можно посмотреть, какой процент трафика он дает и какой контент наиболее популярный. Кроме того, можно воспользоваться «Яндекс.Метрикой». В Google Discover отображаются сайты только с адаптивным дизайном. На данный момент Google Discover работает исключительно на мобильных устройствах.

«Полагаю, что увеличение трафика на любом новостном сайте – это комплексная работа и планирование: от контент-плана до шлифовки заголовков и тем материалов, – отметил в ходе экспертного интервью заместитель главного редактора газеты «Гродзенская праўда» Дмитрий Смирнов. – Увеличение трафика из рекомендательных систем составляет примерно от 30 % и выше к общей цифре. Важно определить тактику, как эти потоки трафика превратить в постоянные и благодаря им создавать лояльность и бренд издания. Совсем не значит, что надо использовать исключительно рекомендательные сервисы и алчно пригоршнями собирать трафик, не разбираясь. Но и отказаться от этого будет неосмотрительно».

Основное противоречие заключается в том, что посещаемость многих сайтов Гродненской области достаточно высока, однако значительная доля пользователей приходит из рекомендательных сервисов и поисковых систем. Более того, судя по статистике счетчика «Яндекс.Метрика», эта аудитория часто является случайной. Об этом свидетельствуют поведенческие факторы. Так, среднестатистический пользователь сайта «Ашмянскі веснік» osh.by в 2020 г. провел на сайте 1:44 мин. и просмотрел в среднем 1,77 стр. Чем выше эти показатели, тем больше вовлеченность аудитории. Доля прямых заходов на сайт, которая говорит о лояльности аудитории, у многих сайтов региональных СМИ Гродненской области остается невысокой: в ряде случаев она не превышает 5–10 %.

Проведенные ранее исследования позволили установить, что «структуру информационного поля Республики Беларусь составляет динамика информационного воздействия его шести основных сегментов, в состав которых входят телевидение, радио, печатные СМИ, интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы), а также социальные медиа и мессенджеры» [4, с. 121]. Две последние платформы заслуживают особого внимания. Так, в июне 2020 г. суммарное количество подписчиков официальных аккаунтов 18 государственных изданий Гродненской области (соцсети и мессенджеры) достигло 223 345 человек, что составляет 21,77 % от населения области [5, с. 321]. В районах очень сильны «Одноклассники», значимое место занимает социальная сеть «ВКонтакте». Потенциал роста аудитории видится нам на платформах Instagram, YouTube, Telegram, TikTok.

В исследовании К. Р. Нигматуллиной отмечено, что «наличие аккаунтов традиционных СМИ в социальных сетях не является показателем их адаптации к цифровым платформам: часто классические редакционные стратегии перенесены в цифровую практику без изменений» [6, с. 38]. Мы также убеждены в том, что эффективность работы региональных медиа в цифровой среде нельзя оценивать исключительно исходя из общего количества подписчиков в социальных сетях или на отдельных социальных платформах. В частности, если говорить о вовлеченности аудитории (количеству комментариев, репостов, лайков) на платформе «ВКонтакте», в 2020 г. в Гродненской области лидировали «Светлы шлях», «Ашмянскі веснік», «Дзянніца», «Астравецкая праўда».

Следовательно, мы можем сказать, что значительное количество подписчиков вовсе не говорит о том, что сообщество работает эффективно. Исследование показало важность создания в социальных сетях атмосферы неофициального общения, ведения сообществ в неформальном стиле, что будет способствовать увеличению активности аудитории. Обращает на себя внимание небольшое количество комментариев в большинстве исследованных сообществ. Распространенной ошибкой, которую допускают редакции ряда региональных СМИ Гродненской области, является публикация в соцсетях исключительно ссылок на сайт.

В данном контексте нам также близка позиция К. Р. Нигматуллиной, которая утверждает, что «у государственных традиционных медиа нет задачи формировать локальные сообщества и ориентироваться на читателя» [6, с. 41]. Контент-аналитическое исследование материалов, размещенных на сайтах региональных СМИ Гродненской области, показывает, что журналисты сосредоточены преимущественно на

общественно-политической тематике, деятельности властей, что в целом позволяет сделать вывод о генеральном тематическом направлении государственных региональных газет и их сайтов. Это приводит нас к выводу о том, что традиционные СМИ не в полной мере ориентированы на реальные интересы и потребности аудитории.

Тем не менее, СМИ продолжают осваивать новые социальные площадки. С ростом популярности среди белорусов платформы Instagram аккаунты в этом приложении были созданы многими региональными медиа. Количество подписчиков в ряде случаев достаточно велико. В частности, можно отметить аккаунты таких СМИ, как «Гродзенская праўда» (8888 подписчиков), «Астравецкая праўда» (5837), «Светлы шлях» (4782). Профилям, у которых больше 10 тыс. подписчиков, доступна активная ссылка на сайт из Stories, поэтому в Instagram количество подписчиков более важно, чем в остальных соцсетях. Можно констатировать, что наиболее перспективным направлением работы редакций в Instagram является создание новостных историй (Stories). Благодаря им достигается эффект искренности, ощущение «нахождения в моменте», которое ценят подписчики.

В 2020 г. значительное влияние на развитие белорусского медиапространства начал оказывать мессенджер Telegram. Среди 18 государственных региональных печатных СМИ Гродненской области в мае 2021 г. каналы в Telegram имели 14 изданий. Наибольшее число подписчиков у каналов изданий «Гродзенская праўда» (1578), «Дзянніца» (546), «Наш час» (432). Как отмечает И. И. Минчук, «редакции должны осознавать, что главная цель Telegram-канала СМИ – обеспечить переходы пользователей на основной ресурс» [7, с. 277]. Однако наше исследование показало, что трафик из Telegram на сайты региональных СМИ находится в пределах статистической погрешности. Так, из Telegram-канала издания «Перспектива», имеющего 243 подписчика, согласно «Яндекс.Метрике», на сайт газеты фиксируется в среднем от 1 до 3 переходов в сутки.

Очевидно, что для редакций локальных медиа более предпочтительно использовать мессенджер как отдельную платформу. Необходимо также использовать в каналах интерактивные формы (опросы, комментарии, чат-боты и др.).

Для более полной характеристики особенностей работы региональных медиа Гродненской области в мультиплатформенной среде мы провели анонимное анкетирование главных редакторов на семинаре «Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке» 11 декабря 2019 г. в Гродно. Всего анкета включала 30 вопросов. Заполненные анкеты были сданы в

количестве 15 шт. Таким образом, участие в исследовании приняли 83 % главных редакторов. Все анкетные листы были оцифрованы [8]. На вопросы ответило 73,3 % женщин и 26,7 % мужчин, среди которых 53,3 % – с журналистским образованием. Данные о возрасте участников исследования таковы: 53,3 % – 40–49 лет, 26,7 % – 50–65 года, 13,3 % – 35–39 лет, 6,7 % – старше 65 лет. Среди респондентов 40 % работают в журналистике 11–20 лет, 33,3 % – более 20 лет.

Мы задали респондентам вопрос: «Влияют ли новые технологии на журналистскую профессию?» Большинство участников опроса (93,3 %) сошлись во мнении, что труд журналиста в редакции изменился кардинально, а 6,76 % ответили, что новые технологии лишь отчасти влияют на журналистику. В частности, 86,7 % респондентов указали, что в редакциях высокий ритм работы, необходимо укладываться в более сжатые сроки, чем прежде. 73,3 % полагают, что новые технологии заставляют постоянно учиться. 66,7 % убеждены в том, что процесс работы и передачи информации стал оперативнее.

Показательно, что на вопрос «Готовятся ли материалы специально для сайта и соцсетей?» 80 % главных редакторов ответили, что есть материалы, которые размещаются только на сайте и в соцсетях, существует самостоятельная интернет-версия. В 20 % редакций Гродненской области весь контент из газеты просто выкладывается на сайт. Важным для нашего исследования был вопрос «Как организована в вашей редакции работа с сайтом?». В 53,3 % редакций на сайте издания так или иначе работают все журналисты, они создают контент для различных платформ (газета, сайт, соцсети). В 33,3 % случаев создан отдел (есть журналист), который занимается наполнением сайта, а остальные творческие сотрудники пишут только в газету. В нескольких редакциях материалы на сайте размещает оператор компьютерного набора и верстки.

Программа исследования предусматривала несколько вопросов открытого типа. В частности, руководителям СМИ был задан вопрос: «Какие новые технологии используются в вашей редакции на сайте?» Если обобщить ответы, чаще всего речь идет о таких современных цифровых форматах, как съемки квадрокоптером, видеосюжеты в тексте, адаптивная верстка сайта, монетизация сайтов и соцсетей.

Как отметил один из респондентов, «будущее – за журналистами-многостаночниками, в региональных СМИ все должны владеть пером, фотокамерой, основами знаний в области программирования». На вопрос «Какие неотложные изменения в структуре вашей редакции необходимы уже сейчас?» многие главные редакторы ответили, что необходимо

создание отдела для работы с сайтом и соцсетями, увеличение количества штатных единиц.

Практически все медиаменеджеры констатировали кадровые проблемы. Представители 53,3 % редакций планируют вкладываться в повышение квалификации и переподготовку сотрудников в области цифровой журналистики, 40 % экспертов ответили «скорее да», а 6,7 % опрошенных предпочитают брать с рынка новые кадры. Как полагают руководители региональных СМИ Гродненской области, журналистам необходимы новые знания в области работы на интернет-площадках и монетизации сайта, продвижения сайта, его адаптации к цифровой среде.

Полученные нами результаты можно интерпретировать следующим образом. Региональным медиа Гродненской области необходимо адаптировать контент к цифровым платформам с учетом специфики аудитории каждой из них.

Главной метрикой эффективности их работы в соцсетях становится вовлечение аудитории. Прирост количества реакций (комментариев, репостов, лайков) – это то, к чему должна стремиться каждая редакция. В последнее время значительно усилилось влияние глобальных цифровых корпораций Google, Facebook, Instagram, YouTube, Telegram на развитие медиапространства. Многие СМИ уже ощущают негативные последствия нарастающей зависимости от цифровых платформ и ищут пути решения связанных с этим проблем.

В результате анализа высказываний респондентов были зафиксированы серьезные изменения в работе журналистов, связанные с тем, что им сегодня необходимо владеть значительным числом мультимедийных компетенций. Кроме того, важной задачей региональных СМИ Гродненской области нам представляется усиление обратной связи с аудиторией, освоение новых форм взаимодействия с ней на цифровых платформах. Если ранее СМИ распространяли свой контент линейно и однонаправленно, то в цифровой среде аудитория нуждается в коммуникации, и взаимоотношения традиционных медиа с аудиторией следует рассматривать как нелинейные.

Чтобы медиа должным образом выполняли свои социальные функции, нужны грамотные специалисты, которые бы смело давали ответ вызовам цифровизации. В связи с этим повышение квалификации и переподготовка в области цифровой журналистики – одна из актуальных задач. Важен приток в редакции молодых творческих сил. В целом исследование подтвердило ключевую тенденцию в современной журналистике – усиление многофункциональности журналистского труда, его технологизацию.

Список литературы

1. Олешко, В. Ф. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 470 с.
2. Павлова, А. А. Особенности дистрибуции медиаконтента редакциями региональных печатных СМИ (на примере Гродненской области) // А. А. Павлова, Т. А. Пивоварчик // *Рэгіянальныя СМІ Рэспублікі Беларусь у лічбавую эпоху: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 12–13 лют. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2019. – С. 178–185.*
3. Абашев, В. В. Городские сетевые издания как агенты урбанизации В. В. Абашев, И. М. Печищев // *Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 4 (30). – С. 201–214.*
4. Посталовский, А. В. Мессенджеры в структуре медиапредпочтений национальной аудитории / А. В. Посталовский // *Журнал Белорус. гос. ун-та. Сер. «Социология». – 2021. – № 1. – С. 120–128.*
5. Государственные региональные печатные средства массовой информации в процессе трансформации национальной медиасистемы (мониторинг состояния и разработка эффективной модели развития) : отчет о НИР (заключ.) / Белорус. гос. ун-т ; рук. О. М. Самусевич. – Минск, 2008. – 479 с. – № ГР 20182044.
6. Нигматуллина, К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России / К. Р. Нигматуллина // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 30–50.*
7. Минчук, И. И. Мессенджеры как новая площадка дистрибуции контента региональных СМИ Гродненщины / И. И. Минчук // *Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – С. 275–278.*
8. Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке. Результаты анкетирования главных редакторов Гродненской области 11 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ly/3cnUrYu>. – Дата доступа: 30.05.2021.

Градюшко Александр Александрович, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Aleksandr Hradziushka,
Belarusian State University
e-mail: webjourn@gmail.com

REGIONAL MEDIA OF THE GRODNO REGION IN A MULTIPLATFORM ENVIRONMENT

The article presents the results of the study of the work of journalists in the Grodno region in the digital environment. The focus is on the impact of digital platforms on the development of local media space. The material for the study was the websites of 18 state regional print media, as well as their accounts in social media and messengers. The empirical base was also formed by the results of the questionnaire of 15 editors-in-chief. Based on the collected data, it has been established that an important task of the regional media in the Grodno region is to strengthen interaction with the audience on different platforms. Based on the results of the study, it was concluded that the development of digital technologies has become a determining factor in the development of the regional media space.

Keywords: media space, digital journalism, regional media, platformization, audience, engagement.

И. И. Минчук

**ЭКЗОНИМ БУЛЬБАШ В БЕЛОРУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
СЕМАНТИКА И КОННОТАЦИИ**

Статья посвящена экспрессивному этнониму (экзониму) *бульбаи*. На материале контекстов, извлеченных из публикаций, размещенных на сайте сетевого издания «sb.by», рассматриваются семантические приращения слова *бульбаи*, выявляются коннотации. Установлено, что экзоним *бульбаи* сочетает признаки аллоэтнонима (названия, данного народу другими народами) и автоэтнонима (единицы самономинации народа), отражает стереотипное представление об укладе быта и характере белорусов, имеет шкалу коннотации: от неприятия, иронии до положительных оценок национальной самобытности.

Ключевые слова: экспрессивный этноним, экзоним, медиадискурс, семантика, коннотации.

В условиях развития глобальной интернет-коммуникации с характерными для нее процессами унификации, размывания границ особой актуальностью обладают вопросы сохранения национальной идентичности, которая понимается как осмысление представителями социума принадлежности к определенной стране, причастности к ее жизни, общности с народом, его культурой, историей, национальными символами и ценностями. Одно из лингвистических средств, позволяющих выразить национальную идентичность, – *этнонимы* – номинации народа, данные его соседями, и единицы, которые появляются в результате самоназвания. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указано, что «этнонимы составляют особый разряд исторической лексики; это названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и т. п. <...> В составе этнонимов выделяют автоэтнонимы – самоназвания народов и племён, и аллоэтнонимы – названия, данные им другими народами» [1]. *Автоэтнонимы* (синонимы: *эндогенный этноним, эндоним, автоним*) являются способом этнического выделения, *аллоэтнонимы* (синонимы: *экзогенный этноним, экзоним, ксеноним*) объединяют в себе «1) заимствованное имя в традиционной для данного языка форме, относящееся к объекту вне территории этого языка, не совпадающее по фонемному составу, произношению и написанию с современной формой в языке-источнике; 2) названия народов, племен, данные им другими, чаще соседними племенами, народами» [2, с. 113–114].

Исследователи отмечают большой оценочный потенциал экзонимов, «который зависит от ситуации их употребления, поскольку негативные коннотации наименования могут актуализироваться в одних контекстах и нивелироваться в других» [3, с. 91]. В научной литературе

неоднократно подчеркивается, что в условиях интернет-коммуникации негативный экспрессивный диапазон аллоэтнонимов заметно расширяется. «Номинации, выражающие негативное, презрительное или пренебрежительное отношение адресанта к представителям/-ю той или иной национальности или этнической общности (либо ко всему народу в целом), являются маркерами так называемого “языка вражды” и вербальным воплощением оппозиции “свой – чужой”» [4, с. 178].

Основанием для появления экзонимов могут стать различные признаки: внешний вид представителей народа (*хохол, кацап*), особенности национальной кухни (*макаронник, лягушатник*), религия (*басурманин*), язык и речь (*лабус, пшек*), цвет кожи (*ниггер*), антропоним (*фриц* (немец), *янки* (американцы)). В рамках настоящего исследования внимание обращено на вторичную номинацию белорусов – *бульбаши*. Наряду с этнонимом *белорусы* в медиадискурсе функционируют и оценочные номинации: *мякинники, ботвинники (бацвіняжы), бульбаши*. В отличие от этнонимов *москаль, хохол* этноним *бульбаши* не представлен в толковых словарях, за редким исключением (см. «Большой словарь русского жаргона»), что свидетельствует о его новизне. По замечанию В.И. Ковалю, «данный экзоним, образованный от слова *бульба* и мотивированный представлениями о гастрономических предпочтениях белорусов, находится в одном ряду с названиями, образованными по той же смысловой модели: *макаронники* ‘итальянцы’, *лягушатники* ‘французы’, *колбасники* ‘немцы’, *мамалыжники* ‘румыны и молдаване’, *кнедлики* ‘чехи’» [5, с. 46–47].

В белорусской культуре *бульба* (рус. – *картофель*) – лексема, тесно связанная с языковой картиной мира белорусов, в меню, культуре и сельском хозяйстве которых эта агрокультура играет большую роль. Исследователи указывают, что картофель на территории Беларуси начинают культивировать в середине XVIII века [6, с. 33], но уже в работе белорусского этнографа А. Кирокора, изданной в 1858 году, отмечается, что картофель для сельских жителей является важнейшим продуктом питания, а белорусы часто едят его вареным вместо хлеба [7, с. 138].

Исследователи относят слово *бульба* к этномаркированной лексике, отмечая, что «активное развитие символики картофеля в Беларуси и за ее пределами как символа белорусского создает условия для закрепления и оформления концепта “бульба”, который требует более конкретного и вдумчивого описания» (перевод наш. – И. М.) [7, с. 5]. К слову сказать, в отличие от иных этномаркированных единиц белорусской национальной культуры (ср.: *бусел, зубр, валюшкі*) лексема *бульба* соотносится с бытовой сферой, с практиками повседневности белорусского социума,

поэтому при встраивании в контекст международных, общественных, межличностных отношений получает сниженный оценочный компонент, который нередко обеспечивает возникновение комического эффекта. Это обусловило появление в интернет-коммуникации большого количества мемов о бульбе, которые являются одним из способов реализации особого сетевого явления байнета, названного интернет-пользователями «бульба-юмор». Будучи тематической доминантой *бульба-юмора*, сама лексема *бульба* становится основой для производных окказиональных единиц, например, *Бульбандия*, *Бульбастан* – Беларусь, *бульбавоз* – грузовой автомобиль, *бульба-пляж* – картофельное поле и др.

Лексема *бульбаиш* получила широкое распространение относительно недавно. Косвенным тому подтверждением является невключенность единицы в толковые словари белорусской лексики, а также то, что в «Белорусском N-корпусе» нет контекстов со словом *бульбаиш*, заимствованных из белорусской литературы. Исключение составляет книга прозы белорусских литераторов М. Климковича и В. Ахроменко «Праўдзiвая гiсторыя кацапа, хахла і бульбаша», которая была опубликована в 2010 году. Произведение представляет собою апокриф-провокацию, в котором авторы иронизируют над негативными явлениями жизни, определенными чертами характера русских, украинцев и белорусов. Все прочие контексты с лексемой *бульбаиш* в «Белорусском N-корпусе» взяты из современных белорусских СМИ и СМК.

Для анализа семантики и коннотаций лексемы *бульбаиш* мы обратились к сайту сетевого издания «sb.by», где представлены публикации крупнейших государственных СМИ: «СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка», «Народная газета», «Сельская газета», «Знамя юности» и др. Примечательно, что частотность использования лексемы *бульбаиш* в журналистских текстах из года в год увеличивается: если за 2014 г. выявлено лишь пять контекстов, то за 2020 год – более двадцати. Лексема оформляется двумя способами: в т.н. семантических кавычках, с помощью которых авторы пытаются сохранить оттенок окказиональности слова (...как были «бульбаишами», так ими и останемся (6.10.2020, SB.by)), и без кавычек (*Не зря нас называют бульбаишами* (30.08.2019, «Народная газета»)).

В собранном материале лексема *бульбаиш* используется и в качестве имени нарицательного, и в качестве имени собственного. Примечательно, что *имя нарицательное* (собственно этноним) выступает в двух группах контекстов:

1) в функции аллоэтнонима: *А сейчас по производству этого клубнеплода на душу населения мы первые в СНГ, по валовому сбору – примерно в конце мировой десятки. Не зря нас называют бульбаишами*

(30.08.2019, «Народная газета»); *Картофель по-прежнему в чести у белорусов: не зря же нас называют бульбашами* (06.04.2019, «СБ Беларусь сегодня»); *У Комі яго нават называлі «бульбашом», і гэта мянушка за ім замацавалася надоўга* (07.04.2017, «Народная газета»); *Конечно, кто-то может и пошутить над белорусом, назвав его «бульбашом»* (26.04.2019, «Народная газета»); *Почему и когда нас за глаза стали называть «бульбашами», сегодня не сможет ответить ни один историк* (19.10.2020, «Народная газета»);

2) в функции автоэтнонима: *Но такое уменьшение площадей никак не связано с тем, что мы реже стали употреблять картофель, как были «бульбашами», так ими и останемся* (06.10.2020, SB.by); *Как белорус, родившийся в Новосибирске, бульбаши, чья родня одной веткой – из-под Орла, другой – из-под Барнаула, а корни – под Червенем, пишу вам, родные россияне* (06.10.2020, SB.by); *Удивительно, но, как сапожник без сапог, так и мы, бульбаши, оказались этой весной и в начале лета без картофеля* (04.08.2017, «Сельская газета»); *Тем не менее, мы по-прежнему остаемся «бульбашами», отметила специалист, так как рекомендуемая Минздравом норма потребления картофеля и картофелепродуктов составляет 129,1 килограмм на душу населения* (30.08.2016. SB.by). В приведенных примерах в качестве субъекта номинации может выступать как журналист, т. е. автор текста, так и герой публикации.

Автор одной из публикаций, стремясь представить возникновение этнонима как естественный процесс, апеллирует к культуре питания белорусов: *Для белорусов картофель воистину стал вторым хлебом и дал нам новое прозвание – «бульбаши»* (21.04.2017, «СБ Беларусь сегодня»). Этноним *бульбаши*, получив широкое распространение, ложится в основу окказионального наименования всей Беларуси – *страна бульбашей: Но чипсы из «страны бульбашей» – это, конечно, нечто особенное* (17.05.2019, «СБ Беларусь сегодня»). Очевидно, что автор стремится привнести в контекст положительную оценку сочетанию *страна бульбашей*, что подтверждается оценочным выражением *нечто особенное* (ср. с негативными номинациями страны, производными от лексемы *бульба*, в деструктивных сетевых сообществах: *Бульбастан, Бульбалэнд, Бульбандия*).

Отметим, что в выявленных контекстах лексема *бульбаши* функционирует и как *имя собственное* в роли названий разного рода объектов (торговых площадок, павильонов, торговых марок, арт-коллективов, фестивалей и др.): и как самостоятельная единица (*павильон «Бульбаши», арт-группа «Бульбаши»*), и в составе словосочетаний (*площадка «Гасцеўня бульбаша», праздник «Свята*

Бульбаша»). Приведем примеры: *У павільёне пад назвай «Бульбаш» – печаная бульба з начынкамі* (19.12.2020, «Рэспубліка»); *Свои товары представляют павильоны «Белорусские деликатесы», «Шашлычный дом», «Бульбаш», «Мечта сладеньки», «Здоровый фастфуд» и другие* (17.12.2020, SB.by); *Сильные вокалистки Арина и Эмилия уже стали частью одного из самых ярких коллективов района – арт-группы «Бульбаш»* (09.08.2018, «Знамя юности»); *Год спустя на театрализованной площадке «Гасцёўня бульбаша» в стилизованной белорусской хате угощали различными блюдами из картофеля, домашними закусками, медом, квасом, а в печи жарились драники* (07.07.2020, «СБ Беларусь сегодня»); *Праздник национальной культуры «Свята Бульбаша» пройдет завтра в горнолыжном центре «Силичи»* (17.05.2014, SB.by).

В журналистских материалах, представленных на сайте сетевого издания «sb.by», контексты с лексемой *бульба* имеют неоднозначные коннотации. Можно выстроить целую шкалу оценок – от ироничных до восторженных, однако, будучи ограничены рамками публикации, представим три группы контекстов:

- *оценка «норма»*; для автора публикации (или ее героя) этноним *бульбаш* является приемлемой номинацией, которая подтверждает национальную специфику в практике ведения сельского хозяйства, культуре питания белорусского народа: *Не зря же нас любя называют бульбашами. Уж в чем-чем, а в бульбе мы толк точно знаем* (24.10.2020, «СБ Беларусь сегодня»); *И к концу XIX века стал не просто обычным огородным овощем, а «вторым хлебом». Особенно для нас, белорусов, которых частенько называют «бульбашами». А мы и не возражаем* (26.04.2019, «Народная газета»); *Всякая осень для белорусов как для истинных «бульбашей» начинается с неизменного ритуала – уборки картофеля на собственных сотках* (07.09.2017, «СБ Беларусь сегодня»); *Кроме того, белорусов иногда в шутку называют бульбашами, да и сами мы так подшучиваем над собой, говорит девушка* (05.04.2017, SB.by).

- *оценка «отклонение от нормы»*; автор текста не считает номинацию уместной по тем или иным причинам: *Странно, когда белорусов называют «бульбашами», ассоциируют нашу культуру питания с картошкой, – Наталья Прокопук, хозяйка агроусадьбы «Валерия», разбивает стереотипы, подготавливая горох и разделявая щуку на суп для первого. – У белорусов очень разнообразная, самобытная кухня. И это часть нашей культуры, нашей истории. Такой же генетический код, как вышиванки, пояса или рушники;*

- *оценка «не норма»*; журналист или герой публикации открыто выражают негатив, оценивая номинацию как обидную, оскорбительную, унижительную для белорусов: *Задоўга да вядомых «бульбашоў» у беларусаў была іншая мянушка – «бацвіняжы»* (18.01.2019, «Народная газета»); *Мало того, что не стоит вообще разбрасываться «казаками» и «белорусами», не говоря уж о «москалях» и «бульбахах». Это и всегда-то было несколько... неэтично, а сейчас просто небезопасно* (16.01.2019, «СБ Беларусь сегодня»). *Няўжо некаму падаецца, што «ушанаванне бульбы», гулянне з крыўдліва-зневажальнаю мянушкай «бульбаи» робіць нас вартымі навагі ў свеце, і што традыцыйныя святы, абрады беларусаў – састарэлі?* (17.11.2016, «Голас Радзімы»).

Анализируя экзонимы восточных славян, В. И. Коваль в [4] обращает внимание, что развитие семантики оценочных этнонимов развивается от нейтрально-разговорных к уничижительным, стилистически сниженным. Следует отметить, что в текстах белорусских СМИ сегодня можно наблюдать широкий диапазон оценок при использовании этнонима *бульбаи* – от неприятия, когда экзоним усматривается как оскорбление белорусов, иронии и горькой насмешки над укладом жизни наших соотечественников, до положительной оценки лексемы, отражающей специфику повседневных практик белорусов, подчеркивающей национальную идентичность. Дальнейшее наблюдение над использованием этнонима *бульбаи* в текстах СМИ позволит выявить развитие функциональных характеристик указанной единицы.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/598a.html>. – Дата доступа: 02.04.2021.
2. Доржиева, Г. С. Этнопонимы Квебека / Г. С. Доржиева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4. – С. 113–122.
3. Калистратидис, Е. В. Экспрессивные этнонимы и квазиэтнонимы в неформальной интернет-коммуникации: функциональный и этический аспекты / Е. В. Калистратидис // Научный диалог. Сер. «Филология». – 2013. – № 10 (22). – С. 88–97.
4. Грищенко, А. И. Источники экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты / А. И. Грищенко // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Междунар. конф. – Москва – Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 40–52.
5. Коваль, В. И. *Москаль, кацап, хохол и бульбаи*: экспрессивные этнонимы в восточнославянских языках / В. И. Коваль // Язык и социум: материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г., Минск: в 3 ч. Ч. 1 / редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 44–47.
6. Наваградскі, Т. А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. / Т. А. Наваградскі. – Мінск: БДУ, 2015. – 243 с.

7. Киркор, А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию / А. Киркор // Этнографический сборник. Вып. 3. – СПб., 1858. – С. 115–276.

8. Каліта, І. Беларуская мова ў лютэрку традыцыі і навацый / І. Каліта, Н. Сівіцкая, В. Ляшчынская. – *Ústí nad Labem* : PF UJEP, 2019. – 118 с.

Минчук Инна Ивановна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Ina Minchuk,

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: i.minchuk@grsu.by

EXONYM «BULBASH» IN BELARUSIAN MEDIA DISCOURSE: SEMANTICS AND CONNOTATION

Semantic increments and connotations of a lexeme «bulbash» are considered based on the material of the contexts with the lexeme from the publications posted on the website of Belarusian online media «SB.by» It is proved that exonym «bulbash» combines traces of an alloethnonym (the name given to the people by other peoples) and an autonym (people self-nomination unit), reflects stereotypic idea of the way of life and character of the Belarusians, has a wide scale of connotation.

Keywords: expressional ethnonym, exonym, media discourse, semantics, connotations.

УДК 81'276.6:070(476)

А. С. Мирошниченко

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ» ПО ДАННЫМ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ БЕЛОРУССКИХ СМИ

Анализируются особенности использования номинаций лица по признаку «социальная значимость» в языке современных белорусских СМИ. Рассматриваются лексемы, выражающие мелиоративную и пейоративную оценку, однословные и составные наименования. Оценочный компонент позволяет журналистам апеллировать к представлениям, связанным со степенью престижности тех или иных позиций в системе общественных связей, выражать и формировать отношение к герою публикации. Делается вывод о том, что в газетно-публицистических контекстах используются окказиональные наименования лица, не зафиксированные в идеографических словарях.

Ключевые слова: номинация лица, социальная лексика, язык СМИ, социальная значимость, социальная незначительность.

Антропоцентрический подход, направленный на всестороннее изучение проблемы «человека в языке», является ключевой тенденцией в развитии современной парадигмы теоретической лингвистики. Он обуславливает «обращение к анализу языковых единиц, описывающих человека как *homo socialis* и в целом социальную действительность»

[1, с. 112]. Понятие социального статуса, а вместе с тем и социальной значимости, принадлежит к числу важнейших характеристик человека, а социальная однородность в современную эпоху глобализации является только кажущейся: за ней часто скрываются старые или новые социальные неравенства.

В настоящем исследовании в качестве лексем, именующих лицо по признаку «социальная значимость», взяты слова, отображающие важность, значимость, влияние лица, а также его оценочную интерпретацию с точки зрения социума. Отметим, что наименования лица по признаку «социальная значимость» принадлежат к более обширной группе – социальной лексике, группе номинаций репрезентирующих жизнь человека социального и социума в целом. Отличительной чертой статусно-маркированных номинаций лица является репрезентация стереотипных представлений о человеке, его образе жизни, роли в системе межличностных общественных отношений.

Изучение номинаций лица по признаку «социальная значимость» предполагает обращение к словарным дефинициям, однако в силу разных причин идеографические словари не могут включать в себя все разнообразие семантических компонентов. Анализ контекстов современных белорусских печатных СМИ позволил обнаружить новые, еще не зафиксированные в словарных источниках наименования лица по признаку «социальная значимость». Материалом исследования послужили 320 контекстов республиканских газет за 2000–2021 годы: «СБ. Беларусь Сегодня» – далее СБ, «БелГазета» – БГ, «Народная газета» – НГ, «Рэспубліка» – Р, «Сельская газета» – СГ.

Как показал анализ идеографических словарей и контекстов современных белорусских СМИ, к группе номинаций лица по признаку «социальная значимость» можно отнести следующие лексемы: *авторитет, винтик, кит, мелкая сошка, никто, ничто, ноль, пешка, пусто место, сильные мира сего, великие мира сего, статист, столп, туз, ферзь, фигура, фигурант, шестёрка, шишка* и др.

С точки зрения структуры, анализируемые номинации представлены однословными единицами, а также составными лексическими конструкциями – фразеологическими номинантами и неидиоматическими окказиональными составными наименованиями разной степени устойчивости. Так, в зависимости от степени спаянности составные наименования делятся на фразеологически связанные (*мелкая сошка, пустое место*) и устойчивые (*сильные мира сего, великие мира сего*): *Если раньше в места не столь отдаленные отправлялись исполнители и мелкие сошки, то на сей раз на скамье подсудимых*

оказались трое идейных организаторов хитроумной аферы (СБ. 23.09.2010); Ты **пустое место** был на свободе, а значит и здесь... Начинают издеваться, лишь по одной причине, что ты имеешь другое мнение... (БГ. 19.03.2017); **Сильные мира сего** всеми доступными средствами уже смогли зомбировать немалую часть малоопытных белорусов (СБ. 18.08.2021); Не стоит спорить по мелочам с **великими мира сего**. Поберегите силы (СБ. 14.09.2016).

Наблюдения показали, что в языке СМИ фразеологические наименования подвергаются трансформациям и служат базой для образования новых наименований. Например, в журналистских текстах в значении 'незначительный, невлиятельный человек' [2, с. 137] может использоваться ряд наименований *мелкая сошка* → *сошка* → *средняя сошка* → *мелкая чиновничья сошка* → *мелкая техническая сошка* → *не очень крупная «сошка»* → *сошка рангом поменьше* → *самая мелкая сошка*: Ну что мы? **Сошки, винтики-шпунтики** (СБ. 26.08.2016); Оказывается, плохим поступкам в стремлении любой ценой продвинуться по службе подвержены как раз не большие начальники, а так называемые **мелкие и средние сошки** (Р. 29.03.2019); Если бы **мелкая чиновничья сошка** не отнеслась к ней формально, по всей вероятности, не особо и утруждая себя детализацией процесса, а уж тем более не просматривая за ним самого человека – с его проблемами и заботами (СГ. 27.08.2019); Но Джулия понимала, сколько грязи обрушится на ее бойфренда, когда пресса узнает о связи суперзвезды с **«мелкой технической сошкой»** (СБ. 13.06.2016); Взятый с личным перегонщик-экспедитор, конечно, был **не очень крупной «сошкой»** (НГ. 24.01.2020); Ну, а уж после высказываний вождя все **сошки рангом поменьше** решительно заклеили Зорге если не предателем, то двойным агентом (29.06.2016); Цель, как и всегда в западной политике, озвучила **самая мелкая сошка** из тех, кого не жалко, – министр Люксембурга Ассельборн (СБ. 02.07.2021). Рассматриваемые наименования являют собой пример языковой игры и позволяют журналисту акцентировать внимание на признаке социальной незначительности, а также создать иронический эффект, выразить пренебрежительное или презрительное отношение к герою публикации.

Отметим, что в анализируемой группе номинаций преобладают визуальные лексемы, однако в языке СМИ встречаются и окказиональные наименования – например, *ферзь, щепка, винтик революции*: Анастасия Сорокина о том, как не быть **пешкой** в чужой игре, а стать **ферзем** на своей доске (СБ. 27.12.2018); В то же время Андрей отмечает, что человек там не просто **винтик** от механизма, а **щепка**, потому как

находится в полной зависимости от администрации (БГ. 13.11.2000); *Не будем говорить, о президенте Порошенко, чье состояние увеличилось вдвое. Поговорим о «винтиках революции», которые сейчас пожинают ее плоды* (СБ. 22.11.2016). Обозначенные лексемы не зафиксированы в идеографических словарях как номинации лица по признакам «социальная значимость», «социальная незначительность», однако актуализируют этот признак в журналистских контекстах. Например, существительное *ферзь* используется журналистом для наименования человека влиятельного, значимого, обладающего контролем над обстоятельствами. Данный признак усиливают противопоставительные конструкции *пешика – ферзь*.

Выявить актуальный смысл, а также усилить или, наоборот, ослабить смысловой компонент ‘неравенство’ в номинации лица позволяет контекст. Например, номинация *винтик* используется журналистом для обозначения человека, ‘к-рому предписывается действовать автоматически, подчиняясь чужой воле’ [2, с. 137]. В газетных контекстах распространенными оказываются словосочетания *винтик революции, винтик от механизма, винтик колеса истории, винтик бюрократической машины, винтик в конвейере потребительства, винтик в системе*, усиливающими признак незначительности, невозможности влиять на принятие важнейших решений: *Ведь Сталин привык видеть в каждом своем соотечественнике homo soveticus – винтик в тоталитарном механизме* (СБ. 31.05.2017); *Это ужасно, мне стыдно, – призналась Чулпан. – Мой прадедушка говорил и писал на арабском и татарском, а я не знаю даже татарского... Я ведь тоже винтик колеса истории* (СБ. 10.10.2018); *Они были солдатами той беспощадной войны, о которой мое поколение знает только из книг и кинофильмов. Какими они были? Винтиками огромной машины, героями без страха и эмоций или все-таки простыми людьми, способными как бояться, так и совершать подвиги, которыми мы будем гордиться еще долгие века?* (СБ. 03.08.2004). Типичным для журналистских контекстов является употребление номинации *винтик* с прилагательными *типичный, серенький, маленький* и частицами *только, лишь*, также указывающими на социальную незначительность героя публикации: *Ведь это отличная опора для любого строя – серенький, маленький винтик* (БГ. 19.12.2005); *Пласковицкий – всего лишь типичный винтик сложной государственной бюрократической машины, хотя и очень важный винтик* (БГ. 09.08.1999); *Сверху поступают команды, сколько и чего сеять, тасуются кадры. Мы не самостоятельные, а лишь винтики* (СБ. 17.02.2017); *Футбол – игра командная. И приоритет в ней не личность,*

а коллектив. Каждый – лишь винтик, часть единого целого (НГ. 24.11.2017).

В языке СМИ широкое распространение получило использование лексемы *ноль* с интенсификатором *полный*: – Я **полный ноль**, – констатировал бездомный (СБ. 28.12.2019); В общем, для работодателя я **полный ноль** – человек без опыта работы и нужной квалификации (Р. 14.12.2017); Работа, уборка, готовка, не выученный до идеала английский, новое хобби – йога, в которой я **полный ноль**... У меня есть множество поводов поорать, но я ведь молчу! (Р. 28.02.2017). Как правило, словосочетание *полный ноль*, понижающие статус лица, акцентирующее внимание на его незначительности, употребляются в речи героев публикации.

Любопытным представляется функционирование в языке СМИ номинации *авторитет*. Так, наравне с зафиксированным в Русском семантическом словаре устойчивым сочетанием *уголовный авторитет* в журналистских публикациях активно используются словосочетания *криминальный авторитет*, *воровской авторитет*: Также сообщается, что он связан с **уголовными авторитетами** и лицами, причастными к организованной преступности на территории Беларуси и России (СБ. 10.09.2020); Отметим, что для сотрудников милиции возможность любым внешне благопристойным способом отправить за решетку любого местного вора в законе либо **криминального авторитета** – большая удача (БГ. 01.04.2013); В убийстве **воровского авторитета** появился чеченский след (БГ. 04.04.2017). Анализ позволил обнаружить зависимость использования наименований *уголовный авторитет*, *криминальный авторитет*, *воровской авторитет* от жанра и тематики публикации: наиболее востребованными они оказываются в новостных текстах, повествующих о криминальных происшествиях.

Слова *пешика*, *статист* участвуют в образовании словосочетаний с подчинительной связью, усиливающих экспрессивность и оценочный потенциал номинаций – типичными для языка СМИ является словосочетание *пешика в чужой игре*: Частный случай его семьи – яркое свидетельство того, как можно стать **пешикой в чужой игре** (СБ. 21.01.2011); Ошибаемся в дебютах, пыхтим в миттельшпилях, попадаем в паты и спасаемся от шаха, знаем, как ходит конь, и сами пашем, как лошади, ищем свою королеву, не хотим быть **пешиками в чужой игре**, ненавидим цугцванги, а уж мат – это вообще близкое каждому, родное. Иными словами, наша жизнь и есть шахматная игра (СБ. 03.10.2018).

Анализируемые наименования могут употребляться в противоположительных конструкциях (например, *статист* – ключевая фигура,

статист – ас, статист – герой), где указывают на более слабую, наименее выигрышную позицию: *На совещании в Минске, как и на первом в Витебской области, присутствовали, но, как мне показалось, в тени разговора остались председатели райисполкомов. А ведь они не **статисты**. Они **ключевые фигуры** в развитии сельхозпроизводства на своих территориях* (СБ. 30.01.2020); *На дистанции жизни освоено около тридцати профессий. И в каждой не **статист**, а настоящий **ас*** (СГ. 29.08.2017); *О героях и **статистах*** (СБ. 19.11.2004).

В целом рассматриваемой группе лексических единиц свойственно наличие оценочной и стилистической окраски. В плане содержания наименований по признаку «социальная значимость» включены эмоционально-оценочные семы, образующие собой шкалу: оценка всегда выступает как положительная либо отрицательная характеристика предмета или лица. На нижнем полюсе такой шкалы оказываются номинации лица по признаку «социальная незначительность», на верхнем – номинации лица по признаку «социальная значимость». В языке современных белорусских СМИ мелиоративная оценка выражается семами уважения, восхищения, одобрения, поклонения: *Есть сострадательный, искренний Геннадий Овсянников – и останется в истории белорусской культуры одним из **столпов** и примером высокого служения искусству* (СБ. 03.11.2020); ***Неперекаемый авторитет**, искренний человек, врач и профессионал, сохранил лучшее советское и добавил современные мировые методы и технологии, заложил фундамент современного РНПЦ спорта* (НГ. 14.12.2020). Пейоративная оценка представлена, как правило, семами иронии, уничижения, пренебрежения: *А он не умеет жить сам. Гулять на улице его одного не пускали, учиться так, как он может (самостоятельно), не давали, набить шишек не разрешали. Он **полный ноль** с точки зрения практики* (НГ. 16.06.2017); *Системы исправления у нас не существует. Есть формальное содержание под стражей. Зек – это ноль, **пустое место**, человек без прав...* (БГ. 11.04.2017).

Особую группу оценочных номинаций по возрасту составляют лексемы, в плане содержания которых присутствуют семы ироничности, шутовности. В зависимости от контекста такие слова могут выражать положительную или отрицательную оценку, как, например, номинация *шишка* в следующих примерах: *Многие их арены не оборудованы осветительными мачтами, и отец одного из русских мальчиков, **шишка в энергетической сфере**, пригонял на тренировку машины с огромными аккумуляторами, и пацаны бегали в сумерках* (БГ. 28.06.2010); *Тут же выдал наглядный пример, который затмил своей возмутительной*

несуразностью все остальные заявления **профсоюзной «шишки»** (БГ. 15.06.2017). Если в первом примере слово *шишка* приобретает почтительную коннотацию и разговорную стилистическую окраску (актуализируются семы 'иметь влияние в определенной сфере', 'помогать', 'решать проблемы'), то во втором примере оно имплицитно вызывает появление негативных коннотаций.

Характерной особенностью группы номинаций лица по признаку «социальная значимость» является высокая степень метафоричности. Номинации, возникшие вследствие семантической трансформации (метафоризации), имеют разные сферы-источники: шахматная игра (*пешка*), театр (*статист*), механизм (*винтик*), животный мир (*кит*) и др. Метафорически мотивированные наименования лица «получают дополнительную смысловую нагрузку и превращаются в своеобразные ментальные образования, образы-символы, в которых зашифрованы основные представления социума о внешних и внутренних характеристиках человека» [3, с. 51]. В языке СМИ метафора, во-первых, выполняет номинативную функцию и, во-вторых, служит инструментом воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и формирования соответствующего отношения к описываемым героям и реалиям. Такие наименования оказываются наиболее востребованными в аналитических и художественно-публицистических текстах: *И – вот главное! – играть потом живыми, собранными им и такими же, как он, людьми – как юнитами. Пешками, которых не жаль. Расходный материал: тех заберут, мы еще пару десятков соберем* (СБ. 15.12.2020); *Разве так уж перспективно оставаться **статистом**? Самоопределяться тут не так уж сложно. Масштаб человека – вещь не абстрактная* (СГ. 03.12.2019); *Лозунг «Потребляй больше или погибни!» – тупиковый, расточительный для природы и делающий человека **винтиком** в конвейере потребления* (Р. 08.02.2021). В языке СМИ метафорические номинации, помимо функции названия лица, характеризуют героев публикаций, определяют способ мышления адресата и его отношение к описываемым событиям. Метафора ориентирована на позицию предиката, и основная для нее функция характеристики, а не идентификации объектов [4, с. 154]. Кроме того, метафорические образы активизируют стереотипы, что значительно убыстряет темп подачи и восприятия информационного сообщения.

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что использование номинаций лица по признаку «социальная значимость» характерно для аналитических и текстов – статей, очерков, авторских колонок, эссе и т. д. Употребляя рассмотренные лексемы,

используя противопоставления по признаку социальной значимости и (или) социальной незначительности, журналист транслирует степень престижности тех или иных позиций в системе общественных связей и выражает собственное отношение к герою публикации.

В журналистских публикациях используются окказиональные наименования лица по признаку «социальная значимость», не зафиксированные в идеографических словарях: в языке СМИ появляется всё больше новых слов, способных охарактеризовать социальное положение человека.

Список литературы

1. Щетинина А. В. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре / А. В. Щетинина, А. Н. Блинова // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 111–127.

2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2002. – 826 с.

3. Маслов, А. С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке / А. С. Маслов // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». – 2013. – № 13 (156). – С. 51–58.

4. Анисимова, Е. А. Номинации лица как средство формирования смысла художественного произведения : автореф. дис ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Анисимова ; Бел. гос. ун-т. – Гродно, 1997. – 26 с.

Мирошниченко Алёна Сергеевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

Aliona Miroshnichenko,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: miroshnichenko_as@inbox.ru

NOMINATION OF A PERSON BASED ON SOCIAL IMPORTANCE ACCORDING TO IDEOGRAPHIC DICTIONARIES AND TEXTS OF BELARUSIAN MEDIA

The article analyzes the peculiarities of the use of nomination of a person by the attribute «social importance» in the language of modern Belarusian mass media. The lexemes expressing ameliorative and pejorative assessment, one-word and compound names are being considered. The assessment component allows journalists to appeal to the notions connected with the prestige of certain positions in the system of public relations, to express and form the attitude to the subject of the publication. The conclusion is made that in journalistic contexts, occasional names of a person not recorded in ideographic dictionaries are used.

Keywords: nomination of a person, social vocabulary, language of mass media, social significance, social insignificance.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ В ЯЗЫКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Раскрывается понятие темпоральной синтаксемы, приводятся основные типы темпоральных синтаксем: темпоративы, терминативы, дименсивы, дистрибутивы. анализируется структура синтаксем с темпоральной семантикой: форманты, лексический компонент, конкретизаторы. Рассматриваются темпоральные синтаксемы и особенности их функционирования в языке интернет-версий региональных средств массовой информации.

Ключевые слова: темпоральность, синтаксема, темпоральная синтаксема, темпоратив, терминатив, дименсив, дистрибутив.

Язык располагает организованной системой морфологических, лексических и синтаксических средств выражения понятия времени и временных отношений. Как отмечает Н. А. Потаенко, данные языковые средства разнородны по своему составу как в содержательном плане, так и в функциональном. В содержательном плане в разных языках выделяются единицы разных уровней с собственно временным значением: на морфологическом уровне таковыми являются специализированные временные морфемы; на лексическом уровне – слова с временным значением; на уровне предложения – синтаксические конструкции, в т. ч. и синтаксемы [1, с. 45].

Одним из первых, кто разработал теорию синтаксемы, был А. М. Мухин, который ввел термин «синтаксема» в 60-х гг. XX века [2; 3]. В своих работах он сопоставлял, с одной стороны, элементарные морфологические единицы – морфемы, выделяемые в структуре той или иной части речи (напр., морфемы времени в структуре глагола), с другой – элементарные синтаксические единицы – синтаксемы, которые выделяются в их противопоставленности друг другу в парадигматическом плане в позиции того или иного компонента предложения [3, с. 53]. По мнению А. М. Мухина, синтаксема представляет собой единство формы (синтаксической) и содержания, т. е. она объединяет синтаксические элементы в качестве ее вариантов, выполняющих смысловозначительную функцию в языке и характеризующихся определенными дистрибутивными (синтаксическими) признаками [3, с. 55–56]. Синтаксема является синтаксической единицей-инвариантом, представленной в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элементами [2, с. 12–13].

В концепции Г. А. Золотовой синтаксемой названа «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как

конструктивный компонент более сложных синтаксических конструкций, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [4, с. 4].

Синтаксема, по Г. А. Золотовой, – по сравнению со словом и словоформой – характеризуется следующими признаками. В отличие от понятия «словесная форма», понятие «синтаксема» включает не только морфологическую форму, но и лексику, ее образующую. В отличие от понятия «словоформа», понятие «синтаксема» может быть обращено не к конкретному слову, а к классу слов. В отличие от того и другого, понятие «синтаксема» учитывает семантический и синтаксический потенциал формы, т. е. особенности ее функционирования в синтаксических построениях.

Г. А. Золотова заметила, что «объем понятия и дифференциальные признаки морфологической и синтаксической формы слова не совпадают. В пределах одной морфологической формы, как правило, различается ряд омонимичных и полисемичных синтаксем» [4, с. 8].

Различительными признаками синтаксемы служат: 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована, 2) соответствующая морфологическая форма и 3) вытекающая из (1) и (2) признаков способность синтаксически реализоваться в определенных позициях. Таким образом, синтаксема обладает тремя основными признаками: формой, значением и функцией [4, с. 9].

Г. С. Осипов определял синтаксему «как слово (обычно знаменательное слово или же сочетание знаменательного слова со служебным) в его синтаксическом использовании, слово как носитель синтаксической функции, при этом синтаксема может входить в предложение и как элемент словосочетания, и непосредственно сама» [5, с. 39].

Как отмечает М. И. Конюшкевич, синтаксема включает в свой состав формант и лексический компонент. Формант синтаксемы может быть выражен предлогом в сочетании с флексией (*с умом*), только предлогом (на *завтра*) или только флексией (*умом*). Лексический компонент синтаксемы может быть выражен как одним словом, так и целой фразой. Предлог, являясь формантом синтаксемы, выступает в роли маркера ее синтаксической позиции. Предлог не просто формирует синтаксему, он обеспечивает ее значение [6, с. 5].

Формант и лексический компонент являются обязательными структурными элементами синтаксемы. Помимо них, в структуру синтаксемы входят и факультативные компоненты – конкретизаторы. Термин «конкретизатор» ввела в научный оборот профессор М. В. Всеволодова по аналогии с термином, который употребляли

авторы «Русской грамматики» 1980 года по отношению к уточняющим значение союзов словам. Конкретизаторы – это «компоненты, конкретизирующие те или иные параметры вводимой предлогом единицы» [7, с. 8].

Предложные конкретизаторы могут быть классифицированы по собственно грамматическим и семантическим признакам.

По категориальной принадлежности (частеречной характеристике) их можно разделить на конкретизаторы, выраженные согласуемыми частями речи, напр., именем прилагательным, местоимением (адъективные конкретизаторы), и конкретизаторы, выраженные несогласуемыми классами, напр., наречием: *Мы встретились **перед самой войной*** [Инт.]. *Все прекрасно знают на собственном опыте, что Новый год начинается **задолго до Нового года*** (О. Николаев) [Инт.].

В составе предложных единиц конкретизаторы вводят в предложение различную дополнительную информацию. Ср. ***Перед праздником** везде проведятся генеральные уборки и выкидывается мусор, накопившийся за год* (И. Соколова) [Инт.]. – ***Непосредственно перед праздником** везде проводятся генеральные уборки и выкидывается всякий мусор, накопившийся за год.*

Адъективные конкретизаторы выявлены М. В. Всеволодовой в структуре отыменных предложных сочетаний, в то время как употребление наречных характерно для вторичных предлогов *до, перед* и др.

Все конкретизаторы делятся на четыре группы: проксиматоры (показатели точности времени), аппроксиматоры (показатели неточности времени), кванторы (показатели количественной характеристики времени) и интенсификатор (показатель интенсивности времени).

Г. А. Золотова провела семантическую классификацию темпоральных именных синтаксем, среди которых исследователь выделяет:

– **темпоратив**, т. е. значение, при котором действие протекает в границах временного отрезка: *спустя пять лет, в сентябре, в середине лета* и др.;

– **дименсив** (разновременность), количественная характеристика времени: *на октябрь, за месяц до свадьбы, за первое полугодие* и др.;

– **дистрибутив**, т. е. значение разделительного времени: *по три месяца, через каждые пять минут, по средам, изо дня в день* и др.;

– **терминатив**, т. е. значение, при котором действие протекает на протяжении определенного временного отрезка, причем всегда указывается начальная или конечная временные границы протекаемого действия: *к июню, с ранних лет, с сентября по май* и др. [4].

Выделяемые Г. А. Золотовой типы темпоральных синтаксем свидетельствуют о многообразии темпоральных отношений в языке.

3. Д. Попова предлагает выделять предложно-падежные формы, обозначающие начало – конец действия, полную или неполную занятость действия по времени, а при относительном времени – раньше, позже или одновременно оно происходило [8, с. 11–14].

В. Г. Гака выделяет в поле времени внешнюю и внутреннюю структуру [9, с. 138]. Внешняя структура поля отражает взаимосвязь категории времени с иными категориями. Внутренняя структура поля времени, по мнению В. Г. Гака, отражается в языковых формах. Автор различает «внешнее и внутреннее время процесса». Языковые единицы, входящие в поле внешнего времени, отвечают на вопрос *когда?* (*вчера, в прошлом году, на той неделе*), входящие в поле внутреннего времени – на вопрос *как?* (*медленно, внезапно*). Внешнее время В. Г. Гака делит на три больших разряда:

1) **хронографию** (указывает на определенное время, место события во времени, дату; в данном случае время может быть абсолютным – *в 2005 году, в сентябре* – и относительным – *после свадьбы, накануне праздника*); в классификации Г. А. Золотовой данную группу составляют синтаксемы с темпоративным значением (*в следующем месяце, через год, перед экзаменом*);

2) **хронометрию** (определяет абсолютную – *на протяжении полугода* – или относительную длительность события – *с утра до вечера*), хронометрия – это синтаксемы с дименсивным и терминативным значением (*с понедельника до пятницы, до обеда, в течение месяца*);

3) **хронологию** (устанавливает абсолютную последовательность событий по отношению к моменту речи: *вчера, сегодня, завтра*, или относительную последовательность событий по отношению к другому действию: *в тот день, на следующий год*); хронология представлена синтаксемами с темпоративным значением.

Как видим, две классификации по-разному описывают временные отношения, выражаемые различными частями речи. Классификация В. Г. Гака учитывает все части речи, но не позволяет нам четко разграничить семантику темпоральных синтаксем, поскольку в одной и той же группе встречаются синтаксемы с различной семантикой, а дистрибутивные синтаксемы не вписываются в данную классификацию.

В своей работе мы используем классификацию темпоральных синтаксем, предложенную Г. А. Золотовой, с учетом дополнительных смысловых отношений, которые способны выражать темпоральные предложные единицы.

Значение темпоральных синтаксем определяет предложная единица, т. е. лексический компонент синтаксемы не существует изолированно от

форманта, поскольку он всегда сочетается с определенными предложными единицами.

Материалом для исследования послужили интернет-версии таких изданий, как «Гродненская правда» и «Вечерний Гродно». Из 30 статей нами было извлечено 289 контекстов, содержащих предложно-падежные синтаксемы с темпоральной семантикой.

Самую большую группу составили форманты темпоративных синтаксем – 178 контекстов: *в 2021 году, в начале месяца, через три месяца, три года назад, месяца через два, в воскресенье*. Самая высокая степень употребительности характерна для предлога *в* (95 контекстов): *в этот момент, в настоящее время, в Степанов день, в первую двадцатиминутку, в третьем периоде, в августе, в предпоследний день, в прошлом году, в июле, в 1964 году*. Это обусловлено, во-первых, употреблением самого предлога (в составе темпоративных синтаксем предлог *в* имеет двойное управление – винительный и предложный падежи: *в прошлом году, в субботу*), во-вторых, его семантическими особенностями, поскольку предлог *в* является носителем общего темпорального значения – времени протекания действия.

Структурными элементами терминативных синтаксем (69 употреблений) являются 5 формантов: *с* какого времени, *к* какому времени, *до* какого времени, *с* какого времени ... *до* какого времени, *с* какого времени ... *по* какое время. В синтаксемах: *до октября, до трагедии, к сентябрю, до 1 сентября будущего года, к маю*.

В состав дименсивных синтаксем (37 употреблений) входят 6 формантов: *за* какое время, *на* какое время, *на* время чего, *за* время чего, *в* течение какого времени, *в* ходе чего: *за февраль, на май 2021 года, за пять лет, на время* каникул, *в ходе* рабочей поездки, *в ходе* мероприятия, *в течение* двух недель, *в течение* 14–16 дней, *в течение* всего дня.

Предлог *по* в 5 контекстах формирует дистрибутивные синтаксемы: *по вторникам, по субботам*.

В исследуемом материале лексический компонент может выражать хронологическое время, которое подразделяется на календарное и собственно хронологическое. Календарное время выражается существительными, обозначающими:

- названия месяцев: *в августе, до 1 октября*;
- названия дней недели: *в воскресенье 15 августа 2021 года, в пятницу*;
- названия пор года: *к осени*.

Собственно хронологическое время выражается существительными, обозначающими единицы счета времени (*столетие, век, год, месяц*,

неделя, день, час, минута, секунда): в первом **полугодии**, в прошлом году, в том же **месяце** прошлого года.

Лексический компонент темпоральных синтаксем может обозначать таксисное – «событийное» время: до **трагедии**, в завершение **встречи**, в ходе **мероприятия**.

Количественные различия в способах выражения лексического компонента можно объяснить главной целью медийного дискурса – описание конкретных хронологических событий.

Для дифференциации временных значений используются конкретизаторы:

1. Количественные числительные: в течение **двух** недель, в течение **14–16** дней, через **три** месяца.

2. Порядковые числительные: в **1964** году, во **второй** половине дня, в **первую** двадцатиминутку.

Отметим, что и количественные, и порядковые числительные могут быть представлены в текстах цифрами (в **1964** году) и словами (в **первом** полугодии, в течение **трех** лет).

3. Адъективы, которые выражают соотношенность с временным отрезком, связанным с частями суток (**утренний**, **ночной**), с временами года (**летний**, **зимний**, **весенний**, **осенний**), с днями недели (**субботный**, **воскресный**), с месяцами (**февральский**, **июньский**, **сентябрьский**): в **это субботнее** утро, в **летний** период, в **ночные** часы, в **зимнее** время.

4. Адъективы, указывающие на время протекания действия: в **настоящее** время, в **прошлом** году, в том же **месяце** **прошлого** года, до **1** сентября **будущего** года.

5. Адъективы, указывающие на порядок протекания действия: в **предпоследний** день, в **заключительный** день.

6. Адъективы, выражающие продолжительность временного отрезка: **весь**, **целый**: в течение **всего** дня, на **протяжении** **целого** месяца.

7. Аппроксиматоры (показатели неопределенности времени): **через некоторое** время, в **ближайшее** время, в **последние** годы, за **небольшой** промежуток времени.

8. Анафорические местоимения **этот**, **тот**: в **этот** момент, в **том** же **месяце** **прошлого** года.

Из проанализированных синтаксем видно, что в региональных интернет-СМИ использование такого значительного объема лексики с темпоральной семантикой обусловлено основными функциями языка средств массовой информации – информативной и воздействующей. Темпоральные синтаксеммы в текстах СМИ являются точными индикаторами не только языка региональных газет, но и тенденций, свойственных языку в целом. Темпоральные синтаксеммы отражают все

временные характеристики, но преобладают темпоративные синтаксемы, реализующие основную задачу средств массовой информации – информировать население о происходящих событиях.

Список литературы

1. Потаенко, Н. А. К языковому освоению временной структуры действительности / Н. А. Потаенко // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 43–53.
2. Мухин, А. М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица / А. М. Мухин // Философские науки. – 1961. – № 3. – С. 53–65.
3. Мухин, А. М. Функциональный синтаксис / А. М. Мухин. – СПб. : Наука, 1999. – 184 с.
4. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 386 с.
5. Осипов, Г. С. Приобретение знаний интеллектуальными системами: Основы теории и технологии / Г. С. Осипов. – М. : Наука : Физматлит, 1997. – 112 с.
6. Коношкевич, М. И. Синтаксемообразующая функция предлога и механизмы предложивания знаменательной лексики / М. И. Коношкевич // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / под ред. М. И. Коношкевич. – Гродно, 2005. – Вып. 5. – С. 3–19.
7. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления : в 2 кн. / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. – М. : Либроком, 2014. – Кн. 1 : Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. – 306 с.
8. Попова, З. Д. Синтаксические номинации в речи и языке / З. Д. Попова // Лексикология. Семасиология : межрегион. сб. науч. ст. / Белгород. гос. ун-т ; отв. ред. Г. М. Шипицина. – Белгород, 2001. – С. 11–14.
9. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

Рыжкович Анна Чеславовна, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Hanna Ryzhkovich,
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: annamichalouskaya@mail.ru

TEMPORAL SYNTAXEMES IN THE LANGUAGE OF REGIONAL INTERNET MEDIA

The article reveals the concept of temporal syntaxeme, provides the main types of temporal syntaxemes: temporatives, terminatives, dimensives, distributives. the structure of syntaxemes with temporal semantics is analyzed: formants, lexical component, concretizers. Temporal syntaxemes and peculiarities of their functioning in the language of Internet versions of regional mass media are considered.

Keywords: temporality, syntaxeme, temporal syntaxeme, temporative, terminative, dimensive, distributive.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК	3
<i>Белова И. Б.</i> Россия в 1990-е гг.: повседневная жизнь жителей Калужского региона (по воспоминаниям очевидцев)	3
<i>Горны А. С.</i> Рэгіянальныя структуры беларускага нацыянальнага руху ў Беластоцкім ваяводстве (1921–1939 гг.)	12
<i>Загідулін А. М.</i> Пчала і мёд: асобныя аспекты паняційнага ўспрыяцця ў духоўнай культуры беларусаў	16
<i>Кейко Ю. В.</i> Строительство православных храмов в государственных имениях на территории Беларуси (1858–1867 гг.)	22
<i>Мартён М. В.</i> Гендерный фактор в деятельности западноевропейских политических партий	28
<i>Настусевич В. И.</i> Влияние решений Второго Ватиканского Собора на Католическую Церковь Испании	38
<i>Обелевский А. А., Кривицкая Н. А.</i> Этапы становления массовой физической культуры в Гродненском регионе	45
<i>Обухова Е. Н.</i> Эпоха Великого Княжества Литовского в белорусской филателии (1991–2021 гг.)	52
<i>Острога В. М.</i> Общественно-политическое движение учительства Беларуси и деятельность Государственной Думы (начало XX в.)	61
<i>Скорб М. Г.</i> Проблема суверенизации Сербского княжества в политике России и Австро-Венгрии (1873–1878 гг.)	67
Раздел 2. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	76
<i>Белозорович В. А.</i> Роль «Тезисов об основных вопросах истории БССР» в развитии отечественной историографии	76
<i>Васюк Г. В., Ирха Е. М.</i> Влияние материальной культуры на формирование национальной идентичности в трудах современных белорусских исследователей	82
<i>Гаршкоў А. Д.</i> Засяленне беларускай часткі басейна ракі Нёман у познеледавіковы час: новыя даныя і перспектывы даследавання	93
<i>Ирха Е. М.</i> Основные направления научных исследований П. Н. Жуковича	101
<i>Мелешко Е. И.</i> Историографическое осмысление феномена промышленной революции на белорусских землях	109
<i>Мелешко Е. И.</i> Историографическая дискуссия 1920-х годов о развитии сельского хозяйства в БССР	117
<i>Настусевич С. В.</i> Представления об «индивидуальности» и «личности» в истории на страницах альманаха «Одиссей. Человек в истории»	126
<i>Нечухрин А. Н.</i> Становление историзма: наследие Просвещения	135

<i>Рышкевич О. И.</i> История политической элиты ВКЛ в отражении исторической периодики Беларуси: на примере журнала «Беларускі гістарычны часопіс».....	143
<i>Стукачева Ю. Ю.</i> Продуктивность кризисов американской исторической науки второй половины XX в. в оценке Дж. Эпплби.....	149
<i>Стурейко Н. А.</i> История повседневности.....	158
<i>Ярмусик Э. С.</i> Мемориализация событий Великой Отечественной войны как фактор сохранения исторической памяти в Республике Беларусь.....	164
Раздел 3. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: АГЕНТНОСТЬ, ДЕЙСТВИЕ, СМЫСЛ	172
<i>Аветян Н. С.</i> Социальная адаптация мигрантов в инокультурной среде: механизмы и стратегии.....	172
<i>Богуш Т. А., Мысливец Н. Л.</i> Память о Великой Отечественной войне: анализ студенческих нарративов.....	182
<i>Улейчик Н. Л.</i> Армяне в социальном пространстве белорусско-польско-литовского пограничья.....	190
<i>Устюгова А. Г.</i> Коммуникативные процессы в структуре современных социальных движений.....	198
<i>Хударганова С. С.</i> Эмпирические исследования в гендерной социологии: теория структурного функционализма и структурного конструктивизма.....	209
<i>Щербинин С. Н.</i> Анализ критериев для оценки особенностей социализации и занятости лиц пенсионного возраста.....	214
Раздел 4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ	223
<i>Адамович С. В., Альшевская П. В.</i> Лингвокультурные особенности кулинаронимов в русском языке.....	223
<i>Гацук Е. Ю.</i> Кластер терминов европейской языковой политики, содержащих элемент <i>communication</i>	229
<i>Зданчук Н. В.</i> Китайские товарные знаки, включённые в глобальную базу данных ВОИС с ориентацией на Республику Беларусь.....	235
<i>Зенько М. И.</i> Функционирование терминологии брендинга за пределами специального дискурса.....	243
<i>Искам А. Н.</i> Трудности межкультурной коммуникации (на примере русского и английского языков).....	249
<i>Канторович Т. М.</i> Деловой этикет в межкультурной коммуникации.....	253
<i>Овчинникова Н. Н.</i> Конфликт в системе межкультурной коммуникации: опыт теоретической реконструкции.....	260
<i>Пузевич Т. В.</i> Языковая идеология как направление исследований в американской лингвистической антропологии.....	269
<i>Рычкова Л. В.</i> Межъязыковая транспозиция терминологии (на примере номинаций <i>культурная / творческая / креативная индустрии</i>).....	274

<i>Чувак С. В.</i> Нацыянальная своеасаблівасць вобраза «іншага» ў межкультурнай камунікацыі беларускага селяніна: на матэрыялах твораў Якуба Коласа і Элізы Ажэшкі.....	282
<i>Флянтыкова Е. В.</i> Пополнение словарного состава языка: сфера еды и напитков.....	291
<i>Sereda L. M., Chen Chen.</i> Communicating in the globalized world: Chinese view....	296
Раздел 5. КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	305
<i>Герасимчик И. А.</i> Лексика интернет-дискурса в метаязыковом сознании современной молодёжи: стратегии толкования (по результатам лингвистического эксперимента)	305
<i>Градюшко А. А.</i> Региональные медиа Гродненской области в мультиплатформенной среде.....	314
<i>Минчук И. И.</i> Экзоним <i>бульбаиш</i> в белорусском медиадискурсе: семантика и коннотации.....	323
<i>Мирошниченко А. С.</i> Русскоязычные наименования лица по признаку «социальная значимость» по данным идеографических словарей и текстов белорусских СМИ.....	329
<i>Рыжкович А. Ч.</i> Темпоральные синтаксемы в языке региональных интернет-СМИ.....	337

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник научных статей

Издаётся в авторской редакции

Отпечатано с готового оригинал-макета
Ответственный за выпуск *Н. Л. Улейчик*
Компьютерная вёрстка: *Н. Л. Улейчик*
Дизайн обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 14.12.2021. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 55 экз. Заказ 087

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 02.04.2014.
Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно

ISBN 978-985-582-467-2

9 7 8 9 8 5 5 8 2 4 6 7 2 >